

Ф 62

ББК 84 Тадж 7-4

Редактор С. Ховари

Фируз, Бахром.

Ф 62. Была бы она мужчиной: (Повести и рассказы). Душанбе: Адиб, 1990. 448 с.

ISBN 5—8362—0224—9

В повестях «Рухсора», «Дорога в тумане», «Была бы она мужчиной», «Лавина» и в рассказах, вошедших в данную книгу, автор поднимает злободневные вопросы современности, нашей нравственности и морали.

4702540201—197 __ Ф М-503(12)—90⁵⁴⁻⁹⁰
ББК 84 Тадж 7-4

ISBN 5—8362—0224—9

(©) Издательство «Адиб» 1990

СОДЕРЖАНИЕ

Рухсора (<i>повесть</i>). Перевод В. Тальвика	6
Дорога в тумане (<i>повесть</i>). Перевод Н. Берковой	135
Была бы она мужчиной (<i>повесть</i>). Перевод Н.Берковой.	231
Лавина (<i>повесть</i>). Перевод Н. Алембековой, Ю.Богатыревой	415

РАССКАЗЫ

Молчальник. Перевод Н. Алембековой	490
Мальчик и козленок. Перевод Н. Алембековой	495
Строгий учитель. Перевод Н. Алембековой	506
Бой куропаток. Перевод Н. Алембековой	518
Всего-навсего восемьдесят три копейки. Перевод Алембековой	531
Гурамарг. Перевод Ф. Искандара	541
Возмездие. Перевод Ю. Богатыревой	549
Горечь одиночества. Перевод Ю. Богатыревой	565
Селение без Хуррама. Перевод В. Медведева	574
Старое и новое. Перевод В. Медведева	586

Бахром Фирруз

Была бы она
мужичной

ДУШАНБЕ
«АДИБ»
1990

РУХСОРА

ПОВЕСТЬ

Перевод В. Тальвика

Нет мужества — не ищи счастья.

Саади

1. ДЕВУШКА ИЗ ХАЛКАСАЯ

Летом того года я окончил институт и уже оформил на кафедре свой первый «рабочий» отпуск, а она только что сдала документы в приемную комиссию. Познакомились мы случайно. Меня задержали в городе хлопоты, связанные с обменом просроченного паспорта и, если бы не это, досадное в тот момент обстоятельство, наверняка наши судьбы сложились иначе, и не было бы не только этой повести, но и многого другого в моей жизни...

Тот день никогда не изгладится в памяти. В глубокой задумчивости я стоял у фонтана, зачарованный переливчатой игрой струй. Вдруг кто-то окликнул меня, и я нехотя обернулся, все еще во власти медлительного звона воды, ленивой отрешенности мыслей и завораживающего блеска солнечных зайчиков. Неподалеку от фонтана нетерпеливо топтался проректор нашего института, и отрешенная леность мыслей оставила меня: кому не известен дотошный и властный характер проректора?! Сейчас он шевельнет тяжелыми бровями и грозно спросит: «Почему ты не в отпуске?» А меня удерживал в городе лишь просроченный паспорт. Срок его действия истек за неделю до госэкзаменов и кому, скажите на милость, придет в голову думать в это время о чем-либо другом, кроме экзаменов?

Сейчас же мне попросту нечего было делать и я, по привычке, каждый день шлялся в институт. А, собственно говоря, куда и зачем спешить? Может отпускник позволить себе скромное удовольствие – несколько дней беззаботной и безалаберной жизни? Ни тебе экзаменов, ни семинаров — гуляй по парку, ходи в кино, знакомься с девушками... Когда еще такая возможность в следующий раз представится! Слов нет, город порядком надоел, соскучился я по вольному деревенскому воздуху, но... Жить и работать придется все-таки в городе...

Сразу после госэкзаменов «коридорное радио» всюю затрезвонило о том, что меня-де оставляют на кафедре. Такого я не ожидал, честно говоря, удивился и не поверил — самое время для розыгрышей. Но... Все оказалась гораздо серьезнее, чем я думал. Особенно реакция сокурсников. Вдруг выяснилось, что претендентов на это место более чем достаточно, на меня со всех сторон посыпались остроты, поздравления и нарочитые соболезнования. Одни, оттянув за рукав в укромное местечко, жарко убеждали не отказываться от предложения, другие скептически улыбались, третьи небрежно отмахивались: «Бросьте трепаться. Это его-то оставят на кафедре?» Более всего меня обидело якобы «всеобщее» мнение о том, что я не достоин подобной чести. Гордый человек в таких случаях... А я не знал — гордый я человек или не гордый? Тем более, работать с самим Джура-заде... Можно ли мечтать о другом счастье?!

От этих мыслей немногочисленных советов я до того обалдел, что, когда меня пригласили в зал, где заседала комиссия, и ректор объявил: «Кафедра ходатайствует перед

министерством о...»,— у меня в голове назойливо попискивала лишь одна, маленькая и серенькая, мыслишка: «А вдруг лаборантом назначат?». Я молчал, резонно опасаясь ляпнуть нечто совершенно несусветное, и молчание мое весьма удивило комиссию. Ректор, сухо кашлянув, посмотрел поверх очков вначале на меня, потом на заведующего кафедрой Джура-заде и несколько раздраженно спросил:

— Вы... Что? Не хотите работать в институте, который пять лет был вашим родным домом?

— Да нет,— замялся я и, набрав в грудь воздуху, солдатски гаркнул:— Согласен. Конечно. Спасибо.

Ну кто на моем месте стал бы расспрашивать комиссию о планах профессора Джура-заде. Я не осмелился, тем более, что у меня-то планов не было никаких...

Воспоминания — воспоминаниями, а ноги в это время сами несли меня к грозному проректору.

— У меня к вам просьба,— величественно шевельнул бровями профессор. — Отведите, пожалуйста, эту девушку в четвертое общежитие, найдите коменданта и скажите, чтобы выделил место. Вот направление...

Проректор подал мне листок бумаги и неопределенным жестом присоединил к нему девушку, которая стояла рядом. Абитуриентка?

На первый взгляд спутница моя ослепительной красотой не отличалась. Обыкновенная девчонка-десятиклассница. Впрочем, особенно разглядывать ее я не стал — не в обычае у нас парням девушек разглядывать. Причин тут много. В дальних кишлаках и до сих пор старики на совместные игры мальчишек и девчонок косо поглядывают.

А ведь я не городской. С другой стороны, меня всегда робость охватывает, когда с незнакомой девушкой приходится разговор начинать: вдруг брякнешь какую нелепость — виду не покажет, а в душе посмеется. В мыслях с ангелом небесным ее сравниваешь, а вслух о погоде бормочешь и от стыда сгораешь — до того коряво получается.

Некоторые девчата всерьез притворяются, что болтовня парней о погоде или новом фильме им интересна, и даже вопросы задают... Раньше, когда к нам в кишлак новое кино привозили, заодно и лектора присылали, чтобы перед началом сеанса политико-воспитательную работу проводили. Мне всегда казалось, что у всех девчат природный талант есть — из самого бессмысленного разговора его подлинную суть выловить. У скульптора спросили:

— Как вы работаете?

— Очень просто, — ответил он. — Беру камень и отсекаю все лишнее.

Вот так и девчата — отсекают все лишнее...

Мы уже почти квартал прошли и я, так и не глядя девушке в лицо, попытался завязать разговор:

— Поступаете в институт?

Девушка утвердительно кивнула головой, а меня аж передернуло от отвращения к самому себе. Спросил бы хоть на какой факультет! Комкать разговор мне не хотелось, и я лихорадочно раздумывал: о чем бы еще спросить, чтобы не показаться навязчивым? Я осторожно повернул голову и...

Наши глаза встретились! В великой растерянности — осколки моего разбитого сердца со звоном и грохотом рассыпались по асфальту, я едва нашел в себе силы пролепетать:

— А почему до сих пор не дали место в общежитии?

— Не знаю,—девушка равнодушно пожала плечами.

Мне до смерти хотелось еще раз заглянуть в бархатно-нежную глубину ее черных глаз, но девушка отвернулась. Увела свой взгляд в пещеру застенчивости. Про себя я подумал, что она уже почувствовала свою власть над моим сердцем. Мне хотелось так думать.

— Откуда вы? Не из Файзабада?

— Нет, из Халкасия.

— Из Халкасия?! — тут было чему удивляться, и я, не скрывая своего удивления, оглядел свою спутницу с головы до ног. Девушка поняла причину моего изумления и горделиво улыбнулась. Теперь у меня была тема для разговора! Я чувствовал себя рыбой, выброшенной на песок и вновь возвратившейся в прохладную глубину вод. Девушка все еще улыбалась...

«Да она и впрямь еще школьница,— подумал я.— Лет семнадцать-восемнадцать, не больше. А когда улыбается, мелкие белые зубы сверкают, как рисовые зернышки. Фигурка у нее тоненькая, легкая, а кожа белая. Две тяжелые косы достигают талии и горделиво вздрагивают, когда она скидывает голову. Характер, видать, крутой — вон, как упрямо и независимо поглядывает своими черными глазищами. На бровях зеленовато-черный след усымы: вот откуда этот пряный и свежий аромат! Странно, еще пять-шесть лет назад девушек из Халкасия привозили в институт

чуть ли не на аркане — со многими уговорами и бесчисленными льготами. А сегодня... Сама приехала, да еще и общежитием не обеспечили. От жизни, друг, отстаешь,— упрекнул себя.— А ведь она, жизнь-то, течет, изменяется. Диалектика!»

— Вас могли бы и без экзамена принять, — сказал я, вспомнив прошлые годы.

— Чем это я хуже других?! — слова мои явно не понравились девушке, она нахмурилась и мгновенно погасила улыбку.

— Я не сказал, что вы хуже, наоборот...

— ???

— Вы... Одна приехали? — сбивчиво пробормотал я.— Вас разыскивать не будут?

— Да нет,— легкая тень улыбки скользнула по ее губам.— Родные согласны. Но если не поступлю... Больше не отпустят!

— Поступите! — я был уверен, что она поступит. Не может такого быть, чтобы она — да не поступила!

— ??? — крылья ее бровей вопросительно возметнулись вверх. — Вы тоже учитель или...?

— Я в том году закончил институт, а теперь буду работать на кафедре,— не удержался я от похвальбы.

— А-а-а,— наступившее вслед за тем молчание словно бы разъединило нас. Верно сказал поэт: «В доме красавицы не следует кичиться знаниями». Теперь и пол словечка не скажет — где уж нам, деревенским, с таким ученым разговаривать! Дернул же меня черт за язык!

До общежития мы дошли в благопристойном и несколько отчужденном молчании.

Коменданта общежития на месте не оказалось. Я долго бродил из комнаты в комнату, заглянул в кладовку, подвал, но никого не нашел и лишь под вечер один сведущий человек (есть же такие люди — все знают) сообщил мне, что комендант занят ремонтом и раньше завтрашнего утра в общежитии не появится. Вот те и на: что я девушке скажу?

Спутница моя сидела на скамейке у бассейна, погрузившись в толстый том «Органической химии».

— Не будет сегодня коменданта,— виновато сообщил я ей, усаживаясь рядом.— Давайте утром придем. Сегодня-то вам есть где переночевать?

Девушка из Халкасия задумалась. Тень легла на ее лицо, легкая тень обиды и — неожиданно — печали, но длилось это всего лишь мгновение, потому что она тут же сурово сдвинула черные крылья бровей:

— Домой поеду. Утром здесь встретимся.

— Лишнее беспокойство,— нерешительно произнес я.— Да и поздно уже. Наверное, и автобусы не ходят. «Черт бы побрал этого коменданта!»— добавил я мысленно и взглянул на девушку.

Сжавшись в комочек, она сидела на скамейке — самая одинокая на всем белом свете. Одинокая и обиженная. На весь белый свет. Я представил, как она вернется сегодня домой, как сочувственно будут глядеть на нее родные: «Ну, что? Ждали тебя там? Обрадовались? Даже места в общежитии не нашлось!»...

— Знаете что? — спасительная мысль молнией сверкнула в моей голове, и я даже задохнулся — так проста и прекрасна была эта мысль.— А чего мы здесь сидим? Пойдемте к нам. В наше общежитие. Будете спать в комнате у наших девушек, свободные кровати есть — сейчас каникулы...

— Э-э-э, зачем людей беспокоить,— девчонка тонкими пальцами растерянно перебирала страницы своей «Органической химии» и украдкой пыталась поймать мой взгляд: что-то она хотела прочесть в моих глазах. Что? — Я лучше к дяде пойду...

— Поздно уже,— твердо сказал я и подумал, что наверняка нет у нее никакого дяди в городе, что девчонка просто боится и надо немедленно рассеять все ее страхи — Девчата у нас боевые. Они вас в беде не оставят— подскажут, посоветуют, да мало ли что. Пошли!

И мы пошли. Девушка из Халкасия то семеняла рядом, то отставала на полшага, но шла довольно уверенно и, хотя разговор наш состоялся из обрывочных слов: «Устала?» — «Нет», «Проголодалась?» — «Не очень», я не чувствовал в ней какого-то особого беспокойства и, честно говоря, не ожидал подобной смелости. Поздно вечером, с незнакомым парнем, в чужое общежитие — кто поверит, что девчонки из Халкасия стали такими отчаянными?

Халкасай я знал. Да и кто не знает — стоит лишь голову поднять — вон он, Халкасай, крохотными кибитками прилепился к самому гребню хребта и, кажется, парит над окрестностями. Впрочем, это так лишь из города кажется. Сами халкасайцы прекрасно знают, что прямо за кишлаком вздымается еще одна скалистая гряда, за ней —

вторая, третья и так до самого неба. По прямой от Халкасия до города — всего двадцать четыре километра и все вниз, вниз, недаром в кишлаке шутят: «Стоит только поскользнуться — мигом в Душанбе окажешься!» Многие кишлачные мужчины работают в городе, но окончательно вниз перебираться не спешат. А зачем? Кишлак богатый, благоустроенный — электричество, магазин, клуб, библиотека, большая двухэтажная школа, дома колхозников под шифером стоят, антенн телевизионных не счесть — чем не город?

И все же отличие было: в поговорку вошла приверженность халкасайцев старым обычаям и древнему укладу жизни. Куда более отдаленные кишлаки давным-давно сменили свой жизненный уклад, а халкасайцы стояли, как утес — ни благоустройство, ни электричество, ни телевизионные программы потрясти их жизненные устои, казалось, не могли.

Помнится, года четыре назад, несколько комсомольских активистов нашего института (и меня в их числе) направили в Халкасай с особым поручением...

От околицы кишлака и до правления колхоза водитель нашего микроавтобуса не снимал ладони с блестящего колпачка сигнала — кишлачные улицы были переполнены детворой. «Небось, не меньше десятка пострелят в каждой семье», — опытно определил водитель.

«Особое» наше задание никакой таинственностью не отличалось. Наоборот, оно требовало гласности, гласности и еще раз гласности. «Привлечь максимальное число девушек из Халкасия в стены родного института!» — так кратко сформулировал нашу задачу секретарь комитета

комсомола, посоветовав действовать решительно и энергично.

Так мы и действовали. Пока в клуб собирался народ, мы распределили обязанности на сегодняшний вечер: Лутфулло расскажет о роли женщины в строительстве социализма, я — об институте, его факультетах, специальностях, которые мы получим. Даври и Назокат— о великолепных условиях, созданных в нашей «альма матер» для девушек-студенток. Девушкам — выпускницам десятых классов, собственно говоря, и предназначалась наша лекция.

Незадолго до начала мероприятия Лутфулло заглянул в клуб и ахнул. Через его плечо глянул в раскрытую дверь я и тоже ахнул. Потом мы молча переглянулись. Зал был полон! Но кто сидел в зале?! Мужчины, старые и пожилые, пожертвовавшие ради удовольствия выслушать нас неторопливой и приятной беседой в ближайшей чайхане, десятка полтора усатых, как гренадеры, парней и четыре — всего лишь четыре!— девушки. Они молчаливо-испуганной кучкой сгрудились на скамейке в дальнем углу зала и лишь еще ниже опускали головы, когда мы дружно умоляли их пройти вперед.

Лекция прошла блестяще. Никто не шумел, не переговаривался, слушали внимательно и заинтересованно, а по окончании мероприятия сердечно благодарили: «Спасибо, дорогие гости, спасибо! В такую даль приехали ради нас! Спасибо!», «Свет ваших знаний осветил нашу темноту!», «Вашим устодам-наставникам спасибо, хорошему они вас учат!», «Верные вы слова, сынки, говорили, правильные

слова, на сто процентов верные. Абсолютно вы правы, дорогие!» И разошлись.

Один из выпускников нашего института как раз в Халкасае гостил и нас к себе ночевать позвал. Его отец — колоритный такой старец, общительный, весь вечер наши сердца беседой усладил. Учиться-то ему, по всему видать, недолго пришлось, но жизнь дед знал, как собственный халат, и за словом в карман не лез—не зря же телевизор в доме и газеты каждое утро почтальон приносит.

Лутфулло повел было речь о положении кишлачных женщин: неграмотные-де они, счастья в жизни не видят, а мужчины целыми днями в чайхане...

Дед хитро прищурился на разгорячившегося Лутфулло, мягко тронул седую бороду и сказал так:

— Правильно, сынок, говоришь, но я тебе еще правильнее скажу: наша жизнь для женщин спокойнее. Может быть, они и не так красиво одеваются, не так вкусно едят, в театры не ходят, но, клянусь аллахом, спокойней живут. Не-е-ет, ты подожди, дорогой, не возражай пока,—старец жестом твердой жесткой ладони остановил рванувшегося в спор Лутфулло. Ладонь у старца что надо: крепкая ладонь, мужицкая...— В городе женщины работают наравне с мужчинами. Так? А кто пеленки, я спрашиваю, стирает? Кто обед готовит? Кто на базар и в магазин ходит? И, спаси аллах, на работу опоздать! Вы говорите, что освободили женщину, как это... по-научному,—старец пожевал губами, припоминая, как это будет по-научному. Экий эрудированный дед! Таких дедов и в городе не на каждом углу встретишь.— Яман... эман... эманципировали! Себя вы освободили, а не женщину эманципировали. Тьфу! —

развоевавшийся дед залпом осушил пиалку с остывшим чаем, аккуратно вытер край уголком скатерти, передал пиалу сыну и продолжил с новыми силами. Трибун! Этот, как его... Цицерон!

— Наши женщины тоже от коллектива не отрываются. Нет. На самосознании живут. Если детей нет или есть кому за детьми присмотреть — она дома не сидит, в поле работает... По собственному желанию трудиться идет!... Вот ты сказал, — старец дружелюбно хлопнул Лутфулло по коленке, — что женщины должны идти в первых рядах. Что ж, по-твоему, женщины нашего кишлака сидят, сложив руки? Э-хе-хе-хе! Молод ты еще, сынок! Из того самого Халкася, если не ошибусь, восемь женщин — Герои. Считай, у каждой из наших женщин чуть ли не по тубетейке орденов да медалей! Верно, я говорю? — дед мотнул головой в сторону сына: подтверди-ка.

Парень лишь ухмыльнулся и заметил дипломатично:

— Восемь Героинь — это верно, и медалей у каждой хватает. За многодетность. Они — матери-героини...

— А какой еще героиней должна быть баба? — гремел неугомонный дед. — На тракторе верхом скакать? Горы переворачивать? Ее дело — детей рожать и растить! Моя бы воля, за одно за это...

Дальнейших речей деда я не слышал — проснулся лишь утром, когда мы приступили ко второй части нашей агитационной кампании: личным беседам с родителями десятиклассниц. Вместе с председателем сельсовета, директором школы и инструктором райкома комсомола пошли по домам.

Без славы завершился наш поход. Я всегда думал, что хорошо знаю родной язык — куда там!— негодующие жительницы Халкасия, те самые «спокойные и геройские» женщины, вот кто истинный хранитель наших заповедных сокровищ. Каких только слов мы не наслушались! Каких цветастых выражений и словосочетаний! В конце концов удалось уговорить родителей лишь двух девушек — отцом одной из них был сам председатель сельсовета, но по уверенным глазам ее матери было ясно, что не пройдет и недели, как девица, под любым предлогом, будет дома... С тем мы и уехали. На мой взгляд, детей на кишлачной улице за это время прибавилось.

Что-то у меня сегодня день воспоминаний складывается. Старею? И не только воспоминаний... Неудач тоже. Ни одной из наших девчонок дома не оказалось. Куда их только унесло? Девушка из Халкасия смотрела на меня глазами, полными отчаяния, и ресницы у нее дрожали от близких слез. Что же делать? Я еще раз подергал двери «девичьих» комнат. Никого. Странные чувства обуревали меня. С одной стороны, было приятно и радостно проявлять заботу о столь симпатичной девушке, с другой стороны... Из глаз этой милой и несравненной вот-вот хлынет Ниагара слез. Что делать? Решения в этот день я принимал на удивление быстро.

— Вот что,— резко, стараясь скрыть свой стыд и страх и не глядя в глаза девушке, сказал я.— Я в комнате один живу. Будете спать на моей кровати...

— Что-о-о?! — девушка вытаращила глаза и, презрительно наморщив нос, отступила назад.— Я думала...— бледнота заливала ее лицо.— Я думала, что вы человек... И

поверила...— договаривать она не стала, лишь с отчаянием махнула рукой и бросилась к выходу.

— Пойдите! Остановитесь! Вы не поняли... — закричал я, метнувшись к двери.— Что случилось? Куда же вы? Что я плохого вам сказал?

— Хватит! — резко оборвала меня девчонка.— Поняла. Отвратительно все это. Идите к черту со своим общежитием и со своим институтом! — горькие рыдания перехватили ей горло и, легонько отстранив меня рукой, она шагнула в темноту.

— Ну вот,— потерянно пробормотал я.— Проявил заботу!

Меня трясло от злости на самого себя, коменданта общежития, наших девчат, эту недотрогу из Халкасия и весь этот чертов кишлак. Эх, зря я ей не ответил! Но злость постепенно проходила, и я с раскаянием подумал о том, что девушка не виновата, откуда ей знать о моих намерениях, в городе для нее все чужие... И зачем только я ее отпустил? Куда она пойдет? Был бы сейчас рядом Лутфулло — он бы прямо сказал: «Лучше б тебе умереть, друг мой. Двадцать три года живешь на свете, а ничему так и не научился! Обидел беззащитную девушку и выгнал на улицу. Поступают ли так мужчины?» Лутфулло всегда выражается не только высокопарно, но и определенно — душой, даже ради дружбы, не покривит.

Все это я додумывал уже на бегу. Чуть ли не кувырком скатился с крыльца, со света — во тьму, налетел на деревце и, едва удержавшись на ногах, схватился за тонкий ствол.

— Что — охмелел?

Суфи стоял рядом — чуть не сшиб я его, и хохотал во все горло. Я отвернулся.

— Да ты не обижайся, чудака,— Суфи шагнул ко мне идохнул в лицо водочным перегаром.— Заболел, что ли?

— Иди... ты! — я оттолкнул его в сторону и помчался по улице.

Ну и набегался я в тот вечер! Увидал бы кто из знакомых, подумал — беда случилась а и впрямь — беда. Я расталкивал прохожих плечами, наступал на ноги, у кого-то выбил стопку книг из рук — мне вслед неслись бранные слова, но я ничего не слышал. Вот она! Я схватил девушку за плечи, рывком повернул к себе... Громкий, негодующий крик так и резанул мне уши. Я отшатнулся. Не она. Бедняжка. Спряталась за спины подружек и поглядывает на меня с ужасом и интересом. Задыхаясь, я кое-как пролепетал слова извинения и побежал дальше. Дружный девичий смех раздался вслед, но я даже и не оглянулся. Смешно им, видите ли.

Свою подопечную я нашел на остановке автобуса. Увидев меня, она отвернулась. А я, уже шагом, шел к ней и приглядывался — не ошибиться бы вновь. Она!..

— Вы не поняли... я не это хотел сказать... обиделись, — я глотал воздух, как рыба на песке, и никак не мог объяснить, что я хотел сказать там, в общежитии. Автобус, прозрачный как аквариум, вылетел из тьмы и остановился рядом с нами. Девушка шагнула к подножке, но я — сам не знаю, как осмелился! — схватил ее за руку:

— Подождите! Не надо!—умолял я ее, а она со злостью тянула свою и мою руку к себе, порываясь сесть в этот дурацкий аквариум.

— Отпустите! Человек вы или... — в ее голосе закипали слезы, но я не мог, не хотел выпускать из своей ладони ее маленький крепкий кулачок — стоило ей уйти, и моя жизнь оборвалась бы. Это я знал наверняка.

Наша схватка не осталась незамеченной. Любопытные пассажиры высовывались в окна, выглядывали в дверь:

— Эй! Отпусти!.. Зачем девушку обижаешь?!

— Хоть бы постыдился — руки ей выламывает!

— Слышишь, дорогой! Не отпускай! Не давай уйти! Где такую еще красотку найдешь?!

— Да оставь ты ее! Кому такая... нужна.. Не птичье молоко.

Меня ругали, поощряли, грозили... Какой-то коренастый мужчина все норовил достать меня из окна здоровенным, как чайник, волосатым кулаком и кричал:

— Эх, жаль, не место — ты бы у меня все зубы свои проглотил!

Так я и знал — прорвалась Ниагара! Слезы у девчонки хлынули рекой, слышно было даже, как они крупными каплями стучат по асфальту. Я отпустил ее кулачок и растерянно топтался, готовый сесть с ней в автобус... Девушка, низко нагнув голову, молча и отрешенно побрела прочь от автобуса.

Я шагал рядом и размышлял о капризах женской природы. Вот эта, например, ведь слова доброго еще мне не сказала, а... Приворожила! Другие же красотки... (По природной застенчивости широких знакомств в их кругу у меня не было, но я полагал, что, по книгам, кинофильмам и рассказам друзей, хорошо знаю этот круг.) особых симпатий у меня не вызывали. Скорее напротив... И трех

слов не скажет, а уже скучно слушать. Или сплетничают, или сами себя хвалят. Бывало со мной такое. Увидишь на склоне горы яркое пятнышко — ну, думаешь, тюльпан! Подбежишь поближе — тряпица! Со стыдом возвращаешься на тропинку, угрюмо бормоча под нос: «Какой дьявол эту тряпку занес туда?!».

Мы молча пересекли проспект Ленина и глухим переулком вышли на улицу Хайяма. Странная эта улица — она, словно ворот чапана отделяет равнинную часть города от нагорной, где домики ступеньками лепятся один над другим. Девушка остановилась и растерянно огляделась по сторонам.

— Где здесь улица Зайнаббиви?— все еще не глядя на меня, сердито спросила она, и я улыбнулся в душе: заговорила все-таки! Не хотела бы разговаривать — вон магазин, фонари горят, люди ходят, могла бы и у них спросить...

Квартал этот я знал хорошо — столько лет агитатором в этом районе был! Всех избирателей, чуть ли не в лицо, знаю... Тут и идти-то всего ничего. Пошли. На перекрестке девушка остановилась;

— Вы идите, — тихо попросила она. Все еще обижается?

— А вы куда?

— У меня дядя... Здесь у него дом...

— Он хороший человек?

— Хороший... учитель. Я с его дочкой дружу.

— Может быть... я вас провожу. На всякий случай. Мало ли...

— Нет! Нет!.. Возвращайтесь. Не надо...

Я остановился. Тон у нее очень серьезный — не обиделась бы опять, если настаивать начну.

— Ладно. Утром приходите. Обязательно приходите, слышите? — говорил я ей уже в спину — девушка уходила не оборачиваясь, лишь галошки по гравию шаркали. Быстро так — шарк, шарк, шарк...

Несколько мгновений я постоял, прислушиваясь к скрипу и шарканью ее галош. Потом шаги стихли... Ну и денек мне выпал сегодня! И не то, чтобы настроение плохое, а так... Будто готовился, готовился к экзамену, а ответить не смог. Поплелся потихоньку к себе в общежитие, размышляя о том, что в кои-то веки встретился на моем пути ангел, а я и его ухитрился обидеть. Надо было пойти посмотреть, где это ее дядя живет?

Пути человеческие неисповедимы. Никому не дано знать будущего, и мог ли я предполагать, что придет день, и хозяин этого неизвестного дома понадобится мне?

2. РУХСОРА

Проснулся я рано и долго валялся в постели — солнечные зайчики беспорядочно плясали на стекле, и такими же беспорядочными скачками я думал о вчерашнем дне, о жизни своей...

Интересная девушка... А обиделась зря. Впрочем, на ее месте я бы тоже обиделся. Скажете, нет? Придет или не придет? Где письмо проректора? Вот оно — письмо. Куда она без него? Ладно, пару часов здесь подожду, а потом подамся в четвертое общежитие. Придет или не придет?

Нет у меня таланта с девушками знакомиться. Ну что поделывать — нет таланта. Вон другие парни — слово за слово, смотришь, уже девчонка хохочет, а он ей — лучший друг. Мало я читаю, вот что. Ни одного романа в последнее время до конца не осилил. Правду говоря, и цена этим романам — грош в базарный день. Но все же. Читать надо, развиваться. А то... Так и просижу весь век... «в девках». Раньше я таким не был — хватало энергии и глупости анекдоты в записную книжку записывать, поучительные бейты, хлесткие словечки. Слава аллаху, понял потом, что чужими зубами хлеб не жуют. Хотя — кому что...

Вон Исрофил-заде... Он и по своему предмету ничего не читает, а уж художественную литературу... Зато на общие темы — краснобай, каких поискать. И в институте авторитетом пользуется, чуть ли не передовым преподавателем считается. Хотел бы я знать, кто и как это определил? Наша группа терпеть его не могла. Как он лекции читал? Откроет свой конспект составленный, видать, еще во времена Адама и Евы, и пошел бубнить. А мы записывай. Сколько часов, дней угробили мы на переписку этого конспекта?!

Любой другой на его месте давно бы уж собственный конспект наизусть выучил, а Исрофил-заде и на это не способен. Иной раз наберется смелости, отойдет на два - три шага от стола и тут же возвращается — никак не может мысль собственными словами выразить. Помнится, вышел он однажды среди лекции из аудитории, а Суфи возьми да переверни несколько страниц в его тетради... Пришел Исрофил-заде и, как ни в чем не бывало, стал читать дальше. Совсем другую тему... И кому нужны такие

лекции? Лучше уж учебник — там и яснее, и четче все изложено. А чего нет в учебнике, того и сам Исрофил-заде не знает. Вначале мы пробовали обращаться за разъяснением, а потом рукой махнули — что толку?

В последнее время мы на его лекциях дремать приспособились. Устроишься поудобнее, ручку в страницу уткнешь и дремлешь. Хитрец Суфи, тот умудрялся в полудреме еще и слова писать. Одни и те же, правда; «О, Лейли, Лейли, Лейли...» Конечно, были ребята, которые слово в слово лекции Исрофил-заде записывали и наизусть зубрили. Я их не любил. Готовые бюрократы растут — эти-то уж сами думать не станут, все, что полагается по службе знать, — наизусть зазубрят.

А впрочем... Наверное, не только в краснобайстве тут дело. Мало ли я знаю ребят, которые ни красноречием, ни атлетическим сложением не отличаются, а вот поди ж ты — находят с девушками общий язык. Нет, никогда не постичь мне тайны девичьих сердец!

Так заключил я свои утренние размышления и вдруг почувствовал, что голоден. Даже зверски голоден. И обрадовался. Значит, настроение у меня хорошее. Можно сказать, отличное настроение. Это уж самая верная примета; нет настроения — нет аппетита. Вот вчера, например, целый день ни крошки во рту, и не хотелось. «Вставай, лентяй! — прикрикнул я на себя. — Вставай, одевайся и иди в чайхану!» Я встал, оделся, умылся и пошел в чайхану.

У одного из стариков, что вечно сидели тут, у входа в чайхану, пили чай, беседовали и между делом, торговали то яблоками, то персиками и виноградом, то сахарной курагой — смотря по сезону, я купил тяжелую гроздь

подернутого сизоватой дымкой винограда и присел на свободный топчан. Люблю ранним летним утром посидеть в чайхане. Тихо, чисто, уютно и радостно. Даже не понять, откуда берется эта радость. Плещет в стремительном арыке вода, воркуют горлинки, звонко «бьет» свое извечное «пить-полоть, пить-полоть» перепел... Славно!

Чайханщик — дядюшка Рамазан, принес на цветастом подносе две кунжутные лепешки-кульчи, пиалку и чайник с зеленым чаем, поставил рядом со мной на топчан, справился о здоровье, настроении и с достоинством удалился к своим, надраенным до блеска, самоварам. Пять лет назад, когда только-только переступил порог института, таким же вот ранним утром я зашел в эту чайхану, и дядюшка Рамазан впервые подошел ко мне с подносом...

— Амак*, мне хватит одной лепёшки,— краснея от смущения, проговорил я, и дядюшка Рамазан впервые улыбнулся мне. Сел рядом, расспросил, из каких я мест, где буду учиться, а потом пояснил:

— Вы — наш гость, сынок, а по обычаю, гостю не подают одну лепешку. Кушайте на здоровье, сколько сможете — съедите. Хлеб мы не выбрасываем...

Помнится, было жарко, солнечно... В первый раз я был один в огромном городе — боязно и интересно, и одиноко... Вышел из чайханы, сполоснул у фонтанчика руки, поглядел на мальчишек, пускающих по арыку кораблики, смотрю, а по другой стороне улицы наш односельчанин идет. Ох, и обрадовался же я!.. Догнал, поздоровался — почти до полудня бродили мы с ним по городу и только

---

* *Амак* — вежливое обращение к мужчине средних лет.

тогда я вспомнил о своем чемоданчике! Ох! Меня будто молния поразила. Аттестат зрелости, паспорт, приписное свидетельство, деньги, справки, характеристики... Ох! Я так обрадовался встрече с односельчанином, что совершенно забыл о чемоданчике — он так и остался у фонтанчика. Что же теперь будет?

Еще с детства я знал множество ужасных историй о городских ворах и аферистах, и теперь, в горе и отчаянии, на каждого горожанина смотрел, как на разбойника, похитившего мой бесценный чемоданчик. Лишь много после я понял нехитрую истину: жулик, где бы он ни жил, в городе или деревне, не имеет ни рода, ни племени, он просто жулик, и все. И честных людей на свете во многие тысячи раз больше.

Вне себя от горя я, в довершение ко всему, заблудился и до фонтанчика добрался уже перед сумерками. Конечно, глупо было и надеяться — чемоданчика не было.. У меня руки опустились, теперь хоть в петлю головой... Седоусый шашлычник, что с самого утра орудовал блестящими шампурами в дальнем конце площадки, сейчас неторопливо собирал свои нехитрые принадлежности и искоса поглядывал на меня:

— Что случилось, дружок, потерял что-нибудь? — лукаво спросил он, и, едва взглянув на его лицо, я понял, что пропажа нашлась. Нарочито сурово прочитав мне нотацию, седоусый волшебник достал из-под паласа чемоданчик...

Опять меня на воспоминания потянуло, а спутницы моей что-то не видать: из чайханы вход в наше общежитие, как на ладони, пропустить ее я не мог. Расплатился я с

дядюшкой Рамазаном и помчался в «четверку». Еще издали я увидел, что девушка из Халкасия сидит на той же самой скамейке, сосредоточенно углубившись в свою «Органическую химию», а на двери комендантской, как и вчера, висит здоровенный замок.

Я с облегчением перевел дух, постарался придать своему лицу слегка обиженное выражение (хотел бы я знать, как это выглядит со стороны!) и этакой независимой походкой направился к девушке. Она меня не замечала, мучительно продираясь сквозь дебри молекулярных связей, растворимых и нерастворимых осадков, кислот и окислов... Тугие косы витой рамой из черного тяжелого дерева обрамляли ее чистое и свежее, как осеннее яблоко, лицо, алые губы шевелились. Мальчишеский восторг рассветным холодком коснулся моего сердца: красивая девушка! До чего же хороши горянки; из Халкасия! Стройные, легкие, а лица — хоть с каждой картину пиши!

— Привет, обманщица!

— Здравствуйте!— тихо сказала девушка, откладывая в сторону книгу.— Почему это я обманщица?

— А я вас там,— махнул я рукой в сторону своего общежития,— жду, жду...

— Я и не обещала туда прийти...

Действительно, с какой стати она должна была туда идти? Чтобы доставить мне удовольствие — проводить ее два квартала? Кто я такой?

— Зря вы... вчера... Обо мне плохо подумали. Разве можно подозревать в чем-либо плохом такого симпатичного парня, как я! —с натугой пошутил я.

— Сами вы... подозрительны, — усмехнулась девушка.— Да к тому же еще и... хвастливы...

— Не-е-е, я и вправду хороший,— с напускной серьезностью сказал я.— Не зря же меня пять лет подряд профоргом избирали. Хорошо, что всего пять лет учиться пришлось, а то бы до самой пенсии за должниками бегал...

— Что вы этим хотите сказать?— нахмурилась девушка. А я и сам не знал, что хотел сказать, лишь бы еще раз увидеть, как скользнет по ярким губам улыбка, волнисто дрогнут косы!...

— Я хотел сказать, что человек я хороший, даже, в какой-то степени, государственный,— заторопился я и возликовал: улыбнулась!

— И поэтому я должна была спать на вашей кровати? — ехидно усмехнулась она.

— Ну-у... Сам бы я ушел к ребятам, это раз, а во-вторых, что вы могли сделать вверенному мне имуществу? Я уже пять лет на этой кровати сплю — и ничего. Цела.

Девушка, смешливо фыркнув, уткнулась в книгу, но тут же подняла голову:

— Что? И сегодня целый день на этой скамейке просидим?

Я всегда удивлялся способности девчонок несколькими словами передать целую бездну информации. Казалось бы, что особенного она сказала, а ведь в этих словах были и милое кокетство, и прощение за вчерашнюю обиду, и приглашение к разговору, и... надежда на будущее! — вот что самое главное. Надежда на бу-ду-щее! Она сказала: «Мы! », а мы — это значит: она и я!

Почти полтора часа мы ждали коменданта и одним мгновением пролетели эти полтора часа! Мы спохватились, когда он вновь вешал на дверь свой здоровенный замок. Я выхватил из кармана записку проректора и, торопливо развернув, прочитал фамилию девушки:

— Фамилию теперь знаю, а зовут-то вас как?

— Рухсора,— улыбнулась она.

— А меня — Вафодор.

Девушка не сдержала смешка. Ну вот, и она тоже. Всем, кому я ни представляюсь, почему-то смешно. А что тут смешного: Вафодор означает — верный. И все.

Но многие девушки почему-то не верят, думают — шучу. Одно время я представлялся кратко: Вафо! Отец, узнав, об этом, рассердился: «Не пристало человеку сокращать свое имя! Настоящему человеку!» — подчеркнул отец, и я послушался его совета. Мне всегда хотелось стать настоящим человеком.

Лишь к полудню Рухсора устроилась в общежитии. В основном здании шел ремонт, и комендант, почесывая заросший сивым волосом затылок, выделил ей и еще одной абитуриентке крохотную комнатку во флигеле, приткнувшемся в дальнем углу двора.

3. СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ...

Какой там обмен паспорта, где ты, «вольный деревенский воздух»?! Третий день с утра до вечера я дышу бензиновой гарью на автобусной остановке или с деловым видом фланирую у ворот четвертого общежития. Даже обедаю тут же, в столовке напротив. И всякий раз, когда в

воротах мелькает девичья фигурка, сердце мое стремительно ухает в пропасть: она! Но Рухсора не появляется, и я вновь, дурак-дураком, торчу на остановке или полирую асфальт вдоль ворот. Прийти к ней в гости просто так, без приглашения, я не осмеливаюсь... Чего я только не передумал за эти долгие дни и часы ожидания! То во всех подробностях представлял нашу «случайную» встречу, то ругал себя на чем свет стоит: «Ну, подумай своей непутевой головой — до тебя ли девушке? У нее сейчас все мысли экзаменами заняты. Если бы ты был ей хоть капельку нужен, могла бы, ради приличия, сказать: «Приходите, помогите...» Так ведь не было этого. Намекал же ей: «Может, что разъяснить потребуется?» Ну и что? Сделала вид, что не поняла намека. Промолчала. Эх ты, ухажер!..

И ничего с собой поделаться не могу: третье утро подряд ноги сами к «четверке» несут. Вот уж точно, как пишут в современных романах: «дисгармония ума и сердца». А у девушки, может быть, давным-давно жених есть, может, она еще с колыбели с кем-нибудь обручена — она же из Халкаса, а там девушки по своей воле замуж не выходят. «Тьфу! — вновь одергиваю я сам; себя.— О каком замужестве речь? Мы и виделись всего-то два раза».

На третий вечер я не вытерпел — будь, что будет: не боги горшки лепят, а смелость города берет! Скажу, что шел мимо, случайно вспомнил, зашел на всякий случай проведать... Знала бы Рухсора, с каким страхом, стыдом и сердечным трепетом, с каким волнением, остерегаясь всех и всякого, я шел к ней!

По вечерам у нас летом в доме никто не сидит — при малейшей возможности на улицу выходят, стены дома все еще дневной жар хранят, а на улице свежо, прохладно... За эти дни девушек в общежитии стало много, и все они были тут как тут. Во дворе. Я шел, как николаевский солдат под шпирютенами, и едва не спотыкался под их взглядами. По моему, из всех девушек лишь одна Рухсора сидела в этот вечер в комнате. Увидев меня, она до того растерялась, что меня в пот бросило.

— Не ждали? — наконец вымученно улыбнулся я.

— Не... не знаю,— дрожащими пальцами Рухсора накинула на голову платок, прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Я не видел в ее глазах ничего, кроме ужаса и растерянности. Нормальные герои всех современных повестей и романов в таких случаях говорили что-нибудь мужественное и гордо удалялись. Я не мог «гордо удалиться». Я знал, если уйду, то все рухнет. Рухну сам, рухнет и разлетится осколками мое сердце, душа, сама жизнь... Все еще дрожащим голосом я пробормотал несколько вопросов и, не услышав ответа, сник окончательно. Что делать? Кто говорил, что в подобных случаях надо шутить напропалую, и пусть хоть земля треснет, а ты шути! Ну помоги мне, аллах...

— Вы прибыли сверху,— я поднял палец к потолку: где-то там, по моим предположениям, находился Халкасай.— И, наверное, настолько близки к ангелам небесным, что земную пищу отвергаете? Или аппетита нет от страха перед экзаменами?

— Не отвергаем... Кто вам сказал? — робко улыбнулась Рухсора.

— Что-то я вас в столовой ни разу за эти дни не видел.

— Да-а... Я это... Здесь обедаю.

— Как арестантка — на хлебе и воде?— деланно ужаснулся я.— Или, как зимовщик на льдине,— на консервах?

— Не привыкла я еще к консервам... Из дома мясо жареное прислали...

— Ладно,— я решительно поправил воротник рубашки.— Идемте. Сегодня я вас накормлю обедом, а потом вы меня — жареным мясом.

— Нет уж, спасибо! Куда нам... по столовым ходить!

Зло так сказала, с иронией. А может, и незло, и не с иронией — поди, пойми. Я попробовал настоять на своем, но Рухсора тут же замкнулась в себе, и молчание морозным облаком окутало нас. Боюсь я такого молчания. Как омут оно — засосет и не выплывешь. Так и сгинешь в ледяной глубине. Шути, брат, шути напропалую!

— Консультация еще не требуется? — как можно веселее спросил я. — Пятилетний опыт подсказок за плечами имею!

— Вы уже закончили институт, заждались, небось, на работе-то? — ехидно прищурилась Рухсора, и я перевел дух. Вот оно что! Девушка жаждет понять, чего ради я здесь болтаюсь, почему не отбываю по месту назначения?

— А у меня теперь работа такая... Вас учить.

— Интересно, что у вас в дипломе написано: учитель или агроном?— вновь улыбнулась Рухсора. Хорошая какая улыбка у нее: добрая, ясная.

— Конечно, агроном. Но... Меня в институте работать оставили, Может, в вашей группе буду семинар вести,— я нарочито солидно покашлял в кулак.

— Не шутите? — с какой-то неизъяснимой тревогой и облегчением спросила Рухсора. Быстро спросила, очень быстро и требовательным взглядом повторила: «Не шутите?» Под таким взглядом не соврешь, не пошутишь.

— Не шучу.

— Значит... — Рухсора на мгновение задумалась и твердо повторила: — Значит, можете проконсультировать!— она повторила это так, словно поставила на какой-то, очень важной, бумаге печать. Хлоп! — и готово. Обжалованию не подлежит. А я и не хотел жаловаться. Мне хотелось быть той самой бумагой, на которую она поставила печать.

Так мы разговаривали еще с полчаса. Она — спиной к двери, я — в отдалении, у прохода. Договорились, что встретимся завтра.

— В котором часу?

— В... Сейчас... Днем не приходите... Может кто-нибудь из Халкаса заглянуть... Лучше вечером. Вон, у бассейна, есть стол и стулья.

— Ладно,— сказал я.

С этим и ушел. Браво так. С достоинством прошествовал мимо шибко любознательных девчонок во дворе общежития — не до них. Рухсора заполнила мои мысли, и лишь одна-единственная колючка отравляла существование: она будет учиться в том самом институте, где мне

предстоит работать. Как то обстоятельство скажется на наших отношениях? Пойдут сплетни, то да се — на чужой роток не накинешь платок. «Ладно,— подумал я.— Поработаю пару месяцев и уйду в какой-нибудь НИИ. Ради Рухсоры я готов головой колодец рыть. Она- то хоть это понимает?»

Заснул я в тот вечер не скоро.

— Ну как — накопились вопросы? — Рухсора прилежной ученицей расположилась за столиком у бассейна и даже не слышала, как я подошел.

— Очень химии боюсь,— доверительно сказала она, молчаливым кивком ответив на мое приветствие.— Я потому и в медицинский не пошла. Ой, какой скандал был! — Рухсора с кокетливым ужасом покачала головой. — Как?! Девушка — агроном?! Иди в педагогический!

— Ну и.. ?

— Я сказала, что не хочу быть учительницей,— на моих глазах кокетливо-проказливая девчонка исчезла, в голосе Рухсоры прозвучал металл, и я посмотрел на нее с невольным уважением.

— Да. Гм... Так... Это... Накопились вопросы? — ничего лучшего я не мог из себя выдавить.

— Ой, много! — в глазах Рухсоры мелькнула какая-то тень и тут же пропала. Досада на мою сухость?—Вот, например, эта глава: «Окисление железа»...

Давненько я не заглядывал в учебник химии, но память услужливо вернула вспять время, и я вспомнил даже запах той ночи, когда сам сидел и разбирался с главой

«Железо. Его окислы и соединения». «Железная» была ночь, что и говорить, а наутро — зачет. Поначалу слегка запинаясь, а потом все увереннее, я объяснил Рухсоре тему и попросил решить задачу. Каверзная такая задачка, на экзаменах ее частенько задают... Где уж Рухсоре решить ее!

— Неправильно, — спокойно констатировал я. — Допустим, кетмень покрылся "ржавчиной, вы что же, водой ее отмывать будете?

— Не-е-ет,— зарделась Рухсора, пряча лицо в ладони.

— А по этому решению выходит, что вы водой окисел растворяете.

— Где?

Мы одновременно нагнулись над тетрадкой, прядь ее волос коснулась моей щеки и... Это был ожог... Сладкий и жгучий. Наверное, Рухсора почувствовала то же самое, потому что несколько минут мы сидели недвижно, не смея пошевелиться, лишь сердца стучали: тук-тук-тук! Я украдкой поглядел по сторонам, но лицо Рухсоры пламенело так жарко, что я ничего не увидел. Увидишь тут!

Мы разобрали еще несколько тем, а потом наш разговор незаметно отошел от «химического» русла. Рухсора непринужденно рассказывала о своем кишлаке, школе, учителях, родителях, я внимательно слушал и лишь одно мне едва заметно резало слух. Рухсора не то чтобы хвасталась, но по ее рассказу выходило, будто она сама или ее родители чуть ли не вершители судеб земли. С мельчайшими подробностями Рухсора рассказала о том, как директор школы сватал ее за своего сына, обещая

выполнить любое ее пожелание, вплоть до того, что разрешат учиться в городе. Но отец отказал:

— Пусть доченька вначале закончит институт, а потом ее воля.

— Отец с самого начала хотел, чтобы я в институте училась,— сказала Рухсора, задумчиво глядя прямо перед собой.— Ты, говорит, будешь первой среди всех девушек кишлака. Так оно и случится! —твердо заключила Рухсора.

Отец ее начал свою карьеру сельским почтальоном, но, благодаря высоким личным качествам, быстро выдвинулся и стал начальником отделения связи. «Его даже в райцентр приглашали на работу, но отец отказался!» - гордо сказала Рухсора.

Она говорила, а я слушал и никак не мог поверить, что рядом со мной сидит такая красавица и, как цветисто выражались древние, «услаждает наше сердце приятной беседой». Все было бы прекрасно, но в каждой бочке меда есть своя ложка дегтя. Сейчас этой ложкой был сторож. Вот, уже в который раз, он проходит мимо и деланно покашливает: «Смотрю я за вами, детки, смотрю. И не успокоюсь, пока вы здесь!»

Пришлось уйти. Каждому ясно, что под звездами о химии не разговаривают.

Вечером следующего дня мы занялись водой. Как я и ожидал, знания Рухсоры по этому вопросу не выходят за рамки школьной программы, а этого на приемных экзаменах в институт маловато. Она, конечно же, знала формулу воды, ее удельный вес, состояния... И только. Пришлось прочитать целую лекцию, заключив ее словами:

— Вода — самое драгоценное вещество уа планете. Например, чтобы изготовить килограмм бумаги, требуется сто литров воды. И не какой-нибудь, а питьевой. Запасы же питьевой воды на Земле ограничены...

Видимо, угроза водяного голода так подействовала на Рухсору, что она тут же поспешила сменить тему разговора:

— Мой дядя приехал из Ферганы, вернее, из тех краев, и у него вот такой зуб на шее,— Рухсора сложила два кулака вместе, показывая, какой огромный зуб у ее дяди.— Врач сказал, что в тех местах вода такая...

— Видимо, снеговая вода — ледниковая. В такой воде почти нет йода. Поэтому для жителей высокогорных районов продают в магазинах йодированную соль. 10 граммов на тонну,— блеснул я познаниями в этом вопросе.

— А у нас сегодня консультация была. Мировой преподаватель вел консультацию. Кандидат наук, доцент, член чего-то. там... О себе много рассказывал.

— Низенький и полный?

— Не-е. Не очень низенький. Средний.

Так. Вот и Исрофил-заде на сцене появился. Он о себе умеет рассказывать...

— А потом он спросил у нас, есть ли вопросы,— спешила поделиться своими новыми впечатлениями Рухсора. Какой-то парень попросил рассказать об использовании водорода. Доцент оглядел нас и спросил: «Ну, кто ответит?» Все молчат, а я решила: «Будь, что будет!» и руку подняла. Доцент кивнул головой, и я рассказала все, что знала про водород. Сказала, что его применяют при производстве аммиака, спирта, бензина, еще используют

при очистке нефти... Доцент похвалил за правильный ответ и посоветовал не спешить на экзамене. Потом он открыл толстую тетрадь и прочитал нам, как надо правильно отвечать. Вот! — выдохлась Рухсора, а я представил себе самодовольное лицо доцента и чертыхнулся в душе.

— Вы знаете, когда я документы сдавала, испугалась даже,— доверительно сообщила Рухсора.

— Чего?

— Там один старичок преподаватель с виду, сказал другому: «Что-то многовато в этом году поступающих... А ведь еще не все заявления подали». Я так расстроилась, что чуть было документы назад не забрала.

— Не обращайтесь внимания,— сказал я.— Ваше дело — подготовиться как следует.

— У нас в кишлаке говорят, что на это отделение без знакомств не поступишь,— задумчиво сказала Рухсора.— Один наш парень поступил в прошлом году... В школе очень плохо учился. Он и из института через месяц ушел — бросил. Его отец «поступил», чтобы в армию не забрали. А парень сказал, что пойдет служить, и институт бросил. Отец у него состоятельный, со связями...

— Кто хорошо сдает экзамены, тот обязательно поступает, — отмел я всяческие подозрения от приемной комиссии родного института.— Не, но связям принимают, а по знаниям.

— А как же тот парень,— не унималась Рухсора.— Он в школе даже книг в руки не брал.

— Повезло, звучит. Легкий билет доспался.

— На всех экзаменах повезло? — ехидно прищурилась Рухсора.

Что-то мне не нравился этот разговор. А тут еще сторож. Крутится рядом, как ворон, и все смотрит, смотрит. Я предложил Рухсоре пойти, прогуляться по проспекту, но она отказалась... Мы долго и молча сидели рядышком, едва-едва соприкасаясь рукавами, и вечер был пак хорош, что даже сторож, наконец, угомонился. Забрался на свою тахту у ворот и включил транзистор. Нежный девичий голос тосковал о любви, мы с Рухсорой смотрели друг другу в глаза... Но... Не будешь же так сидеть до утра? Пришлось уйти.

4. ЭКЗАМЕНЫ, ЭКЗАМЕНЫ, ЭКЗАМЕНЫ...

Всю свою сознательную жизнь мы сдаем экзамены. На зрелость, человечность, способность отстоять дело, которому служишь... Да мало ли какой экзамен может учинить судьба? И всегда я волнуюсь так, что теряю аппетит. Вот и сегодня. У Рухсоры начинается сессия, а я позавтракать не могу. Не лезет кусок в горло. Пошел в институт. Столпотворение вавилонское да и только. Шум, гам, суета. Как говорят, тьма народа и все разные. Абитуриенты, папы, мамы, братья, знакомые... Вход в институт по специальным пропускам и экзаменационным листам. Ребята знакомые «на дверях» стоят, но мне и в голову не пришло туда лезть. Подумают еще, что хлопотать пришел. За бедного родственника...

Не люблю я в эту пору к институту приближаться. Встречаешь знакового преподавателя, а он лицо от-

врачивает или с таким холодным видом здоровается, что до вечера настроение портится. Впрочем, я понимаю преподавателей. Попробуй, не отвернись, если на тебя сто человек умоляющими глазами смотрят, а остальные стоноруют за полу пиджака схватить и «словечко шепнуть». Головы за такие штучки отрывать надо.

У меня по поводу экзаменов собственное мнение есть. Не то, чтобы я их боюсь или готовиться лень... Готовиться не лень. Но все дело в том, что большая часть моих знакомых к экзамену готовится по формуле: две недели зубрежки, отбарабанил, как попугай, и все из головы вон. Спроси у кого-нибудь в общежитии после экзамена: «Что вчера зубрил?» — никто не ответит. Вначале и я свято верил, что зубрежка нужна и полезна: в поле, мол, книгу с собой не возьмешь...

А побывал на практике... Академики с собой «в поле» справочники берут! Ветеринар без двух-трех книг на отгонные пастбища не едет... Значит, не зубрежка, а умение мыслить, умение справочным материалом пользоваться. Если хотите знать мое мнение, я бы за умело составленную шпаргалку «хорошо» ставил. Вон Даври... Она на крохотном листочке ухитрялась десять страниц текста из учебника вместить. Джафар на третьем курсе конвертиками от бритв пользовался. У него на этих конвертиках годовой цикл лекций вместился. На каждый билет — особый конвертик. Точит карандаш, а сам на конвертик косит. Попался, конечно, — полгода без стипендии куковал. Бедная Луджия, так та на коленках формулы писала — потом весь курс хохотал...

А если без шуток, то пришла пора перестраивать систему экзаменов. Пусть пользуются справочниками, конспектами, основное дело преподавателя— определить талант и умение мыслить. Умение мыслить, вот чему надо учить и чего требовать.

Рухсоры все еще не было, и я на несколько минут сбежал в ближайшую чайхану — пиалку чая выпить. Памятная чайхана — пять лет назад, перед вступительными экзаменами, я тут с ребятами спорил:

— Если не сдам экзамены в этот институт—от собственного имени отрекусь! — утверждал я.

— Во, даёт! — кричали ребята.

— Ай, да молодец!

— Хлеб маленькими кусками жуёт, а слова вон какие большие произносит!

— А если не повезет?

Но я упрямо стоял на своем:

— Вели не поступлю, мое имя не Вафо. Отрекусь от имени, данного отцам!

В своих знаниях я был уверен, а вот насчет везучести были сомнения. Но ведь жалко же имя терять — старался, что было сил. Зато какая гора с плеч свалилась, когда секретарь приемной комиссии, посмотрев на мой экзаменационный лист, сказал:

— Можете первого сентября на занятия приходите...

Рухсору я мог бы узнать среди тысяч и сразу нашел, хотя новое платье с огромными, как у тыквы цветами, модная — с косым пробором, прическа совершенно

преобразили ее. Непривычно бледная и молчаливая, она смотрела на меня невидящими глазами и все время шевелила губами, словно урок твердила. Я попытался растормошить ее, рассказывая один случай за другим— в иное время у Рухсоры скулы бы от смеха заболели, а тут... Рухсора молчала, и я прикрыл свой словесный фонтан. Умолк, но кто мне мог запретить смотреть и любоваться?

Я всегда утверждал, что современные темпы жизни времени для созерцания не оставляют. Так оно и случилось.

— Наврузов? — знакомый голос окликнул меня, и я обернулся.

Кто, как не любимый учитель, может заметить ученика в таком содоме? Конечно же, это был Джура-заде, и я торопливо пожал вялую ладошку Рухсоры:

— Успеха! Буду ждать!..

Вы не знакомы с Учителем Джура-заде? Жаль. Вас, говорю, жаль, Есть учителя и... есть Учителя! Джура-заде — Учитель с большой буквы. Мы, студенты, боготворили его. У нас, в институте, преподавательский состав всегда от прочих отличался. Хватает и авторитетов, и светил, так сказать. Но смотришь на такого и думаешь, похожи вы, дорогой наставник, на величественную колонну... Если взять ее и отставить в сторону, то ни один край мира даже не шелохнется, а вот Джура-заде на своих плечах этот мир держит.

По собственному признанию уважаемого профессора, отличников и бездарей он распознает сразу, а вот «среднячков» долго, не запоминает. Три последних года

профессор руководит моей, мягко говоря, незрелой научной работой, а началось все с небольшого доклада на заседании НСО. Сейчас-то я понимаю, что детский лепет это был, а не доклад, а тогда гордился. Ух, как гордился и обиделся смертельно, что никто не обратил внимания на такой гениальный доклад. Ругать не ругали, но и похвалить забыли. Ладно, думаю, нужна мне эта наука. Я и агрономом проживу. Только через неделю вызывает меня к себе уважаемый ваш Джура-заде, достает из кармана известную всему институту записную книжцу и начинает излагать свои мысли по докладу. Разгромил, конечно, в пух и прах, но подчеркнул, что тема важная, и я должен, обязан продолжать исследования. С «божьей коровкой» очень перспективно может получиться...

Так, с благословения профессора, я стал заниматься наукой, а тема «Интегрированные методы защиты растений» стала темой моей дипломной работы. И не только дипломной... Что тут говорить, умеет старик из своих любимцев жилы вытягивать. Мне-то что — я парень деревенский, с детства привычный на любой работе спину до седьмого пота гнуть, а вот другим каково? Не дай вам бог в любимцах у Джура-заде числиться!

Ведь видел же, черт старый, с кем я стою и разговариваю. Джура-заде все видит, когда хочет, и никакими силами его не заставишь видеть то, чего он не хочет замечать, или делать то, что не по душе. Фанатик! Впрочем, я его люблю. Я и сам фанатик, когда дело до главного доходит. А вот выдержки мне не хватает. Видел ли я, чтобы профессор горячился? Нет. Всегда выдержан, спокоен, но...

Какой огонь под его внешним спокойствием! Ах, какой огонь!

Хотел бы я знать, для чего он меня из толпы извлек? Чем это ему Рухсора не приглянулась? Но ведь не смажет. Наверняка о работе заговорит. Не новая, в общем-то, мысль об интегрированном методе защиты растений. Но все дело в том, как его использовать, какие группы насекомых применять в борьбе с вредителями. В своей дипломной работе я выделил две такие перспективные группы, теперь надо испытать на опытном поле. А потам — внедрять в практику. Тут вот что интересно: еще год назад я заметил, что на целинных и вновь осваиваемых землях полезных насекомых больше, чем на старых полях...

Джура-заде за руку вывел меня из толпы и доброжелательно поглядел поверх очков:

— Приказ о выходе на работу уже есть?

— Нет, муаллим† ... Сказали, когда вернусь из отпуска.

— Так, так,— покивал головой профессор.— Действительно. Отдыхайте, отдыхайте...

— Вы что-то хотели мне сказать?

— Да-да, конечно... А жарко сегодня, — профессор рассеянно поглядел на толпу абитуриентов и повлек меня прочь— Я, знаете, на днях подумал о вашей работе и вновь подивился...

Джура-заде через плечо посмотрел на здание института — цветастую толпу будущих студентов и шумных

---

† М у а л л и м — учитель.

болельщиков уже скрыла густая зелень плакучих ив — и вдруг резко повернулся ко мне:

— Почему же все-таки на старых полях вредных насекомых, то есть — на наш взгляд — вредных, во много раз больше, чем полезных?

— Инсектициды... — пожал плечами я.

— Вздор! Вздор! — быстро сказал профессор. — Почему же вредные уцелели? Думать надо, думать! Не болтаться во время отпуска около института, а думать! И почему вы в городе? Некуда поехать — езжайте в Яван. Да!

Я молча смотрел на своего учителя. Ну что в нем привлекательного? Роста среднего, голова большая, а лицо узкое, волосы на макушке торчат реденьким пушком... Помню, как он впервые пришел к нам в аудиторию и сразу же поразил вопросами. Целых два часа расспрашивал нас о вещах, не имеющих никакого отношения к программе. У одной из девушек, помимо имени, фамилии и отчества, он спросил: «Как вы думаете, какого цвета у вас глаза?», еще у одной из студенток поинтересовался, знает ли она историю своего имени, рода своих предков, у Суфи долго и дотошно выпытывал, какие растения он знает, какие звери и птицы водятся в его краях?

Я до сих пор не могу понять системы его понятий о людях. Но мыслит он оригинально — свежо, остро, поразительно логично. Умение мыслить — вот что мне нравилось в нем. Высокая культура мышления.

За таким вот «содержательным» разговором мы до парка дошли. Здесь, в чайхане, профессор обожает отдыхать. Хотя, какой там отдых! Я еще ни разу не видел,

чтобы он в эту чайхану один ходил — всегда кого-нибудь под руку ведет. Вот как меня сегодня.

Популярный человек — профессор Джура-заде. Чайханщик его у дверей встречает, кланяется, на лучшее место около водоема ведет. Лучшие друзья, да и только. Месяц назад эти «лучшие друзья» два часа до хрипоты спорили. И о чем бы вы думали? О повадках кекликов!

Во время чаепития учитель вновь вернулся к теме моей работы:

— Химические методы борьбы уже не оправдывают себя. Иной раз от них вреда больше, чем пользы. О последствиях нужно думать, о последствиях. Тем более, в наших условиях!

Вот упорный старик! В отпуске же я, в от-пуге-ке! Но он прав — узкие межгорные долины нельзя заливать инсектицидами, одни растения сохраним, а все остальные — в природе все взаимосвязано — уничтожим. Имеем уже горький опыт. Тут думать надо. И почему, все-таки, вредных больше?

После чаепития Джура-заде распрощался со мной и пошел было к выходу: я смотрел ему вслед и думал о том, сколько экзаменов пришлось выдержать моему любимому учителю, чтобы стать таким, каков он есть? Профессор отошел на несколько шагов, остановился и, повернувшись ко мне, тихонько спросил:

— Вы... Не ходите больше в институт во время приемных экзаменов. Не надо. Эта девушка наверняка поступит и без вашего покровительства, — повернулся и пошел себе по дорожке, а я остался сидеть с раскрытым ртом.

А что мне еще делать было?

5. АРОМАТ ЦВЕТКА И ДЫМ СЕНА

После обеда я отправился в «четверку» — надо же узнать, как там Рухсора себя чувствует? Мы мельком виделись в день первого экзамена — Рухсора шла с подружкой и задержалась лишь на мгновение:

— Написала! Темы легкие были. Я выбрала самую легкую: «Образ женщины в «Шахнаме». Слова Чернышевского эпиграфом поставила. Ладно, потом!

И убежала. Сегодня им должны были сообщить оценки, и я с самого утра нервничал. Рухсора что-то делала перед открытым окном и, увидев меня, сразу же показала два пальца. Двойка? Сердце у меня упало, Рухсора не выдержала, засмеялась, и я мысленно пообещал: «Ох, и получишь ты у меня! »

Дни стояли безветренные, жаркие, и пот лил с меня градом. Рухсора встретила меня на пороге, и, полушутя, полусерьезно, пару раз взмахнула над моей головой мокрым полотенцем. Потом ловко разрешила дыню и уложила ароматные ломтики на тарелку:

— Угощайтесь!

— Ну, рассказывайте! — нетерпеливо попросил я, вгрызаясь в сочную дольку.

— Оказывается, у нас здесь все равны. И тот, кто воду носит, и тот, кто кувшины бьет! — Рухсора недовольно махнула рукой.

— Как так? — поперхнулся я.

— Э-э! У меня одна девчонка с черновика списала, а сами звае, какие черновики бывают. А оценки одинаковые. Обеим «хорошо» поставили.

— Может быть, она умело списала,— улыбнулся я.— От себя что-нибудь добавила, стиль выправила. Преподаватель во время проверки не знает, чье сочинение проверяет. Для этой цели разработана специальная система закрытых индексов...

— Ха! — презрительно усмехнулась Рухсора.— Чхать они хотели на эту систему. Я своими глазами видела, как на обороте одного из сочинений точку поставили. Отметили, значит, кому и что ставить!

Не в первый раз Рухсора заводит подобные разговоры, и я всякий раз огорчаюсь. Авторитет института— это авторитет института. Как можно уважать свое учебное заведение, если будешь вести подобные разговоры? Кроме того, я не хочу, чтобы Рухсора с первых шагов своей самостоятельной жизни потеряла веру в справедливость. Эта вера — штука хрупкая, сломать легко, а вырастить почти невозможно.

— Сегодня вторая группа сдавала устный, и десять человек получили двойки,— обеспокоенно сообщила Рухсора.— Одна девушка тоже...

— Это естественно — на то и экзамены.

— У этой девушки опросили, каких она знает змей? А у парня: почему зайцу и медведю в гору бежать легче?

— Задние ноги длиннее, чем передние.

— А она не знала. И я не знаю диких зверей!

— Пойдемте в зоопарк, там я вам все покажу и расскажу, а потом еще и домой провожу. Могу даже билетик за свой счет взять.

— Ладно! — я даже удивился, до того легко Рухсора на эту прогулку согласилась.— Только не одна, а с подружкой.

— Жара уже спала, самое время идти,— против подружки я не возражал.

— Пойду, посмотрю, дома ли она?

Рухсора ушла посмотреть, дома ли подружка, а я огляделся. Нет, верно, говорят, что на земле разумные существа делятся не на расы, а на два биологических вида -- мужчин и женщин. Я в своей комнате прожил пять лет, а она, как была, так и осталась комнатой в общежитии. Пустоватой, неуютной, безликой. Рухсора жила здесь немногим более недели, а уже было видно, что это Дом. Светлый, чистый, уютный. И сразу же ощущалось, что это — девичья комната. По особой свежести, что ли? Не знаю. И еще здорово ощущалось, что живет здесь девушка из Халкасия. И не только по вышивке на полотенцах... Какой-то особо пуританский дух сквозил в этой чистоте...

— Комната открыта, а её нет,— рассеянно сказала Рухсора и остановилась на пороге. Она явно колебалась и, видимо, никак не могла решить: что же ей делать?

— Ничего страшного, пойдет в следующий раз,— наивно утешил я её. Трудно, что ли, догадаться, для чего Рухсоре понадобилась подружка?

— Да-а-а, пойдет,— улыбнулась Рухсора и тут же нахмурилась.— Не дай бог, кто-нибудь увидит, что мы с вами... гуляем... Отец шкуру спустит и соломой набьёт!

— Где он только в городе солому найдет?! — озабоченно сказал я, и Рухсора расхохоталась.

— Вам-то шуточки, а если увидит кто...

— А кто сказал, что нам обязательно под руку друг с другом идти? Можно и на расстоянии...

Рухсора задумалась. «И хочется, и колется, и мама не велит», — весело подумал я и решился на отчаянное: взял её за руку. О, как покраснела Рухсора, о, как бешено застучало моё сердце! Вся моя смелость ушла на этот невинный жест и, когда Рухсора с укором взглянула на меня, я тут же отпустил её руку... Рухсора отвернулась, и косы её суматошно метнулись по спине. Несколько минут мы стояли молча, но, казалось, что я всё ещё держу её за руку и...

— Пойдём, а то поздновато будет, — хрипло сказал я, волнение жарко и сухо сжимало мне горло.

— Пойду, но с условием: по разным тротуарам, — весёлые чертёнята плясали в глубине её глаз. Отчаянно-весёлые чертёнята. И кокетливые.

— Ладно. Тысячу раз ладно! — рассмеялся я.

— И не вздумайте обижаться, — предупредила Рухсора. — У нас, в Халкасае, обычай такой. А то скажут, что не успела в город приехать, уже гуляет с каким-то чужим парнем.

— А со «своим парнем» можно? — съехидничал я. «Чужой парень» резанул мне слух.

— Э-э-э! Посмотрите на этого человека! В наших местах даже такие разговоры — грех. Большой грех! Хотя... — Рухсора раздумчиво наклонила голову, — некоторые встречаются тайно... Поговорить.

— Слава аллаху!— вздохнул я с деланным облегчением.— Значит, тайно нам можно встречаться? Обычаи ваши позволяют?

— О боже! — краска бросилась в лицо Рухсоры, и она прижала ладони к пылающим щёкам.— Я же не это хотела сказать!

— А что у вас в кишлаке делают, если без девушки жить не можешь?

— Если девушка не возражает, посылают сватов,— улыбнулась Рухсора.

— Понял. Я так и сделаю, — сказал и вышел. Пусть переодевается и догоняет.

Я ждал её далеко за воротами и страшно удивился, когда она вышла ко мне во все там же простеньком, домашнем платьице.

— Что случилось? — я даже растерялся от неожиданности.

— Не пойду я,— убито сказала Рухсора.— Извините... Вы уж один...

— Что значит — один? — рассердился я. Рухсора подняла на меня свои умоляющие глаза и... Жалость и нежность мигом смыли мою обиду, и я с трудом удержался, чтобы не погладить по голове эту застенчивую девчонку.— Вы уже почти студентка. Городской житель... а столько страха... Я же вас не в джунгли веду. Чего бояться? Самой, наверное, хочется?..

— Да боюсь же,— жалобно сказала Рухсора и отвернулась.

— Идите, переодевайтесь,— сказал я сурово.— Как же вы будете в институте учиться... такая... робкая? Идите!

— Ладно. Но если что случится, — шутливо пригрозила она мне, — вам отвечать!

— Отвечу, отвечу! — сварливо пробормотал я ей в спину. — Случаться только нечему...

По улице мы шагали на приличном расстоянии друг от друга. И в троллейбус садились с разных площадок. Как чужие. Два парня сразу же привязались к ней, пытаюсь разговорить. Рухсора — вот молодец! — с независимым видом отвернулась от парней и на остановках коротко взглядывала на меня: «Выходим?» Я отрицательно качал головой. Вышли мы у колхозного рынка и по длинному спуску побрели вниз, к зоопарку.

Все еще на расстоянии. Я впереди, а она — сзади. Постояли на мосту, посмотрели, как сплетают свои струи Душанбинка и Лучоб, переглянулись, засмеялись и тем же порядком отправились дальше.

В зоопарке было малоллюдно — будний день. И те, в основном, приезжие... Не балуют душанбинцы свой зоопарк особым вниманием. Предпочитают «В мире животных» по телевизору смотреть. И детишки... На станцию юных техников — они, пожалуйста, а вот в зоопарк или кружок юннатов... Потому и всходы овоа от пшеницы не отличат, а кроме воробья да голубя других птиц не знают.

А я люблю наш зоопарк. Хоть и маленький, но тенистый, уютный. Вот павлин распустил свой радужный хвост и закричал таким неприятным голосом, что Рухсора даже оглянулась. Сказочный мир! Я с детства люблю зверей, и зоопарк мне никогда не наскучит. Брожу от клетки к клетке и словно встречаю давних друзей. Из сказок,

книжек, встреч в горах. Ведь первого в своей жизни медведя я повстречал там, на тропе...

— Смотрите, Рухсора... Это медведица. Какой малыш забавный!

— Это и есть белый медведь? — удивленно взметнула брови Рухсора. — Так он и не белый вовсе!

— Конечно, не белый. Наш, местный. Хы-р-р-рс! — рыкнул я, подражая медведю. «Хырс» — по-таджикски — медведь.

— А на человека он нападает?

— Очень и очень редко. Чаще всего раненый... Хотя... Встречаются и агрессивные. Канадский гризли, например. Тот вообще гигант — до шестисот килограммов весом. Зимой они впадают в спячку...

— И где же спят? — заинтересовалась Рухсора.

— В пещерах, глубоких ямах под корнями упавших деревьев. Готовят себе постель из сухих веток и укладываются на всю зиму. Мне один чабан рассказывал, что собственными глазами видел, как медведь в свою берлогу хворост таскал...

Рухсора слушала меня, широко раскрыв глаза. Она, как и многие её сверстницы, и сверстники, льва и тигра хоть по картинке знают, а расспроси, какие животные в окрестных горах живут? Откуда им, бедненьким, знать, как поздней осенью гоняет медведица своего годовашего детеныша-пестуна по зарослям колючек, чтобы вычесал он свою шубку, залег в берлогу без свалявшихся комков шерсти, без грязи и налипших косточек алычи? Слышали бы они, как жалобно хнычет пестун и сердито ворчит на малыша опытная медведица!

Стайка скворцов ловко воровала овес в загоне у антилоп, и я подумал, что по ловкости скворец намного превосходит известного пройдоху — воробья.

— Что это за птицы, знаете? — спросил я Рухсору.

— У нас их частушками зовут, — чуть помедлив, ответила она.

— Общепринятое название — скворец. А пастушкам «и в ваших местах называют другой его подвид — майну.

Мы присели отдохнуть на скамейку около небольшого искусственного озера, и Рухсора хохотала от души, наблюдая за перебранкой двух молодых гусаков. Мальчишки бросали в воду крошки булки, гусаки наперебой бросались к особенно лакомому кусочку, вытягивая шеи, шипели друг на друга, а в это время кусок подбирал шустрый крикаш-селезень, и все повторялось вновь.

В глазах Рухсоры влажно и выпукло переливалось небо, лебеди, мальчишки, зелень деревьев, я откровенно любовался девушкой и... Я ведь уже говорил, что я — парень деревенский. Неотесанный. И мысли у меня такие же... Неотесанные. Сейчас в моих мыслях колом засело одно: есть ли у Рухсоры жених? Ведет она себя так, будто никого у неё нет. А там поди, знай, что на уме у этих... халкасайских... Может быть, она давным-давно просватана?

Лутфулло не постеснялся бы — спросил прямо, а я не могу. Не принято так в нашем кишлаке. А как принято? Не знаю. Твердо знаю одно: нравится она мне! Значит, я её... Люблю? А что такое любовь? У какого-то академика я вычитал железные, как гвоздодер, слова о любви: «Любовь — это экстремальный случай уважения и понимания». Вот

так. Уважения и понимания. А для того, чтобы понимать человека, надо его знать. Знаю ли я Рухсору? Нет... Но ведь она мне нравится и, что бы я ни узнал про нее, она не перестанет мне нравиться! Значит... люблю? Ничего это не значит. И не дай бог, Рухсора о моих мыслях догадается. А зачем ей догадываться? Может быть, ей никогда и в голову не придут подобные мысли...

Да. Это был чудесный вечер. Первый наш вечер вместе. Мы поужинали в здешнем буфете самбусой и фруктовым соком, побродили еще немножко по аллеям среди вольеров и лишь в сумерках покинули гостеприимный зоопарк. До общежития шли пешком. На перекрестках я брал Рухсору за руку, она краснела, но руки не отбирала, только замолкала ненадолго.

Но даже это молчание не разъединяло нас. Мы и пугались нечаянной близости, и жаждали её, и завидовали городским парням и девчатам, беспечно обнимавшимся прямо под фонарями...

А может, я все это выдумал и не было никакой близости?

Рухсора шагнула в железный провал ворот и исчезла. Милые вы мои ворота, окна, стены! В ушах еще звенел колокольчик: «До свиданья... Спасибо!»—и я готов был обнять и ворота, и окна, и стены... В своих ладонях я хранил тепло ее ладоней... Я посмотрел на свои руки. А глаза! Они, как два скворца, свили гнездо в моем сердце, и каким божественным было это гнездо!

Я шалел от собственных мыслей, полета мечты и колдовской тишины летней ночи. «Они встретились на исходе лета...» — напевал я мысленно.

Все дальнейшее осталось в памяти рваными кадрами нелепо-туманной киноленты. Кадры мелькают мгновенно, останавливаются и продолжаются целые века — изломанно, смято, перевернуто...

Косматый человек, вернее, его качающийся силуэт.
Пьяный?

Резко — косо и быстро набегающий свет фар...

Крик? Взвизг? Стон?

Удар, отбрасывающий меня в тишину и тьму...

Сон...

Я бреду к тротуару, ах, как медленно я бреду, бреду, бреду...

Зачем они кружатся? Зачем? Зачем? Погасите фонари!..

Скамейка, белесые пятна чужих лиц, милицейская фуражка...

Женский крик прорезал тьму, боль, белесые пятна лиц:

— Держите же его! Держите!.. Держите меня, держите... жите, жите...

Жить!

6. О ДЛИНЕ НОЧИ СПРОСИ У БОЛЬНОГО

...Окончательно пришел в себя уже в машине «скорой помощи». Я лежал на носилках, укрепленных довольно высоко — на уровне небольшого окошка, и свет уличных фонарей быстро и косо скользил вначале по ногам, потом по

груди, неслышно касался лица и пропадал за головой. «В больницу везут, — подумал, я вяло. — Жив...» Я хорошо ощущал бинты на голове, туго примотанную к груди правую руку, а тела почему-то не чувствовал. Осторожно шевельнул ногами, спиной, попытался приподняться, но девушка в белой косынке — медсестра — мягко положила мне на плечо ладонь, и губы у неё шевельнулись:

— Лежите, лежите, вам нельзя вставать!

Голос медсестры, такой же мягкий и теплый, как ее ладонь, с трудом пробился ко мне сквозь немолчный звон в ушах, я скорее угадал слова, чем услышал их, но понемучу-то сразу же успокоился и словно бы утонул в мягком покачивании автомобиля, звоне и слабости.

Это странное ощущение безвольного покоя, пронизанного легким головокружением и настырным звоном в ушах, не оставляло меня все время, пока какие-то люди в белых халатах распоряжались, даже не мной, а моим телом, перекладывая с носилок на коляску, потом на сверкающий металлический стол, опять на коляску... Они тихо переговаривались, но я их не слышал, все глубже и глубже погружаясь в блаженное, как невесомость, беспмятство сна...

Проснулся я уже утром следующего дня, в больничной палате, поразившей меня какой-то обнаженно белой пустотой. Безразлично-белой пустотой... По всему телу бродила боль, но не она беспокоила меня, а вот эта безразлично-белая пустота, поселившаяся вдруг во мне. Беспокойство переросло в злость, и до сих пор первые дни в больнице помнятся мне, как дни, наполненные безразлично-белой пустотой и раздражением. Раздражало все:

бесконечная болтовня соседей по палате, холодные руки хирурга в перевязочной, участливые расспросы медсестры Инны — мне казалось, что она приходит в палату лишь для того, чтобы поболтать с моими соседями.

Я натягивал на голову одеяло и часами лежал не шевелясь, притворяясь, что сплю. Иногда я и впрямь засыпал, быстрые сны перевивались с тягучей дремотой, наполненной воспоминаниями, а все вместе навсегда осталось во мне пестрым клубком ощущений и мыслей, повисших в безразлично-белой пустоте.

Лет шесть или семь назад, когда я учился в девятом классе, помню, что был уже конец зимы — промозглой и сырой, мы с двоюродным братом отправились в горы за хворостом. Ишаки остались внизу, на пологой тропе, спускавшейся по склону, а мы долго карабкались вверх, собирая арчовые сучья, подгнившие пеньки и коряги. Солнце уже перевалило за полдень, когда я сложил хворост в кучу, перетянул арканом и, с трудом взвалив на плечи, начал спускаться к тропе. Кто бывал в горах, знает, как это не просто — спускаться вниз, по крутому склону, без тропы, с тяжёлым грузом на спине.

К полудню сильно потеплело, промерзшая земля оттаяла, ноги скользили по глине, и я даже не шел, а ехал, тормозя пятками, от одного куста дикого миндаля до другого, то и дело хватаясь свободной рукой за камни и ветви кустарника. Измотавшись вконец — до тропы оставалось метров сто пятьдесят-двести, я остановился передохнуть. Сбросил на крохотную площадочку тяжелую вязанку и присел на камень. Ни с чем не сравнить этот блаженный миг! В горах всегда трудно. Задыхаясь, бредешь

вверх и видишь только склон горы у себя под ногами, спускаешься вниз — все тот же склон, только в другом ракурсе, а ноги дрожат от напряжения... И лишь в короткие минуты отдыха видишь горы — видишь простор, от которого в восторге замирает сердце. Сидеть бы так бесконечно долго, слушать, как гортанно перекликаются в вышине беркуты, смотреть на долину, голубые цепи хребтов, белые нити ручьев, рыжие отвесы скал... Но уже ложились на снег синеватые тени и ощутимо мерзла вспотевшая спина. «Горячий пот на спине — к добру, холодный — к болезни!» — вспомнил я слова деда и, перехватив двумя руками аркан, одним рывком попытался встать на ноги.

Вязанка, видать, слегка примёрзла, аркан тугой петлёй перехватил плечи, я не удержался на ногах, и все дальнейшее помнится мне, как... Колесо арбы! Я катился вниз, как большое, неуклюжее колесо арбы, и ничто уже не могло остановить моего движения вниз. Закон гор суров — сорвался, пытайся остановиться сразу же: лечь на живот, уцепиться за камень, корень, ветку — потом уже не остановишься, летишь, набирая скорость, сталкивая камни, снег — летишь вместе с лавиной.

Меня спас старый миндаль. Корявый, жилистый, седой от старости, он врос могучими корнями в камень и только вместе с этим камнем его можно было вырвать из склона горы.

Старое дерево спасло меня от верной гибели, а белобородый Насрулло-костоправ — от хромоты. Он долго ощупывал меня быстрыми и сухими, как тонкие коричневые палочки, пальцами, прислушиваясь к чему-то не-

уловимо далёкому, потом сказал, что у меня перелом, и мне придётся полежать. Усто наложил на ногу две дощечки, прибинтовал красной тряпицей, дал отцу пакетик с мумие и велел давать каждый день по крошке... Прошли годы, нога зажила, как и не было ничего, но до сих пор я должник перед тем старым миндальным деревом и белобородым усто Насрулло.

В палате нас четверо. Справа от меня две койки: на одной из них лежит бывший учитель, а ныне пенсионер — Джавад-заде, другую занимает мужчина средних лет по фамилии Окилов, на левой койке спит молодой парень со сломанной рукой — Хусейн. Хусейн появляется в палате только поздно вечером, все остальное время он проводит неизвестно где, и медсестры вечно разыскивают его. Вот и сейчас я слышу, как где-то в коридоре Инна опрашивает, не видел ли кто Хусейна.

— Небось, опять к девушкам на второй этаж отправился,— ворчит Джавад-заде, разворачивая газету.

— Этот парень, не вылечив руки, поломаёт себе ноги,— охотно подхватывает Окилов и мелко хихикает. Его хихиканье — недоброе и ехидное, действует на меня хуже скрежета ножа по стеклу.

— Эдак немудрено и шею сломать,— шелестит газетой учитель, и слова его тоже не нравятся мне.

Джавад-заде, хоть и получил пенсию, как он говорит, «по старости», стариком отнюдь не выглядит. Высокий, могучий, он каждое утро скоблит бритвой тугие щеки, оставляя лишь усы — такие же могучие, как и он сам. Через два дня на третий он бреет и голову, привычно ловко орудуя безопасной бритвой. За дни болезни учитель

почему-то очень близко сошелся с Окиловым, как говорят у нас, «котел и чашка у них стали общими», хотя мне так и непонятно, что же их связывает. Утром и вечером они в столовую не ходят, едят, что приносят из дому.

— Ну-ка, ну-ка, что у нас там сегодня? — потирал руки Окилов. — Та-а-ак: суп гороховый, гуляш, самбуса, виноград...

— Плоховаты здесь завтрак и ужин, плоховаты, — подтверждал Джавад-заде. — Без домашнего не проживёшь.

Они усаживались на койки, ставили два стула и расстилали дастархан, неторопливо обсуждая достоинства того или иного блюда, а ко мне с подносом приходила Инна, повязывала полотенце и начинала кормить... Как маленького — с ложечки. Много есть я стеснялся, мне все время казалось, что Инне неприятно кормить меня, и съев две-три ложки, я отказывался. Но Инна не отступалась, она смотрела на меня умоляющими глазами и уговаривала:

— Еще ложечку, ну, пожалуйста, еще...

Попробуй, откажись, если на тебя смотрят такими глазами!

Инна — симпатичная молодая девушка, очень нравилась больным, ее хвалили на все лады, а я думал, что взгляд и брови у нее, как у Рухсоры. Во всяком случае, мне казалось так.

О том, что я в больнице, никто из близких не знал. Если бы узнала Рухсора, может быть, и пришла. Сообщить ей? Написать письмо, опустить в почтовый ящик, завтра или послезавтра она получит... И что скажет? Получится так, будто я умоляю ее прийти. В своих размышлениях я забывал, что ни написать письмо, ни тем более опустить в

почтовый ящик я не могу, а просить кого-либо никогда в жизни не посмею. Вот если она узнает от кого-нибудь другого! Но «другого» не было — однокурники разъехались, домашним ни в коем случае писать нельзя — к чему волновать по пустякам?— да и кто из моих домашних может сообщить Рухсоре?! А все-таки: я исчез, что может подуматься по этому поводу Рухсора? Нехорошо получается, надо бы сообщить... Жаль, что каникулы — общежитие на ремонте, хоть по телефону бы позвонил, — я вновь забывал о своей руке и неподвижности.

Пока я размышлял подобным образом, глотая остывшую кашу, Джавад-заде ухитрился обидеть Инну. Она, как всегда, уговаривала:

— Ещё ложечку, ну, пожалуйста, ещё...

— Не отказывайся,— степенно облизывая ложку, сказал Оки-лов.— Глотай, пока дают.

— Я в твои годы,— проворчал учитель,— за один присест плов на кило риса съедал, да сверху ещё и дыню «Джураканди» укладывал.

— Вы, муаллим, наверное, в год плова родились,— улыбнулась Инна.— Какая уж там... диета.

Слова девушки почему-то задели Джавад-заде. Он грозно встопорщил усы и нахмурился:

— Вы бы, красавиц, до моих лет сначала дожили, а уж потом... И не дай вам бог, такие дни, как я пережил, видеть!

— Ой! — смутилась Инна.— Не обижайтесь, я же пошутила!

Она посмотрела на меня, спрашивая взглядом: «Ну что плохого было в моих словах?» Я лишь неловко

улыбнулся: Инна была права, но спорить с пожилым человеком...

— Я и не обижаюсь! — все еще сердился Джавадзаде.— Но молоденькой девушке не пристало попусту болтать. Два голода я пережил. Не дороговизна страшна — голод! И на деньги хлеба не купишь! А потом война... До сих пор пуля в плече сидит!

Я слушал слова старика и думал о том, что минувшая война оставила у нас такие следы, что и через сто лет не сотрутся. А с другой стороны... Во время войны люди от голода страдали, сейчас от сытости болеют. На первом курсе мы — трое студентов, снимали квартиру у одного старика. Стоило кому-нибудь из нас прихворнуть, как старик подходил и говорил: «Трубу нужно прочистить, трубу! Труба загрязнилась!» Чем бы мы ни болели, старик твердил: «Трубу прочисти!» Под «трубой» он имел в виду желудок и кишечник. Целые сутки больному не давали ни кусочка лепешки, и лишь на следующие сутки старик начинал поить горячими отварами трав. Поправлялись.

Сегодня Инна, тронув бинты на голове, сказала:

— Завтра на перевязку. Не волнуйтесь, это не больно, — соболезнующе оглядела меня и не удержалась: — Говорят, что вы пьяного из-под машины вытащили? Он ваш знакомый?

— Нет. Так... Прохожий.

— А почему вы не на каникулах?

— Я уже окончил институт. Теперь на работу.

— Да-а? — нарочито удивилась она.— Как интересно!

В глазах у девушки действительно вспыхнул огонек живого интереса, но она почему-то постаралась скрыть его и почти равнодушно спросила:

— И куда же вас распределили?

— Куда? — переспросил я в некоторой растерянности.— Здесь, в городе, оставили.

— Я тоже поступлю в институт, — взмахнула она густыми ресницами.— Еще год отработаю и поступлю.

— Вам легко будет учиться,— вежливо сказал я.— С такой практикой!

Вечером Джавад-заде и Окилов лакомились супом с репой. Терпко-кисловатый запах репы пропитал, кажется, всю комнату. Они и мне предложили, но я отказался. Натянул на голову одеяло и затих. Бедно мы жили в далекую пору моего раннего детства. Да и кто жил лучше в те послевоенные годы? Хлеба не хватало. Исхитрялись кто как мог. Скосив овес, на этом же поле сеяли репу. Всю зиму в золе нашего очага пекли репу. Хворали мы часто, теплой одежды не было, и нас, малышей, часто и до хрипа бил кашель. От кашля мать лечила нас все той же репой, запеченной в золе. Детство мое пропахло репой. Бедность и болезнь пахли репой. Меня трясло от ее запаха.

Пришла Инна, внимательно посмотрела мне в глаза и выскочила в коридор. Вернулась она со шприцем в руках...

— Что, опять никто не пришел навестить? — спросила она, растирая ваткой со спиртом место укола.— Или нет никого?

— Родные далеко. Друзья разъехались...

Мне до смерти хотелось сказать, что есть один человек, который... Но он не знает о моей болезни. Да и придет ли? Сколько мы знакомы? Две недели...

Инна хотела спросить еще что-то, но заметив пристальные взгляды моих соседей, вдруг покраснела и, прикусив губу, быстро вышла из палаты. Мы трое смотрели ей вслед.

— Весна ее жизни,— почему-то вздохнул Джавадзаде. — Красивая! В пору моей молодости таких красавиц мало было,— старый учитель вновь вздохнул, и могучие усы его печально поникли.— А сейчас по улице идешь и сердце замирает — одна другой красивее. Значит, жизнь у нас красивая стала.

— Э-э, дорогой учитель, красота женщины — фарфоровая тарелка,— витиевато начал Окилов.— Кому нужна красота пустой фарфоровой тарелки? Чтобы смотреть? Эти, — Окилов неожиданно зло кивнул в сторону коридора,— хороши, чтобы по бульвару гулять, в кино ходить. А жизнь — это не кино. Около котла с маникюром не походишь.

— Инна не из таких,— сурово возразил Джавадзаде.— Те, кто рук холодной водой ни разу в жизни не мыли, другие. Не меряйте всех одной меркой. Мало она за нами ухаживает?

— Э-э-э! Мне ли их не знать?! — постучал по груди кулаком Окилов,— Что, первый год на свете живу?

Окилов долго и злобно рассказывал, как сын его родственника, не послушав родителей, привел в дом «выше головы ученую» девушку, какой кошмар начался в доме, и с каким позором пришлось эту молодую жену изгнать из дома.

Джавад-заде, понурившись, сидел на стуле и нехотя доил свой грустный ус. Возражать Окилову ему, видимо, не хотелось, и он лишь слабо отмахивался от соседа широкой, как доска, ладонью. Я тоже молчал. Вот был бы на моем месте Лутфулло! Он бы, даже умирая, не смолчал. Ему хоть кол на голове теши—спуску никому не даст. Такой характер. Несправедливости не потерпит. В позапрошлом году сидим в аэропорту — самолет ожидаем. Вдруг двое мужчин — оба под изрядным хмельком, спускаются из ресторана. Узнали, что их самолет улетел, и ну дежурного смены костерить. Так, мол, и так, по радио не объявляете, а люди ждут! Пьяные — что им докажешь. Все молчат, не вмешиваются, а наш правдолюбец Лутфулло поднимается и говорит тем пьяным мужчинам, что он сидел здесь и собственными ушами слышал объявление о посадке на этот рейс. Мужчины мигом отцепились от дежурного и Лутфулло за грудки: «Ты кто такой? Тебе что — больше всех надо?!» Быть бы Лутфулло битым, если бы мы не подоспели. И вы думаете, что он на этом успокоился? Ничего подобного. В милицию обратился... Короче говоря, наш самолет без нас улетел...

Я лежал на спине, слушал, как бубнит Окилов, и думал. Через неделю мне разрешат вставать. Понемножку, разумеется. Хирург до сих пор на перевязке хмурится и головой качает: «Повезло вам, молодой человек!» Хорошо, что Рухсора не видела, как меня стукнуло— вот бы перепугалась, бедняжка! Чем она сейчас занята? Наверное, напрасно я столько о ней думаю: кто знает, как она ко мне относится? Бывают же между людьми просто добрые отношения. Это же ничего не значит. Хотя... Может быть, я

занял какой-то уголок ее сердца? Написать письмо? На письмо надежда слабая. Я хорошо знал, что за время каникул в канцелярии общежития скапливается целая груда писем, и, если Рухсора ниоткуда не ждет письма, зачем бы ей рыться в этой груде? Дать телеграмму? Разве я смогу вместить все свои слова в телеграмму? Что делать? Как она сдала экзамены? Лишь бы прошла по конкурсу! А вдруг не прошла? Вернется в свой Халкасай? Она должна, обязана пройти! Она обязательно прошла по конкурсу, и мы вместе завершим мою работу по биологической защите растений. Божья коровка станет нашим общим другом. И не только она. Наверняка существуют и другие полезные насекомые. На орошаемых землях их осталось совсем мало, но это не значит, что их нет. Я представил себе клеверные и хлопковые поля, на которые не попало ни одной капли инсектицида— поля, а вокруг сплошные пасеки! Десятки, сотни тонн меда получают, помимо всего прочего, люди с этих чистых, как горные луга, полей.

Инна заглянула в дверь нашей палаты. Собралась домой? В туфельках на высоком каблучке, она стала еще стройнее.

— Как дела?— девушка добро улыбнулась мне, и я смутился. То есть я, конечно же, обрадовался и ее доброй улыбке, и заботе, скрытой в словах, и... В душе я проклинал соседей: делать им больше нечего, что ли? Смотрят во все глаза!

— Спасибо, хорошо, — ответил я и, стараясь преодолеть смущение, спросил:

— Инна, а как вас по-настоящему зовут?

— Инобатхон ее зовут! — по привычке хихикнул Окилов.

Меня даже передернуло от его мерзкого хихиканья, но я постарался улыбнуться девушке:

— Какое красивое у вас имя! А почему вас все Инной называют? Если можно, я буду вас звать Инобат, хорошо?

— Дома меня так и зовут, а как только переступаю порог больницы, только и слышу: Инна, Инна... Время, наверное, сейчас такое: не только платья, но и имена укорачивают,— легко улыбнулась Инобат, но тут же смутилась: — Пойду я... Вам ничего не нужно? Если что надо, не стесняйтесь,—тихо проговорила она и отвернулась, теребя ворот нарядного платья.

— Благодарю вас, пока ничего не надо,— в свою очередь смутился я, а в душе полыхнуло жаром: «Попросить отыскать Рухсору?!» Провожая девушку взглядом, я твердо — почти твердо — решил завтра же поговорить с ней о Рухсоре.

Окилов дождался, когда затихнут в коридоре быстрые шаги Инобат и, бросив многозначительный взгляд на Джавад-заде, хитро подмигнул мне:

— А я-то думал, что ты тихоня! Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся.

Я с деланным недоумением посмотрел на Окилова.

— Неужели не понял? — хихикнул он.— Втюрилась в тебя девка — я по глазам вижу, втюрилась. Ну и даешь! Вон Хусейн с утра до ночи за девчонками бегает, а хоть одна пришла, спросила, как самочувствие, что принести, то да се... Хорош... гусь!

— А что? — весело ухмыльнулся Джавад-заде. — Не бойся того, кто гремит, бойся того, кто молчит. Девушки молчаливых любят — молчаливый, значит, надежный.

— Это она жалеет.... То есть... Служба у нее такая, — краска ударила мне в лицо. — Да ещё... Не навещает никто...

— А что тут плохого, если и втюрилась? — с невинным видом спросил Окилов. — Радуйся. Что тут терять? Открытый котел любая собака лизнуть норовит, а тут такой котел открывается! Райский!

— В холодном дымоходе и дым холодный! — сердито проворчал Джавад-заде, неодобрительно поглядывая на Окилова — усы у него встопорщились, и учитель вдруг стал похож на недовольного тигра. — Кто же такие слова молодому человеку говорит? Думать надо!

Мне до дрожи хотелось запустить в Окилова чем-нибудь потяжелее, но я сдержался и постарался говорить как можно спокойнее:

— Неверно вы рассуждаете. По-вашему выходит, если девушка кому-нибудь доброе слово смажет, это уже — «открытый котел»? А ведь доброта в самой природе женщины, ее сущности!

— Женское сердце — это сердце нежности! — поддержал меня учитель. — А кого женщина чаще всего опасается? Нас, мужчин! Кто, чаще всего, угнетает, обижает женщину? Мужчина!

— Не знаю, что вы хотите этим сказать, — надулся Окилов, — но мужчина есть мужчина, а женщина — это только-женщина и ничего более! Верно молодой человек говорит, — ехидно улыбнулся он, — сущность у нее такая...

Окилов неопределенно пошевелил пальцами, показывая, какая у женщины сущность, и жест этот, обычный в человеческом общении, вдруг приобрел у него смысл тайный и пакостный.

— А кто еще вчера требовал, чтобы вас женщина-профессор осмотрела? — рассердился я.— Как это понимать?

— На то ее и учили, чтобы она больных осматривала,— мелко пожевал губами Окилов.— И зарплату вон, какую высокую платят.

Ну что толку спорить с таким человеком? Как говорят у нас в кишлаке: «Железный гвоздь в камень не вобьешь!»

— Пришлось мне однажды такую женщину встретить, что всю душу перевернула,— грустно улыбнулся, глядя на нас, Джавад-заде.— А началось все с пустяка — место я ей свое в поезде уступил. У меня нижнее было, а ей, бедняжке, верхнее досталось...

— И что — сладилось дело?— показал желтые зубы Окилов.

— Верно говорят в народе, что у кривого прямых дорог не бывает,— окончательно рассердился учитель.

— Вот я и говорю,— подхватил Окилов.— Прямота мужчины — одно, а кривизна женщины — другое. Если у женщины есть стыд и совесть, это еще куда ни шло, а если нет...

— Я ему про небеса, а он мне про золу в костре! — Джавад-заде грузно приподнялся и, посмотрев на Окилова, тяжело вздохнул.

— Что бы вы тут ни говорили, а в моих словах самая сердцевина истины. Все, что женщина имеет, она должна только одному мужчине дарить — мужу!—подвел итог спору Окилов и привычно хихикнул.— Одному мужу!

Я уже нащупывал левой рукой кружку, чтобы запустить в его сытое, как блин, лицо, но тут в палату влетел сияющий Хусейн:

— Выписывают!

7. ДНИ И РАЗГОВОРЫ

Верно говорят, что подлинная цена здоровья только немощному известна. Сколько раз я слышал разговоры стариков о том, что здоровье — самое большое счастье в жизни, что беречь его надо смолоду. Слышал и пропускал мимо ушей — кому не известна нудная привычка стариков поучать. Теперь-то я знаю, что старики правы — за их плечами мудрость поколений. Но... Все дело в том, что постигает эту мудрость всяк сам по себе.

Дни тянулись медленно и серо, не дни, а тягучая череда процедур, сна, завтраков, обедов и ужинов, и, таких же тягучих, как эта череда, мыслей. И малейшее событие, разговор, даже слово, приобретали в темном мирке больничной палаты едва ли не глобальное значение.

Мне разрешили ходить! Произошло это утром, сразу после обхода врачей, и я не стал медлить. Кое-как накинул на плечи халат и отправился во двор. Двор, свобода тянули меня неудержимо. На лестнице я столкнулся с Инобат, она несла куда-то коробки с лекарствами и, видимо, торопилась, но, увидав меня, остановилась:

— Видела я вашу Рухсору!— лукаво улыгнулась Инобат.— И, знаете, очень интересно получилось: на автобусной остановке мне встретилась девушка, и я почему-то сразу подумала, что это Рухсора. Пока разыскала общежитие, узнала номер комнаты, нашла ее, стучу, открывается дверь: «Здравствуйте!», та самая девушка. Рухсора! Мы почти до полуночи болтали. Я даже ночевать там осталась...

— ???

— Очень хорошая девушка. Мне понравилась. Только знаете... Какая-то... В общем... Из Халкася,— мягко улыгнулась Инобат.— Суровая...

Я хорошо понял, что имела в виду Инобат под определением: «Суровая» и улынулся в душе: «Мне-то как раз вот такая «суровая» и по душе». Я уж говорил вам, что я деревенский парень. У нас в горах легкомыслие и ветренность не в цене.

Инобат окликнула, и она поспешила в перевязочную, несколько холодновато кивнув на прощание: видимо, ей не понравилась моя глупейшая!—рот до ушей, улыбка. А что я мог с собой поделывать? Мне каждое слово о Рухсоре — знамение о событиях значительных и прекрасных!

Корпуса нашей старенькой городской больнички располагались в таком же старом, как и эти корпуса, парке, и я чуть ли не пел, когда, слегка пошатываясь от слабости, брел по его тенистым аллеям. Рухсора целикам занимала мои мысли, и все вокруг: аллеи, деревья, трели птиц, цветы — все это было Рухсора! В каждом лепестке я видел ее лицо, в каждом шорохе, звоне воды, трелях птиц я слышал ее голос...

Я присел на корточки около большой и довольно запущенной клумбы с цветами. Цветам было нелегко здесь, в тени старых деревьев, они изо всех своих слабых сил тянулись к солнцу, и меня, как необыкновенное открытие, поразила эта слабая и упрямая сила. Мне казалось, что я понимаю язык воды, шелеста листьев, медлительного гула пчел, я растворялся в их многоязыком говоре, как еще в детстве умел растворяться во всем, что окружало меня: камнях, траве, стволах деревьев, ощущая себя камнем, ручьем, деревом, травой на альпийских полянах... Сливаясь с вечной красотой и тайной природы. Мне мазалось, что я давным-давно, в шуме и суете городской жизни, потерял способность вот так, полно и нерасторжимо, сливаться с окружающим миром, и вот, сейчас...

Небольшой пластмассовый мешочек с розоватыми крупинками азотного удобрения сиротливо стоял под скамейкой, я отыскал клочок газеты, отсыпал несколько щепоток и бережно спрятал пакетик в карман халата.

В палате пахло дыней. Окилов, вооружившись большим кухонным ножом, ловко нарезал длинные тонкие ломти, наискось, до самой корки, насекая их на влажно-сахаристые кубики.

— Что это у вас? — спросил он, облизывая губы. Пакетик в моих руках донельзя заинтересовал его — любопытство Окилова не имело границ, и меня всегда поражало, что при таком неумном любопытстве, он оставался глубоко невежественным человеком.

— Удобрение.

— В детстве я не раз слышал такую притчу,— Джавад-заде тыльной стороной ладони расправил усы, что означало: «Слушайте и внимайте!» и, солидно кашлянув, продолжил: — Мальчик спрашивает у арбакеша: «Дядя, что это у вас лежит на арбе?» «Навоз»,— ответил арбакеш. «Какой же это навоз? Это хворост!»— воскликнул мальчик. «Если ты такой умный, зачем спрашиваешь?» — усмехнулся арбакеш.

— А меня в школе учили, что спрашивать не грех! — сказал я.

Старики рассмеялись.

— Нет, кроме шуток, что это такое?— не отставал Окилов.

— Удобрение. Для цветов,— на подоконнике у нас стояло два горшка с чахлыми цикломенами. Я осторожно взрыхлил в горшках землю, растер в порошок крупинки удобрения и, смешав с водой, полил растения.

— Ну и широкая у вас душа! — не сдержал ехидной улыбки Окилов.

— Доброе дело! — поддержал меня Джавад-заде — Что, всю жизнь ломать, что ли? Третий горшок кто разбил? А? — учитель повернулся к Окилову.— Не вы ли?

— Жаль,— тихонько пробормотал я, аккуратно отщипывая засохшие черенки.

— Нашли о чем жалеть! — высокомерно произнес Окилов.— На страшном суде об этом горшке и не вспомнит никто.

— Растения, как люди, и чувствуют, и страдают,— пояснил я.— Они даже плакать умеют!

— Э-э-э, сказки это!

— Я совсем еще мальчишкой был... Надрали мы однажды по полной пазухе зеленого урюка, а мать пугала нас: «Проклянет вас урюковое дерево!» Выходит, мать правду говорила? — постарался скрыть в усах усмешку Джавад-заде.

— Беспокойство растений редко простым глазом заметишь,— уж что-что, а это-то я знал! — но приборы четко фиксируют и беспокойство, и угнетенное состояние растений. Они даже в музыке разбираются. Индийские ученые доказали, что они очень не любят современные джазовые мелодии...

— Ну, теперь я верю, что у травы душа есть! — воскликнул Джавад-заде. — Этот джаз любого с ума сведет! Как его молодежь переносит? А ты серьезно... Про музыку?

Я кивнул.

Окилов с растерянным недоумением вертел головой — он никак не мог понять, шутим мы или серьезно беседуем. Я давно подметил любопытную черточку в характере Окилова: он очень боялся попасть в неудобное положение. Как ни странно, довольно часто вот такие, взрослые, с большим житейским опытом, люди опасаются иметь собственное мнение. Лишь сильный и умный человек способен признаться в незнании или неумении.

— Это прописные истины. Растения — часть живой природы, где все взаимосвязано. Есть растение росянка — она насекомыми питается. Ловит на капельку клейкой массы, похожей на росу, мелких букашек и заглатывает...

— Каких только чудес нет на свете,— тихо качнул головой Джавад-заде.— Каждый день новое открытие. Есть ли предел могуществу человеческого ума? Ученики,

которых я учил читать, сегодня с тайнами мироздания на «ты». Удивительно!

— А-а, оставьте! — Окилов почувствовал себя в родной стихии.— Ученики-ученики... Что, без вас ученик человеком бы не стал? Вы их только читать и писать научили. Вес настоящего человека не чистописанием определяется.

— В каждом из них — частица души моей! — грустно и тихо воскликнул Джавад-заде. Дрожащей рукой он тронул поникшие усы и вышел в коридор.

— Напрасно вы так,— упрекнул я Окилова.

— А чем он гордится?— неожиданно яростно зашипел Окилов.— Мои ученики, мои ученики! Этот этим стал, тот — тем!.. А сам? Чего достиг? Чему можно у нищего научиться? Нищете?

— Вы не правы!— холодная злость бурлила во мне, но я решил не отступать. Лутфулло не простил бы мне отступления.— Каждый из нас всю жизнь несет в себе огонь, зажженный учителем. Отца и первого учителя не забывают никогда. Дети и ученики всегда идут дальше своих родителей и наставников, но, если не научить их ходить, говорить, читать, думать... Вон в Индии двух девочек нашли — волки их воспитали, так они никогда и не стали людьми. Учитель это... Иной раз выше отца с матерью, и единственная его гордость в жизни — ученики!

— И ты туда же,— махнул рукой Окилов.— Он за свою работу деньги получает.

— А у вас какая зарплата?— спросил я Окилова.

— Это зачем тебе знать? — насторожился он.

— Если не секрет? — настаивал я.

— Какой там секрет,— натянуто улыбнулся он.— В среднем — двести рублей в месяц.

— А учитель гораздо меньше получает. И работа у него без перекуров и выходных. И схалтурить он не имеет права — дело с детьми имеет, а не с кирпичами. Тут или уж всю душу отдай, или уходи. И никаких тебе премиальных!

— Я и не говорю, что это мужская работа,— хмыкнул Окилов.— Учительствовать — женское дело.

— Многие так рассуждают, а вот я думаю, что зачастую девушки без призвания в институт педагогический идут, и...

— Знаю я одного человека,— бесцеремонно прервал меня Окилов,—так он тоже учителем был. Прямо скажу, не жил, а бедствовал. Дом старый, детей много, кроме одного костюма, ничего из одежды не было. Недавно встретил его — от удивления чуть собственную тубетейку не проглотил. Гладкий, важный, манеры, как у министра, костюм на нем заграничный, рубашка белоснежная: не хочешь, да поклонись. Говорю ему:

— Как ваши дела, уважаемый учитель?

— Пусть ветер ваши слова унесет,— нахмурился он.— И не напоминайте мне больше про учительство!

Оказывается, оставил он работу в школе и стал инспектором в общепите. Столовые проверяет. Говорит: «Слава богу, теперь живем, как люди. Работа у меня такая, что каждый поблагодарить старается... Ну и я, в свою очередь, людям помогаю».

— Чего же тут хорошего?! — возмутился я.— Был человеком, стал жуликом!

— Плохо ты, брат, жизнь знаешь,— снисходительно выпятил губу Окилов.— Какое же тут жульничество? Ты поможешь человеку, он тебя отблагодарит — теперь все так живут.

— Я так не живу. И мои друзья...

— Молодые вы еще. Обломает жизнь — научитесь.

Я рассмеялся.

— Чего смеешься, неразумный? — подобрал губу Окилов.— Ты, я вижу, еще холостой. Вот будешь свататься — вспомнишь мои слова о том, бывшем, учителе... Сто раз вспомнишь! — Окилов собрал дынные корки на поднос и пошел к двери.— Пойду, разыщу соседа. А то он до вечера дуться будет...

* * *

Вечером, у входа в наш корпус, я встретил дочь Джавад-заде. Она робко попросила позвать отца, и я охотно отправился выполнять ее просьбу.

Старый учитель дремал, укрыв бритую голову теплым одеялом. Любил подремать старик, сидит, сидит, листая какой-нибудь журнал, смотришь, а он уже всхрапывает. Я осторожно тронул его плечо:

— Ваша дочь пришла. Она во дворе ждет.

— Кто ждет? — учитель открыл глаза и сонно потянулся.

— Дочь ваша. Вредно вечером спать, голова болеть будет,— улыбнулся я старику.

— Бог с ней,— буркнул Джавад-заде, и не думая подниматься.— Не беспокойтесь.

— Сказать, чтобы...

— Сиди! — рассердился старик. — Чтоб ее...

Я пожал плечами и пошел к своей кровати. Спрятал вспыхнувшее лицо за газетой — строчки прыгали перед глазами. Никогда еще Джават-заде так со мной не разговаривал. В чем дело? Нехорошо в чужие дела вмешиваться, но ведь ждет же человек! Еще подумает, что я ее просьбу не выполнил... Я уже имел случаи убедиться, что Джавад-заде — старик капризный и своеобразный, но чтобы вот так обойтись с родной дочерью?!

Весело прищелкивая пальцами, пришел Окилов. Он всегда преображался в предчувствии угощения.

— Вставайте, друг мой, — сладко пропел он. — Доченька ваша пришла, ужин принесла!

Джавад-заде лишь махнул рукой.

— Не-е-ет, так дело не пойдет, — настаивал Окилов. — Поднимайтесь, нечего ломаться. Подумаешь, обидчивый какой!

— Не выйду, — упрямо повторил Джавад-заде. — Пусть уходит.

— Расстроится же, — несколько растерялся Окилов. Он несколько мгновений помолчал, а потом спросил примирительно: — Может быть, вы чего-нибудь вкусенького хотите? Я передам.

— Ничего. Пусть больше не приходит.

— Охо-хо, — вздохнул Окилов и пошел объясняться с дочкой приятеля. Вернулся он на удивление быстро, до ушей растягивая полные губы.

— Вот манты так манты! — Окилов с шумом втянул в себя воздух и зажмурился. — Прямо слюнки текут. Нечего

себя мучить. Ну, некогда было ей, говорит, мясо хорошее — специально для вас! — только сегодня достала. Что поделаешь — жизнь! Вы же видели, как я на прошлой неделе свою жену костерил — до могилы запомнит! Семь поколений предков ее в могилах перевернутся от стыда! В девять вечера проклятушая заявила. Я все глаза проглядел, а она: «Сестра поздно с работы пришла. На кого детей оставлю?» Ну, я и выдал ей. На полную катушку. На другой день спозаранку заявила. Я передачу принял, а сам не вышел. И даже полсловечка не передал. Смотрю, под окном ходит и ревет. Так, думаю, тебе и надо. Будешь ценить мужа!

Прятели уселись ужинать, пригласили и меня, но сочные манты не лезли в горло. Я сказал, что мне нельзя острого и ушел из палаты.

Настроение испортилось окончательно. Перед глазами дрожащее лицо дочки Джавад-заде и заплаканная жена Окилова, понуро стоящая под окном палаты. О, женщины, женщины! Имя ваше — любовь, а судьба — терпение.

8. ПОРА ЛЮБВИ — ПОРА МУЧЕНИЙ

Говорят — любовь окрыляет. Не знаю, крыльев за спиной я не чувствовал, но с тех пор, как я познакомился с Рухсорой, сердце мое не знало ни минуты покоя. Было ощущение, что я живу на вокзале, вот-вот подойдет поезд и увезет меня в края волшебные. Я все время чего-то ждал.

Примерно с таким же чувством смотришь увлекательный фильм: до смерти интересно, чем же все это кончится, и одновременно хочется, чтобы фильм продолжался бесконечно. Дикость какая-то. Нелепость. Но все было именно так.

Дни были похожи на сон, сны снились реальнее, чем самая реальная явь. Работал я ассистентом на кафедре Джура-заде, и профессор поглядывал на меня неодобрительно, хотя, как я считал, придраться ко мне он не мог — не за что. Целые дни я проводил в лаборатории или библиотеке, подбирая материалы по биологической защите растений, а выходные проводил на опытном участке...

Рухсора, занимавшая все мои мысли, чувствовала себя прекрасно. Она на удивление быстро освоилась с институтскими порядками и сейчас считалась не только успевающей студенткой, но и активисткой всевозможных кружков и обществ. А меня грызли сомнения: до конца ли искренни и серьезны наши отношения? Невозможно было понять, любит ли меня Рухсора, или сердце ее тянется к дружбе. Настала пора поговорить серьезно. До конца. До полной ясности.

Каждый день я решаю, что сегодня же обязательно, непременно поговорю с Рухсорой, и каждый день что-нибудь да мешает. Нельзя сказать, что мы редко видимся. Видимся-то мы каждый день, иной раз даже по несколько раз. Но что за свидания? Минутные встречи в коридоре или столовой? Полчаса — час прогулки по аллее институтского парка? Ну кто из влюбленных не мечтает провести с любимой девушкой вечер?.. Оранжево-золотистый диск луны трепетно колыхается в длинных, как девичьи косы,

ветвях вавилонской ивы, журчит фонтан, наша крохотная скамейка прячется в густой тени дерева, мы сидим рядышком, тесно прижавшись, друг к другу, и... Рухсора упорно отказывалась от такого свидания.

Между тем над нами собирались грозовые тучи. Халкасайцы и в городе друг за дружкой в сто глаз глядят. Кто-то из них, узнав о наших мимолетных встречах, поспешил сообщить родителям Рухсоры... Рассвирепевший отец девушки тут же явился к ректору института и выложил все, что думает по этому поводу. Ректор вызвал меня.

— Отец приезжал,— без предисловий начал он, справедливо полагая, что мне хорошо известно — чей отец может приехать в институт.— Трудная у нас была беседа. С таким человеком легко и просто не поговоришь,— Саме-заде вздохнул.— А что я мог сказать в твою защиту? Сказал, что парень ты хороший, надежный, что не дело родителей мешать любящим... А он знай одно... Прямо ультиматум передо мной поставил,— усмехнулся ректор и покачал головой.— Требовал, чтобы ты, продолжая работать в институте, купил в городе дом... Уважаемый, сказал я,— Саме-заде прервал себя на полуслове и резко повернулся ко мне.— Ты мне лишних хлопот не устраивай! Задумал жениться — женись. Но так, чтобы ко мне родственники с претензиями не являлись. Ты — работник института, а она студентка-первокурсница... Что могут люди подумать? Любишь, так бери ее в жены, а если что другое... Берегись!

Я опустил голову. Ректор постучал пальцами по столу, поглядел в окно, опять постучал пальцами по

столешнице и лишь тогда соизволил посмотреть на меня. Покорность моя, видать, успокоила его, и он смягчился:

— Ты... Вот что,— мягко и доверительно сказал он — Мало ли в городе хороших девушек? Выбирай любую, приходи ко мне — я сам сватом буду. Свет клином, что ли, на этой халкасайке сошелся? Посмотри на себя — фигура, внешность, красивый парень, стоящий специалист, в самом лучшем институте республики работаешь, а из-за этой девчонки можешь судьбу свою погубить. Плохо, когда человек слишком заносится, но, оказывается, еще хуже, когда он себе цены не знает! — Саме-заде с досадой покачал головой и махнул рукой. — Иди! Подумай!

Так я и не понял ректора: действительно ли он думал так или его высокий пост таких слов требовал? Глупцом его не назовешь, Саме-заде был не только прекрасным администратором, но и крупным ученым. Кто знает, может, ректор по-своему прав?

Рухсору он тоже вызывал, и нельзя сказать, чтобы эта беседа помогла нам. Впрочем, одно было несомненно: мы оба почувствовали, что пришло время решения, и каким бы оно ни было, нам друг без друга не жить. Удивительный человек Рухсора! Истинная женщина — никакой логики в поступках! После беседы с ректором она стала бешено ревновать меня ко всем женщинам без исключения. Стоило мне заговорить с кем-либо из представительниц прекрасного пола, как тут же являлась Рухсора и отзывала меня в сторону на предмет «важного разговора». Конечно же, ничего сверхъестественного не случилось — мне иногда казалось, что Рухсора знает мой день по минутам,— но Рухсора целых полчаса могла меня терзать каким-нибудь

пустяком, дожидаясь, пока моей собеседнице это не надоест. Победно поглядев в сторону удалившейся «соперницы», Рухсора благосклонно разрешала мне «заняться настоящим делом». Ну что ты ей скажешь?

Однажды я спросил ее, почему родители против нашего союза и счастья.

— Не знаю,— тихо ответила Рухсора и пожала плечами. Видно было, что она действительно недоумевает.

— Ведь ты сама говорила, что они не противились поначалу? Дядя твой приходил со мной познакомиться, сестра...

Рухсора вновь пожала плечами.

Мне очень хотелось поцеловать ее — лицо у Рухсоры стало таким... Обиженно-детским и невероятно прелестным. У меня даже губы пересохли.

В начале сентября Рухсора с важным видом отозвала меня в сторону и торжественно объявила, что на днях приедут ее родственники — посмотреть на меня. Я едва сдержал нервный смешок: смотрины, значит, произойдут. Рухсора заметила мою кривую улыбку и нахмурилась. Отошла на несколько шагов, скептически оглядела меня, и...

— Выбрось ты эти галоши,— брезгливо сказала она, указывая на мои выцветшие вельветовые туфли.— Небось, всю свою зарплату на пустяки тратишь.

Во, дает девочка! Туфли ей мои не нравятся! Она, наверное, думает, что (ассистент кафедры многие тысячи получает. А я беднее церковной крысы, как пишут в старых романах.

— Они тебя не видели, но за вас стеной,— продолжала Рухсора.— Тут все в тесный клубок переплелось. Мне

по секрету сказали, что отец какого-то своего друга сватом назвал. У того сын в Москве, в аспирантуре учится... Так что тебе обязательно надо моим родственникам понравиться. Дядя с отцом разговаривал уже, сказал, что парень ты очень хороший, талантливый, поэтому тебя и оставили на кафедре.

— А отец что?

— Отец, — Рухсора поморщилась, будто зеленый урюк разгрызла. — Он жаловаться стал. Никого у них, мол, кроме дочки нет, кто на старости лет кормить будет? Если за него — за тебя я то есть — замуж выйдет, он институт бросит, в свой кишлак уедет, а им — отцу и матери, значит, — негде будет голову приклонить.

Рухсора вновь пожалала плечами и отвернулась.

«Ну, нет, — подумал я. — Разговор этот я до конца доведу. Слишком многое решается в моей жизни. Тут не до церемоний».

— А еще о чем говорили?

Рухсора умоляюще посмотрела на меня.

Я ответил ей суровым взглядом, и она сдалась. Ковыряя носком туфельки паркет, она неохотно призналась:

— А еще отец сказал, что человек ты одинокий, ни влиятельных родственников, ни собственного дома... Что не может он позволить любимой дочке жить под открытым небом.

— А еще?

— Э-э-э! — рассердилась Рухсора. — Много чего говорили, что я тебе — магнитофон? Я только твои слова все до единого помню, а остальные... Очень мне нужно их запоминать!

И убежала, быстро постукивая каблучками.

Вот и пойми — для чего она мне все это рассказала? Что-то с Рухсорой в последнее время непонятное творится. То мила и любезна, а то едва узнает при встрече. «Нет, — твердо решил я. — Нам обязательно поговорить надо. Иначе что это за жизнь? Каторга какая-то!»

Что там ни говори, а жизнь прекрасна и удивительна! И порой явь куда прекраснее любой мечты... Золотой поднос луны медленно катился по широким листьям столетних чинар, наша маленькая скамейка пряталась в их густой тени, где-то звенели струи маленького фонтанчика, а мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и разговаривали. Было уже довольно прохладно, я накинул свой пиджак на округлые плечи Рухсоры, но она не согласилась быть единоличницей, и мой старенький пиджак добросовестно грел нас обоих. Я убеждал Рухсору быть порешительнее и прямо сказать своим близким, что мы любим друг друга...

— С каким это лицом я скажу: «Выдайте меня замуж за такого-то». Ни одна халкасайка так никогда не говорила и не скажет! Это ваши, городские... Ни стыда, ни совести! Кому угодно, что угодно ляпнут.

— Давай тайно регистрируемся, — полушутя, полусерьезно предложил я и замер.

— Ой, выдумал! Лучше мне умереть... Не только родители и родственники, семь поколений предков нас проклянут! Слышать тебя не хочу!

— А что? Регистрируемся и уедем куда-нибудь в Сибирь... Или на Дальний Восток, — все более смелел я.

— Ага... Родители подумают, что я умерла, и оплакивать начнут!

— Через год-два приедем—простят!

— Ты знаешь что такое — родительское проклятие?!— скорбно и тихо спросила Рухсора.— Ни на том, ни на этом свете нам покоя не будет!

— И ты веришь в эту ерунду?

— Попробуй не поверить! Что я не знаю, какая кара постигла ослушников!

— Тогда уговори отца.

— Сам уговори, если умеешь...

Разговаривать с людьми, подобными ее отцу, я не умел. Тут способности Лутфулло нужны. Мы грустно улыбнулись друг другу и надолго замолчали, прислушиваясь к тишине. Где-то в дальнем углу парка тревожно и тоскливо вскрикнула совка-сплюшка: «Сплю! Сплю!» И все же... Виделся мне в грустной улыбке Рухсоры далекий свет надежды. Я твердо верил, что ничто не властно над нашей любовью, если Рухсора всегда будет сидеть вот так, рядом...

— Один парень из нашего кишлака в городе учился и привез в кишлак городскую девушку. Свадьбы, считай, и не было. Так, вечеринка. Соседям сказали, что в городе свадьбу справляли. А оказалось, что увез этот парень невесту без согласия родителей. Год вместе прожили, два, девочка родилась, а все же ушла она... Вот что значит проклятие родителей! Если мать проклянет, то еще ничего, юная жена матерью станет, своим молоком грех проклятья смоем, а вот если отец, то тут уже ничего не поможет,— горько вздохнула Рухсора.

— Ну и мусор у тебя в голове,— укоризненно покачал я головой.— Чему только тебя в школе учили? Из тысяч влюбленных одна-две судьбы и без проклятия родителей рушатся. Вон Инобат, смотри, какая мужественная девушка...

— Что-то ты часто Инобат вспоминаешь?!

— Что тут плохого? Она хорошая девушка.

— Вот и иди к цей!

— Как тебе не стыдно, Рухсора! — обиделся я.

— Я же не говорю, чтобы ты на Манучехра равнялся,— скороговоркой буркнула Рухсора и кокетливо отвернулась.

Вот характер! Как погода весной—то снег, то солнце! И за словом, в карман не полезет.

— Ладно! — как можно солиднее сказал я. Рухсора затихла, прислушиваясь.— Ладно. Поговорю я с твоим отцом. Но... С одним условием: ты мне поможешь.

— Чем? — встрепенулась Рухсора, и трепет этот сказал мне больше любых слов: любит!

— Всему свой срок,— сказал я, лихорадочно придумывая способ убедить ее отца.— Займу у ребят десяток тысяч, хлопну пачкой о стол...

— Эх, ты! — поникла Рухсора.— Расскажи свой сон воде, говорят, помогает. Не нужен моему отцу калым. Был бы нужен — не отпустил бы в город учиться. Стоило ему или мне захотеть — с ног до головы деньгами бы усыпали. Были такие... С деньгами. А меня за деньги не купишь! — гордо вскинула голову Рухсора,— Не родился еще такой человек! Отец, хоть и не шибко передовой, добра мне

желает. Счастья. Потому и колеблется: ты его тоже пойми — как незнакомому ненаглядную доченьку отдать?

— Ну и как быть? Самому пойти—неприлично. Отца своего послать, пусть скажет, что его сын — хороший парень?

— Тебе лишь бы языкам чесать!— сердито топнула Рухсора.— Пять лет человек в институте учился, а для любимой девушки ничего придумать не может!

Сухой листок чинары косо скользнул в воздухе и мягко лег на косы Рухсоры. Я протянул руку, чтобы убрать его... Дальнейшего я никак не ожидал. Рухсора, слоено гибкая расвирепевшая кошка, метнулась в сторону — ослепительно белые зубы сверкнули в темноте,—во, пантера! Багира!

— Это что еще такое?! Что за вольности?!

Я хохотал. Я просто захлебывался хохотом, глядя то на Рухсору, то на сухой листок, который все еще лежал у меня на ладони. Рухсора, широко открыв глаза, шумно дышала во тьме. А я хохотал все громче — почти до истерики, и она не выдержала, засмеялась тоже.

Наш смех победно летел по ночному осеннему парку, по темным кустам и деревьям, по пустынным аллеям и сухой листве.

Громкий, беспечный смех. Почти до слез.

9. ТАЙНА И СТРАСТИ

Не помню другого периода в своей жизни, когда бы мне приходилось столько работать, читать, думать и чувствовать. По-моему, человек взрослеет и мужает не с

возрастом, а в тот момент, когда он вдруг начинает понимать, ощущать всю полноту и беспредельность окружающего мира и, словно Атлант, подставляет свои плечи под грузный свод работы, мыслей и чувств. Кажется, это называется чувством ответственности.

Я вел семинарские занятия. Раньше мне и в голову не приходило, что это так увлекательно, так тяжело и... сложно. Каждый день был для меня открытием. Самого себя, окружающих меня людей, открытием мира. Надо ли говорить, что я готовился к занятиям так, как раньше не готовился к самым серьезным экзаменам. Но зато как легко я чувствовал себя в аудитории, как вдохновлял искренний интерес, вспыхивающий в глазах моих — моих — студентов.

Оказывается, преподаватель сразу же отличает способного ученика от бездарного, трудолюбивого от лентяя, старательного зубрилу от старающегося мыслить самостоятельно и оригинально. И ведь каждый из них — индивидуальность, и в каждом хватало и белого, и черного, и малинового в крапинку, и множество другого и всякого, и... С удивлением я обнаружил вдруг, что мои лекции быстро раскололи студентов на несколько довольно четко различимых групп. Одни пошли за мной сразу и безоговорочно, им было интересно и радостно открывать вслед за мной то, что я сам открывал для себя в пору студенчества, в долгие ночные часы размышлений над шипами, собственными наблюдениями и чувствами. Им было дьявольски интересно идти вперед и открывать. Другие понимали, что мои лекции нужны, и воспринимали их, как восприняли бы любую другую лекцию: «задали —

учи!», и они учили, третьи откровенно обижались, жалуясь на мою излишнюю требовательность: с какой стати они должны учить то, что едва разыщешь в монографиях? Для чего тогда учебники?

С таким же точно удивлением я обнаружил, что мои занятия далеко не безразличны не только студентам, но и преподавателям. Оказывается, кто-то из студентов пожаловался в деканат на мою «придирчивость». Исрофилзаде «дружески» посоветовал не превращать институт в академию и более терпимо относиться к студентам, требуя знаний лишь в рамках утвержденной программы; на одном из собраний преподавательского состава Наими выступил с большой речью о том, что пора пересмотреть устаревшие программы — сама жизнь зовет нас вперед, и при этом многозначительно кивал в мою сторону; Обиди яростно защищал фундаментальность знаний, предостерегая — со ссылками на историю науки — от поспешных выводов и течений...

В деканат я зашел случайно—сейчас уже не помню, зачем. Декан разговаривал с Обиди и Салоховым:

— ... не понимаю, с какой это стати, на мою лекцию? — громко возмущался Обиди.— Почему именно меня необходимо проверять? Два месяца назад все мы прошли конкурс...

— Не думаю, чтобы это было специально,— примирительно сказал Наими.— Знакомятся с постановкой преподавательской работы, а сейчас как раз ваша лекция, — декана, видимо, задели слова Обиди — «все мы прошли конкурс», он, хмыкнув, заглянул в листок с расписанием

лекций и пробормотал, вроде бы ни к кому специально не обращаясь:

— А ведь вы, кажется, болели, когда проходил конкурс? По-моему, это во второй раз?

— А почему бы им не пойти на лекцию вот этого молодого человека? — вдруг обратил на меня внимание Салохов.

— Он же всего лишь ассистент,— пожал плечами Наими.— Что скажет ректор? Приглашать таких солидных людей на лекцию молодого ассистента,— Наими вновь пожал плечами.

— А что? Недурная мысль,— встрепенулся Обиди.— Молодежь нужно воспитывать. Пусть послушают, подскажут...

— Наврузов, у вас уже были сегодня занятия? — декан пожевал губами и выжидательно поглядел на меня.

— Уже провел,— ответил я коротко.

— Я плохо себя чувствую, пусть проведет за меня,— страдальчески сморщился Обиди.

Декан вновь пожевал губами, обдумывая слова Обиди, потом в глазах у него что-то мелькнуло, и он кивнул головой.

— Хорошо. Пусть проводит. Учтите —нас проверяет серьезная академическая комиссия. Это высокая честь и... Экзамен на зрелость,— декан ободряюще улыбнулся.— Желаю удачи!

— Кроме пользы ничего не будет,— больно развалился в кресле Обиди, закуривая сигарету.— Мне, например, всегда помогали советы старших товарищей.

«Говори, говори,— подумал я, сжав зубы.— Я хорошо помню, как однажды в аудиторию, где ты читал лекцию,— какое там «читал», бубнил по тетради — зашли члены комиссии. Помню, как ты торопливо прятал в портфель тетрадь, как по-петушиному взлетел на кафедру и стал пространно объяснять значение зимних поливов. Всем нам эта тема — тема твоей кандидатской — была известна чуть ли не наизусть. До тошноты «Советы старших товарищей» ему, видите ли, всегда помогали!»

Что тут скрывать, волновался я так, что до сих пор дрожь пробирает. Когда Джура-заде вместе с гостем вошли в аудиторию, спазма сжала мне горло, и минуты три я вообще молчал. Выручил Джура-заде. Он мелыком глянул на меня и... с грохотом уронил свой портфель, как всегда, до отказа набитый книгами... Дай мне бог, хоть когда-нибудь стать таким же мудрым и неловким!

В деканате, после занятия, гость улыбочиво расспросил меня о здоровье, настроении — ничего особенного, обычная вежливость незнакомого человека; необычной была его короткая реплика:

— Хорошим преподавателем будете. Пора вас к научной работе привлекать,— гость записал мою фамилию в изящный блокнотик и добавил: — Если хотите, поступайте к нам в аспирантуру.

«Господи,— подумал я в совершенной растерянности.— Хоть бы Джура-заде еще раз уронил свой портфель!» Даже поблагодарить не сумел. Пробормотал что-то нечленораздельное, заливаясь краской, и удрал из деканата.

Через несколько дней Джура-заде решил, что пора меня спустить с высот на грешную землю:

— Да-а,— сказал он.— Восходящая звезда... Аспирантура... Эт-то хорошо. Эт-то подарок. Подарочек. Не будет вам подарка. Со стыда можно было сгореть, слушая ваше мычание на лекции. Вы когда-нибудь слышали...

Дальнейшее можно не приводить. Уж кто-кто, а Джура-заде умел возвращать на грешную землю. Из самых заоблачных высот. Я даже и не слышал о тех аспектах проблемы, которые мне следовало, если не раскрыть, то хотя бы упомянуть на той злополучной лекции. Вручив мне длинный список рекомендуемой литературы — почти половина на английском! — Джура-заде величаво удалился. Зевс! Громовержец. Ну когда мне это читать? Когда? Я и так спал не более пяти-шести часов в сутки.

Впрочем Джура-ака был, как всегда прав. Пора было возвращаться на грешную землю. У меня как раз назрел конфликт со старостой группы. Активист, душа коллектива, энергичный парень, один из тех, кто неизменно участвует и организует все институтские мероприятия, староста мне нравился своей, бьющей через край, энергией. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что он не только не знает темы прошлого занятия, но и вообще «плавает» по предмету!

Мог ли я думать, что «неуд», поставленный старосте, вызовет такие страсти среди нашей преподавательской общности. Первый дальний раскат грома я мог бы услышать в нарочито-мягком предупреждении Исрофил-заде:

— Авторитет старосты не следует подрывать. Уж больно вы ...не гибкий.

А меня отец гибкости не учил. «Прямая борозда добрый хлеб дарит,— говорил он.— Кривой правды не бывает».

Если и есть в мире действительно неунывающий человек, так это Манучехр — мой друг и однокурсник. Вот кому я иной раз завидую! Для него не существует проблем — их он решает так, словно орешки щелкает: сверкнет белыми зубами, улыбается, щелк! — и готово. Вот оно — ядрышко. Меня всегда поражало и восхищало это его умение. А Манучехр, знай себе, хохочет. Да так заразительно!

Далеко не каждый человек умеет смеяться от души. Один просто кривит губы, второй улыбается, а глаза холодные, третий просто-напросто боится смеха... Манучехр смеется так, что улетают прочь любые заботы. Вот так же, по-детски беспечно, иной раз хохочет Джуразаде.

Я как-то рассказал ему, что в детстве любил наблюдать за муравьями, и однажды мне в голову пришла совершенно гениальная мысль: муравьи терпеть не могут, когда в муравейник проникают посторонние насекомые, а у нашего щенка столько блох, что он даже бегать не может — все время чешется. Дай, думаю, зарю щенка по шею в муравейник. Муравьи съедят всех блох и облегчат страдания бедняжки. Сказано — сделано. Я сунул щенка в муравейник, засыпал его по шею и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Щенок вдруг взвыл дурным голосом, косматой кометой взлетел над муравейником и с такой

скоростью метнулся вниз, что у меня в глазах зарябило. Вернулся домой он только на следующий день.

Джура-заде смеялся так, что я забеспокоился — как бы не задохнулся.

Манучехр еще летом, получив диплом, уехал в дальний областной город, но сейчас был в Душанбе — решил заочно учиться в аспирантуре. К нему-то я и отправился. Тоска обручем сжимала сердце — уж больно все неопределенно, зыбко, тревожно... Да и куда пойти вечером молодому холостяку. Ресторан не для меня, кино не прельщало, чайхана? Попробуй, найди сейчас в городе чайхану, где, как в былые годы, можно было бы допоздна посидеть с друзьями, поболтать, попивая чаек?! Маленькие, уютные чайханы, что раньше были в каждом квартале, позакрывали, остальные модернизировали так, что не поймешь — ресторан это или чайхана. Да и цены там стали непомерные.

Когда при мне заходит разговор о чайхане, я невольно вспоминаю старого музыканта Самими. Старик без чайханы жить не мог и в любой разговор вставлял слово «чайхана». «Вчера, когда я вышел из чайханы..», «Сидел я в чайхане и думал...», «А у нас, в чайхане...». Однажды на худсовете Союза, композиторов обсуждалась опера молодого композитора. Самими вышел на трибуну, откашлялся и начал так: — «Я тебе еще два месяца назад, в чайхане...» От смеха все полегли...

На мое счастье Манучехр был дома, когда я, окончательно затосковав, отправился к его дальним родственникам, которые души в моем друге не чаяли и предоставили целую комнату в его распоряжение. Манучехр

крутился перед зеркалом. Ну что за человек! Хоть земля тресни, а он из дому не выйдет, пока галстук не завяжет и в зеркало не заглянет.

— Прошу тебя, о милый друг, прошу, скорей входи!— пропел Манучехр, раскрывая объятия. Мы обнялись.

— Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил Манучехр, наклоняясь, ко мне. Тон у него серьезный, а в глазах чертики так и скачут.

— Да так. Что-то не по себе...

— Суду все ясно,— торжественно произнес Манучехр — Одна, не будем называть ее имя, луноликая красавица смутила покой моего друга Вафо, и он, пав в бездну отчаяния... Итак — вывод: будем гулять, приятно беседовать и топить свое горе в чаше с вином. Как бессмертный Хайям. На танцы все равно не пойдешь — танцевать ты так и не научился, на ресторан и чашу с вином денег у нас с тобой нет... Значит, да здравствует парковая веранда и две бутылки пива!

И мы отправились в парк.

Манучехр весело болтал, я краем уха слушал его и думал: «А ведь «легкомысленный» Манучехр далеко не так легкомыслен, как многие думают. И в город он приехал не только из-за аспирантуры... Еще в больнице я познакомил его с Инобат, и Рухсора недавно говорила, что... Кажется, это серьезно...»

— Ты со мной гуляешь или со своими мыслями? — толкнул меня плечом Манучехр.— Я его, понимаете ли, развлекаю, а он надул щеки и молчит.

— Говорят, ты остался без научного руководителя?— сказал я и тут же выругал себя в душе за неуместный вопрос.

Но Манучехр даже не почесался:

— Ха! Была бы голова, а тубетейка найдется. У меня сейчас другие дела.

— Это что у тебя за дела? — сердито спросил я.

— В кружок самодеятельности хожу. На отделение изящных искусств!

— Господи! Это-то тебе зачем? Ходил бы уж лучше в какой-нибудь научный кружок!

— Пять лет учился — пора и отдохнуть! — беспечно ухмыльнулся Манучехр — Пусть наукой такие, как ты, занимаются. Ты случайно не видел — в институтском фойе место расчищают.

— Нет,— ответил я неосторожно.— А зачем?

— Бюст твой будут там устанавливать. В обнимку с божьей коровкой!

— Ну знаешь... Всяким шуткам есть предел! — разозлился я.

— Не сердись,— тихонько попросил Манучехр.— Это я... От растерянности. Инобат в кружок самодеятельности ходит...

Мы надолго замолчали, и грустным было наше молчание.

Вообще, этот вечер так и остался в моей памяти, как вечер, окутанный легкой пеленой грусти. Мы словно бы прощались с чем-то. С юностью? Беспечным смехом? Друг с другом?

Я рассказал Манучехру о разговоре с Рухсорой:

— Не вижу иного выхода — надо разговаривать с ее отцом. А как с ним поговоришь?

— Здесь, в городе, ты ничего не сделаешь! — загорелся мой друг. — Надо ехать в Халкасай!

— Ну и что? — уныло сказал я. — Приедем и в ноги повалимся: отдайте дочь, жить без нее не могу?!

— Увидав воду — снимай сапоги! — отмел мои возражения Манучехр. — Завтра же едем в Халкасай, а там видно будет.

— Может быть... Рухсоре сказать?

— Ни в коем случае! — с железной решимостью воскликнул Манучехр. — Она все дело испортит. Да и что она сказать может? Жених приехал?

— Может... Кого-нибудь постарше с собой взять?

— Мы не свататься едем, а на разведку. Разведка боем, так сказать. Не трусь! Такие добрые молодцы, как мы, любое дело провернуть могут. А уж девчонку украсть — нет проблемы.

— Храбрый ты больно. То-то я смотрю, как ты Инобат крадешь!

— Здесь другое. Здесь мой характер проклятый — легкомысленный ты человек, говорит, язык у тебя без привязи.

Мы вздохнули. Я же говорил вам, что грустный вечер у нас вышел.

10. ВЫСОК ПОРОГ ДОМА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

«Без дыханья любви даже факел не станет гореть», — четыре года тому назад я записал этот афоризм в дневник и

долго гордился собственной мудростью. На днях дневник вновь попался мне на глаза, я перелистал тетрадь и грустно улыбнулся: какая наивность! Как говорит у нас в кишлаке: «Еще никому не удавалось сшить себе халат из самомнения». И вы думаете, что за прошедшие четыре года я исправился? Ничуть. Еще недавно я улыбался в душе, слушая слова ректора о наших отношениях с Рухсорой. Не прошло и месяца, как я убедился в правоте многих его слов и совершенно не уверен, что в ближайшем будущем не сбудутся другие его предсказания.

Моя любовь к Рухсоре стала достоянием общест-венности. Пошли суды-пересуды, сбывалось парное предсказание ректора: никого не удивит и не затронет любовь студента и студентки, любовь преподавателя к учительнице, но любовь преподавателя к студентке шокирует многих. «Тут, знаете ли, есть особые нюансы»,— сказал ректор и я, глупец, не поверил ему. А, между тем, тучи над нашими головами стали сгущаться весьма стремительно. Многие преподаватели стали очень прохладно относиться и ко мне, и к Рухсоре—меня это задевало мало, но очень беспокоило настроение Рухсоры: она мрачнела с каждым днем. Я не знал, что делать. Неприязнь к обидчикам могла перерасти у Рухсоры в нелюбовь к институту, а ведь самые счастливые годы жизни — это студенческие годы! Кроме того, нельзя же из-за обиды на преподавателя, терять веру во все человечество, в высокие идеалы и светлое будущее.

Впрочем, и сам я чувствовал себя не лучшим образом. Внешне виду не показывал, но на душе горько. Поездка в Халкасай добра не принесла. Осторожные расспросы

Манучехра о родственниках Рухсоры привели к тому, что мы оказались во дворе ее дяди, где нас встретили отнюдь не как дорогих гостей. Язык не поворачивается рассказать о тех оскорблениях, угрозах, которые обрушились на наши бедные головы. Прямо скажу: еле ноги унесли. Садами и огородами, провожаемые свистом и улюлюканием мальчишек, ушли мы из Халкасаея — на автобусную остановку, расположенную в центре кишлака, мы не решились даже и показаться. Халкасайцы — люди решительные, и кулаки у них крепкие, а незваных гостей они, судя по всему, не очень любят.

Я брел, не разбирая дороги, от обиды и возмущения было темно в глазах, и лишь одно было на уме: что делать? Манучехр шагал рядом и ругался. Позже он говорил, что ругань всегда успокаивает его. Не знаю, может, это и так, но мне этот метод успокоения не очень подходит. Хотя... В тот момент ругань Манучехра, а он не обошел молчанием ни могил предков, ни усьмы и сурьмы всех их прабабушек, приносила мне даже какое-то злорадное удовольствие.

Наконец Манучехр выдохся и неожиданно спокойно повернулся ко мне:

— Слушай, Вафо, неужели ты хочешь породниться с этими скандалистами?! Я бы ни за какие деньги не переступил порога этого дома! Будь Рухсора даже самой несравненной жемчужиной, и то... Как вспомню слова ее старшей сестры!.. И вообще, я удивляюсь, что ты в Рухсоре нашел? Что, у нас в институте не было девушек лучше? Даже на нашем курсе... Вон, недавно Санавбар приезжала. Узнала, что ты в халкасайку влюбился, попросила, чтобы я ей Рухсору показал.

— Ну и что? — посмотрел я на Манучехра.

— Жаль,— сказала.— Пропадет Вафо.

— Слушай ты эти разговоры,— буркнул я и отвернулся.

Мы молча дошли до шоссе и на попутном грузовике вернулись в город. Прощаясь со мной, Манучехр неожиданно беспечно улыбнулся:

— Нет худа без добра!

— ???

— А чему тут удивляться?! — весело оскалился Манучехр.— Поход в нашу пользу. По Халкасаю пройдет слух о нашем посещении и о Рухсоре пойдут разговоры. Как говорят, на чужой роток не накинешь платок. Досужие кумушки ославят девушку, и родственники, чтобы избежать сплетен, будут вынуждены выдать ее за тебя замуж.— Манучехр постоял, посвистел, вытянув губы трубочкой, и с довольным видом повернулся ко мне: — А знаешь, мне показалось, что Рухсора не очень-то к «советам» родственников прислушивается. Иначе... Чего бы им так горячиться? Видно, с характером девушка. И на своем настоять сможет. Так что, ложись на него.

С тем мы и расстались. Хотелось бы мне иметь уверенность Манучехра.

Заснуть я не мог и до глубокой ночи вспоминал все обстоятельства поездки в Халкасай, Проклятый вопрос: «Что делать?»—не давал покоя. Уже к утру решил, что помочь (мне могут только «авторитетные» сваты. Утром отправился к Джура-заде и, рассказав ему обо всем, попросил поговорить с родителями Рухсоры. Учитель, казалось, ничуть не удивился моей просьбе. Впрочем, и

особой радости тоже не выразил. Пожевал, по привычке, нижнюю губу и сказал:

— Хорошо. Только... Одному мне ехать неудобно. Я поговорю с давним своим другом, и мы поедем вдвоем. Не завтра, конечно.

Не поехали они и послезавтра. Прошла недели, прежде чѐм Джура-заде и его друг — внешне очень солидный «представительный» мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти, отправились в Халкасай.

Особого успеха их миссия не имела, хотя, как выразился учитель, «сталь их недоброжелательства превратилась в воск внимания». Договорились, что надо подождать годик. Пусть, мол, молодые люди (то есть мы с Рухсорой) проверят свои чувства, а старики (то есть родители девушки) привыкнут к мысли, что Рухсора покинет их дом. Время, мол, само сгладит все шероховатости дела.

Я поблагодарил учителя за участие и поддержку, но видимо тон мой не очень понравился Джура-заде. Он внимательно посмотрел на меня, пожевал губу, хотел что-то сказать, но лишь слабо махнул рукой:

— Не стоит. Иди.

В глазах учителя промелькнула какая-то искорка, и я не понял: то ли он сердится на меня, то ли лукаво усмехается: «Торопишься, молодой человек, торопишься!»

Сейчас, по прошествии времени, дни и события, происходившие со мной после поездки в Халкасай, вспоминаются мрачноватой чередой лиц, разговоров, сценок... Кажется, что я смотрю в трубку серого калейдоскопа, где

все эти лица, (разговоры и сценки, уменьшенные в размере, складываются из всевозможных оттенков серого цвета.

...Сразу после нашего с Манучехром «визита» в Халкасай, кто-то из досужих родственников написал жалобу на имя ректора института, где говорилось, что два хулигана, ворвавшись в мирный дом одного из халкасайских жителей, всячески оскорбляли его обитателей, что один из этих хулиганов — преподаватель института, постоянно преследует (ясно, что с нечистыми намерениями) одну из халкасайских девушек, которую колхоз направил учиться в институт с тем, чтобы она высококвалифицированным специалистом вернулась в родной кишлак.

Ректор, получив жалобу, поморщился, как от зубной боли, но сам рассматривать не стал — передал в комитет комсомола. Члены комитета комсомола обсудили жалобу и... единогласно объявили выговор. Устный. Без занесения в личное дело. Я обиделся:

— На каком основании?! За что выговор?

— За то,— серьезно ответил секретарь комитета комсомола.— За то, что ты своей нерешительностью и слабохарактерностью довел дело до появления подобных жалоб. За то, что сплетни про вас с Рухсорой стали появляться. Ты что думаешь, мы не понимаем, что вся эта жалоба от начала до конца — злобная клевета? — вдруг взорвался секретарь.— Ты не маленький — прекрасно знаешь, с каким трудом мы уговариваем девушек из Халкасай учиться в нашем институте! А какая слава теперь про наш институт пойдет? Какие родители согласятся отпустить ненаглядных дочерей к нам, если здесь преподаватели «преследуют» студенток?! Мы твои чувства

к Рухсоре уважаем, но твоя любовь в данных обстоятельствах, не только твое личное дело!

— А чье же еще?— не сдержался я.— Комитета комсомола?

— И комитета комсомола тоже,— твердо сказал секретарь.— Давно бы мог прийти к нам и сказать! «Помогите, ребята. Мы любим друг друга, а родители против...»

— Ну и что?

— Вот пойд и подумай: «Что?»

...Рухсора избегает меня. Прячется. Во время наших коротких и случайных встреч на лестницах и в коридорах института мне кажется, что все вокруг вдруг замолкают и смотрят только на нас. Усмехаются. Шепчутся. Много позже Рухсора мне призналась, что у нее было точно такое же чувство. А, наверное, никто и не шептался, до сих пор не могу понять, почему нам так казалось?

...Попросил Манучехра передать Рухсоре записку с просьбой о свидании.

...Никому не дано испытать яд ожидания в большей мере, чем влюбленному. Говорят, что ожидание хуже смерти, и это несомненно. Также несомненно, что эти слова впервые произнес влюбленный, который, как и я, более двух часов ждал любимую... А она не пришла.

Утром я разыскал Манучехра, и можете себе представить, какой у нас с ним получился разговор. В результате Манучехр вновь принялся ругаться, а потом пообещал еще раз встретиться с Рухсорой.

... А она вела себя так, словно ничего особенного не случилось. Подошла, кокетливо покачивая на указательном

пальце изящную сумочку, «мило улыбнулась и принялась болтать о всевозможных пустяках. Как будто нам больше и говорить не о чем!

— Оказывается, тебя сватать приходили,— резко прервал я кокетливую болтовню Рухсору.— А ты даже и не сказала мне!

— Кто это тебя просветил? — насупилась Рухсора.— Кому это понадобилось?

— Сказали,— коротко буркнул, я и отвернулся.

— Нет, ты скажи,— настаивала Рухсора, заглядывая мне в глаза.

—Инобат сказала.

—Ах, вот оно что! — иронически улыбнулась Рухсора,— Твой благодетельный друг! И чего это она в наш институт не поступает? Все ближе была бы...

— Зря ты так... Инобат нам друг и желает только добра,— я все еще сердился, и Рухсора почувствовала это.

— И что же она сказала, твоя Инобат?—колко и холодно спросила она.

— То, что ты сама должна была сказать! — окончательно рассердился я.— Что к тебе «покупатели» приходили.

— И все? — хихикнула Рухсора. И все также кокетливо размахивая сумкой, беспечно доложила.— Трое приходили. Честное слово, я не знала, что они придут. Мне на перемене сказали, что родственники дожидаются... Я обрадовалась, в вестибюль выскочила, а там... эти... стоят. Что же, мне их палкой гнать? Пришли — пусть смотрят.

— А мне почему не сказала?

— Боялась, что расстроишься! — Рухсора умоляюще посмотрела на меня, и я не выдержал — улыбнулся.— Когда Джура-заде меня сватать ездил, ты мне ничего не сказал,— укорила меня Рухсора.

— О том, что он собирается ехать в Халкасай, я тебя предупредил, а вот когда он поедет, я и сам не знал... А почему это тебя так задело?

— Да, понимаешь,— смутилась Рухсора,— у нас, в Халкасае, не принято просто так... Без предупреждения свататься.

— Как это? — не понял я.

— Ну-у... Обычай такой. Вначале через знакомых передают, что свататься придут, а сами не приходят. Потом еще раз передают, и еще... И лишь потом сваты приходят, но разговаривают намеками. Считается, что это означает серьезные намерения. Встречаются не один и не два раза...

— Что же, мне еще раз уговаривать Джура-заде на поездку в Халкасай?

— Отец говорил, что порог дома, где живет любимая девушка, очень высок — не у каждого хватит сил взобраться,— лукаво улынулась Рухсора.

— У меня этот порог уже вот где сидит,— пожаловался я, постучав ребром ладони по шее.— Скоро с работы уволят — ни одной мысли в голове.

— И правильно сделают! — сердито топнула ножкой Рухсора.— Ты — мужчина! У нас, в Халкасае, настоящие мужчины никогда женщине не жалуются. Я уже тебе говорила, что согласна быть твоей женой, но моя воля в руках у моих родителей. Добивайся у них согласия! Я тебя люблю и никого другого мне не надо, но...

Рухсора резко вздернула вверх голову, отвернулась и замолчала. Я понуро топтался рядом. Что я мог сказать? Что люблю ее? Она и так это знала...

— Глупый ты,— неожиданно ласково сказала Рухсора—Глупый и бестолковый. Поделом тебе выговор дали,— вздохнула она.— Это же сообразить надо — с Манучехром в Халкасай поехать! Хорошо, хоть там на вас собак не спустили — вот весело было бы!

— Кому весело, а кому и нет,— нервно усмехнулся я, вспомнив, как мы с Манучехром пробирались по огородам к шоссе.

— Мы — люди деревенские, неученые, у нас незванных гостей просто встречают... и провожают,— кротко потупилась Рухсора.— У нас девушек ценят... Вот будет у самого дочка,— покраснела Рухсора.— Узнаешь, каково это — постороннему человеку дочь отдавать!

— Ты как старушка рассуждаешь.

— Не обижайся,— ласково пропела Рухсора. У нее была удивительная способность петь самые обычные слова. Не говорить, а именно петь — легко и мелодично — Знаешь, я думаю, что тебе надо к ректору сходить. Уж, если сам в Халкасай приедет — отец не устоит...

— Неудобно,— засомневался я.— А вдруг не согласится? Если бы с самого начала... А то... Джура-заде уже ездил...

— А ну тебя! — вновь сердито топнула ножкой Рухсора.— На одну ступеньку подняться не можешь, куда уж тебе все крыльцо одолеть!

Я смотрел и любовался. Ну, скажите, есть ли на свете другая такая девушка: сердитая, ласковая и кокетливая одновременно. И гордая. И... моя!

* * *

Осень в наших краях — лучшее время года. По утрам небо такое чистое, что все вокруг кажется хрустально-тонким — тронь и зазвенит. Летом утренние зори полыхают алым пожаром, и зной с рассвета заливаает долины. Осенние зори нежны и прозрачны, а солнце золотой чашей, медлительно и величаво, всплывает над зубцами гор.

Еще очень рано. Над смутно белеющей стеной хребта только-только, появилась легкая голубизна, с каждой минутой темно-фиолетовое ночное небо наливается этой легкой голубизной, в которой угадывается долгий и ясный день, полный вот такой легкой голубизны, дрожания паутинок и особой чистоты воздуха. Вода в ручье тоже набирает голубизну — вода очень чистая и очень холодная. Я черпаю воду ладонями — она пахнет осенью: палым листом и заморозками; лицо и плечи уже горят, но мне хорошо, я с детства привык к холодной воде.

Этой осенью студенты нашего института уехали на уборку хлопка в колхозы Вахшской долины немного раньше обычного — синоптики обещали скорую непогоду, но пока ничто не предвещало ее, дни стояли сухие и солнечные. Мы — студенты и молодые преподаватели, почти месяц живем в этом колхозе, но за этот месяц я только один раз видел Рухсору — приезжала на центральную усадьбу за покупками в магазин. Пер-

вокурсники жили довольно далеко от центральной усадьбы, почти у самых холмов, что желтовато-размытыми тенями виднелись у горизонта — там колхоз осваивал целинные земли. По вечерам, возвращаясь с поля, я умывался в ручье, ужинал и уходил на край села в сад, где подолгу сидел, уносясь мыслями вдаль.

Лишь к концу месяца мне представилась возможность увидеться с Рухсорой — Исрофилзаде, руководитель группы первокурсников, уезжая на несколько дней в Душанбе, уговорил наше руководство назначить меня его заместителем. «На несколько дней»,— говорил он, но эти «несколько дней» растянулись на целый месяц, и не хотел бы я, чтобы в моей жизни этот месяц повторился еще раз!

Без преувеличения могу сказать, что этот день был самым длинным в моей жизни. К вечеру я искурил чуть ли не две пачки сигарет, и едкая горечь уже обжигала мне губы, но я глотал табачный дым, прикуривая сигарету за сигаретой трясущимися от волнения руками. Курил и восстанавливал в памяти все события минувшей недели.

...С первого же дня своего руководства группой первокурсников, я, как вол, впрягся в работу. Высококочтимый и сладкоречивый Исрофил-заде совершенно не вел никакой документации на собранный студентами хлопок, непонятно было, сколько денег мы должны были колхозу за питание, а сколько—колхоз нам, за собранный хлопок. Три дня я мотался от бригадира к табельщику, от него в правление колхоза, и вновь к бригадиру, пока не выяснил все досконально и не навел порядок в документации. Самое обидное было в том, что Исрофил-заде не счел нужным представить меня бригадиру и табельщику как

преподавателя института, и они считали меня студентом, назначенным на должность учетчика. Каюсь, но у меня не хватило духу и желания разубедить их. Какая, казалось мне, разница, кем я работаю в институте, главное, что мы все делаем одно общее дело!

По возвращении из Душанбе Исрофил-заде полистал документацию, поговорил с бригадиром и, разыскав меня, объявил, что у него важные дела в «Штабе урожая», что вернется он лишь поздно вечером, и мне следует его непременно дожидаться. Поздно вечером он привез приказ о том, что я остаюсь в группе первокурсников до конца уборочной страды.

Я с радостью согласился, но попросил неделю отпуска, сказав, что отец просил немедленно приехать — что-то случилось дома. Не мог же я сказать Исрофил-заде, что случилось дома!

А дома случилось вот что: Рухсора ездила на пару дней в Халкасай и привезла удивительно-невероятную весть: ее родители ждут моих сватов!

У меня все пело от радости и трепетало от страха в душе, когда я разговаривал с Исрофил-заде, и он весьма подозрительно на меня поглядывал, но на поездку согласился легко:

— Как не уважить просьбу отца! Почтение к родителям искони в крови нашего народа!

Ну и пришлось мне поволноваться за эти дни — врагу не пожелаю! Первым делом предстояло уговорить отца, а это было весьма нелегкое дело. Еще весной, предвидя будущее распределение, отец решил, что работать я должен в родном колхозе, а для этого меня надо, если не

женить, то обручить с хорошей девушкой из наших краев. Во время подготовки к сдаче госэкзаменов, когда у меня выдалось несколько свободных дней, а я имел неосторожность сообщить об этом отцу, ко мне в гости вдруг приехал двоюродный брат Хамид. Приехал и уговорил поехать на несколько дней к нему в кишлак — отдохнем, в горы сходим, свежим воздухом подышим! Я согласился и лишь в кишлаке понял, для чего меня сюда пригласили: у дальней нашей родственницы подросла красавица-дочь и... Отец был обижен до глубины души, родственники оскорбились, один лишь Хамид, посмеиваясь, подбадривал меня: «Держись, брат!» Не улучшились наши отношения с отцом и в мой последний приезд к нему, сразу после больницы, когда я довольно туманно намекнул ему, что есть в Душанбе одна девушка, которая...

Отец нахмурился и сказал, что «землю для доброго сада надо брать из высокого бугра», что «женитьба — не напасть, да как бы женатому не пропасть» и так далее. Вы понимаете, что ничего другого отец и не мог сказать — с Рухсорой я его познакомить не имел возможности, а на словах достоинства девушки не опишешь. Я ехал к отцу и ломал голову: как же уговорить его?

Помог все тот же Хамид. Как он ухитрился это сделать — не знаю, но вчера утром я встречал на автовокзале самых дорогих гостей: отца и дядю, раздетых, как будто они собрались на слет ветеранов боевой и трудовой славы.

...Вечерело. Я стоял у окна и трясся, как в лихорадке: сватам давно пора было бы вернуться — они отправились в Халкасай с первым автобусом. «Что я буду делать, если им откажут? — думал я.— Дядя повидал свет, знает людей и

свою линию будет вести твердо, его даже отказ не смутит, а вот отец мой — человек вспыльчивый. Привык ко всеобщему уважению, не дай бог, посчитает себя оскорбленным! Он же мне этого никогда в жизни не простит!»

За окном на улице вспыхнули фонари, широкими пятнами выхватив из сгустившейся тьмы часть переулка, дом напротив общежития, скамейки в палисаднике... Я отошел от окна, походил по комнате, собирая разбросанные вещи, сходил на кухню, поставил на пазовую плиту чайник, дождался, когда он закипел, и заварил большой чайник зеленого чая. Едва я укутал чайник полотенцем, как дверь распахнулась, и отец с дядей появились на пороге. Они улыбались! Они улыбались так широко, что сердце у меня подпрыгнуло от радости.

— Все в порядке, дорогой! Все в порядке! — раскатистым басом грохнул дядя и, тяжело опустившись на стул, принялся стаскивать сапоги,

Отец мой, степенно раздевшись, сел на диван и с довольным видом подтвердил:

— Приятный и прямой человек отец этой девушки.

О, каким чудесным оказался этот вечер, первый понастоящему добрый и радостный вечер после стольких дней волнений и тревог!

Дядя, человек богатырского телосложения, широкоплечий и громкогласый, рассказывал некоторые подробности переговоров:

— Поначалу—вот потеха!— мы попали в дом к совсем другому человеку. Сошли с автобуса, спросили у какого-то мальчишки, где дом Асрорбая, он нам и показал...

Подошли мы, постучались, выходит к калитке девушка. Красивая девушка, ничего не скажешь. «Ну,— думаю,— повезло: сама невестка будущая дома оказалась». Спрашиваю: «Это дом уважаемого Асрорбая?» «Да!» — отвечает она. Вошли. Встретил нас седобородый, почтенный человек. «Проходите,— говорит.— Присаживайтесь. Наверное, устали с дороги?»

Ты говорил, что отец Рухсоры— мужчина средних лет, а встретил нас белобородый аксакал, удивился я, но промолчал... В гостиную прошли, девушка чай принесла... Сидим, чай пьем. Одну пиалу, вторую, третью... О погоде разговариваем, видах на урожай. Потом я тихонько спрашиваю:

— Скажите, уважаемый, это не ваша дочь в Душанбе в институте учится?

Старик чаем поперхнулся от удивления. А потом понял, в чем дело, и расхохотался:

— Ошиблись вы! Дом того Аорорбая, которого вы ищете, в другом конце кишлака за мельницей.

Что делать? Извинились за беспокойство и дальше пошли.

— Бог знает, что у них на уме,— невпопад сказал отец, задумчиво поглаживая бороду.

Я с беспокойством взглянул на него. По нашим обычаям, отцу с сыном не полагается разговаривать о женитьбе, и дядя поспешил пояснить:

— Условие они нам поставили. И не одно. Во-первых, чтобы ты дом в городе купил на имя жены. Не желают они, чтобы их дочка в многоквартирном доме мучилась. А

во-вторых, они от тебя расписку требуют. Так, мол, и так, обязуюсь никуда из Душанбе жену не увозить...

— Откуда я столько денег возьму — дом купить?!

— Э-э! — беспечно отмахнулся дядя — Это все разговоры. Я уже раз двадцать сватом был — знаю, что к чему. Не беспокойся.

— Бог знает, что у них на душе,— вновь повторил отец и вздохнул.— Ты уж в следующую субботу встречай нас, сынок.

— Угу! — кивнул дядя.— Нас человек шесть-семь будет. Угощение с собой привезем, подарки кое-какие...

Утром я проводил отца и дядю на автовокзал, а сам поспешил в Вахшскую долину: меня ждала Рухсора! В первый раз в жизни я понял, что это такое, когда говорят: «У человека душа поет!». Я готов был обнять весь мир! В каждом я видел друга, каждому мне хотелось сообщить, что самая прекрасная девушка на земле — со вчерашнего дня моя невеста!

Удивительно, но Рухсора не поверила моим словам! Она долго расспрашивала о подробностях сватовства, недоверчиво качала головой, молчала, задумавшись о чем-то своем, и вдруг зарделась:

— Не говори никому ни слова!

Тронула пальчиком мои губы и убежала, проговорив вместо прощания:

— Как это они согласились?!

С этого дня она вновь стала избегать меня. Во время редких и торопливых встреч краснела, задыхаясь от волнения, шептала несколько ласковых слов и спешила

прочь. Что творилось с ней? Она и сейчас не говорит об этом— лишь по-девичьи краснеет и надувает губы...

А между тем пошли давно обещанные синоптиками дожди—мелкие и теплые. И грустные. Дожди смыли зелень на слегка приведших деревьях, но это была уже не праздничная — весенняя зелень, когда после первого дождя она вспыхивает свежо и молодо, а темная, тяжеловатая зелень увядающей природы, расцвеченной широкими мазками золота и багрянца. Томительные это были дни, томительные и грустные. И несчастливые. Воистину, высок порог дома, в котором живет любимая.

11. КОГДА ВОСХОДИТ КОМЕТА - ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ

Говорят, что комета — верная примета несчастья. Увидев на небе комету, старики, в крайнем изумлении и страхе, хватают себя за ворот и шепчут молитвы. Все дни прошедшего месяца отмечены для меня вот такой незримой кометой несчастья, и я иногда думаю, что именно сейчас наставница-жизнь разложила передо мной свои экзаменационные билеты, решив испытать все мое мужество.

Мог ли я думать, что грозным предвестником этой незримой кометы станут мягкие слова Исрофил-заде:

— Послушай, Вафо. Я на несколько дней на центральную усадьбу съезжу, а ты побудь здесь за меня.

Это было в четверг, в субботу я должен был быть в Душанбе — встречать отца, но Рухсора строго-настрого запретила говорить о нашей помолвке, и — что делать?! — я согласился.

Несчастье случилось вечером. Я задержался с табельщиком, подводя итоги дня, и, когда подходил к левому стану, где расположилась моя группа, уже смеркалось. Еще издали я заметил, что ребята возбужденно толпятся у входа, в помещение.

— Что случилось? — тревожно спросил я, подбегая к ребятам.

— Камолу плохо! — несколько голосов ответило сразу, но я уже и сам видел, что Камол, бледный, как полотно, лежит на раскладушке, его бьет крупная дрожь, а на посиневших губах выступила пена. Я кинулся к складу, где стояла машина, ожидавшая табельщика. Еще на полдороге к складу, я услышал приглушенный расстоянием рев мотора и увидел, как машина рванулась по дороге к кишлаку.

— Стой! Стой! — закричал я что было сил, но машина, набирая скорость, удалилась.

«Лошади! — вспомнил я. — На поле у склада пасутся лошади!» Прошло не менее получаса, пока я поймал стреноженную старенькой уздечкой лошадь и взнуздal ее. Вот когда мне пригодилось приобретенное в детстве умение скакать на любой лошади без седла. Я гнал жеребца напрямик через хлопковые поля и даже не думал о том, что любая яма — верная гибель для нас обоих.

К сельской участковой больнице я домчался к полуночи, разбудив по дороге всех кишлачных собак — надо

было слышать, каким яростным лаем провожали они меня по кривой кишлачной улице!

Еще через час мы вместе с врачом были у нас, на полевом стане.

Заснул я уже под утро — врач увез Камола в свою больницу, сказав, что ничего определенного он мне сообщить пока не может. Утром я отправил ребят на работу, а старосту предупредил, что поеду в больницу и, возможно, вернусь только через день-полтора... Староста, угрюмо кивнув, пообещал, что все будет в порядке.

В больнице тревога моя немного улеглась. Камол сидел на своей койке и слабо улыбался:

— Ну и перепугал я вас!

Пока я дождался врача — он был на обходе участка, время шло. Со все возрастающей тревогой я посматривал на часы. Времени, чтобы вернуться обратно к ребятам, рассказать им о состоянии здоровья Камола, проинструктировать старосту и, вернувшись в кишлак, попасть на автобус до райцентра, почти не оставалось.

Его не осталось совсем, когда, наконец, появился врач. Врач успокоил меня, с Камолом ничего страшного — видимо, сильна аллергия на какую-нибудь траву (Камол подтвердил это, пояснив, что собирал для девушки цветы — хотел бы я знать, какие цветы поздней осенью!), но времени на разговоры уже не оставалось, и я помчался к сельсовету, надеясь встретить кого-нибудь из нашей бригады, кто может сообщить ребятам о том, что с Камолом все в порядке. И надо же мне было встретить именно нашего табельщика!

Выслушав мою просьбу, он недовольно скривился, но выручить согласился, хитро подмигнув и пожелав приятно провести время в Душанбе.

— Я тоже в молодости грешил! Дело такое... не удержишься!

Не буду же я объяснять незнакомому человеку, что еду решать свою судьбу!

Лишь далеко за полночь я добрался до Душанбе, и сна мне осталось четыре часа, потому что ровно в восемь я уже встречал на автовокзале своих земляков и родственников, нагруженных какими-то свертками, кулками, расшитыми хурджинами. О, как торжественно выглядели они! Как степенно, с каким достоинством переговаривались! Всяк мог определить, что люди едут на торжественное и важное событие! «Переломить лепешку!» — так называется у нас этот обряд, когда люди клянутся свято соблюдать свадебный уговор, и в знак нерушимости клятвы подносят к губам хлеб, целуя его!

Проводив сватов в Халкасай, я дотемна бродил по улицам города, не замечая ни улиц, по которым бреду, ни прохожих — весь во власти охвативших меня дум.

Как-то так получилось, что до сегодняшнего дня я ни разу не задумывался о нашей с Рухсорой будущей жизни, о доме, семье... Все это казалось мне настолько далеким и нереальным, что мысли об этом не приходили мне в голову. И только сегодня я вдруг почувствовал себя ответственным за судьбу Рухсоры, судьбу нашей — нашей! — семьи. Как я ругал себя за беспечность! У меня ни копейки денег не было на свадьбу, нам негде было жить... С каждым часом я мрачнел все более. «Беспечный дурак! — ругал я сам

себя.— Столько времени морочишь девушке голову, а ты подумал,, какую жизнь ей готовишь? Давным-давно мог бы найти работу по совместительству... Давать уроки, разгружать вагоны на станции — мало ли возможностей заработать!»

Ветер метнул мне в лицо пригоршню дождевых капель, и я вдруг опомнился. Уже смеркалось. Пока я в полубеспамятстве бродил по городу, погода испортилась. Пошел дождь, холодный ветер мел по асфальту сырую листву, вершины деревьев раскачивались под яростными порывами ветра и жалобно скрипели.

Я поспешил к общежитию. Какой-то человек топтался у ворот и, приглядевшись, я вздрогнул: дядя! «Почему он вернулся?— не веря глазам своим, думал я.— И куда делась его богатырская осанка? Что случилось?» Я знал, что сваты должны остаться в Халкасае до завтрашнего дня, сегодня вечером им предстояло объявить кишлачным старейшинам о помолвке и пригласить их завтра на плов, который, по обычаю, должны готовить сваты.

— Что случилось?!— закричал я еще издали.— Что?

— Э-э! Не спрашивай,— дядя печально вытер ладонью мокрое от дождя лицо.— Нет у этих людей ни чести, ни совести. Пойдем в дом, все расскажу.

В комнате дядя скинул с себя пиджак и мокрые сапоги, дождался, пока я вскипятит чай, и продолжал рассказ:

— Я первым пошел. Остальных в чайхане оставил— неудобно сразу заходить, люди подготовиться должны. Ее отец меня встречает и говорит: «После вашего ухода мы еще раз посоветовались, и выяснилось, что мать девушки не согласна. Без согласия матери какой может быть разговор?»

Я оторопел даже. «Мы о чем договаривались? — спрашиваю.— Шутка ли стольких людей с места сорвать! Позор на наши головы!» А он свое: «За одну провинность сурово не наказывают. Извините нас!» Ну что ты с ним делать будешь? Так несолоно хлебавши и ушли. В чайхане старики собрались, судили, рядили, бородами трясли, руками разводили: «Не по-мужски поступает!»...

Отец твой обиделся, слов нет! Хорошо, что тебя не застал. Домой уехал. Один я остался — с тобой переговорить....

Дядя отхлебнул из пиалы и внимательно посмотрел на меня. А чего на меня смотреть? Нечего смотреть. Я до ломоты в челюстях сжал зубы — от злобы, ярости, обиды и возмущения меня бил нервный озноб. Все во мне, словно от удара молнии, выгорело, испепелилось....

Вдруг дядя громко выругался, глаза его сверкнули дерзко и хищно.

— Езжай-ка ты к своей девчонке,— проговорил он медленно и хрипло.— И докажи всем этим... халкасайцам, что в нашем роду... настоящие, мужчины...

— Нет! — почти вскрикнул я — Нет!

Боль раздирала мне грудь, адская боль ярости и... любви. Но даже эта боль не давала мне права понять дядю. Не давала! Не имела права давать!

— Нет, так нет,— хищный огонек в глазах дяди мелькнул и погас, он сник и печально вздохнул: — Я не говорил, ты не слышал.

— Ладно,— сказал я, чувствуя, что ярость уступает место твердой уверенности в том, что я добьюсь своего. Я

еще не знал — как, но где-то в глубине души верил, что добьюсь. И повторил: — Ладно!

— Ну что ж,— вздохнул дядя.— Ладно, так ладно. Но ты не сдавайся.

— Я и не сдаюсь.

— Вот это самое главное.

Такой у нас вышел разговор.

Беда никогда не приходит одна, и в понедельник утром, когда я пешком пришел на полевой стан бригады — всю дорогу, около сорока километров, от райцентра до полевого стана я прошагал пешком, попутных машин не было, меня встретил грозный взгляд декана:

— Вы где гуляете, бессовестный человек?! У вас студент едва не погиб, а вы изволите по ресторанам разъезжать! Вы опозорили высокое звание преподавателя института, бросив, ради собственных неблагоприятных делишек, умирающего человека; студенты третий день голодают — им не подвезли продукты, а вы?! Как вы смеете себя так вести?!

— Прошу прощения...

— Какое вам еще прощение?! — покраснел от гнева декан.— Вы бессовестный и низкий человек! Ваш поступок мы обсудим на ректорате! Благодарите бога, что уважаемый Исрофил-заде вернулся и вызвал врача! Иначе вас бы судили! Немедленно!

Декан хлопнул дверцей вездеходика и, не слушая моих жалких попыток объясниться, укатил на центральную усадьбу.

Незаметно подошедший Исрофил-заде хлопнул меня по плечу.

— Не переживай, старик. Декан горяч, но отходчив. Это болван-староста бучу поднял. Тут одно на другое нашло. Табельщик забыл старосту предупредить, староста (помнишь, я предостерегал тебя, чтобы ты не так сурово с ним на зачетах обходился) решил поставить в известность руководство.... Не огорчайся: перемелется — мука будет. Часика через два подходи к хлопковому складу, бригадир приглашал позавтракать...

У меня голова шла кругом. «Господи, за какие грехи! — думал я уныло. — Что я Рухсоре скажу?»

С Рухсорой разговора не получилось. Когда я сообщил ей о том, что мои сваты вернулись ни с чем, она, испуганно взглянув на меня, прижала к щекам покрасневшие ладони:

— Я так и знала!

— Что — знала?

— Отец прислал письмо... Он пишет, что заходил в институт, разговаривал с каким-то уважаемым преподавателем и тот плохо отозвался о тебе. Сказал, что тебя скоро уволят...

— Этого еще мне не хватало! — пошатнулся я. — Кому я мешаю жить? Кому?

— Не знаю! — Рухсора все еще закрывала ладонями алые щеки. — Почти все преподаватели на хлопке. Только ты да Исрофил-заде бывали в эти дни в институте...

— Я-а? Исрофил-заде? — я ошарашенно хлопал глазами. — Ну, ладно!

Повернулся и пошел к хлопковому складу.

— Ты куда? — слабо вскрикнула Рухсора, но я даже не обернулся.

Бригадир встретил меня на пороге маленькой кибитки, прилепившейся к высокой стене склада. Честно говоря, бригадир мне нравился. Высокий, полный, он целыми днями пропадал в поле, одну за другой объезжая хлопковые карты. Мне нравилось, как он разговаривал с людьми — мягко, но твердо, нравился его открытый и чуть ироничный взгляд, его раскатистый голос. Чем-то неувлимом бригадир напоминал мне моего дядю, а я всегда любил его.

— Здравствуй, сынок! — бригадир широко распахнул свои объятия.— Пусть минуют тебя всяческие горести и заботы! Вчера наша бригада выполнила обязательство и в этом есть немалая доля твоего труда, сынок. Поверь мне — старому человеку, я многое повидал в жизни, пришлось даже колхоз возглавлять, и прямо скажу — рабочий ты человек. Трудящийся. Я слышал, что у тебя неприятности,— бригадир наклонил голову, заглядывая мне в глаза.— Не переживай. Жаль, не успел я с вашим деканом сам переговорить — опоздал немного, но... Успею. Поговорю. Правда — она всегда правда! Пошли. Посидим, позавтракаем...

Завтрак был роскошный. На дастархане дымилось блюдо с жареным мясом и картошкой, рядом краснели помидоры, зелень мяты и кинзы соседствовала с алой мякотью арбузов...

Многозначительно подмигивая, кривоносый табельщик достал бутылку водки и, ловко распечатав ее, разлил водку в пиалы.

— Пусть убережет нас бог от глупого друга, бестыжей жены и всезнающего-начальника,— провозгласил тост Исрофил-заде и ловко опрокинул пиалу в рот.

Бригадир степенно выпил, крикнул, разглаживая ладонью усы, и потянулся к помидорам. Табельщик, сложив трубочкой губы, с каким-то свистом втянул в себя водку и причмокнул от удовольствия. Все смотрели на меня и я, покраснев, хотел было лихо, одним духом осилить содержимое пиалы, но поперхнулся и, закашлявшись, бессильно хватал ртом воздух.

— Ничего,— добродушно усмехнулся бригадир.— Бывает. Ты и не привыкай...

Все дальнейшее я помню, словно во сне. Исрофил-заде наливал мне снова и снова, вначале я отказывался, а потом стал пить подряд, находя в собственной храбрости даже удовольствие. Потом мы стояли во дворе склада и я, сжимая кулаки, обещал Исрофил-заде набить морду. Я прямо так говорил ему:

— Морду набью!

А земля качалась под ногами, и Исрофил-заде смеялся, глядя, как я пытаюсь утвердиться на этой раскачивающейся земле.

Потом я увидел перед собой Рухсору и немного протрезвел. Она что-то говорила мне, но я не слушал, не хотел ее слушать, а хотел избить Исрофил-заде, потому что ясно понимал, это он, только он мог сказать отцу Рухсоры, что меня скоро уволят с работы, что я вырос в детдоме и все родственники мои — проходимцы.

Я это понимал так ясно, что удивлялся, почему меня не слышат все эти люди: Рухсора, бригадир, табельщик, заместитель декана, который почему-то появился здесь.

Проснулся я поздно. Солнце уже стояло высоко, когда я поднял тяжелую голову и огляделся. На полевом стане царила тишина — все были в поле, и это немного успокаивало: хоть без разговоров обойдется. Припомнил минувший день и едва не сошел с ума от стыда и горя: «Что натворил! Уехать! Немедленно уехать отсюда и никогда более не встречаться ни с кем!»

Где-то за стеной взревела машина, я торопливо побросал в чемодан свои вещи и выскочил во двор. У ворот стояла машина с наращенными металлической сеткой бортами, я бросился к ней и столкнулся с бригадиром. Он посмотрел на меня, мой чемодан и усмехнулся:

— Бежишь? А зря. Если хочешь знать, я больше тебя виноват... Нехорошо получилось, но... Может, оно и к лучшему? — усмешка в глазах бригадира исчезла, уступив место твердому прищуру.— Может, без тебя легче разобраться будет, а? И мне, старому дураку, впредь наука. А тебе один совет: если хочешь драться — дерись на трезвую голову. И до конца.

Бригадир сам открыл дверцу кабины и приказал шоферу завезти меня на автобусную остановку.

— Прощай,— кивнул он мне.— Больше, наверное, не увидимся. А за работу твою спасибо. Умеешь ты работать, сынок. Туго будет, приезжай к нам. Работа найдется.

Больше я никогда не встречался с тем бригадиром, но совет его — драться на трезвую голову и до конца,

запомнил на всю жизнь. Только еще не скоро я научился этому искусству...А ведь простая истина.

12. ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

...Неделю я жил у отца. В этом году он пошел на пенсию, в его годы трудно обходиться без сыновьей поддержки — в доме одни женщины, а хозяйство порядочное: дойная корова, восемь баранов, пятнадцать соток огорода... Наш кишлак расположен далеко от райцентра и на базар не наездишься, выручает огород. Выручать-то он выручает, но сколько труда требует! Кто не жил и не работал в деревне, не знает, каким потом каждый клубень картофеля, каждый помидор достается!

С утра до ночи я возился во дворе и на огороде, отец подходил — помочь, но ничего не говорил, только вздыхал. А что тут скажешь, все давным-давно сказано.

Иногда подойдет сосед, постоит рядом, кивнет на отца и тоже вздохнет:

— Тяжело ему. А ведь тебя в колхозе с раскрытыми объятиями примут. Чего уж лучше? Дома, отец с матерью рядом, женишься — дети пойдут... Что человеку надо?

И действительно, что надо человеку, который бросил любимую девушку, потерял любимую работу, опозорился перед всем белым светом? Что надо этому человеку? Целую неделю я до изнеможения трудился по хозяйству, а ночи проводил без сна. Через неделю не выдержал — поеду

в Душанбе. Надо же, в конце концов, определяться... Если уволят из института — буду искать другую работу...

В институте меня встретили так, словно ничего не случилось. Даже декан.

— Ну, как там отец себя чувствует? — спросил он приветливо.— Не болеет?

— Прихварывает,— промямлил я.

— Годы, годы берут свое,—развел руками декан — Ну, ничего... После собрания зайдите ко мне...

Декан кивнул и пошел дальше, а я остался стоять дурак-дураком. Какое собрание? О чем? Когда?

Мимо, пыхтя как паровоз, промчался Манучехр — он вечно куда-нибудь опаздывал, и я с трудом остановил его, вцепившись в полу пиджака.

— А, это ты? Приехал? — пыхтел Манучехр, выдергивая пиджак из моих пальцев.— Отпусти. Некогда. Тебя Рухсора ищет. А завтра собрание... Рухсору найди!— последние слова Манучехр прокричал уже набегу.

Я еще с полчаса послонялся по институту и в полной растерянности отправился домой. Во всех религиях мира есть предания о муках ада и блаженствах рая. Чушь это. Нет никакого ни ада, ни рая где-то там, в потусторонней жизни. И ад, и рай — в нас самих. И вот уже неделю я стораю в адском пламени собственной совести... С этими мыслями я и уснул, что впоследствии очень удивляло меня. Обычно любой пустяк лишает меня сна, а тут... Один разговор с деканом чего стоит!

Утром меня разбудил стук в дверь.

— Не валяй дурака, заходи!— крикнул я и вновь повалился на кровать.

— Ты чего это разлегся? — удивился Манучехр.— Ты же всегда с жаворонками поднимался.

— А что мне делать?

— Как это — что? — еще более изумился Манучехр.— Тебя. Джура-заде уже неделю ждет...

— Я ухожу из института.

— Ты с ума сошел!— возмутился Манучехр.— Ты с Рухоорой разговаривал?

— Нет еще.

— О, боже! — картинно схватился за голову мой друг.— И это говорит человек, которому самая прекрасная девушка вселенной отдала свое сердце! Да знаешь ли ты, жалкий трус и дезертир, на что способна женщина, когда она любит?! Нет, ты не знаешь этого и не достоин знать! Лишь в память о былой нашей дружбе я могу сообщить тебе, что она поехала в свой Халкасай, и только перья полетели от всех тех, кто стоял у нее на пути!

Манучехр еще трепался, а я уже торопливо натягивал свитер.

— Постой, мой друг, постой! Не покидай так скоро! — пропел он фальшиво, обхватив меня за плечи.— Ты не забыл, что сегодня собрание и тебя будут чистить с песком и мылом?

— Какое собрание? — остановился я.

—Комсомольское собрание преподавателей института,— торжественно объявил Манучехр.— Твой вопрос в повестке дня — третий. Выговор с предупреждением можешь считать обеспеченным!

Так вот, оказывается, в чем дело! Вот почему мой друг так болтлив и весел — хочет поддержать и под-

бодрить... Ладно, собрание потом, главное сейчас — разговор с Рухсорой!

Я мчался к институту и клял себя на чем свет стоит. Эх, Манучехр, знал бы ты, что твоя ругань — райская музыка по сравнению с теми словами, которыми я обзывал сам себя! И как такого самодовольного чурбана земля носит! И...

— Вафо!

Голос Рухсоры я узнал бы среди миллионов других девичьих голосов, а окликнула меня именно она!

Рухсора стояла совсем рядом—руку протянуть — и улыбалась, глядя на меня.

Стоит ли рассказывать о дальнейшем?

О том, как меня чистили и драили «с песком и мылом» на комсомольском собрании? И, надо признать, что справедливо драили, потому что, как вновь повторил наш суровый секретарь комитета комсомола, «дело это не только личное»...

О том, что самый главный сюрприз ждал меня после собрания, когда мы вместе с Манучехром отправились к дяде Рухсоры. И как вы думаете, кем оказался этот дядя? Даю слово, вам и в жизнь не догадаться! Тем самым суровым добряком Джавад-заде, тем учителем, с которым я вместе лежал в больнице! И... дай бог счастья Инобат, потому что это она связала концы с концами во всей этой истории.

Но это случилось не в тот день. И даже не в другой. А в тот прекрасный день мы возвращались от Джавад-заде поздно ночью, Рухсора осталась ночевать в доме дяди, а Манучехр шел и кричал мне в ухо:

— После поездки в колхоз... Ты заметил? Рухсора переменялась! Я теперь спокоен на ее счет. А ты как думаешь?

— Я тоже,— коротко ответил я, чтобы он замолчал и не мешал мне думать.

О чем я думал?

Если считать, что с институтской скамьи я поступил в школу жизни, то сегодня я окончил первый класс. Какие оценки мне поставила жизнь? Сам я считал, что все экзамены, кроме единственного — любви к Рухсоре, я провалил с треском. И это — первый жизненный урок, который я уже не забуду, первая ступенька на крыльцо в дом, который называется «Настоящий человек».

Итак, моя повесть подходит к концу. Нет необходимости описывать подробности нашей свадьбы. Почти все свадьбы похожи друг на друга. И наша свадьба ничем особенным не отличалась: полусовременна, полутрадиционна.... Многие могут сказать, что и эта повесть о любви не нова — каждый любил, и многие писали о своей любви. Все это верно, почти так же верно, как то, что все простые истины на земле каждый должен открывать сам.

1976.

БАХРОМ ФИРУЗ

**ДОРОГА В
ТУМАНЕ**

ПОВЕСТЬ

Перевод Н. Берковой

Дорога в тумане

В доме муравья и роса — потоп.
Таджикская пословица

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И в этот раз они собрались в дорогу задолго до рассвета, но пока прощались и усаживались в машину, небо засеребрилось и стало светло.

Тяжело нагруженная легковая машина тронулась и быстро набрала скорость. Азизе все ещё виделись заплаканные глаза матери, тревожный взгляд отца, слышались родительские напутствия, наказания и добрые пожелания сестёр, братьев, тёток. С угрюмым лицом, погруженная в свои мысли, Азиза молчала. Настроение матери передалось детям. Они присмирели, затихли. Даврон тоже был подавлен. Его всегда раздражали торжественные проводы многочисленных родственников. Для плохого настроения была ещё одна причина, Старики просили отложить отъезд на два дня, но он заупрямился и настоял на своём. Почему он не внял их просьбам? Даврон и сам бы не мог объяснить. А теперь вот казнил себя за это. «Почему они так просили отложить отъезд? Зачем?! Из-за предрассудков? Может, знают секрет какой? Они не отправляются в путь, если нет благоприятного расположения звёзд...»

На дороге появились первые машины, город медленно просыпался. Торопились молочницы с тяжёлыми бидонами парного молока. С тележкой, прикрытой чистой скатертью, спешил в чайхану лепёшечник; пар от горячих лепёшек так и туманился над скатертью,— и аромат свежевыпеченных лепёшек проникал даже в машину. Даврону вдруг вспомнились голодные послевоенные годы. В доме не

пекли лепёшек, и танур³ во дворе облупился. То ли в сорок седьмом, то ли в сорок восьмом матери привезли красную глину. Она обмазала танур и ей удалось испечь в нем лепёшки. Получив из материнских рук свою кулчу⁴, Даврон некоторое время вдыхал ее запах: жалко было съесть сразу, кто знает, когда ещё будут печь... Ведь семья зачастую перебивалась травой.

Не успел Даврон выехать из города, как Азиза, случайно задев ногой сумку, разбила термос с кофе. Даврон остановил машину на обочине, молча выкинул термос в урну, вернулся, положил голову на руль и задумался.

— Подумаешь, десятку потеряли! Стоит ли расстраиваться?! — насмешливо проговорила Азиза.

Даврон не был суеверным, но предчувствия его нередко сбывались. Вот и сейчас на него навалилось знакомое смутное ожидание беды. Что делать? Вернуться? Но ведь и там может случиться несчастье. От судьбы не убежишь. Хорошо бы угадать, что грозит. Ведь есть же люди с обострённой интуицией. Порой ненароком брошенное кем-то слово тоже сбывается... Недаром же старики учат: всегда желай другим только добра...

Машина миновала загородные сады, и впереди показались голые, красноватые холмы Рухака. У подножия холмов дорога разделилась: одна побежала к холмам, другая—по берегу реки. Даврон свернул на нижнюю. Дорога узкой серебристой лентой извивалась по пригоркам и камышовым зарослям Сырдарьи.

Шелест камышей вернул Даврона в прошлое. Здесь, на этом месте, стоя по пояс в воде, он косил тогда камыши. Никогда не забыть ему свой первый день работы, когда, дрожа от страха, от шагнул в чёрную жижу прибрежной

---

3 Т а н у р — печь для выпекания лепёшек.

4 К у л ч а — маленькая лепёшка.

трясины. Совсем рядом бурлила Сырдарья... Теперь река совсем другая: каскад плотин усмирил её буйный нрав. Как выручал камыш людей в те годы! И Даврон косил его не только для себя, но соседям и даже заработал немного денег. Однажды он сильно порезал ногу. Брызнула кровь, и вода мгновенно стало алой. Даврон нашёл дождевого червя, растёр его камнем и положил на рану. Шрам так и остался на всю жизнь. Подумать только, к врачу ведь тогда не ходили, и знать не знали, что такое столбняк, ни с кем ничего не случилось...

Часто он ездил по этой дороге, и ни разу не задумывался о расстоянии. Что это? Равнодушие? Инертность? Нет, просто забывал взглянуть на спидометр, только и всего. Предстояло одолеть ещё два перевала, чуть выше облаков, по причудливому, точь-в-точь пружина, серпантину — спуски, подъёмы, повороты! Здесь идет открытая игра со смертью. Легче проехать семьсот километров ровного пути. Интересно, люди иногда боятся доверить свою жизнь опытному хирургу, а полагаются на какие-то четыре гайки. Но ведь если вдруг в горах откажет руль или соединительный шланг тормозной системы — практически спастись невозможно. Вот так... Надо быть осторожным — почти целый день придётся сидеть за рулём, спать захочется, теперь и кофе нет. Конечно, куда спокойнее на самолёте, но своя машина тоже нужна: дальние прогулки, поездки с детьми в селение к родителям... А вот и Дехмой — «Винное село». Да, все, что народ сам назвал — прочно, на века. Рассказывают, что до революции здесь поселился один русский — не то фабрикант, не то торговец — построил винный завод. Странно, почему именно здесь? Правда, винограда тут много. Хотя в восточной поэзии вино и виночерпии воспеваются тысячи лет, раньше не злоупотребляли этим зельем... Это теперь молодёжь пристрастилась к спиртному

и губит не только своё здоровье, но и здоровье своих потомков. Даврон где-то читал, что однажды в Швейцарии провели перепись населения, при которой выяснилось, что большинство дефективных детей родились через восемь-девять месяцев после масленицы. Когда он рассказал об этом своим товарищам, они лишь посмеивались: «Вот мы пьём — и немало, но, слава аллаху, все наши дети, а их у нас по девять и по десять, нормальные, умные и здоровые». Они уверены, что с их детьми все в порядке. Но это не так. Ведь алкоголь убивает в человеке всё: талант, ум, способности, чувство собственного достоинства, приближает старость. Мозг молодого пьяницы и старика схожи, да и поседение тоже: те и другие многословны, беспамятливы, при разговоре беспорядочно жестикулируют. Не напрасно алкоголь считается одним из главных врагов человечества, такая же зараза, как холера и чума...

Размышления Даврона прервали голоса дочерей — пятилетней Мехри и семилетней Махруй. Девочки ссорились.

— Испанд, узнай, что они там не поделили,— сказал он сыну.

Прильнув к стеклу машины, мальчик разглядывал окрестности. В последние дни каникул он скучал по школе, с нетерпением ждал первого сентября, встречу с друзьями...

Азиза не вмешивалась в ссору девочек. Она не хотела, чтобы дети увидели ее заплаканные глаза, и сидела, отвернувшись от них. Мимо проносились хлопковые поля Гулакандоза, они напоминали Азизе годы учёбы в школе и институте, и она тяжело вздохнула. «Вот магазин, куда мы ходили за покупками, хотя ничего не могли купить, кроме пряников. Правда, однажды я купила здесь белые туфли,— вспоминала Азиза.— Чуть дальше — почта. Оттуда я часто звонила домой. Какое счастливое было время, а мы этого не

понимали, не терпелось стать взрослыми. Думали, что все лучшее впереди... Где вы теперь, девочки, мои милые подружки? Как сложилась ваша жизнь? Наверняка не так, как у меня. Ведь одна я уехала из своего родного города... Родные места! Ничто не заменит вас. Каждый приезд сюда — для меня праздник, сердце переполняется радостью, от счастья я не хожу, а словно летаю.

Я спросила маму, отчего это? Она объяснила: «Здесь ты родилась, здесь впервые увидела свет, здесь обрезали твою пуповину, здесь сделала первые шаги, здесь прошло твоё детство и юность, а это самая прекрасная пора...»

— Папочка, не поедем через горы, ладно? — дотронулась ручонкой до плеча отца маленькая Мехри. — Не надо ехать через горы, — умоляюще повторила она. — А, папочка?

Даврон на мгновение оторопел, но совладал с собой и нарочито весело сказал:

— Почему, доченька?.. Смотри, какие наши горы хорошие и красивые? Сколько цветов ты нарвала по дороге сюда! А помнишь, как вырыли пещеру в снегу и играли в ней? Многие ли видят снег летом? Разве только во сне. А целебные источники в горах! А? — Даврон успокаивал девочку, но самому было как-то не по себе.

— Нет, только не через горы, папочка! — со слезами настаивала Мехри. — Горы злые, не поедем туда!

— Не надо капризничать, как решили, так и поедем...

Даврона охватила тревога. Что с Мехри? Обычно у детей очень обострённая интуиция.

Машина бежала по яровым полям. По одну сторону дороги урожай ещё не убран, тяжёлые колосья пшеницы шелестели и сгибались от ветра. По другую — пшеница скошена, и солому ветром разметало по всему полю. Даврон досадовал: зерно убрали, а солома осталась. А ведь мелко смолотая солома — хорошая добавка к корму.

Впереди на дороге стояла легковая машина. Водитель с ведром и шлангом в руках просил бензина. Даврон остановился, желая помочь ему.

— Вот спасибо, выручили, мулло-ака⁵... бензин кончился, и машина — ни с места.

Едва они снова тронулись в путь, Даврон спросил у сына:

— Что ты скажешь, Мулло-Испанд,— когда он заводил разговор о литературе, искусстве или науке, то шутливо называл сына «мулло» ⁶,— этот человек сказал, что бензин кончился, и машина встала.

— Скажу, что без бензина машина не пойдёт,— осторожно сказал мальчик, чувствуя в словах отца какой-то подвох.

— Правильно, бензина нет, машина стоит. Но не это ее останавливает. Причина в другом. Машина остановилась из-за трения полуосей, трения шин об асфальт, ветра и других причин.

— Не было бы трения — и бензин не понадобился бы,— заметил Испанд.

— Не дай бог! — рассмеялся Даврон. Он осторожно обогнал идущий впереди «ЗИЛ» и пояснил: — Без трения тормозные колодки не сработают.

Они замолчали.

Ровная степь, золотистая и светлая, напоминала полную луну.

«На нашей планете пятнадцать миллиардов гектаров земли,— припоминал Даврон.— Из них около полутора миллиардов посевных. Эта земля должна нас кормить и одевать. Пока ещё она с этим справляется. Отдать бы землю

---

⁵ М у л л о - а к а -- вежливое обращение к старшему.

⁶ М у л л о -- учёный, образованный человек .

во всем мире тем, кто хочет работать — пахать и сеять, озеленять и благоустраивать... Все, кто трудится, были бы сыты и довольны, а бездельники и жулики призадумались бы и, может, взялись за ум».

Даврон стал представлять, как с помощью науки и техники могут измениться эти места лет через сто-двести.

— А если никто не дал бы ему бензина, что бы он сделал?— вдруг спросил Испанд.

— Слава богу, наши люди ещё до такого не дошли,— улыбнувшись, ответил Даврон.

— Ну, а все-таки. Если бы никто не дал или никого не было, что бы он делал? — настаивал мальчик.

— Честно, не знаю... — Даврон помолчал и только через минуту сказал: — Я бы сделал так: отвинтил нижний болт бензобака, слил во флягу два-три литра бензина, оставшиеся на дне, затем присоединил к ней трубку бензонасоса. Все это заняло бы у меня пятнадцать-двадцать минут. Бензина хватило бы километров на тридцать.

Испанд размышлял над «рацпредложением» отца. Затем начал прикидывать, с чем можно было бы смешать бензин, чтобы двигаться дальше.

На обочине толпились люди. Какой-то мужчина замахал руками. Даврон притормозил.

— Что случилось? — спросил недовольно.

— Ассалом⁷... Брат, не довезёте ли больного до Ура-Тюбе? Надо скорее... Сделаешь с утра доброе дело...

— Больной один? — прервал его Даврон.

— Нет, я с ним...

— Для двоих место маловато, -- Даврон, как бы советуясь, взглянул на жену.

— Двое не поместятся! — недовольно отрезала Азиза. — Достаточно того, что повезём больного.— Она по-смотрела

---

⁷ А с с а л о м -- Здравствуйте.

на сидящего на земле человека и спросила:— А чем он болен?

— Фаланга укусила... Он очень страдает.

— Садитесь! — перебил его Даврон и посмотрел на жену: — Пересядь назад и возьми девочек на колени.

Больной сел впереди, его спутник пристроился рядом с Испандом.

Машина тяжело тронулась с места и медленно набрала скорость.

— Десять машин проехало, и ни одна не остановилась — пожаловался спутник больного.— Позвонил в больницу, там говорят: «Пошлём «скорую», если бензин на обратную дорогу дадите, у вас с ним сложно». Как будто в совхозе из коров бензин доят, а не молоко. В больнице бензина для «скорой» нет! Да на себя его тратят. Что в селе, что в городе — одно и то же...

— Больному как-то помогли? — снова перебил Даврон словоохотливого спутника.

— Он говорил, что спичкой прижёт.

— Если сразу — хорошо. От огня яд фаланги быстро разрушается. Ничего страшного, выздоровеет.

Укушенный, худощавый мужчина лет сорока, сидел, закрыв глаза и изредка постанывал.

Даврону вспомнилась больница, сослуживцы, больные, ожидающие его возвращения из отпуска. Предстояла сложная операция, которую из-за жары пришлось отложить до осени.

С первыми лучами солнца уже были в Ура-Тюбе. Двери магазинов и ларьков ещё были заперты. Оставив пострадавшего в больнице, Даврон подъехал к бензоколонке, где за четыре рубля получил десять литров бензина. Потом остановились у базара.

— Я быстро... Что купить? — спросил он жену.

— Ничего не надо.

Даврон заколебался: особой необходимости в покупках не было, и в то же время он не мог проехать мимо базара провинциального городка. Так уж было у него заведено: куда бы ни приезжал, прежде всего спешил на базар, обходил его вдоль и поперёк, осматривая фруктовые и овощные ряды, лавочки аттары — где предприимчивые восточные торговцы продавали всякую всячину, в основном изделия народных мастеров—кузнецов, ювелиров, гончаров. Образ жизни людей каждого края, их духовный мир Даврон начинал изучать именно с базара. Поэтому и теперь он направился к рядам и долго там пропадал. Наконец вернулся с двумя большими дынями под мышками. Азиза с укоризной посмотрела на него, мол, к чему ещё лишний груз, как будто в Душанбе нельзя купить дыни.

— По дороге съедим... Охладим и... По два рубля. На старые деньги они тоже стоили по два рубля. Одни и те же цены,— говорил Даврон, укладывая дыни в багажник.

Азиза едва заметно кивнула на легковую машину, стоящую неподалёку. Даврон сразу узнал автомобиль своего знакомого.

— Он нас не заметил, побежал на базар. А сынок его, нас видит, конечно, скажет отцу...

Они поспешили уехать.

Вскоре сады и виноградники Ура-Тюбе остались позади. Миновали они и Каттасайское водохранилище.

Даврон тщательно ухаживал за своей старой машиной, усердно изучал устройство приборов, агрегатов и систем, наблюдал, как работают мастера. Другой водитель ни за что не рискнул бы поехать на такой развалюхе через перевалы. Вдобавок ко всему, в радиаторе закипала вода. Даврон применял все своё умение, сноровку и даже хитрость, чтобы вести машину по высокогорным дорогам.

В зеркале заднего обзора он заметил спешащий за ним «Запорожец».

«Черепашка, ты хочешь помериться силами со своим старшим братом! Это ведь невежливо! Хоть он и старая развалина, но все же «Москвич». — Даврон тихонько нажал правой ногой на акселератор.

Машина подпрыгнула, точно горный козел, увеличила скорость и удалилась от маленького нахала. Но через несколько минут тот снова появился в зеркале заднего обзора.

«Кем бы ты ни был — ты без царя в голове, — усмехнулся Даврон. — Ясно, что для такой скорости тебе пришлось использовать всю силу двигателя, все возможности этого малыша».

Даврон снова нажал на акселератор и вскоре преследователь исчез из виду.

Но от этого ему вдруг стало не по себе. «Я тоже хорош, не уступил, — подсадовал он. — Ну, пусть бы он нас обогнал, хоть бы порадовался. Как нехорошо... Мог человека порадовать, а не захотел. А ведь отец всегда мне наказывал: «Кто бы ни встретился тебе, старайся доставить ему радость. В мире нет ничего важнее, чем сделать человека счастливее».

Позже Даврон не раз каялся по этому поводу. Кто знает, если бы тогда он уступил «Запорожцу», возможно, многое обернулось бы по-другому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Восточные мудрецы, утверждали, что путешествие — это победа человека над временем, над жизненной суетой, свобода от повседневных забот. Даврон, несмотря на все трудности, любил путешествовать на своём «Москвиче». Не

то что самолётом или поездом. «Съездил как во сне,— говорил он в таких случаях,— то ли дело пешком, с рюкзаком за плечами — остановишься где угодно, поговоришь с кем хочешь, насмотришься на свой край, налюбуйешься его красотой, чем-то огорчишься...»

Конечно, во время поездок Даврон испытывал немало затруднений и неудобств, но все это быстро забывалось. Иногда его одолевала такая тоска, что он ненавидел свою профессию врача, жалел, что не выбрал себе другого занятия. Трудно все же каждый день иметь дело с беспомощными людьми, больными душой и телом и даже обречёнными. Это порой угнетало его. Старинная восточная медицина считала, что если у человека нормальное психическое состояние и не сломлена вера в жизнь, он ничем не заболеет. Исключение из этих правил — дети. Взрослый сперва потеряет надежду; интерес к жизни, надломится, а потом сляжет. В дороге, во время поездок, он, как правило, встречался с людьми сильными, здоровыми, и это радовало его.

...Первые трудности поджидали Даврона близ Шахристана: весной сель снёс старый мост, и теперь на этом месте строили новый. Метров двести машинам приходилось идти по бездорожью, к тому же участок был затоплен водой, ни одна машина не могла одолеть его своим ходом.

— На каждую болезнь находится лекарство,— улыбнулся Даврон, увидев трактор, который тащил на буксире грузовик.

— Здесь воды не меньше полуметра, почти до выхлопной трубы. И какая грязная! Просто жидкая каша,— сказал Испанд.

— Да, вполне может залить не только выхлопную трубу, но и трамблёр. Завязнем ещё... — согласился Даврон.

— Он вылез и подошёл к трактористу. Через несколько минут вернулся, молча снял ботинки, завернул до колен штанины брюк.

— С буксиром ничего не выйдет. Вернее, можно, но потом хлопот не оберёшься, — наконец проговорил, Даврон.

— А что тракторист сказал? — спросила Азиза.

— Да, так. Никудышный человек... Мне кажется, эта лужа — его рук дело.

Даврон осторожно ступил в грязную воду и, нащупывая дно, пошёл вперёд. Поняв его намерение, Азиза вылезла из кабины.

— Выходите... Выходите... — сказала она детям.

Даврон махнул рукой, давая понять, чтоб не беспокоились, потом он вернулся к машине.

— Мне не денег жалко, — громко сказал он Азизе. — Помнишь строки поэта: «Свою дорогу старайся прорубить своим топором, идти той дорогой, которую проложили другие — одно мучение!»

Солнце поднималось все выше и выше, и работы у тракториста прибавилось. Теперь он буксировал машины, не переставая.

...Даврон и в этом году провёл отпуск у отца, в родном селении.. Он помогал старику по хозяйству и подолгу работал на воздухе, раздевшись до пояса, косил траву, заготавливал сено для скота. Как всегда, к нему постоянно наведывались односельчане с разными просьбами, особенно больные. Даврон охотно давал им советы, некоторым выписывал направление в районную больницу, просил знакомых врачей помочь.

Приехав в отчий дом, он в первый же день шёл на могилу к матери. Один, а иногда и в сопровождении кого-

нибудь из стариков-односельчан, заходил в хонакох⁸, слушал там молитвы и рассказы об усопших. Потом бродил по тропинкам, где когда-то ходила мать, навещал ее близких друзей, по утрам шёл к роднику, откуда она обычно брала воду. Здесь он однажды утром увидел перевернувшийся трактор. Искалеченного тракториста пришлось оперировать в сельской больнице, хотя не то что больницей, но даже медпунктом назвать это помещение было трудно.

— Даврон-ака, взгляните хоть разок на моего ребёнка!
— попросила незнакомая женщина, когда он, переодевшись после операции, вышел во двор.

— Сейчас врач освободится, апа⁹ — попытался уклониться Даврон. Ему не хотелось обижать здешнего коллегу,

— Уже я стала для вас апа? Эх, Давронбек, Давронбек! Вы совсем забыли нас, — грустно улыбнулась женщина.

— Простите, я не узнал... — смутился он, стараясь припомнить, где он видел эти глаза, словно две чаши с родниковой водой, с чёрной сливкой в середине...

— Я — Зиёда. — Она лукаво взглянула на Даврона.

— Зиёда? Неужели это вы? — воскликнул он. — Боже мой! Никак не думал встретить вас. Сколько лет прошло?! Почти тридцать! Тогда нам было девять или десять... Помните, как мы играли, как ссорились? А наши матери говорили, что мы поженимся. Потом вы уехали из деревни...

— А вы плакали, провожая нас, — рассмеялась Зиёда,

— А потом я не раз убегал из дома, хотел поехать к вам. Как-то добрался даже до Миришкора.

— Все помните... А меня забыли.

---

⁸ Х о н а к о х — домик на кладбище для молитв и других обрядов.

⁹ А п а — обращение к старшей женщине; старшая сестра.

— Нет, не забыл. И как мы поцеловались помню,— тихо проговорил он.

— О-о, бессовестный! — Зиёда покраснела и рукой закрыла лицо...

...Почему сейчас, на этом бездорожье, вспомнилась Даврону неожиданная встреча с Зиёдой?

Он обвернул полиэтиленом те части машины, куда могла попасть вода, ослабил ремень генератора и, босой, сел за руль.

— Садитесь,— кивнул он жене и детям.

— Оставьте, не позорьтесь!— воспротивилась Азиза.— Застрянем посреди болота. Да ещё тракторист заупрямится, откажется вытащить. Другие водители, наверное, не глупее вас. Мы не проедем на этом драндулете!

— Другие водители, конечно, не глупее. Только у них есть один серьёзный недостаток — лень.

— Хорошо, едем. Но если застрянем, потащите нас на спине, а мы будем погонять вас вот этим зонтиком,— пошутила она.

— Согласен,— рассмеялся Даврон,— вы ужалите меня, как скорпион, а я нырну в воду, как черепаха! Не будем друг на друга в обиде.

— Неужели никто не видит, какая здесь дорога?— вздохнула Азиза.— Не понимаю, куда начальство смотрит...

— Такое безобразие может длиться месяцами, никому дела нет. Хорошо, если случайно заедет машина какого-нибудь начальника и застрянет. А эти шофёра неделю будут сидеть, но не пожалуются. Просто безобразие. Такая беспечность, такое равнодушие,— с досадой сказал Даврон и обратился к детям. — Сидите спокойно и ничего не бойтесь. Мы проедем.

Он взглянул на лужу, которую предстояло «переплыть», и задумался. На какой-то миг его охватило сомнение, но он тут же отогнал его и взял себя в руки. Такое

иногда с ним случалось при операции с неожиданным осложнением. Сомневаясь минуту-другую, он быстро принимал самое правильное решение.

— Увидите, как наш ослик перейдёт эту жижу,— с прежней уверенностью сказал он и бодро, словно убеждая себя, повторил: — Перейдёт, перейдёт!

Но Азиза поняла, что муж сомневается.

— Прошу вас, послушайте меня,— испуганно проговорила она. На лбу от волнения выступили капельки пота.— Не упрямитесь... Может быть, мы с детьми пройдем вон по тем холмам?

— Я сказал — садитесь! Не маленький же я, и голова у меня на плечах! Так проеду, что...— вспыхнул Даврон.

— Я, я... только и слышишь! Остановитесь!

— Проеду, и все тут! Не зря меня в институте прозвали фанатиком! На себе перетащу машину, перенесу на руках, но пройду!

— Да, фанатик. За эти годы во многом изменились, но только не в этом.

— Бог даст, проеду! — засмеялся Даврон.— Главное — верить.

— Как хотите, но я с детьми пойду в обход, а вы поезжайте на своей машине,— чуть не плача упорствовала Азиза.

— Не бойтесь! Поверьте мне, дорогая, поехали!

Даврон осторожно вёл машину по воде. Крутя руль то влево, то вправо, одну ногу он держал на акселераторе, а другую не отрывал от муфты сцепления. Приходилось беспрестанно газовать, чтобы не залило выхлопную трубу, ручным тормозом он придерживал дифференциал, а нажав на муфту, убавлял скорость. На удивление остальным водителям он вывел-таки свою машину!

Тем временем ещё две машины двинулись по его следу. Но огромный самосвал задним левым колесом вдруг угодил в яму, застрял и закрыл дорогу второй.

— Взял бы чуть правее... Хотя все равно бы застрял, — с улыбкой сказал Даврон.

Испанд принёс из арыка несколько ведер чистой воды и вымыл машину. Даврон снял полиэтиленовую плёнку, закрепил ремень, подкрутил гайки, и они тронулись в путь.

— А если бы мы застряли? — с укоризной спросила Азиза.

— Говорят, риск — сила, а трусость — слабость, — серьёзно ответил Даврон. — Ведь написал же поэт: «Пока умный искал мостик, глупый перешёл речку босиком».

— Зачем рисковать без надобности?! Девяносто девять раз благополучно проедете и один раз застрянете, все равно такой риск не оправдан.

— Я все проверил, взвесил, и уверился, что проеду. Кроме того, учтите, что те, остальные, только водители, а я ещё и хирург. Наш брат любит чёткость, точность.

— Перестаньте хвастаться!

— А что тут позорного? Каждый должен гордиться своим умением. Твоему покорному слуге больше нечем возноситься. У меня есть ты, дети и моя профессия. Когда я вырываю из лап смерти больного, ты представить себе не можешь, как я горжусь!

— Мама, вот говорят «бог даст». Ты что-то об этом рассказывала, но я забыл, — сказал Испанд.

— Потом, потом, — отмахнулась Азиза.

Даврон, чтобы сын не огорчился, оказал:

— Я напомним. Однажды вечером возвращается хозяин после работы домой и спрашивает жену, готов ли ужин. Жена отвечает: «Сварила плов, накрыла крышкой, чтобы он допрел, и, даст бог, через каких-нибудь полчаса можно будет есть». Муж говорит: «Но если плов накрыла, даст бог

— не даст бог, все равно поедим». Тут раздался стук в ворота. Входят два милиционера и уводят хозяина, И надо было такому случиться, что его забрали по ошибке, перепутали с однофамильцем. Пока выяснили, прошло два дня. Ночью он возвращается, стучит в ворота. Жена спрашивает: «Кто там?» Он отвечает: «Даст бог, это я, твой муж».

Испанд засмеялся, и даже Азиза улыbnулась...

Неподалёку от посёлка Шахристан неожиданно спустил передний баллон. Как назло, Даврон не захватил резиновый клей: баллоны были новые. Досадуя на свою беспечность, он поставил запасное колесо и завернул в посёлок.

Ремонтной мастерской там не оказалось. Пришлось отыскивать гараж. Подъехав к воротам, Даврон спросил у сторожа, где мастера.

— Рановато ещё, сынок, — ответил белобородый старик, широко улыбаясь. — Скоро явится. Сядь, выпей со мной пиалку горячего чая. Видать, впереди у вас долгая дорога.

«До чего ж старики любят поговорить, — недовольно подумал Даврон. — Найдут слушателя, и радости нет предела, словно подарили им ещё одну жизнь. Мне сейчас и соловья слушать недосуг, а он...»

Поблагодарив сторожа, Даврон вернулся к машине.

Минут через пять старик остановил широкоплечего молодого парня, подошёл к воротам и позвал Даврона.

— Вот этот молодой человек — хороший водитель, мастер на все руки. Он все умеет. — Затем, повернувшись к парню, добавил:

— Это приезжие, гости, помоги им, сынок, сделай доброе дело. Даст бог, и ты, попав в другие края, не останешься без помощи.

— А что случилось? — спросил парень у Даврона.

— Камера спустила. Надо бы заклеить.

— Посмотрим.

Он вынес инструменты, быстро заклеил камеру, положил ее под горячий пресс в гараже. Когда все было готово, Даврон протянул мастеру трёшку.

— Что вы, ведь вы гость. Я просто помог. У нас за помощь денег не берут,— отказался парень, краснея.— Счастливого пути. — И не оглядываясь, быстрыми шагами ушёл в гараж.

— Видите,— с улыбкой обратился Даврон к жене и сыну,— не перевелись ещё добрые и честные люди. Конечно, встречаются и такие, как тракторист, но их, к счастью, немного. Земля держится на плечах достойных людей, дети мои! Клей и резину оставил! Говорю ему—не надо, а он своё: «Запас мешок не порвёт». Правильно предки сказали: что отдал людям, только то — твоё.

Дорога постепенно поднималась в горы. Похолодало. Небо стало чистым и ясным. Нельзя было не залюбоваться красивыми горными речушками и величественными арчовыми лесами Шахристана. Даврон под разными предложениями останавливался у обочины, чтобы подышать хвойным ароматом, полюбоваться водопадами, умыться в прозрачной горной речке. И каждый раз с большой неохотой возвращался в машину. Ему хотелось петь, читать стихи, восторгаться этим райским уголком, но на ум ничего не приходило. «Нет, видно, ещё не родились строки, достойные величия и красоты этих гор»,— успокоил себя Даврон.

Неожиданно ему вспомнилась Муниса, и он улыбнулся. Спор с самолюбивой красавицей в дни далёкой юности, видно, так и будет тревожить его всю жизнь, словно незарубцевавшаяся рана.

Тогда Даврон увлекался поэзией, был активным членом литературного кружка и сам писал любовные стихи. Свои сочинения он читал Мунисе, студентке филфака

университета. И вскоре понял, что пишет только из-за неё и только для неё. Стихи давались ему легко, текли свободно, и все же в один прекрасный день он решил покончить с этим занятием.

—А зачем? — сказал он удивлённой его решением Мунисе, которая каждое его новое стихотворение читала своим подружкам. — Я могу принести больше пользы в медицине. И вам советую как можно скорей отказаться от этого баловства. Не тратьте времени понапрасну. Не обижайтесь на меня. Кто же скажет правду, кроме друга?

Муниса нахмурилась.

—Значит, у меня нет таланта? — глаза девушки сузились.

Даврон выдержал этот острый укоризненный взгляд и покачал головой, хотя знал, что это ему никогда не простится.

— Чехов обладал необыкновенным талантом писателя и тем не менее не отказался от медицины. А вы.... Но это ваше дело... Я поступил в институт не с чёрного хода. Первый год не прошёл по конкурсу. Зачислили на подготовительное отделение с условием, что год поработаю санитаром в больнице. Многие тогда отказались от такого условия, а я согласился. Работал, трудился без отдыха...

Это, или примерно это, говорил Даврон в тот памятный день красавице. Сердце его обливалось кровью, предчувствуя разлуку.

Был у них общий друг по имени Зафар, прямой и резкий парень. Он даже с Мунисой разговаривал пренебрежительно, обрывал ее, насмехался, и она его побаивалась. Даврон, как бы извиняясь за его грубость, говорил, чтобы не обижалась: ведь у него даже кличка «хулиган».

— Он не хулиган, а бандит,— возмущалась Муниса. Но при Зафаре рта открыть не смела, он тут же начинал ее дразнить.

— Слушаю вас, ханум, вы, кажется, что-то сказали? Или хотите осчастливить нас своими виршами? А? Не стреляйте черными глазками, нас так легко не возьмёшь.

Обиженная Муниса уходила, но через некоторое время снова появлялась у них в общежитии, так как была увлечена Наимом, а тот был неразлучен с товарищами. Однажды Наим имел неосторожность заявить во всеуслышание, что женится на Мунисе, и получил затрещину от Зафара. Они поссорились навсегда.

— Это не «Зафар», а «Захар»¹⁰,— говорила про него Муниса.

С тех пор прошло много лет, и их пути разошлись. Встречались они редко.

Перед отъездом в отпуск Даврон увидел Зафара с перевязанной рукой. Несмотря на травму, он шёл на работу. Более того, заболел шофёр директора, и Зафару пришлось заменять его, сесть за руль. Это с одной рукой! Зафар рассказал Даврону, как это случилось. В воскресенье сосед попросил его вставить стекло.

— Завтра вставлю,— отмахнулся было Зафар, но тот не отставал.

Пришлось согласиться. И надо же было такому случиться — стекло упало ему на руку и чуть не перерезало вену. Зафара увезли в больницу.

— Представляешь! Этот бессовестный человек ни разу не пришёл ко мне. Я же не за деньги нанимался, просто так ему все делал, поэтому этот жмот и привязался ко мне. Но ничего, я покажу ему! — негодовал Зафар.

---

10 «З а ф а р» — победитель, «З а х а р» — ядовитый.

Да, не будь Зафар мастером на все руки, с таким несносным характером ему пришлось бы туго. Только золотые руки да сильная воля и спасали его. Как-то, остановив Даврона на улице, он сказал:

— Позавчера я стоял на остановке, а ты проезжал мимо. Машину обязательно покажи мастерам в СТО, кажется, у тебя поршневые кольца сели и бензонасос барахлит. Масла много расходуется?

Даврон кивнул.

— Если ты быстро и точно определяешь болезни у людей, как я у машин, приезжай, починю бесплатно. Бездарей ненавижу, от них только вред и беспокойство. Да ты не обижайся, я не о тебе. Ведь ты, слава аллаху, свою «кройку и шитье» знаешь...

— Не всякому дано то, что тебе,— с сожалением в вздохнул Даврон.

Зафар рассмеялся.

— Моя бы воля, собрал бы в кучу всех тупиц-дармоедов — да на Крайний север или на Памир. Пусть тоннель прокладывают в горах. Это же трутни, от них никакой пользы. Если трутней много, пасека погибнет, уважаемый хирург! Вот пчелы умнее нас, не допускают этого. К зиме всех трутней выгоняют из улья, как паразитов...

— Хорошо, что тебе не дали этой воли. Даже представить страшно, что было бы... — улыбнулся Даврон, дружески похлопывая Зафара по плечу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Некий мудрец сказал, что счастье равноценно здоровью. Улыбнулась тебе судьба — наслаждайся жизнью, но начнёт привередничать, не налегай сразу на

сильнодействующее лекарство.— Так отвечал Даврон своей жене, когда она жаловалась, что ей трудно жить на чужбине, вдали от родных,— Как может быть чужой своя страна?

—Человек не саженец, что приживается, растёт и плодоносит всюду. Без родных человек — что дерево без корней,— не сдавалась Азиза.— Вы сами видите, как не похожи наши дети на здешних. Я не хочу, чтобы они выросли бессердечными эгоистами. Да и мои родители уже старые, нуждаются в нашей помощи, а живут далеко от нас. Как бы потом не каяться. А на хлеб насущный всюду можно заработать.

— Потерпи ещё немного, дай закончить работу.

Впереди показался Шахристанский перевал. На горных вершинах лежал густой туман. Дорога, извиваясь, шла вверх и терялась в белой пелене.

Из арчовника дул свежий, прохладный ветерок.

— Папочка... Не надо в горы,— вдруг снова сонно пробормотала Мехри.

— Прекрати, Мехри! — резко оборвал ее Даврон.— Надоело.— А в душе опять забеспокоился. «Почему она упорно повторяет одно и то же?» — Может, вернёмся? — опросил он жену.

— Мы уже проехали половину пути! — пожала плечами Азиза и после долгого молчания сказала: — Я хорошо поняла, что самолюбие, или, вернее, себялюбие, мужчин беспредельно. Они меньше обижаются, когда женщина лжёт, чем когда говорит правду...

— Дорогая, сейчас правда стала горьковатой, кому это понравится?! — попытался отшутиться Даврон.— Особенно теперь, в век научно-технической революции... Лучше взгляни на эти арчовые леса, отличное место для отдыха. Почему бы двум-трём семьям не договориться и не приехать в этот райский уголок? Никаких забот —

достаточно купить по одной палатке. В городе жарыща, сорок пять градусов, а здесь не больше двадцати.

— Кому это нужно? Здесь умрёшь от скуки. И разве в таких ущельях заснёшь?

Даврон улыбнулся. Видимо, Азиза помнит ещё страшные сказки, услышанные ею в детстве. И чего тут бояться? Даже диких зверей стали называть братьями меньшими.

За Шахристанским перевалом на площадке стояло много грузовиков. Здесь было место передышки; водители обедали, проверяли моторы, устраняли мелкие неисправности. Даврон остановил машину, осмотрел колеса, тормозную жидкость и, убедившись, что все в порядке, двинулся в, путь.

«Почему руль, тяги, тормоза не дублируются? — размышлял он.— Если в горах один отказал, другой бы сработал. Жаль, нет у меня инженерных знаний, машину досконально не знаю. В пору моей молодости автомобиль был редкостью. А теперь молодёжь-то должна хорошо разбираться в технике. Кстати, законы механики большое подспорье и хирургам...»

Внимание Даврона привлекли крытые грузовики с дынями. Интересно, откуда их везут? Ведь на таджикской земле растёт не только хлопок. Мы отправляем свои дыни в Сибирь, а торгоши из соседнего Узбекистана везут к нам. В городе милиция разгоняет продавцов лепёшками. Говорят: «Дети не должны заниматься торговлей, пусть учатся в школе». Верно. И в то же время некоторые юнцы на деньги родителей пьют, курят, шатаются по ресторанам и барам. Истинную цену труду, хлебу, соли, человеческой доброте могут познать лишь труженики, а не праздношатающиеся бездельники, бородатые младенцы. Пусть бы и дети приучались к труду, помогали своим родителям... Честную торговлю запрещают, а вот спекулянтов дынями не

трогают. Это просто вредительство. Говорят, что в районах портятся тысячи тонн овощей и фруктов, их не берут по разным причинам торгующие организации. А горожане покупают на базаре огурцы или помидоры раз в пять дороже государственной цены. Причины известные всем, но никто ничего не пытается исправить...

Машина не потянула на второй скорости, пришлось перейти на первую. Даврон взглянул на щит приборов, вода почти закипала. Он включил отопление.

Не прошло и минуты, как стало жарко. Включил вентилятор.

— Все машины так трудно одолевают перевал? — спросила с усмешкой Азиза.— Мне кажется, другие идут быстрее и смелее.

— Наша машина плохо тянет. Вода закипает. Все делаю, чтобы хоть немного остыла.

— Почему? Разве нельзя исправить? Сколько раз вы ездили ремонтировать? — не отставала Азиза.

— Нет поршневых колец. Мастера не хотят браться за трудное и невыгодное дело. У меня пропало всякое желание туда ездить. Зафар говорит, что если у меня будут кольца, он поставит. Но где их найти? Порядочному человеку лучше не связываться со станцией техобслуживания. Если кто-нибудь в частном порядке сделал бы мне машину, я с радостью заплатил бы. Но...

— Но другие находят же с ними общий язык. Сунут кому надо в карман десятку — и все в порядке.

— Что верно, то верно, с такими людьми я не нахожу общего языка.

— Вот и мучаемся. Сколько людей ежедневно обещаются к вам с просьбами...

— Я врач, и больной для меня есть больной, даже если он мерзавец, но от мерзавца я не приму никакой помощи.

—Ну и оставайтесь со своими принципами! — рассердилась Азиза.

Дорога круто повернула, и Даврон сосредоточенно замолчал.

—Другие давно уже диссертации защитили,— снова поддела мужа Азиза,— а вы со своими знаниями чего достигли? Говорят ведь, надо плыть по течению. Чем стишки читать, механику изучать, вникать в инженерные премудрости, лучше бы работали...

— Вот опять обрушилась на мою бедную головушку! — попытался отшутиться Даврон.— Я в отпуске, никто не имеет права напоминать мне о работе. Но имей в виду, и стишки, как ты изволила выразиться, и эта механика, и инженерные премудрости просто необходимы в моей профессии. Движения рук и ног — это тоже механика. Знаешь, я мимоходом выяснил действие мумиё на кровь. Осталось проверить ещё два-три предположения и тогда все.

— У вас каждый день новые предположения. Одна кандидатская диссертация не сделает революции в науке.

— Я и не собираюсь делать революции, хочу выяснить кое-что — вот и все. Например, наши предки рекомендовали принимать мумиё только поздно ночью, перед сном, чтобы шум не тревожил больного. И человек, принимающий мумиё, в течение года не должен есть рыбы. Я хочу понять, почему?

Дорога, петляя, все круче и круче поднималась вверх. Теперь деревья не устремлялись к небу, а опасливо склонялись на бок, словно страшась этой высоты. Мотор стонал от напряжения. Колеса буксовали, в кабине пахло горелой резиной. Даврон был вынужден скатиться на несколько метров вниз, чтобы мотор «перевёл дух», и потом с разгона бросился вперёд. Машина шла, задрав нос к небу, но через каждые пятнадцать метров двигатель снова

взвизгивал, как обиженный щенок, а колеса начинали буксовать, раскидывая камни и песок.

Задремавшие дети проснулись от шума. Девочки начали капризничать и ссориться, а Испанд беспрестанно задавал вопросы, требовал на них немедленного ответа:

— Почему не проведут тоннели, через перевал? Ведь тогда намного сократится путь между Душанбе и Ленинабадом, круглый год можно будет ездить... Кто готовит войны — военные или политики?.. А тоннели не повредят природе?

Отвечая сыну, Даврон думал, что тридцать лет назад, когда он сам учился в школе, вообще не было такой проблемы — охранять природу, а теперь об этом знает каждый первоклассник, и эту проблему создали взрослые. В Яване построили химзавод, а ведь там сто тысяч гектаров плодородной земли. И это в республике, где девяносто три процента территории занято горами... Говорят, раньше архитектора наказывали за просчёты в планировке...

Девочки расшумелись не на шутку, пришлось их угомонить:

— Ну-ка, пташки, уймись! Дорога опасная, не отвлекайте меня! — прикрикнул на них Даврон.

Заморосил дождь, пронзительный, тонкий, словно волосы. Машина вошла в плотный слой облаков. Заработали «дворники» на стёклах. Даврон включил фары и черепашьим шагом стал пробираться сквозь густой туман, предупреждая сигналом встречные машины на поворотах.

— Ну и горы, ну и дорога! — не могла скрыть своей тревоги Азиза.

— Конечно, дорогу надо было разровнять, расширить, очистить от камней. Когда-нибудь ее, наверно, заасфальтируют, сделают оградительные барьеры, — сказал Даврон.

Через полчаса они достигли самой высокой точки перевала. У столба с указанием высоты над уровнем моря находилась ровная площадка для стоянки.

— Как темно! Дороги совсем не видно. Подождём, а? — со страхом проговорила Азиза.

— А туман-то... Будто натянули марлю в несколько слоёв. Подождём.— Даврон остановился.— Не бойся, машины идут через перевал и ночью. Вот мы с Испандом как-то ночью проезжали Анзобский перевал. Тот покруче.

Даврону хотелось успокоить жену и детей. Темноту Азиза считала опаснее тумана. Но Даврон-то понимал, что фары могут раздвинуть темноту и осветить дорогу, но сквозь туман лучам не пробиться.

— А вдруг туман продержится несколько дней, что тогда будем делать? У нас еды не хватит... — забеспокоилась она.

— Туман рассеивается. Ты чувствуешь, какой ветер?

Даврон включил приёмник. Раздался треск. Он вышел из кабины и поднял антенну. От сильного ветра и холодного дождя Даврона знобило.

— Внизу жара невыносимая. Целый месяц сорок пять градусов. Не знаешь, куда деться. Ну что бы половину этой прохлады в долину! Климат нашей планеты год от года теплеет. В годы моего детства Сырдарья зимой покрывалась таким толстым льдом, что по нему проезжали машины, арбы, ходили люди, только солому на лёд стелили. Зимой на улице катались на коньках, а теперь даже наш маленький пруд не замерзает. Видимо, тепло, выделяемое техникой, нарушает равновесие в природе.

— Придумали бы как нейтрализовать тепло, газы, дым,— задумчиво сказал Испанд.

— Сын в отца — мечтатель,— усмехнулась Азиза.

— На такой высоте и мысли высокие приходят,— улыбнулся Даврон,

Дети попросили есть и Азиза дала им по крутому яйцу и пирожку.

— Папа, расскажите что-нибудь весёлое, — попросил Испанд.

Бывали моменты, что Даврон развлекал свою семью смешными анекдотами или забавными приключениями,

— Муаллима, расскажи нам анекдотик или случай из жизни. Ты же за жизнерадостность, — обратился он к жене. — Одна минута смеха равна сорока пяти минутам гимнастики. Кто это говорил?

Она не ответила.

— Ну ладно, слушайте, — миролюбиво сказал Даврон — Однажды пришёл к великому врачу Ибни Сино больной и пожаловался, что у него разболелись волоски на бороде. Ибни Сино спросил: «А что ты ел утром?» «Утром я ел лёд с хлебом», — отвечает больной. Учёный прикусил палец в удивлении и воскликнул: «Уходи, дорогой, ради бога от меня, ни твоя еда, ни твоя болезнь не похожи на человеческие!»

Даврон рассмеялся, за ним Испанд.

— А ты почему не смеёшься? — удивился Даврон, взглянув на Азизу.

Она уныло смотрела в окно, на снег, залежавшийся в оврагах, на низкие деревья и с беспокойством раздумывала, удастся ли им благополучно спуститься с этой страшной высоты. Невесёлые думы омрачили ее лицо.

— Сегодня тебя не сможет развеселить даже сам Шальной Арбады, — заметил Даврон.

— Зато вам в этом повезёт...

Испанд рассмеялся. Мехри, подражая брату, тоже залилась звонким колокольчиком.

— Слушайте, это совсем новенький, как говорят, ещё незапылившийся анекдот, — не сдавался Даврон. — Сын одного невежды поступил в медицинский. Отец его

опрашивает: «Ты каким врачом собираешься быть?» «Буду лечить живот». Отец поучает: «Ты — глупец! У человека один живот. Лучше стань зубным врачом, ведь у каждого человека по 32 зуба».

Испанд снова рассмеялся и спросил:

— Папа, эти анекдоты, правда или выдумка?

—Некоторые я вычитал в книгах, где собраны смешные факты из жизни известных людей. И часто в них нет вымысла.

Несколько грузовых машин с ярко горящими фарами прошли мимо. Казалось, туман несколько рассеялся. Даврон завёл машину. Спускаться с горы намного опаснее, чем подниматься, и, понимая это, все замолчали.

Даврон сосредоточенно смотрел на дорогу, а мысли его были далеко. Сначала ниточка воспоминаний привела в клинику к сослуживцам, потом — в годы юности, когда он познакомился с Азизой. Она лежала в больнице, где он проходил практику. Девушка сразу привлекла его внимание серьёзностью, скромностью, в ней не было фальши, чванства, хотя держалась она с большим достоинством. Этим она понравилась Даврону. Некоторые мужчины любят, чтобы женщина их рабски слушалась. Потом, когда жена превращается в тень мужа, они удивляются, почему гордая и красивая девушка, стала такой непривлекательной женщиной? Сами убивают в ней чувство достоинства, а потом, с тоской глядя на безликое существо, растерянно опрашивают: неужели я когда-то без памяти любил ее? За что?

Даврон не уподоблялся таким мужчинам. Правда, он давал жене советы, помогал, но никогда не подавлял ее волю. И поэтому Азиза всегда чувствовала себя рядом с ним легко и свободно. А если бы он связал свою жизнь с такой, как Муниса, что тогда?.. Да, они абсолютно разные! Даврон вспомнил случай с поэмой Мунисы «Прогулка по берегу

реки»... Поэма состояла из трёх частей, трёх незавершённых стихотворений, в которых Даврон не обнаружил ни одной путной мысли, ни одной удачной строки. Все было бы ещё ничего, если б через некоторое время он случайно не услышал разговор двух начинающих поэтов:

— Старик, здравствуй!.. Поздравляю. Читал твоё сочинение. Представляю, какая это была восхитительная прогулка. Здорово получилось. Честно говорю — далеко пойдёшь! — сказал один из них.

— А где это напечатано?— поинтересовался Даврон.

— В сегодняшней молодёжной газете. Не читал? Страница прямо расцвела!

— Да не слушайте вы его, он шутит,— недовольно сказал второй и укоризненно взглянул на друга.

Даврон купил газету и не поверил своим глазам. Там была опубликована знакомая поэма... Мунисы! Стихи, правда, прикомпоновали, отшлифовали. Даврон решил во что бы то ни стало поговорить с Мунисой.

— Сам не знаю, почему вспомнилась мне Муниса, даже настроение испортилось,— вздохнул Даврон.

— Следите за дорогой,— сухо заметила Азиза.— О таких даже вспоминать грех. Оба они бездельники — что муж, что жена. Зафар вообще не знает с ними и правильно делает.

— Зафар... Зафар — личность. А я? Всего-навсего бедный фанатик... Неизвестно, кто из нас счастливее. Старики говорят: «У кого ума больше, у того и горя больше». Хотя Зафар и не глупее меня, но счастливее, это точно. У него что на уме, то и на языке. Я часто говорю не то, что думаю, боюсь обидеть человека. На многое закрываю глаза. А потом совесть заедает. Трудно жить с таким мягким характером.

— Говорят, плохому танцору и штаны мешают,— засмеялась Азиза.— Сколько проходимцев понятия не

имеют о совести, а живут себе припеваючи. Все им удаётся, даже творчество...

Даврон, не отрывая глаз от дороги, задумчиво улыбнулся:

—Извини... Такое творчество и гроша ломаного не стоит. Самообман это.

И вот долина, первые сады, первые каменные строения. Азиза и дети радовались, что перевал наконец остался позади. Уши заложило, как при полете.

ГЛАВА ЧЕТВЕРАЯ

Машина катилась по Зарафшанской долине. Горы Фалгар не понравились Азизе, выросшей в цветущей долине, среди садов. Ни деревца, ни кустика — голые камни, выжженные жестоким летним солнцем, оползни из красного песчаника.

— Здесь тоже много зелёных ущелий и селений с отличными садами,— словно оправдываясь, говорил Даврон. Ему хотелось, чтобы дети знали и любили каждый уголок своего родного края. Ведь все сразу не увидишь.

—А почему вода такая мутная?— спросил Испанд, поглядывая на реку. Когда у деда чинили крышу и готовили обмазку с мелкой соломой, глина была точно такой.

—Эта вода, минуя Самарканд, проходит через Миёнколот, доходит до Бухары, омывает многие земли. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что каждая ее капля превращается в золото урожая. Без этой воды наши земля наверняка погибла бы.

— Миёнколот — это маленький город, папа?

—Нет,— Даврон помедлил, обдумывая, как лучше объяснить сыну.— Этого места даже нет на карте. И многие, особенно молодёжь, и не подозревают о его су-

ществовании. Знают о нем лишь старики, да в книгах прошлых авторов можно встретить это название. Например, в сочинениях Айни. Два берега реки Зарафшан от Самарканда до Бухары называют Миёнколот или Миёнкол. Недалеко от Самарканда река делится на два рукава, а затем, вблизи Хатирчи, вновь сливается. Настоящий Миёнкол, считают, расположен посреди двух рукавов.

Испанд внимательно слушал, по его лицу было видно: у него возникло много вопросов о замечательном Миёнколе...

Дорога шла вдоль реки, а потом; резко побежала в гору. Дожди смыли песчаник, и дорога настолько сузилась, что в нескольких местах встречные машины с трудом могли разминуться. Даврон уже проехал метров двадцать, как наверху показался грузовик. Даврон резко засигналил, но шофёр даже не затормозил. Высунув из кабины голову в грязной тубетейке, он заорал во всю глотку:

— Эй, ты, назад! Давай назад! Не видишь, я не могу податься назад! Ты же правила знаешь! — бесцеремонно «тыкал» в два, раза моложе Даврона парень.

— Я сигналил, почему ты не остановился? Ведь так положено. Был бы внизу, другое дело — мне пережить.

Но водитель не слушал Даврона. Поневоле пришлось дать задний ход.

— Ни правил не соблюдает, ни людей не уважает. — С горечью крикнул и Даврон, хотя знал, что парень его не слышит.

Он помрачнел и теперь вёл машину расслабленно, Азиза попыталась успокоить мужа,

— Не расстраивайтесь... Разве так можно?! — ласково проговорила она. — Не уступил дорогу какой-то дурак, ну и что? Умный должен быть покладистым... Вы же сами говорили, что во все времена умный уступал глупцу.

— Доуступались... Вот за это и расплачиваемся. Доуступались. Профессор придерживает дверь, а студенты

проходят мимо, и никому не приходит в голову уступить ему дорогу. Или ещё хуже: кто-нибудь толкнёт старшего, а извиниться и не подумает, конечно, если этот старший не читает им в данное время лекций.

— Довольно, хватит... Не все же такие. Есть, конечно, невежды, но хороших больше...

— Хорошие, воспитанные, честные и т. д. и т. п.— перебил жену Даврон.— Знаю эту песенку, привык под ее мотив успокаивать себя и окружающих. Ты себя успокаивай — так будет лучше. Ведь нередко приходишь из школы в слезах, не спишь ночами.

Азиза ничего не ответила. Она хорошо знала, что муж по мелочам не горячится, но уж если разъярится, успокоить его трудно. А ведь какой был весёлый, беспечный и жизнерадостный в молодости... Странно, но иногда жизнь делает грубого, неотёсанного человека мягким и обходительным, и наоборот. Может, похвалы испортили Даврона? Перспективное будущее, отличный хирург... Но если не умеешь ладить с людьми, многое ли дадут тебе знания? Даврон не может понять этой простой истины. Смотрит на других свысока, он, дескать, особенный. Конечно, он не такой, как тот аспирант, который, пока писал свою диссертацию, крутил любовь с дочерью известного учёного, хотел жениться. А защитился — забыл и дочку и отца... но Даврон не утруждает себя поздравлением с днём рождения своего руководителя или заведующего кафедрой! Другие встречают и провожают их в аэропорт, а муж ее ничего и никого не замечает. Хвалили, хвалили его и перехвалили. Теперь он ни рыба, ни мясо. И зачем было выходить за него замуж? Олим, к примеру, красивее его. Да не один ведь Даврон талантливый да образованный. Сватались и кандидаты наук, но от судьбы, как говорят, не убежишь. Конечно, нет повода раскисать, только не плыл бы он все время против течения....

— Мама, мне скучно,— закапризничала Махруй.

— Мне тоже,— подхватил Испанд.— И устал... сидишь как прикованный.

— Сейчас. Вот будет удобное местечко, отдохнём. Большая часть уже позади.

— А я есть хочу... — заявила Мехри.

Машина шла по берегу Фон Дарьи — одного из крупных притоков реки Зарафшан. Дорога и река в этом тесном ущелье напоминали двух сцепившихся змей: то дорога сворачивала влево, а река вправо, то наоборот. Громадные, высотой с пяти-десятиэтажные небоскрёбы, скалы нависали над дорогой.

«Какие огромные скалы,— думал Даврон.— Камни, камни, камни... Современная архитектура тоже поотстала. Наши прадеды из таких камней создали мемориальные ансамбли Бухары и Самарканда. Ленивый так и умрёт в лени, тёмный в темноте. Но труд и талант народа будет жить вечно. Сколько открытий ещё ждёт наших потомков. А вот точная копия селения Сорбог». Вспомнилось, как в столичной больнице он оперировал старика из Сорбога, удалил ему почку. Через несколько месяцев к нему явился его сын, очень расстроенный.

— Отец опять захворал. Наш доктор поглядел и в город бумажку написал. Но отец ни в какую. Говорит, если умирать, то в родном Сорбоге. Да стану я за вас жертвой, съездили бы, посмотрели моего отца. Очень прошу,— умоляюще проговорил приезжий.

— А на чем? Машина есть? — спросил Даврон, представляя семьдесят километров горной дороги.

— Наша машина — автобус. Откуда у нас личная или государственная?

— Сейчас не могу поехать, видишь, больные ждут. Завтра у меня выходной, постараюсь добраться. Ждите,— пообещал Даврон, проводив парня до двери.

А в воскресенье они с Азизой были приглашены к знакомым на свадьбу. Азиза рассердилась: «Прооперировали и теперь до судного дня будете с ним нянчиться?! Пусть сюда привезёт отца. Есть, наконец, больница, Какая вам польза от этого, не понимаю. Одни неприятности...» Да, работай он по женской указке, давно потерял бы своё лицо и был уже не Давроном, а Бободустом. Тот никому не нужен, и живёт спокойно. Интересно все-таки, вот других невежд быстро раскусили, не доверяют сложных операций, назначают ассистентами к толковым хирургам, А Бободуст ловко скрывает свою бездарность и даже попал в число лучших. Сам Нематзода считает его способным и возлагает на него большие надежды. А вот больных не обманешь, у них особое чутье. Когда они стали жаловаться на Бободуста, Даврон поначалу не верил.

Слева показалось узкое ущелье, и Даврон, резко затормозив, свернул туда. Небольшой приток струился меж камней и добежал до бурной Фон Дарьи. Даврон остановил машину у маленького водопада. Ветер сквозь невидимое сито сеял во все стороны мелкие брызги, пахло горными травами и веяло свежестью от темной воды.

Дети с радостными воплями выбрались из машины и бросились к водопаду, забыв о голоде и усталости.

Подставляя лица и руки холодным каплям, они резвились и громко визжали.

На плоском и ровном камне у воды Даврон расстелил коврик, на маленькой скатерти разложил еду и опустил дыню в холодную воду. Азиза все ещё сидела в машине. Даврон нахмурился. Кусок не лез ему в горло, когда за обеденным столом не было хоть кого-нибудь из семьи. Многие мужчины, возможно, смотрят на это проще и посмеиваются над такими, как Даврон.

Дети наконец уgomонились, собрались вокруг скатерти и ждали мать.

— Иди к нам, не бойся — солнце тебя не убьёт, — сердито сказал Даврон.

— Оставьте меня в покое, ешьте сами. Не хочу я. У меня от солнца голова болит, — наотрез отказалась она.

Даврон накормил детей отварным мясом с хлебом, разрезал дыню. Ел он безо всякого удовольствия. Он злился на жену, мысленно ссорился с ней, спорил. Да, человек жаждет любви, ищет ее, но часто принимает за любовь улыбки, поцелуи, ласки... Внешние проявления чувства обманчивы. Главное — видеть жизнь одинаково. Однако и сам он хорош, стал придирчивым, мелочным. Разве это дело? От солнца, действительно, может разболеться голова. Вот прошлой осенью, когда по воскресеньям врачей и сестёр больницы отправляли на сбор хлопка, женщины возвращались с головной болью. После такой работы кожа на руках трескалась, покрывалась царапинами. Под ногтями грязь... Такими руками страшно брать скальпель. И когда только научатся ценить время специалистов? Платили бы за килограмм хлопка двадцать копеек — колхозники и сами бы управились. Врачи, правда, даром собирают, но пользы от этого нет никому.

— Поехали, — сказал Даврон детям и сел за руль.

Больше он не произнёс ни слова и даже не взглянул на жену.

Азиза тоже была мрачная, молча пересела назад, оставив сыну место рядом с отцом.

Настроение было надолго испорчено, хотя, вроде, и не было повода. Возможно, причина таилась в нем самом, а может быть, по каким-то, ещё неизвестным законам природы, подсознательно он предвидел надвигающуюся беду. Кто знает? Но с каждой минутой тревога все больше и больше охватывала Даврона. И до этого он неоднократно убеждался в том, что то или иное событие, радостное или печальное, он предчувствовал заранее.

«Если у человека есть чувство предвидения, значит, существует какая-то закономерность»,— думал он, уныло глядя на дорогу. Девочки дремали, положив головки на плечи матери. Испанд тоже прикорнул. В полусне ему померещилось, что вот-вот машина налетит на валун, он явственно услышал чей-то испуганный крик: «Авария!» Авария!» Мальчик вздрогнул, открыл глаза, с опаской посмотрел на отца. Ему показалось, что тот ведёт машину неосторожно. Раньше, заметив яму или колдобину, он плавно сбавлял скорость, а сейчас, объезжая выбоину, он резко, даже со злостью, крутит руль.

Даврон старался взять себя в руки и отогнать тревогу. Вспомнил, как несколько лет назад его послали в Сангоб на эпидемию желтухи. Работал там целых два месяца. Одну молодую женщину муж из ревности не показывал врачам, лечил знахарскими снадобьями, вроде коровьего желудка, тыквы и моркови. И это в наш-то век, когда имеется столько препаратов! Даврон вместе с медсестрой пошёл к больной. Муж не пустил их. Пришлось звать на помощь председателя местного Совета. Увидев власть, молодой муж выбежал за ворота с налитыми кровью глазами и закричал:

—Если вам нужна моя жена, заходите, я даю ей талок¹¹! Даврон поразился, до какой ярости может довести человека невежество и религиозный фанатизм...

У селения Такфон Даврон притормозил машину возле сельмага и, повернувшись к жене, как можно ласковее спросил:

—В магазин не зайдёшь?

—Нет,— отрезала Азиза.

Когда ещё отыщется такая возможность наладить отношения? Даврон открыто пошёл на мировую, но Азиза

---

¹¹ *Талок* -- развод. Если муж говорит, жене слово «талок», то по законам ислама им нельзя больше жить вместе, а если муж трижды говорит «талок», то и примирить их нельзя

не приняла ее. Ну что ж, ей самой же хуже. Гордыня для сердца, что ржавчина для металла.

— Дорога и река едва умещалась в узком ущелье.

— Вдали серебрилась гора Анзоб. До перевала оставалось ещё километров пятьдесят. Стояла такая тишина, что у Даврона сжалось сердце. Он включил приёмник, но треск резанул по ушам, заглушая далёкую музыку.

— Даврон раздражался все больше и больше.

— «Тоже мне радио, ерунда какая-то. Продают же такое барахло, и цена хорошая, не больше, не меньше 187 рублей. Месячной зарплаты врача не хватит. Да ладно, нечего расстраиваться. И без приёмника можно прожить, не в этом счастье. В молодости счастьем казалась женитьба на Азизе. И что? Начались проблемы с жильём. После долгих мытарств получили квартиру. Опять проблема — защита кандидатской диссертации... Все время что-нибудь да надо, нет предела человеческим желаниям. А теперь вроде ничего и не хочется. Неужели подкрадывается старость? Бывало, не пригласят на собрание или заседание, обижаешься. А теперь даже радуешься...

Спускающийся с большой скоростью «Жигуленок» на крутом повороте вдруг перешёл на встречную полосу. Даврон попытался свернуть налево, чтобы пропустить, его справа от себя, но за «Жигулями» появился бензовоз. Даврон изо всех сил нажал на тормоз и остановился.

— Ай, па-па! — вскрикнул Испанд.

Даврон никак не мог понять, почему «Жигуленок» приближается, несётся прямо на него. Инстинктивно сжал руль, так бы желая уберечься от удара. Визг тормозов, скрежет железа... Бензовоз промчался мимо. Слава богу, хоть не смял колёсами. В воздухе повисли истошные крики детей и Азизы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Даврон открыл глаза. Ветрового стекла перед ним не было. «Когда это случилось? Или я потерял сознание?.. Дверцы «Жигулей» распахнулись, из кабины выскочил коренастый мужчина средних, лет с ярко-рыжими волосами, следом четыре парня.

Даврон с трудом повернулся и, увидев окровавленное лицо сына, зарычал, как затравленный зверь. Он рванулся было к мальчику, но сиденье прижало его к рулю, и сколько он ни старался, не мог освободиться.

Тогда Даврон попытался открыть дверь, но и это ему не удалось. Боль в ушибленной левой руке и груди мешала ему с силой нажать на повреждённую дверь.

В отчаянии от своей беспомощности и боли он застонал и потянулся к правой двери. Из машины уже выскочила Азиза и тигрицей набросилась на рыжего кудрявого водителя:

—Будь ты проклят, слепец паршивый! Если с моим сыном что-нибудь случится, я выцарапаю твои бесстыжие глаза! Не умеешь водить машину, зачем садишься за руль, окаанный! — не переставая осыпать рыжего проклятиями, она пыталась открыть дверь машины.

Вокруг собрались водители и пассажиры проходящих машин. Все молча смотрели на залитое кровью лицо ребёнка, но никто из них даже не пытался чем - ни будь помочь...

Даврон все ещё силился высвободиться, пока не понял; дело не в том, что его прижало. Повредило грудную клетку. «Может, и ребра сломаны, кто знает...— подумал он.— Лишь бы с Испандом все было в порядке».

Азиза с трудом вытащила из кабины сына. Потом через правую дверь выбрался Даврон. Он попытался

выпрямиться, но не смог. Из большого пальца руки текла кровь, видимо, порезался об стекло.

—Вы свидетель... Никуда не уезжайте, брат,— обратился он к водителю бензовоза, стоявшего неподалёку.

Словно старик, согнувшись в три погибели, он снизу вверх смотрел на парня. Ему трудно было даже поднять голову. Кое-как достал ручку и записал номер бензовоза.

—Прошу вас, отвезите мальчика в больницу.

Не в силах больше стоять на ногах, Даврон сел на обочину. От этого боли только усилились. Он встал, добрался до плоского валуна и прислонился к нему Громко плача и причитая, подошла Азиза.

—Ничего... Не беспокойся, все обошлось... Кажется, чуть-чуть поранил руку. Да и грудь прижало... Отвези Испанда в больницу. Не бойся, с ним ничего серьёзного, стекло порезало лицо,— успокаивал Даврон жену.

Азиза пыталась поднять сына, но не смогла.

—Испанджон... Испанджон... Посмотри на меня... Можешь сам встать? А? Пойдём вон к той машине.

—А папа?.. А папа?..— мальчик еле шевелил окровавленными губами.

—У папы все в порядке... Он подъедет позже. Ты- то как? Стоять можешь? Дойдешь до той машины?..

Азиза с большим трудом повела сына к бензовозу.

Девочки все ещё плакали в разбитом «Москвиче».

Подошла какая-то машина. Пассажиры, русские мужчины и женщина, поспешили к девочкам. Усадили их на багажник, достали аптечку, обработали раны и ссадины. Забинтовали раненую руку и Даврона.

—Стоит и смотрит, как баран,— с презрением покачала головой женщина, взглянув на рыжего толстяка.

Даврон пока ещё не знал имени виновника аварии и про себя назвал его «Гуладинг», что означает чурбан. Тот

отозвал своих спутников в сторону и начал что-то с ними обсуждать.

— Кто его знает? Он — местный? — опросил Даврон у стоящих вокруг людей.

— Нет, он ваш земляк, из Душанбе, уважаемый, — ответил один, по виду рабочий.

— Сейчас он в Душанбе живёт, а вообще-то здешний, — поправил его другой.

— Машину на отца, значит, оформил? — спросил третий, посмотрев на номер «Жигулей».

— Да. Он в прошлом году попал в аварию и разбил машину, потом приобрёл эту, а документы оформил на отца.

— Эти парни его родственники, что ли?

— Вроде они из Пенджикента. Он возит, подрабатывает. Гляди, парни-то расплачиваются, — сказал мужчина, отвернувшись.

Действительно, рыжий толстяк с деньгами в руках горячо спорил со своими спутниками.

Постепенно толпа зевак поредела, и осталось только несколько человек, видимо, знакомых рыжего.

— На том берегу есть чайхана... Пойдём, выпьем чайку. Когда ещё ГАИ пожалует, долго ждать придётся, — сказал толстяк, подходя к Даврону.

Даврон возмутился. Пьяный, что ли? Или у него сердце каменное? Полезет разве сейчас кусок в горло?! Сын там ранен.

— Я попросил водителя бензовоза, чтобы передал...

Быстро приедут. Ведь две машины стоят посреди дороги, — помедлив, ответил Даврон.

Толстяк ещё раз позвал Даврона в чайхану, но, услышав его твёрдый отказ, удалился.

Даврон засунул руку под рубашку и стал ощупывать свои ребра. Вроде все в порядке. Хотя боли в груди усиливались с каждой минутой...

Примерно через полчаса возле разбитого «Москвича» остановилась легковая машина. Из неё вышел подтянутый молодой мужчина и тепло и участливо поздоровался с Давроном, будто они были близкими родственниками.

— Как самочувствие уважаемый? Слава аллаху, все здоровы. Пусть эта машина будет искупительной жертвой за здоровье ваше и ваших домочадцев. Не огорчайтесь, все обошлось относительно хорошо. На этой дороге каждую неделю происходят страшные аварии. Вы, кажется, немного ушиблись? Вставайте, поедem к врачу.

— А машина?— невольно вырвалось у Даврона.

— Ребята проследят, не беспокойтесь. Никто ничего не тронет.

Даврон сначала удивился, где эти ребята? Вокруг не видно ни души. Но потом догадался, что поблизости наверняка есть селение, скорее всего за холмами.

Даврон позвал девочек и с ними сел в машину.

У больницы он с трудом вылез из машины, из последних сил постарался держаться прямо, но резкая боль в груди перехватила дыхание. Переступив порог, он снова согнулся.

Даврон попросил халат и только было направился в операционную, где делали перевязку Испанду, как его остановила медсестра.

— Я отец мальчика... врач...

— Сейчас вы больной,— строго сказала девушка.— Идёмте, я вас уложу.

Даврон попытался спорить, но в коридоре появилась Азиза и он понял, что это бесполезно.

— Как Испанд? Что сказали врачи?— Даврон осторожно опустился на койку в палате.

— Говорят — ничего страшного. Стеклом порезало лицо и подбородок. Швы накладывают. Когда сможете, зайдите, все-таки свой глаз. Не дай бог... А-как вы себя чувствуете?

— Возможно сотрясение...— сказал Даврон, продолжая думать о сыне.— Его не тошнило? — Азиза отрицательно покачала головой.

— Может, все и обойдётся,— подбодрил он жену.

Боль в груди нарастала с каждой минутой. Всякое движение было мучительным. Вроде ребра целы — но не выпрямиться, не повернуться, не подняться. Видно, сильно ушибся. Конечно, хирургия многого достигла, но, вот муки больного облегчает плоховато. К тому же утрачены секреты народных лекарей, а те за две недели лечили переломы. Нечего было устраивать это гонение на народную медицину.

К окну палаты подошёл мужчина, который привёз его в больницу. Даврон только теперь как следует разглядел его: подтянутый, высокий, с открытым, смуглым лицом.

— Не унывайте, уважаемый, все будет хорошо,— заулыбался он.— Заварить вам чайничек крепкого зелёного чая?

— Спасибо... Если нетрудно. Как вас зовут?— поинтересовался Даврон.

Вместо него ответил толстяк:

— Асадулло. А чай я уже заказал. Сейчас распоряжусь, чтобы принесли.

— Асадулло,— повторил Даврон.— Скорее прибыл бы инспектор ГАИ...

— Я сейчас позвоню,— рыжий бесцеремонно оттащил молодого человека от окна.

Вскоре Даврон услышал, как толстяк громко, на весь больничный двор, кричал по телефону:

— Эй, это кто?.. Кто говорит, спрашиваю?.. Назар мне нужен. Очень нужен, срочно позовите!.. Нету его? Ну ладно, а этот, как его... Гулом где? А кто есть из инспекторов? Говорите быстрее... А? Давай, давай его позови. Эй, друг, ради бога, приезжай поскорее! Очень важное дело. Мирбадал я... Не узнал? Да, да. Да тут недоразумение одно получилось. Если не приедешь плохо будет.

Поддерживая Испанда, в палату вошли доктор и медсестра, они бережно уложили мальчика на кровать.

Доктор подошёл к Даврону.

— Как самочувствие?

— Ничего, спасибо. Только грудь побаливает.

— Давайте посмотрим...

— Как вы думаете, у мальчика нет мозговой травмы? — не выдержал Даврон.

— Да вроде нет,— ответил доктор, внимательно осматривая Даврона.

— А глаза?

— Кровь попала... Пока вроде все идёт нормально.

— Сыворотку против столбняка ввели?

— Нет... У нас сыворотка старая. В Душанбе сделаете.

— Помогите нам поскорее отсюда уехать, прошу вас... остановите первую попутку и отправьте. Я не могу разогнуться, наверное, сильно ушибся.

— Мальчику необходимо полежать денька два. Поднимется — и поедете. Покой ему нужен, покой, сами понимаете. Да и вам отдохнуть не помешает. Сейчас вам сделают обезболивающий укол. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Даврона затрясло—последствие внезапного удара.

Прошло довольно времени, а инспектора ГАИ все не появлялись. Испанд уснул. Даврон, скрючившись, лежал на кровати с продавленной сеткой и тихо стонал.

Азиза с девочками сидела во дворе больницы. Маленькая Мехри хныкала и просилась к отцу. Наконец мать ей уступила.

— Ну как? — шёпотом спросила Азиза.

— Уснул,— с трудом выговорил Даврон и, не в силах сдержаться, застонал.

— Не дай бог, если и с вами что...— снова прошептала Азиза с отчаянием.

— Все в порядке, успокойся...

Мехри легонько гладила руки отца. Потом подошла к брату и погладила его. В глазах девочки блеснули слезы.

День уже был на исходе, когда в палату вошёл Асадулло о двумя инспекторами ГАИ. Даврон ещё утром догадался, что Асадулло — общественный инспектор ГАИ в этом районе.

Сотрудники ГАИ представились:

— Кубодов.

— Джураев.

Кубодов не понравился Даврону. Глаза злые, как у змеи, и весь он вызывал неприязнь своим высокомерием. Вот второй—совсем другое дело. Держался просто, смотрел доброжелательно, хотя, кто знает, какой он, нередко первое впечатление обманчиво. Зачастую сдержанных людей принимают за сердитых и надменных.

— Быстрее пошевеливайтесь, надо закончить дело дотемна,— сухо сказал Кубодов, даже не поинтересовавшись здоровьем Даврона. В его речи преобладали шипящие звуки, и Даврон сразу понял, что не таджик, хотя языком владел свободно.

Они вышли из палаты.

На месте аварии Кубодов и Джураев начали измерять и фотографировать.

— Ширина асфальта шесть метров. От левого колеса «Москвича» к левому краю дороги—2 метра 80 см,— объявлял Кубодов.

Джураев записывал.

— Обратите внимание, от удара мою машину отбросило налево. Вот следы тормозного пути моей машины,— вмешался Даврон.

Согнувшись в три погибели, он еле стоял на ногах.

— Все это, конечно, мы учтём... Потом отдельно отметим. Ясно, что и вы ехали близко к центру дороги,— ответил Кубодов, отводя глаза и ещё сильнее шепелявя.

— Зачем откладывать. Потом все следы сотрутся,— настаивал Даврон.

— Следы все равно будут проходить близко к центру, как ни замеривай. Сейчас зафиксируем реальное положение...

— Следы никак не могут проходить близко к центру. Даже если вам этого очень хочется. Измеряйте честно, без натяжек, чтобы потом между нами не было никаких споров и осложнений,— перебил его Даврон.

— Все учтём... Только не волнуйтесь,— пытался успокоить его Кубодов.

Даврон в душе подсадовал, что не разбирается в тонкостях работы ГАИ. Хорошо зная правила дорожного движения, он не имел понятия о том, как фиксируют дорожные происшествия. Поэтому, поначалу пытался обратить внимание инспекторов на отдельные детали, а потом махнул рукой. Зачем? Это бессмысленно. Это все равно, что больной начнёт ему советовать, как делать операцию. Хорошо хоть, все живы остались...

— Я могу уйти? — опросил он у Кубодова.

— Конечно, идите. Своими глазами все увидели, теперь можете быть спокойны. Все сфотографировали? — уточнил Даврон, зная, что,

в крайнем случае, виновного можно выявить по снимкам.

—Сфотографировали и будем ещё фотографировать,— ответил инспектор.

—Надеюсь на вашу точность,— подчёркнуто серьёзно сказал Даврон и на машине возвратился в больницу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дежурный врач Халим, несмотря на молодость, показался Даврону толковым и внимательным. Он искренне старался сделать для больного все, от него зависящее. Открытое лицо, добрый взгляд карих глаз располагали и внушали доверие.

Вечером во двор больницы пригнали машину Даврона. Капот был до того помят, что Даврону стало не по себе, он не на шутку расстроился.

—Заберите ценные вещи и отнесите в сторожку,— посоветовал врач.— Чем черт не шутит, когда бог спит.

Азиза подошла к машине, с трудом открыла багажник и стала переносить сумки.

Узнав, что Даврон хирург, Халим почти не отходил от него. Он то жаловался на плохие условия кишлачной больницы, то на нехватку инструментов и медикаментов, то на равнодушие начальства. Даврон не удивлялся. Не один год он ездил в районные больницы консультировать, насмотрелся на безобразия и беспорядки.

Вечером Халим пригласил Даврона на чай в сторожку. Даврон долго отказывался, но врач все же уговорил его, советуя хоть немного расслабиться и отвлечься от грустных мыслей. Старый сторож протянул Даврону пиалку горячего чая и осторожно заметил:

—Надо было вам, домулло¹², встретиться с этим рыжим Обидовым. Подлый он человек.

Даврон насторожился. Вот, оказывается, какая слава в этих местах у рыжего! Хотя чего волноваться? Теперь с ним будет разбираться ГАИ.

— Обидов места себе не находит. Вертится так, будто ему в штаны блоха попала,— продолжал сторож — Сейчас в район подался. Кажется, с инспектором никак не договорится.

—Представляете, явился ко мне и требует: отправь их домой, пусть уезжают,— вмешался в разговор Халим.— Я просто опешил.— Он задумался и добавил:— Если мальчик пролежит в больнице больше недели, виновника привлекут к суду. Он об этом прекрасно знает, тем более, что на его счёту немало аварий. Вот отправился в район, наверное, к мужу сестры. Тот работает шофёром у какого-то начальства. Да и у самого Обидова большие связи.

-- А-а... Вот почему он оставил жену с пятью детьми, женился на другой, и ему все сошло...— возмутился сторож.

Наступило тягостное молчание.

Вскоре врача срочно вызвали к роженице в какой-то дальний кишлак, и они вместе с медсестрой уехали.

Даврон вернулся в палату и лёг. Прошло часа полтора. Только Даврон задремал, как у ворот загудела машина. Фары осветили двор и окно палаты. Даврон поднялся и увидел, что сторож открывает ворота. Машина въехала во двор и остановилась возле «Москвича» Даврона. Из неё вышел Обидов и какой-то мужчина.

—Это его машина?— спросил он начальственным тоном.

---

¹² *Домулло* — вежливое обращение к людям, известным, своей учёностью.

— Да, уважаемый, его,— подобострастно закивал Обидов. Их разговор был отчётливо слышен в приоткрытые окна.

— Прикатил с Шокосимом, главврачом района...— доверительно прошептал один из больных.

— Мальчика посмотрите? — снова послышался во дворе голос Обидова.

— Вернётся врач, тогда... До его прихода чайку попьём,— ответил главврач и крикнул:— Эй, старик?..

Они вошли в сторожку. Теперь их разговора не было слышно.

Даврон снова прилёг, глаза стали слипаться. В палате послышались громкие голоса. Спросонья Даврон не мог понять, что происходит. Наконец он узнал голос главврача Шокосима. Тот распекал растерянного Халима. Они вместе подошли к кровати Испанда. Врач осторожно разбудил спящего мальчика. Увидев его забинтованное лицо, Шокосим, казалось, пришёл в бешенство.

— Какая необходимость в повязках? Что это? — он бесцеремонно дёрнул концы бинта.

Испуганный плач Испанда и душераздирающий крик Даврона слились воедино.

— Не смей его трогать, изверг!

Даврон не помнил, как он оказался возле сына и с силой оттолкнул Шокосима.

— Кто впустил этого пьяницу в больницу?.. Что за безобразие? Сейчас... сию минуту позвоню домой министру... Что это такое, кого поставили у власти?!

В свою очередь и Шокосим закричал на Даврона, начался скандал. Врач Халим не вмешивался, он молча перебинтовывал рыдающего Испанда.

***

Утром Даврона навестил Кубодов и долго извинялся за то, что вчера не успел составить подробный отчёт об

аварии. Даврон пожал плечами, однако покорно пошёл за Кубодовым в отдалённый уголок больничного сада, где стоял длинный стол с двумя рядами скамеек. Они сели и занялись отчётом.

Даврон изложил на бумаге все, как было. Инспектор тоже исписал несколько страниц, составил чертёж столкновения автомобилей и попросил Даврона расписаться.

Посмотрев на рисунок, Даврон удивлённо уставился на Кубодова.

— Ведь он налетел на меня, вы же здесь нарисовали совершенно иную картину. Не понимаю, для чего это?

— Что «для чего»? Что вас смущает? В горячке вы забыли, как было дело. А было так, как показано на чертеже, — невозмутимо ответил Кубодов.

От гнева у Даврона перехватило дыхание.

— Но ведь... машина Обидова прошла справа, ударила мою машину и разбила правую фару. Или вы и это отрицаете?

— Да, да... — слишком поспешно согласился инспектор, оценив состояние Даврона, и слегка поправил чертёж. — Вот так правильно?

— Расстояние и месторасположение машин тоже показаны неверно. Мою машину на целых пятьдесят сантиметров вы вывели на середину дороги! Ограничились бы двадцатью пятью, и я бы не догадался, — Даврон ещё пытался шутить, хотя внутри у него все кипело. Скорее бы отделаться от этого наглеца!

— Э-э... Ошибка вышла, извините... — продолжал прикидываться простачком Кубодов. — Видите, я изменил цифры. Теперь все это зафиксировано, я ещё раз сверюсь с записями, исправлю. Вот так.

Даврон вдруг понял, что вся эта документация — просто липа. Все это фиксирование, фотографирование, замеры, показания свидетелей только для отвода глаз. А потом оформят протокол, как им удобно.

— Конечно, Обидов виноват, но вы тоже допустили ошибку... — наигранно вздохнул Кубодов.

— Вы тоже допустили ошибку, приписывая мне несуществующую вину. Ведь есть свидетели... А последствия подтасовок фактов, как правило, бывают печальные...

Инспектор промолчал.

Потрясенный этим разговором, Даврон задумчиво разглядывал Кубодова. Откуда только берутся такие?

В чем корень этой наглости, этого пренебрежения к закону? Неужели закон не для каждого? Неужели и вправду закон не писан для работников торговли или министерского шофёра?! Поразительно!

— Виноваты обе стороны, — снова заговорил Кубодов. — Если бы вы держались правой стороны, ничего бы не случилось. А вы сначала ехали посередине, и Обидов был вынужден свернуть вправо. Верно? И Обидов дал такие показания, и свидетели. Вот и он сам...

Рыжий Обидов действительно шёл к ним.

Даврон молчал. Что тут скажешь? Ещё одна новость... Ведь передняя часть его машины накренилась влево от сильного удара. Почему же никто не учитывает следы колёс?.. Тормозной путь чёткий... Но следы быстро сотрутся, потом поди докажи. Тем, более после нашего отъезда. Что бы я делал, если бы этот рыжий работал завбазой, директором универсама или просто был родственником министра... Простого завмага так выгораживают!

— Что случилось, то случилось, было и прошло, — вступил в разговор Обидов. — Не нарочно ведь. Радуйтесь,

что все живы. А если бы случилось несчастье? На этой дороге оно часто бывает. Инспектор вон, знает.

— Неделю назад машина угодила прямо в реку, погибла целая семья, и до сих пор найти не могут,— поддержал Кубодов.— Ежегодно в стране количество жертв автомобильных аварий равно численности населения целого города! Нам с вами, домулло, наверняка придётся ещё видеться, встречаться, а может, и помогать друг другу, не так ли? Зачем же упрямяться, стараться непременно отомстить? Мы его накажем, никуда он не денется. И машину вашу отремонтирует.

— Месть — не наказание,— через силу улыбнулся Даврон.— По-моему, наказанием стараются воспитать человека. Лишение, прав плохого водителя — это, если хотите, необходимость для сохранения жизни не только ему, но и многим людям...

— Три сотни и ваш «Москвич» будет как новенький,— перебил его Обидов.— Вы, домулло, человек серьёзный, нам с вами не к лицу критиковать закон. От этого ещё никто ничего не выиграл. Вы знаете: в наших краях дорожные происшествия нередки — и как поступают умные люди? Договариваются и расходятся. А не таскаются по ГАИ-МОИ. Вот мой племянник — водитель такси. Так он постоянно держит в кармане пять сотен... Что-нибудь случится — на! и едет себе дальше. Эти деньги он зарабатывает за пару дней. А если он начнёт действовать по закону, то из-за какой-нибудь ерунды потеряет пару месяцев. Вот и прикиньте, какая ему польза от закона? Тут и дураку ясно...— Обидов взглянул с улыбкой на Даврона.— Подумайте сами, ну что у вас случилось? Да все это мигом можно исправить, лучше нового будет. В конце концов, люди должны помогать друг другу. Если вам что нужно, прошу ко мне в магазин...

— Ну... чего вы от меня хотите, скажите прямо,— решил уточнить Даврон, хотя уже понял, куда клонит рыжий, и вопросительно посмотрел на инспектора.— Ведь иск предъявляю не я, а ГАИ! Разве не так, товарищ Кубодов?

— Конечно, мы обязательно накажем виновного,— закивал инспектор,— но вам предлагают возместить убытки и разойтись по-хорошему. Не вижу тут ничего плохого. Вот вы торопитесь уехать, а нет никакой возможности вас отпустить. В субботу и воскресенье у нас все закрыто. Но и для вас надо же найти какой-то выход...

Обидов теперь помалкивал, видимо, крепко надеялся на поднаторевшего в таких уговорах инспектора. Он нисколько не сомневался, что друзья все равно вытащат его из этой беды. Тем более, что потерпевшие из тех, которых легко обвести. На этих учёных простаков — «сипахи» он посмотрелся в магазине: протянет пятёрку — смело давай ему сдачу с трёшки, ничего не заметит. Однажды такой «сипахи» попросил довести его до города, сел в машину, даже не поинтересовался ценой. А потом оторопел: «Сорок рублей. Это несправедливо...» Пришлось утешить: «Учитель, такая поездка— сорок рублей и не меньше». Сразу сдался. А мог бы поторговаться и доехать за двадцать или в кабине грузовика за трояк...

— Да, я тороплюсь...— сказал Даврон после долгого раздумья.— Мальчика надо везти в больницу.

— Триста рублей — немалые деньги, домулло,— заметил инспектор.— Вот посчитайте сами...

Он начал перечислять отдельные части и узлы машины, нуждающиеся в ремонте, оценивая предстоящие затраты примерно вполонину и заверяя, что такой ремонт — пустячное дело, и в конце концов до того заморочил Даврону голову, что тот готов был согласиться на все, только бы скорее уехать.

И все же одна мысль не давала Даврону покоя. Что у них на уме? Неужели не побоятся оправдать виновника на виду у всего народа?..

— Решайте, домулло...— заговорил Обидов.— Сейчас при мне нет денег. Отдам их в Душанбе. Сам привезу их вам домой. За три сотни ваша машина будет как новенькая.

Даврон понимал, как ему сейчас необходим дельный совет опытного человека, но здесь нет такого. Разве тот молодой сельский инспектор?.. Нет, он, конечно, воздержится от советов. Ему ведь здесь жить и работать...

— Дайте расписку,— сказал, наконец, Даврон.— Пишите, что виноваты и что оплатите все расходы... А остальное на вашей совести.

— Хорошо, уважаемый, вмиг напишу,— оживился Обидов.— Но и вы напишете.

— Я? А что именно? Что вы ударили мою машину. нарушили правила, ехали на большой скорости?

— Да нет... Всякое может быть, учитель. Я верю вашему честному слову, но, бывает, возьмут деньги, а потом скажут — мало, не хватило на ремонт. Или ещё хуже — начнут таскать по судам.

— Э, да пропади пропадом эти деньги...

— Вот и черкните два слова, что у вас нет ко мне претензий... Ну, для верности... для успокоения души, что ли.

— Но я ещё ничего не получил! Странный вы все-таки человек... Имея мою расписку, можно ведь ничего и не платить.

— Да это он так, для спокойствия...— примирительно сказал Кубодов.— Напишите, что после того, как он даст деньги на ремонт машины и получит от вас расписку, у вас не будет никаких претензий.

И Даврон написал расписку. Будь, что будет, подумал он, надо уехать сейчас же, сегодня же попасть в Душанбе и

отвезти Испанда в больницу. Сыну необходима срочная консультация опытного окулиста, тут нельзя медлить, иначе может плохо кончиться.

При мысли, что здоровье Испанда под угрозой, все остальное ему показалось ничтожным.

— Запомните, я тут ни при чем. Ваши дела меня не касаются. О вашей сделке я ничего не знаю. Обменивайтесь расписками без меня,— сказал Кубодов и ушёл в глубь больничного сада.

Даврону было ясно, что инспектор покрывает рыжего. И если очень постарается, частично сгладит его вину. Полностью оправдать его, конечно, ему не удастся. Побойтесь. Есть свидетели, они видели, что правила нарушил Ибодов.

— Сегодня у нас уже закрыто. Подождите до завтра, оформим документы, и уедете,— сказал Кубодов после того, как было покончено с расписками.

Утром один из больных сообщил Даврону, что вчера Обидов был подвыпившим. Буфетчик из-под Анзобского перевала сказал ему, что Обидов уехал, выпив перед дорогой стакан водки.

— Вы его защищаете, а он, оказывается, сел вчера за руль пьяным, — упрекнул Даврон громко чавкающего за соседним столом инспектора.— Это же преступление! Вы ставите под угрозу жизнь безвинных людей!

— А у вас в багажнике видели бутылку водки... Да, домулло, на вещи можно смотреть по-разному,— нагло сказал Кубодов.— Уезжайте лучше по-доброму..

В первую минуту Даврон растерялся. Он побледнел и молча смотрел на ухмыляющегося инспектора.

«Вот подлец», — пронеслось в голове.

— Вас и человеком-то нельзя назвать... Мне неприятно, что приходится иметь дело с вами!— с презрением сказал он.

—Ничего, домужлло... Вы себя сейчас чувствуете неважно и потому сердитесь,— невозмутимо ответил Кубодов.— Дня через четыре приезжайте к нам, хорошо?

Даврон молча повернулся и ушёл.

Едва Кубодов уехал, Даврон собрал вещи и вышел на дорогу ловить попутную машину. Вскоре ему удалось договориться с шофёром «Волги». Он усадил Азизу и детей и наказал, чтобы в Душанбе, не заезжая домой, она сразу отвезла Испанда в больницу.

После того, как «Волга» скрылась из виду, Даврон с облегчением вздохнул. Он только теперь понял, что его крайнее нервное напряжение было связано с Испандом. После отъезда сына все стало проще. Теперь нужно было отправить разбитый «Москвич». Попутный грузовик тоже нашёлся быстро. Водитель подогнал его к «Москвичу» и с помощью окружающих разбитую машину по доскам подняли в кузов. Даврон устроился в кабине.

Проводить Даврона пришли инспектор Асадулло и Халим.

—Я с удовольствием рекомендовал бы вас на работу в нашу клинику, но вы очень нужны здесь,— улыбнулся Даврон.— Если я чем-нибудь могу быть полезен — сразу дайте знать. Может, вам нужны какие -нибудь книги?..

—Спасибо! У меня целый список... Как-нибудь в городе я найду к вам,— приложив руку к сердцу, сказал Халим.

—Если с вами обойдутся несправедливо, требуйте, чтобы опросили жителей кишлака. И Джураев на вашей стороне, они с Кубодовым из-за этого дела поссорились,— сказал Асадулло на прощание.

Грузовик тронулся, понесли навстречу дома посёлка. Их становилось все меньше и наконец промелькнул последний дом. Даврон все ещё думал о враче Халиме, от души хотелось сделать что-нибудь приятное этому доброжелательному, заботливому человеку. Как он то-

ропился отправить Испанда к специалисту... А ведь немало возомнивших себя универсальными врачами. Сколько же вреда приносит такое самомнение! Взять, к примеру, недавний случай. К ним в больницу с острым аппендицитом попал видный государственный деятель. Старый профессор Хаким решил сам прооперировать его. Но больной, не церемонясь, сказал: «Домулло может быть, вы препоручите меня тому из ваших учеников, который делает такие операции каждый день?» Профессор понял его правильно и охотно согласился, и операция прошла блестяще. Зачастую начальство оперируют только профессора. И что толку? Бывает, у знаменитого учёного от старости уже и руки дрожат. Годы есть годы, он уже не хирург, хотя и отличный наставник...

Голос водителя отвлек Даврона от размышлений.

— Домулло, честно скажу: ненавижу любителей лёгкой наживы,— начал жизнерадостный парень.— Так и передавил бы машиной этих прохвостов, да простит меня аллах. Не зря говорится, что человеку вреден недостаток...— и парень принялся рассказывать какую-то поучительную житейскую историю.

Даврон изредка кивал и улыбался, но ничего не слышал, думая о своём. Шаг за шагом он восстанавливал в памяти прошедшие сутки, пытаясь понять причину несчастья. «Случайность? Нет. Если бы это была случайность, то он смирился бы. А он страдает. Недаром же говорят, что человек от бедности так не мучается, как от несправедливости. Асадулло говорил, что два года назад Обидов совершил наезд, разбил свою машину. Если бы тогда его наказали, то сейчас не сидел бы он за рулём. И не случилось бы очередного несчастья. А он продолжает. Резина на его машине лысая, но ему все нипочём. Выпьёт — никто ему не указ. Дорожная инспекция у него в кармане. Но ведь пьяный шофёр - лихач— это убийца. Кто

даст гарантию, что в следующий раз Обидов не наедет на сестру или дочь инспектора ГАИ Кубодова?..»

—Э-э, домулло, я вам скажу, что вообще-то сами шофёры во многом виноваты,— снова дошёл до Даврона голос водителя.— Я работал на грузовом такси. Мы со сменщиком возили фрукты и всякую мелочь в Караганду и Новосибирск. Заранее договаривались с покупателем, где, когда встретимся на базаре в Новосибирске. Брали с собой два ящика водки, килограмм десять копчёной колбасы, три-четыре десятка банок консервов. Ехали днём и ночью: трое суток — и в Новосибирске. Гаишник остановит, достанешь бутылку водки, консервы — и привет.

—А если ничего не давать? — осторожно поинтересовался Даврон.

—Не выйдет! Не дашь — задержит и начнёт мозги морочить.

—Какое он имеет право, если водитель ни в чем не виноват?

—Не виноват? — парень от души рассмеялся,— обязательно чего-нибудь найдёт. Не найдёт, так прикажет разгрузить машину, посмотрит, что в кузове, или ему машина грязная, номера не видно, фары не отрегулированы— мало ли к чему придерётся? У нас в Ленинабаде ещё лучше. Останавливают у моста, а на капоте их машины лежит шапка. Нет у тебя левого груза, спокойно клади в шапку трёшку, а если груз чуть-чуть сомнительный, то больше...

—Неужели? Средь бела дня?

Конечно! Бессовестных людей хватает. Один гаишник не давал лихачам жить, и они не знали, как от него избавиться. Наконец какой-то подлец сбил его ночью и скрылся. Так инспектор остался калекой. А в Душанбе, говорят, есть один усатый — гроза шофёров. Знакомый водитель рассказывал: однажды тот остановил его и вроде ни за что

хотел проколоть талон. «Эй, ака¹³, помилуйте, есть у вас совесть,— стал умолять шофёр.

—Была бы у меня совесть, разве я работал бы в милиции?!— ответил усатый!» — шофёр снова от души рассмеялся.

—Да, во всем мы сами виноваты,— вздохнул Даврон, все ещё думая об инспекторе, которого сделали калекой.— Закрываем глаза сначала на недостатки, потом на преступления, боимся себя расстроить. Лень и корысть разъедает нас, как ржавчина.

Они долгое время ехали молча, погруженные в свои мысли.

—Что лучше — сено возить или на грузовом такси работать?— неожиданно опросил Даврон.

—Конечно, сено возить не сахар,— улыбнулся шофёр.— Посмотрите на эту разбитую дорогу... Но в последнее время мне надоело такси, хотя хорошо зарабатывал. После каждого рейса оставалась тысяча. На двоих хватало. Но, честно говоря, гаишники допекли. На каждом перекрёстке стоят, и каждому вынь да положи, просто спасу нет. Не могу больше видеть эти рожи. А с сеном ни один не остановит, тут взять нечего.

—Но ведь перевозить сено невыгодно. Как же вы теперь живете?

Правильно, от сена какой доход? Ну, останется после рейса пять-шесть прессов, продашь по десятке, выручишь пятьдесят-шестьдесят рублей. А на этой дороге один раз шашлык попробуешь — и нет десятки. Туда и обратно — три дня, вот и считайте. Конечно, на одну зарплату не проживёшь — крутиться приходится. Кто ищет, тот найдёт... К примеру, прошлой осенью, когда скот подешевел, я купил на рынке двух телят по сто шестьдесят.

---

13 *Ака* — старший брат

Вчера у соседа была свадьба. Одного продал за полторы тысячи ему, а другой здоровее первого. Через два месяца возьму за него тысячу восемьсот, а то и две. Есть ещё и барашки...

Парень увлечённо раскрывал тайны своей семейной бухгалтерии. Даврон с удивлением поглядывал на него. Работающий человек и должен уметь крутиться, чтобы обеспечить семью. А интеллигенты, бывает, посмеиваются над такими, мол, лишь бы заработать и никаких идеалов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вечером, едва передвигая ноги от усталости, Даврон вошёл в свой дом.

— Вы что, совсем голову потеряли? Хоть бы меня пожалели! — обрушилась на него Азиза.

— Что случилось? — опешил Даврон.

От мысли, что произошла ещё какая-то беда, у него перехватило дыхание.

— Зачем вы привезли среди бела дня разбитую машину во двор? Чтоб увидели ее и друзья и недруги?! — продолжала негодовать жена.— Неужели нельзя было оставить ее в другом месте или привезти ночью?

— Перестань! — вскипел Даврон.— Стоит ли из-за этого поднимать такой шум! До того ли нам сейчас?

Обычно он был снисходителен к капризам жены и не сердился на неё. Молча пережидал, пока гнев ее пройдёт, после терпеливо и ласково объяснял, что нет причин так расстраиваться. Азиза быстро успокаивалась. Но на этот раз он не сдержался.

—Иду из больницы, смотрю, все соседи собрались около машины. Вы что, не могли в гараж ее завести? — не унималась Азиза.

—Ключи у тебя в сумке, как я мог открыть гараж? И потом, я сразу побежал в больницу. Хватит об этом! Тебе что, машина дороже здоровья ребёнка? Раскричалась из-за пустяка, нервы треплешь. Пусть видят разбитую машину, может, призадумаются. А если кто позлорадствует, тот не сосед мне. Наши отцы и деды всегда говорили: «Что бы ни случилось, благодари судьбу, не ропщи». Ты тоже скажи спасибо, что все живы остались.

—Я уже сто раз благодарила, деньги приготовила для нищих,— начала затихать Азиза.

—Женщина, собирающаяся отблагодарить судьбу и тут же поднимающая шум из-за пустяка, все равно остаётся неблагодарной, — резко сказал Даврон и ушёл переодеваться.

Азиза взялась наводить порядок в квартире. Даврон заметил, что слово «шукр»¹⁴ умиротворяюще действует на жену, и в трудные минуты умело пользовался им. Видимо, это объясняется тем, что родители приучали детей быть благодарными за все, что им дано. Так отец Азизы, например, даже весть о гибели сына принял как должное и не роптал. Эта привычная для мусульман философия успокаивает человека, учит довольствоваться малым. Если кого постигнет неудача,— значит, был неблагодарен. Не каждый понимает, сколько мудрости скрыто в этом понятии.

—К Испанду заходили? Как он там? — спросила Азиза, накрывая стол свежей скатертью.

—Ничего. Слегка ударился головой. Сафар говорит, что немного повреждена сетчатка.

---

14 Шукр — благодарение богу, судьбе.

—Ох, горе мне! — всхлипнула Азиза.— Что теперь будет с его глазами? А? Рыжая сволочь! Чтоб водка, которую ты пил, стала для тебя ядом и свела в могилу, чтоб ты сдох, как слепой пёс!

—Не надо, не надо, а то ещё придётся его оперировать да поводыря искать,— пошутил Даврон, а потом уже серьёзно добавил: — Успокойся, с Испандом ничего страшного, недельку-другую полежит в больнице и будет здоров.

«Сколько раз в детстве я и мои сверстники падали с деревьев, с крыш, разбивались до крови, и обходились без врачей,— подумал он,— а сейчас молодёжь стала хрупкой, как стекло. То ли это от неподвижного образа жизни, то ли от безразличия ко всему. А ведь сколько интересного кругом, сколько неразгаданных загадок!»

Прошли две недели, и Даврон собрался поехать на злополучное место аварии, но через какого-то всезнающего родственника Азиза узнала, что документы вышлют в Душанбе, а Даврона вызовут на комиссию.

Вскоре после возвращения домой к ним явился виновник аварии Обидов и принёс двести рублей за причинённый материальный ущерб, пообещав остальное занести потом. Честно говоря, Даврон не удивился, другого и ждать не приходилось от проходимца Обидова. И не деньги сейчас волновали Даврона.

Прошло пятнадцать дней, Испанд уже выписался из больницы, а вызова на комиссию все не было.

Даврон засомневался, правильно ли он поступил, согласившись на возмещение материального ущерба виновником с глазу на глаз? Может быть, и это имеет отношение к задержке документов? Друзья, с которыми он советовался, отвечали одинаково: «Если получите хотя бы половину, и то хорошо. Благодарите аллаха, что сами

остались живы. Хоть, правда и на вашей стороне, но доказать трудно. Виновник — торгаш, а у них свои законы».

Даврон возражал: «Закон есть закон. Если требовать по всей строгости, они будут вынуждены его соблюдать. Я, конечно, не из тех, кто настойчивостью добивается своего, но все-таки живём-то мы в государстве».

Несколько раз он наведывался в управление ГАИ, спрашивал о документах. Ему отвечали: «Ещё не выслали».

Позднее, когда убедился, что Обидов сумел закрыть это дело, Даврон вернул ему деньги и выгнал рыжего мошенника за дверь.

— Теперь будем разговаривать только по закону, он будет нам судьёй,— твёрдо сказал Даврон.

Есть пословица: «Знал бы где упадёшь, соломки бы постелил». Неумело взявшись за дело, Даврон все больше и больше запутывался в нем. Он даже перестал волноваться:

— Наверно, иммунитет выработался,— шутил он,— теперь даже если ГАИ объявит меня виновником аварии, я не удивлюсь.

Наверное, одной из серьёзных причин такого его состояния было ухудшение здоровья. Недуг исподволь подтачивал его, но он не обращал внимания, считая, что организм сам должен справиться.

Наконец, спустя месяц, дежурный ГАИ на его вопрос по телефону ответил, что документы прибыли.

В тот же день, после работы, он направился в управление. Вестибюль был забит людьми, и Даврон с трудом пробрался к окошку дежурного. Голос дежурного был плохо слышен среди общего шума и поэтому приходилось переспрашивать.

— Оба... Вы... и., ии.. Одилов...

— Не Одилов, а Обидов,— поправил Даврон дежурного, засунув голову в окошко.

— Да, Обидов... Вы оба лишены права вождения автомобиля на шесть месяцев,— объявил дежурный, перелистывая тетрадь с записями.

— Как? Ведь...

— Документы поздно выслали. Нужно было решать в течение месяца. Поэтому вас и не вызвали на комиссию. Ничем не можем помочь,— равнодушно проговорил дежурный.

Даврон прислонился к стене и стоял в оцепенении. Конечно, он все время ждал какой-нибудь подлости, но не думал, что его вот так ловко обведут вокруг пальца. Он даже не мог сообразить, что теперь делать. Он надеялся на справедливость закона, а этот закон обошли, и глазом не моргнув.

Шагая по узкому коридору управления, он решил немедленно найти начальника и выложить все начистоту. Уж тот-то непременно разберётся и накажет виновных. В конце концов нарушение закона — преступление! Вот пусть и спросит в первую очередь с этого ловкача Кубодова...

С этими мыслями он поднялся на второй этаж в приёмную и направился прямо к двери кабинета начальника. Пухленькая, размалёванная секретарша преградила ему дорогу:

— Приёмный день — пятница.

— У меня срочное дело. В пятницу будет поздно,— поглядывая на приоткрытую дверь, как можно вежливее сказал Даврон.

— Вы ж не ребёнок! Повторяю: приёмный день — пятница!— рассердилась девушка и захлопнула дверь начальника.

Даврон молча вышел из приёмной. В голове гудело, грудь распирало, в душе кипела злость. Обошлись бы вот так с этой девчонкой в больнице! Наверняка скандал подняла бы. А то как же, ведь врачи и учителя должны быть

внимательными и отзывчивыми, это их профессиональная обязанность. А в других учреждениях грубите на здоровье, пожалуйста. Девчонка, недавно окончившая школу, ей приказали — она выполняет и уже твёрдо уверена, что здесь за грубость ее не накажут. Да и велика ли важность — грубость! Вон инспектор ГАИ подделывает документы, искажает факты, и то ему все сходит с рук. Сколько верных решений принимают партия и правительство, но пока они дойдут до совести и сознания каждого!..

Недавно в газете написали, что знаменитому хирургу Сеппо до сих пор не дают возможности развить свой метод. А Сеппо ещё в 1963 году в Таллинне впервые сделал блестящую операцию по сращиванию костей, сейчас со всего Союза к нему едут больные так же, как в Курган к Илизарову. Ну что бы взять и открыть дорогу к этим волшебникам, так нет, зажимают, опасаются обнаружить собственную бездарность. Пока Илизаров лечил больных в самых трудных условиях бюрократ, который мешал внедрению его уникального метода, стал академиком.

В любой области находятся карьеристы и негодяи, доводящие честных людей до инфаркта. Хулигана, распустившего руки, судят, а этих подлецов, наносящих вред тысячам и тысячам, не только не наказывают, но даже повышают в должности.

Даврон заметил, что прохожие обращают на него внимание.

«Кажется, я разговариваю вслух сам с собой!» — опомнился он. Зайдя в ближайшую аптеку Даврон купил успокаивающие таблетки, немного посидел и медленно пошёл домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В воскресенье произошло радостное событие: Испанд по лотерейному билету выиграл будильник. Невелик выигрыш, всего пять рублей, но радость в доме была огромная.

—Испанд, что бы ты сделал, если бы выиграл сто рублей? — спросил Даврон у ликующего сына.

—Сто рублей?.. Купил бы велосипед...— не раздумывая, ответил он.— Если добавить двадцать — можно купить «Скиф»...

—Сколько раз он, бедняжка, говорит вам о велосипеде,— с досадой заметила Азиза.

—Сто двадцать рублей!.. Я за эти деньги целый месяц работаю,— задумчиво сказал Даврон, глядя на сына.— Да ремонт машины впереди. Сам подумай, Испанд, мне надо целый месяц работать только на один твой велосипед или на сапоги твоей маме. «Если нет прибыли, то расходуЙ осторожно»,— говорит Саади.

—Ведь подарил вам отец эту старенькую машину, и ему хочется велосипед,— продолжала Азиза.

—У всех ребят есть,— печально проговорил Испанд не глядя на отца.

—Я подарю своим детям три шкафа книг,— попытался отшутиться Даврон.— Три шкафа! Целое состояние!

— У самого даже письменного стола нет, а детям хочет подарить три шкафа книг! — съязвила Азиза.

—У одного моего сослуживца есть новая машина. Он так над ней трясётся: один раз проедет — десять раз протирает. У него шкаф забит прекрасными книгами, которые он никогда не раскрывал. А рядом стоит роскошный письменный стол, за которым он ни разу не сидел. У него все для показухи, и сам он раб своих вещей. Посмотри на мои книги, сразу видно, что они на меня

работают!— он указал на приоткрытую дверь в другую комнату, где на полу лежали книги с закладками, тетради, линейка и какие-то таблицы, и перевёл взгляд на жену.

Неужели печальный пример Холдоны не пошёл ей на пользу? Азиза всегда считала, что жизнь подруги завидная: полон дом дорогих вещей, сама вся в золоте. Сейчас Холдона сидит в тюрьме за взятки. Порядочные люди считают позором для себя общение с ее семьёй.

— Я думал, ты скажешь: купи книги,— снова обратился он к сыну и взял томик с тумбочки под телевизором.— Смотри: «Что посеешь, то и пожнёшь. Какое слово скажешь, такое и услышишь». Чьи это строки?

— По-моему, Саади,— неуверенно ответил Испанд.

— Нет, это из «Шахнаме». Строки Фирдоуси легко отличить от строк других поэтов. Не зря говорят: «Читая «Шахнаме», даже женщина становится рыцарем».

— Скучно это читать, папа, не то что приключения Шерлока Холмса...

— Нет, не скучно. Конечно, если книгу читаешь, а не проглядываешь. Говорят: «Хочешь нарвать тюльпанов, подымись в горы», или «Когда странник приближается к дому, он ускоряет шаги»...

— Или — камень, падающий с высоты, летит все быстрее...— улыбнулся Испанд.

— Верно. Это правило знает каждый школьник. Но важно самому почувствовать, что такое высота. Когда-то я прыгал с парашютом. Поначалу показалось, что земля исчезла, и я лечу в бездну. Ни камня, ни куста, чтобы зацепиться. Голова закружилась. Потом вдруг ударился ногами обо что-то твёрдое и потерял сознание. Очнулся и обрадовался: почувствовал землю, ее тепло, ее надёжность.

— Сила притяжения...

—Правильно. Вот эту силу притяжения и я почувствовал, понял, как привязан к земле. Ты прочёл книгу, которую я тебе дал?

—Не было времени. Только успел уроки сделать, нам много задают...— начал оправдываться Испанд.

—Да ещё за мясом стоял, я заняла очередь, а сама пошла на работу,— поддержала сына Азиза.

—Зачем это? — пожал плечами Даврон.

—Как зачем? А что есть будем? — ответила Азиза, пришивая пуговицу к платью дочери.

—Можно и без мяса прожить. Индусы вообще его не едят.

—Поддержать хотя бы пару дней на вегетарианском вы первый устроите скандал.

—А знаешь, сколько блюд можно приготовить из муки? Нет? Раньше женщины нашего кишлака десятки блюд стряпали. А сейчас и они, подражая городским, готовят из полуфабрикатов. В годы моего детства с мясом было ещё труднее. Моя мама из муки...

—Если бы мы, как ваша мама, сидели дома и не работали,— перебила мужа Азиза,— тоже готовили бы разные кушанья. Только на какие деньги все покупать.

Даврон промолчал. Он считал себя правым, но и к жене не придерёшься. Они с Азизой жили скромно, перебивались от зарплаты до зарплаты. Не то что другие, к примеру, Муниса и Наим. Живут двойной жизнью: дома одно, а на людях совсем другое.

...После того, как Даврон повздорил с Мунисой, она долго обижалась на него, и, может быть, даже назло Даврону вышла замуж за Наима. «Смотри, как из твоего друга, этой размазни, я сделаю человека»,— казалось, так и хотела сказать она Даврону при встречах, но не решалась, а только напоминала, что Даврон очень понравился ее отцу: «Единственный серьёзный молодой человек, с хорошим

будущим»,— посмеивалась Муниса, повторяя слова старика.

Однажды он случайно встретил ее в театре, это было ещё до замужества. Она завела долгий разговор о пьесах Карло Готци, о Данте, и Боккаччо, стараясь блеснуть своими знаниями. К ним, улыбаясь, подошёл доктор философии Саломзода.

— Мунисахон! Наша единственная! А я думаю — почему здесь так светло? Оказывается, вы здесь...— галантно приветствовал он раскрасневшуюся Мунису.

Даврону стало не по себе от этой грубой лести учёного, он отошёл в сторону. Муниса улыбалась.

—Мунисахон! Неужели у вас естественный румянец? И брови от рождения такие черные? Просто не верится,— говорил Саломзода, разглядывая Мунису. Она громко рассмеялась, кокетливо отступила на несколько шагов, потом снова подошла к Саломзода вплотную и начала тереть платочком и щеки и брови.

—Вот, смотрите...

Даврона передёрнуло, и он ушёл. Вскоре он узнал, что Муниса успешно поступила в аспирантуру и занялась наукой.

Как друг он не раз отговаривал Наима от женитьбы на этой ветренице.

Теперь он знал, что не без помощи жены Наим стал главным инженером и надеется на дальнейшее повышение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Даврон вышел из кабинета начальника ГАИ и долго стоял во дворе, собираясь с мыслями. Он был зол, потому что полдня простоял в очереди, чтобы услышать лаконичное: «Отдайте заявление в отдел». Подумать только, он отпросился с работы, бросил больных, зря потерял

столько времени! Правда, у этого человека всегда полно народу, может, поэтому он так и разговаривал.

А что если рыжий подкупил и его? Ведь говорили, что в министерстве у него есть покровитель. Теперь ничего не оставалось, как отдать заявление в отдел.

Когда Даврон спускался по лестнице, его кто-то окликнул:

— Здравствуйте, доктор! Какими судьбами?

Приветливо улыбаясь, к нему шёл сотрудник ГАИ.

—А, вы здесь? — улыбнулся Даврон, стараясь вспомнить его фамилию.— Как здоровье? Все в порядке?

— Спасибо, доктор. Каждый день молюсь за вас. Надеюсь, и у вас все в порядке. Что вы здесь делаете?

—Да разве человек, у которого все в порядке, захочет иметь с вами дело?— рассмеялся Даврон.

— Что случилось? А ну, расскажите-ка.

—Лучше не спрашивайте, это очень длинная история.

—Идёмте ко мне, выпьем чаю, расскажете, что произошло. Может, и смогу чем помочь.

На двери кабинета Даврон увидел знакомую фамилию и успокоился. У Рахронова в прошлом году лопнул аппендикс. И все бы ничего. Но попал он в больницу настолько пьяным, что местная анестезия не действовала на него. Нельзя было давать и общий наркоз. Во время операции Рахронов не кричал, только ругался. На следующий день профессор сказал ему:

—Рахронов, ваше счастье, что вчера дежурил Даврон...

Они вошли в кабинет. Даврон незаметно разглядывал Рахронова. Красивый, статный мужчина среднего роста, с ясным приветливым взглядом. Невозможно было представить, чтобы этот человек мог наругать или проявить нечуткость. Рахронов внимательно выслушал Даврона, придвинул к нему чайник и пиалку:

—Вы пока пейте чай, а я пойду узнаю, что и как.

Даврон терпеливо ждал. Как острый нож ему было жаловаться, но он решил довести дело до конца. Даже не потому, что его на шесть месяцев лишили прав, и теперь ему предстояло заново сдавать экзамены, главное — он хотел добиться справедливости. Он и так упустил много времени, хотя сразу понял, что Обидов хитрит.

Даврон снова подсадовал в душе на свою доверчивость.

Через несколько минут Рахмонов вернулся расстроенный.

— Плохи ваши дела, — он с сожалением покачал головой. — Идемте... В последнее время часто поступают такие жалобы. Не понимаю, отчего это...

Они подошли к двери кабинета Тураханова, одного из заместителей начальника ГАИ. Рахмонов, оставив Даврона в коридоре, вошёл в кабинет, через минуту пригласил и его. Майор Тураханов, полный мужчина средних лет, поднялся навстречу, вежливо поздоровался с Давроном.

— В документах ужасная путаница, — продолжал разговор Рахмонов, — видимо, сначала хотели зафиксировать как дорожное происшествие, а потом передумали. — Он чуть помедлил и добавил: — И вообще, я удивляюсь, почему в последнее время сотрудники ГАИ стараются помочь выкрутиться разным темным личностям...

— Ладно, вы пока свободны, идите к себе, — перебил его Тураханов.

По селектору он приказал кому-то принести документы Даврона.

Рахмонов ушёл.

— Не беспокойтесь, доктор: Мы не допустим, чтобы с вами обошлись несправедливо, — обнадёжил Тураханов Даврона. — Виновный из работников торговли, говорите? Эти люди всегда стараются выйти из воды сухими...

В кабинете появился молодой лейтенант с папкой в руках.

Тураханов листал документы, качал головой, удивленно поднимал брови, укоризненно поглядывал на лейтенанта, иногда возмущённо восклицал:

— Что это такое? А? Да знаете, что вы наделали? Все это липа. Он прав в своих требованиях.

— Гуфрон Тураханович, документы поздно выслали из района... Мы были вынуждены... — Оправдывался озадаченный лейтенант.

Потом Тураханов потребовал принести заявление, поданное Давроном час назад в отдел.

— Если ваш сын на самом деле пострадал, почему вы не оставили его в той больнице? — вдруг спросил лейтенант у Даврона.

— Мальчик там пролежал одну ночь. Что можно выяснить за такой срок? — вместо Даврона ответил майор. — Да ещё в сельской больнице!

— Не нужно было ехать в Душанбе, — настаивал лейтенант.

— Интересно вы рассуждаете! Поставьте на минуту себя на его место. Дети всем дороги! — Тураханов укоризненно взглянул на своего подчинённого.

Слушая этот разговор, Даврон с каждой минутой убеждался в том, что без Рахмонова и Тураханов а трудно было бы ему доказать свою невиновность.

— С какой стороны ударили вашу машину? — неожиданно спросил Тураханов, все ещё перелистывая документы. — С какой стороны она помята?

— Спереди... Передняя часть помята, — Даврон приподнялся со стула.

— А ведь здесь показано, что вас ударили сбоку, с правой стороны. Вы этот документ подписывали? — по-

казывая схему, спросил Тураханов у Даврона.— Это ваша подпись?

Даврон внимательно рассмотрел схему и сказал:

— Да, подпись моя. Но когда я подписывал, схема была правильной. А сейчас мою машину поставили чуть ли не поперёк дороги. Вот эта цифра — от левого колеса моей машины до обочины не 2,36 метра, а 2,86. И ширина дороги не 6,5 метра, а 6 метров. Все переделали.

— Не-ет! — покачав головой, возразил лейтенант,— так невозможно переделать.— Не говорите, пожалуйста, чепухи.

— Да вот, стёрто же здесь. Это видно даже невооружённым глазом! — повысил голос Тураханов.

Послышался вызов по селектору и оба, майор и лейтенант, насторожились. По выражению их лиц Даврон понял, что его делом интересуется начальник ГАИ.

— Подождите в коридоре, — сказал майор и поднялся.

Тураханов и лейтенант, взяв с собой документы, ушли в кабинет начальника. Почти полчаса Даврон дождался в коридоре, в душе возмущаясь бесцеремонностью молодого лейтенанта; подумать только: и слушать не желает доводов майора! Может, лейтенант любимчик начальства? Ладно, поживём — увидим. Кто мог бы подумать, что невинному так трудно доказать свою правоту? А вообще, они тут ни при чем. Вынесли решение соответственно документам, полученным из района. А вникать кому охота? Или рыжий подлец и здесь успел замутить воду? Думают, что все можно купить за деньги! И часто не ошибаются. Ведь вот Кубодов — глазом не моргнув, переделал всю схему, недаром так юлил с самого начала. Защитников у, подонков хватает...

В коридоре появились Тураханов и лейтенант. Они молча прошли мимо Даврона. Он двинулся было за ними, но Тураханов остановил его выразительным взглядом.

Минут через пятнадцать Даврона позвали в кабинет и снова началось уточнение подробностей аварии. Теперь к ответам Даврона то и дело придирались не только лейтенант, но и Тураханов. От такой резкой перемены Даврон даже растерялся. Казалось, что земля под ним вот-вот провалится, похоронив все его надежды. Округлившимися глазами он смотрел на майора. Да этот хамелеон отвратительнее рыжего негодяя Кубодова!

— Почему вы так быстро уехали? Нужно было все тогда же решать на месте,— продолжал допытываться Тураханов не без злости.

— Когда там, на месте, стали выгораживать виновника, я, на всякий случай, взял у него расписку,— ошарашенный Даврон вытащил расписку Обидова и положил ее на стол.

Тураханов несколько помедлил с ответом, потом произнес все тем же недовольным тоном:

— Для нас это просто бумажка, а не документ.

— Но в таком случае вы хоть объясните мне, в чем дело,— горько усмехнулся Даврон.

Вот она, круговая порука, подумал он. Значит этот рыжий подлец, его спаситель Кубодов, лейтенант и Тураханов — все заодно! А за ними бог знает кто ещё! Только у меня единственная поддержка закон. Ну что ж, посмотрим, кто одолеет!

Даврон с презрением взглянул на майора:

— На моё заявление вы обязаны дать ответ, вот и отвечайте. Я не успокоюсь, пока не добьюсь правды. Видимо, концы этой темной проделки надо искать здесь...

— Ваше заявление мы отправим в область, они проверят и вам ответят,— безразлично сказал Тураханов.

Даврон быстро вышел из здания ГАИ. Лицо его пылало от гнева. Особенно его потрясло лицемерие майора. Что сказал ему начальник? Ведь по документам все ясно! Сам

вначале говорил, что схему подправляли. Неужели начальник ГАИ покрывает рыжего? Уму непостижимо... Надо было заглянуть к Рахмонову и все рассказать. Он, наверное, тоже удивился бы. Но ничего, ничего, рано или поздно правда восторжествует.

Он шёл так быстро, что задевал прохожих, забывал извиняться, а потом останавливался и смущённо смотрел им вслед. Во рту у него появился горьковатый привкус, бешено забило сердце, беспорядочные мысли завертелись в голове. Он хотел освободиться от них, что-то шептал, размахивал руками, но успокоиться—никак не мог.

— Не надо нервничать,— сказал он вслух. Потом вспомнил когда-то прочитанные строки в средневековом медицинском трактате:

Горький во рту коль ощутит кто привкус,
Пусть же он знает — сафра¹⁵ в этом причина,—
Хладным и кислым он должен питаться —
Недугу это не даст разрастаться.

Счастливыцы редко вспоминают о правосудии и законе. Вспоминать о них — удел неудачников. Даврон всегда спокойно и трезво оценивал события, вдумчиво взвешивал и не унывал при неприятностях. Он был увлечён своей работой, и это помогало ему на многое не обращать внимания. Однако с такой вопиющей несправедливостью он столкнулся впервые.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Испанд, хотя и выписался из больницы, почти каждый день ходил в поликлинику на процедуры. После травмы он

---

15 Сафра — желчь.

стал хуже видеть, и у него иногда болели глаза, Даврон знал, что все это со временем пройдёт, но Азиза страшно переживала.

Глядя на изуродованный шрамом подбородок сына, она без конца проклинала рыжего. Исполнились все ее проклятья, этого негодяя уже не было бы на свете.

Правду говорят, пришла беда — отворяй ворота. Мало было тех несчастий, что свалились на эту семью, так Даврона скрутила боль в животе. С каждым днём она беспокоила все больше и больше, лишая его сил.

Сначала он принимал лекарства, но недуг не отпускал, и он встревожился. Боль, если и утихала, то ненадолго.

Пришлось обратиться к терапевтам. Даврона долго обследовали, но ничего серьёзного не нашли, решили, что это от переутомления и нервов.

Однажды ночью ему стало так плохо, что Азиза вызвала «скорую помощь», и его увезли в больницу. Сколько Даврон ни просил, чтобы его отвезли в клинику, где он работал, врач не соглашался:

— Не имею права. Это другой участок, — твердил он.

В больнице два молодых хирурга, осмотрев его, определили, что болезнь хирургического вмешательства не требует. И Даврон сразу же с ними согласился.

На следующий день Даврона перевели в отделение внутренних болезней, но метод лечения терапевтов ему не понравился. Даврону казалось, что они работают вслепую и полностью полагаются на лекарства. Если больной сразу не выздоравливает, ему начинают давать подряд все лекарства более или менее относящиеся к этому недугу. Наблюдая за десятками врачей, которые с утра до ночи ходили по больнице, он думал, что вместо них надо оставить одного-двух толковых, и от этого будет только польза. До каких же пор будут определять качество по количеству?

Разные обследования и лекарства не помогали Даврону, и он, с помощью друзей, перевёлся в свою больницу, где вскоре выяснили причину его болей.

Профессор Нематзода, просматривая рентгеновские снимки в кругу учеников, укоризненно покачал головой:

— Что это такое?

— Думали колит... Несколько раз делали рентген. Все было чисто.

— Может, уже и не стоит резать? — спросил Даврон, заглядывая в глаза профессору.

— Все выяснится после операции. Она обязательна, — профессор положил пальцы на живот Даврона, туда, где предполагалась язва.

«Недаром говорят, что его пальцы — рентген», — с невольным восхищением подумал Даврон.

Азиза не находила себе места. Ежедневно, утром и вечером, она поджидала мужа во дворе больницы, бегала советоваться к друзьям и сослуживцам, побывала у профессора.

— Как говорят старики, положишься на аллаха, дочка, — сказал Нематзода сочувственно. — Болезнь не из лёгких и небезопасна, но надо надеяться. Все выяснится после операции.

— Не ходи сюда так часто. Ты устаёшь, — упрасивал ее Даврон. — Самое главное, я спокоен и ничего не боюсь, а это помогает перебороть всякую болезнь. Не переживай ты так...

Но успокоить Азизу было невозможно.

— Мне скучно без вас дома, — говорила она, улыбаясь через силу. — Или вы не хотите меня видеть?

— На работе устаёшь, дома дети ждут. Пожалей себя. А то ребёнок родится больным и капризным.

— Ничего, мне скоро в декретный отпуск.

— Уже?

Азиза кивнула. Даврон виновато смотрел на неё. Как обидно, что в такое время он стал обузой для жены. Азиза, видимо, угадав его мысли, погладила его руку.

Она скрыла от Даврона, что пришёл ответ из ГАИ. В нем сообщалось, что после повторной проверки было установлено: авария произошла по вине обоих водителей на середине дороги. Факт госпитализации Испанда не подтвердился.

Такой ответ только усугубил бы болезнь Даврона. Что мог сделать он, лёжа в больнице?

В эти трудные дни Азиза очень изменилась. Прежде робкая, слабая, теперь она походила на разъярённую тигрицу. Если бы за правдой и справедливостью ей пришлось лететь на Луну или Марс, она бы сделала это.

— Какая подлая ложь! — возмущалась она, расхаживая по квартире, опустевшей без мужа — Слава богу, у нас Советская власть! Пока не поставлю этих подонков на место, не успокоюсь! Вы попоёте у меня!

Несколько дней она обдумывала, к кому ей пойти со своей жалобой, кто внимательно выслушает и поможет ей. Что скрывать, не каждый ведь отзовётся. Некоторым приспособленцам честные люди хуже воров и мошенников. Опасаясь за свою карьеру и должность, они любым способом стараются отвязаться от поборников справедливости и даже очернить их.

— Неужели правда только на бумаге? Нет, не верю, — твердила Азиза. — Муж не виноват! Я докажу это! Рыжий и его друзья — жулики. Советские законы на нашей стороне и защитят нас...

Она не могла оставить безнаказанным сфабрикование фальшивки, но больше всего Азизу удручала болезнь мужа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сухая пыльная осень отступила и вступила в права зима с дождями и снегом. Всюду говорили о плане сдачи хлопка, о возвращении студентов с полевых работ. Завершился ещё один хлопотливый год.

Азизе жилось трудно: вечером, уложив детей, она допоздна просиживала за книгой, чтобы забыться. Потом принимала снотворное. Вставала рано, варила бульон Даврону, и снова все мысли ее были в больнице. Вместе с хорошим настроением у неё пропал и аппетит. Она с трудом заставляла себя проглотить бутерброд. И не с кем было Азизе поделиться горем, все родные были далеко. Они даже не знали о болезни Даврона. Писать Азиза боялась: мать разволнуется и сляжет. Своё подавленное настроение она старалась скрыть и от Даврона. К нему приходила радостной, оживлённой, улыбчивой. Он понимал, чего стоило это жене. Даврон сам написал своим родственникам обо всем. Не прошло и недели, как в город приехал его отец, а за ним брат, потом братья Азизы, за ними и другая родня. Мужчины поселились в гостинице, и каждый хоть чем-нибудь старался помочь Азизе. Один выстаивал очередь за мясом, другой приносил кур и рис для плова, третий — лимоны и яблоки. Но частые посещения родных утомляли Азизу.

Она твёрдо решила после выздоровления Даврона переехать к родственникам. Маленькая Мехри раньше ни за что не хотела ехать к бабушке и деду без родителей, а сейчас умоляла отправить ее к ним.

Хотя дом был полон родных, Азиза скучала, страдала за мужа и таяла, как свеча. Все родственники, знакомые, сослуживцы видели ее мучения, утешали, советовали, наставляли ее. Некоторые из жалости и сочувствия, желая

хотя бы немного охладить ее любовь к мужу, рассказывали об эгоизме мужчин, какие они бывают бессердечные, когда болеют жены, даже бросают их.

Но Азиза была непреклонна:

— Пусть будет любим, но только здоровым, — твердила она, — пусть вся его боль перейдёт ко мне, только был бы жив... и здоров. Не сетуйте, что ваш муж выпивает или мало обращает на вас внимания, лишь бы был с вами и здоров, — наставляла она подруг.

Однажды по дороге в больницу Азиза встретила учительницу Испанда.

— Хорошо, что я вас увидела, — сказала та. — Сколько раз говорила вашему сыну, чтобы привёл маму в школу. Не знаю, что случилось с мальчиком. За два месяца он так изменился. Раньше всегда готовил домашние задания, на уроках слушал меня, мог ответить, на любой вопрос. А теперь словно подменили его. Говорит: «Не знаю. Не учил», — и садится на место. Сначала я не очень волновалась, думала — мальчику нездоровится. Потом стала присматриваться — он как-то потух. Не играет, не смеётся, на уроках ничего не слушает...

— Эх, муаллимаджон, — вздохнула Азиза, — что с него спрашивать? Отец у него болен, мальчик очень переживает. Оставшись один, часто плачет.

Материнскими глазами Азиза видела то, чего не замечали другие. Она понимала, что горе может придавить и беззаботного ребёнка. Мальчик сильно изменился, да и она уже не была прежней. Правильно говорят, что трудности меняют человека. Он начинает смотреть на жизнь по-новому, не замечает мелочей, познает истинную цену здоровья и покоя, дорожит добрыми отношениями друзей и родных, работой.

— Слово у меня открылись глаза, — говорила Азиза. — Даврон часто вспоминал строки Хафиза: «Ищи радостные

дни, ищи, не в каждой раковине есть жемчужина». А я не понимала их мудрости и не старалась их понять. Впервые за пятнадцать лет жизни с Давроном поняла... Все-таки, какое же неблагодарное существо человек, не ценит то, что имеет! Три месяца я не знаю покоя, жизнь стала пустой, как раковина без жемчуга. Три месяца стрелки часов, которые он подарил мне, отсчитывают ненужное мне без него время. Даврон не раз повторял чьи-то мудрые слова: три вещи не имеют границ — огонь, вражда, болезнь. И ещё: «Я доволен не от того, что счастлив, а счастлив от того, что доволен». Я этого не понимала. Он смотрел на меня и грустно улыбался. Да, Даврон умел радоваться своей работе, семье и вообще жизни! Он мог как ребёнок смеяться до упаду над простой историей или анекдотом. Однажды с Испандом они хохотали до полуночи. А теперь сын перестал даже улыбаться. Прав Хафиз: «Ищи радостные дни, ищи...»

В последнее время Азизе стало трудно ходить на работу. В переполненные автобусы еле втиснешься, а выходить ещё хуже.

Однажды вечером она целый час простояла на остановке — три автобуса проехали мимо, не остановившись. Заплакав от бессилия, Азиза пошла домой пешком.

Первый день декретного отпуска Азизы совпал с днём операции Даврона. Рано утром, двумя автобусами, взволнованная, она добралась до больницы. Издала увидела она, как кого-то повезли в операционную. Больной, приподняв голову, с надеждой всматривался в полутёмный вестибюль. Даврон не увидел жены, а она не узнала его.

Азиза четыре часа, пока длилась операция, ходила по вестибюлю. Врачи и медсестры утешали ее, уговаривали пойти отдохнуть, но она ничего не хотела слышать.

— Все будет хорошо. Не волнуйтесь. Радуйтесь, что у него язва, а не что-нибудь похуже... Степанов, и Ам риддин — опытные хирурги. Если мне придётся оперироваться, то

доверюсь только им,— выйдя из операционной, подбодрил ее профессор Нематзода.

В операционную вводили новых больных, прооперированных развозили по палатам. Врачи и медсестры сновали туда и обратно, но Степанов и Амридин не появлялись.

— У вас много операционных?— спросила Азиза у проходившей мимо сестры.

— В большом зале три стола и один в соседней комнате.

— Утром опоздала, не повидала мужа.

— Степанов очень торопил. Не успел принять дежурство и надеть халат, как опросил: «Где больной, он готов?» Другим даже перед операцией аппендицита делают успокаивающий укол, а ваш муж отказался. Сказал: «Не надо, я и так спокоен».

Около полудня вышел из операционной Амридин и сразу же подошёл к Азизе.

— Ну как? — она с тревогой смотрела на врача, стараясь понять по выражению его лица состояние мужа.

— Успокойтесь, янга¹⁶, все хорошо,— сказал он.

— Какая у него язва? А результаты...

— Незлокачественная. Отправили на гистологическое исследование, ждём результатов. Я уверен, что метастаз нет и не будет. Это и так видно, но положена отправлять в лабораторию. Через десять-пятнадцать минут дадут ответ. Не волнуйтесь, идите домой, обрадуйте всех хорошей вестью.

В это время показался Степанов и, улыбаясь, направился к ним.

---

¹⁶ Янга — обращение к жене старшего брата, родственника, старшего друга.

— Вы ведь с утра здесь стоите! — он укоризненно покачал головой.— Даврон счастливый человек... Оба вы счастливчики. Честное слово...

— Доктор, как он?

— Спит. Ему-то что? Амриддин, наверное, сказал, что у него все в порядке. Все чисто — печень, поджелудочная, почки, двенадцатиперстная кишка... Идите, отдыхайте.

— Когда повезут в палату?

— Попозже. Его отвезут в палату интенсивной терапии. Вас туда не пропустят, да он все равно спит. К вечеру, наверное, проснётся.

Поговорив ещё немного, врачи ушли. Вестибюль больницы опустел — родственники больных разошлись по своим делам. Но Азиза решила подождать, пока муж придёт в себя. За время его болезни Азиза поняла, как тесно переплелись их жизни, и она укоряла себя за то, что раньше так мало ценила мужа.

Невольно ей вспомнились слова Даврона: «Работу хирургов и медсестёр в больнице не сравнишь с работой врачей и сестёр поликлиники, а вот заработок у них одинаковый, и это вредит делу. Опытные медсестры часто уходят из больницы, устраиваются в какую-нибудь поликлинику, на лёгкую, работу...»

Даврон прав: трудная у них работа! Медики, учителя и воспитатели должны обязательно любить свою профессию и любить людей. И заработная плата у них должна быть выше. Ведь работать с деревом или металлом, строить дома или делать станки легче, чем работать с людьми...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Через четыре дня Даврона перевели в общую палату. Он уже мог вставать и, держась двумя руками за живот, потихоньку передвигаться, но боли не прекращались, и мучила тошнота. Он настойчиво обращал на это внимание лечащих врачей, но они, осматривая его, говорили: «Потерпите ещё пару дней». Однако самочувствие не улучшалось... Кроме того, Даврон ощущал горечь во рту. Коллеги выслушивали его жалобы, как жалобы обычного больного, утвердительно кивали и ничего не предпринимали. Это очень обижало Даврона, и он говорил со злой усмешкой:

—Послушайте, сделайте мне промывание. Я в своём уме, ведь вы мне кишки, а не разум отрезали...

Друзья, виновато улыбаясь, отвечали:

—Нагрузка большая... Швы ещё не срослись.

Но Даврон понимал, что врачей что-то тревожит. Не случайно они так часто шупали его живот.

—Что вы скрываете от меня? — сердито обратился он к Амридину.— Я больной, но я и врач!.. О, аллах, неужели я до того глуп, что ничего не понимаю? — усмехнулся он.— Мне лучше, чем кому-либо, известно моё состояние. Думаете, боюсь смерти? Не-ет. Допустим, схватит она меня цепкой пятерней, но я, как академик Павлов, смогу спокойно извещать о каждом ее движении.

Азиза ничего не подозревала, была уверена, что муж потихоньку поправляется. Однажды вечером она принесла ему куриный бульон и стала настаивать, чтобы он съел его немедленно, пока не остыл. Даврон подчинился, начал есть и вдруг его вырвало желчью. Азиза побежала за сестрой, а та доложила врачам. Два дежурных хирурга Бободуст и Петров немедленно пришли в палату.

—Промокла,— Даврон показал повязку.— Не только бинты, но и рубашка промокла.

Даврона немедленно повезли в перевязочную.

Четыре года назад Даврон дежурил ночью с Бободустом, и тот хвастался, что в двадцать восемь лет закончил аспирантуру и работает в такой знаменитой клинике... Позже Даврон обратил внимание на то, что Бободуст перед профессорским обходом, перед тем как поставить диагноз больному, советуется с Амриддином или Степановым, или с кем-либо из опытных хирургов. Как только Нематзода подходил к больному, Бободуст повторял диагноз, который подсказал товарищ. А профессор, не зная об этом, считал его одним из перспективных хирургов.

—Вас вырвало, поэтому и промокла одежда,—тупо твердил Бободуст.

— Вы меня считаете ненормальным, что ли? Меня вырвало в тазик. Я прекрасно это помню!— возражал Даврон.

—Правильно! И вы намочили одежду. Когда у человека рвота, он ничего не замечает,— поддакивал товарищу Петров.

—О боже,— Даврон не стал с ними больше спорить, после перевязки тут же вернулся в палату.

—Ничего, не волнуйся,— утешал он Азизу, глядя в ее полные слез глаза.— Мне лучше, тошнота прошла. Вот теперь с удовольствием выпью твой бульон,— сказал он и весело улыбнулся. Действительно, ему стало лучше.

Он пил бульон и думал, что никак нельзя назначать на дежурство одновременно этих двух неучей. Что они будут делать, если кому-нибудь понадобится срочная операция?

Вдруг он почувствовал, что повязка снова промокла.

Поднял рубашку и взглянул на Азизу. Она побелела от ужаса. Даврон попросил ее позвать медсестру. Он

нервничал, потому что от жены теперь трудно будет скрыть правду.

—Опять промокла. Позовите, пожалуйста, дежурного врача,— попросил он медсестру.

Потом стал успокаивать Азизу:

—Не бойся, так и должно быть, Просто удивительно, что до сих пор не было гноя.

Осмотрев Даврона, Бободуст растерялся, позвал Петрова. Они быстро отвезли его в операционную. Петров стал снимать повязку, Бободуст тем временем звонил домой к Степанову, чтобы посоветоваться.

«Эти тоже из породы Мунисы...» Вспомнив Мунису, Даврон невольно улыбнулся. Слухи об ее новой научной работе облетели весь город. Она переписала из какой-то книги статью знаменитого учёного и отдала, в журнал как свою, а там, не проверив, напечатали. А ведь все началось с тех стихов. Все-таки обидно за неё. Могла бы стать хорошей женой порядочного человека. А теперь — ни то, ни се...

Азизе Муниса не понравилась с самого начала. Как-то Муниса и Наим пришли к ним в гости. Азиза занималась на кухне хозяйством и почти не общалась с гостями. Потом на упрёк Даврона ответила: «Чтобы больше в наш дом они не приходили. Подумают ещё, что она моя подруга!» Потом и Даврон понял, что Наим для своей карьеры использует красоту жены, и прекратил с ними знакомство.

На следующий день Даврону опять стало плохо, его рвало. Дежурный хирург Анатолий, друг Даврона, закончив очередную операцию, прибежал в палату.

—Опять рвало?.. Видимо, придётся очистить желудок.

—Не надо... Сам очистился. Столько дней просил не послушались,— сказал Даврон слабым голосом.— И ты тоже...

—Боялся. Кто знает...

Утешительные слова врача почти не доходили до Даврона, обессилив, он заснул.

Утром у него поднялась температура — 38,3, потом выше.

Как врач, Даврон знал причину своей тошноты и не беспокоился, а вот температура встревожила. Недаром говорят, что врачи болеют тяжелее, чем несведущие в медицине люди. Врач замечает малейшие признаки выздоровления и кризиса, знает не только болезнь, но и ее последствия, и ещё многое другое.

Признаков простуды у Даврона не было.

Степанов и Амриддин решили открыть шов и посмотреть, нет ли внутреннего нагноения. Даврон возражал, просил подождать ещё дня два-три.

— Рисканно откладывать...

— Вообще я не против. Но мне кажется, причина температуры в другом.

— Когда это больной ставил себе правильный диагноз? — усмехнулся Степанов.

— А в чем причина? — спросил Амриддин. — Как ты думаешь?

— Я не уверен, но думаю, причина не в животе. Давайте подождём пару дней. Нельзя пренебрегать логикой и интуицией. Без этих двух факторов даже самый правдивый документ полностью не соответствует действительности.

В последующие два дня почти все хирурги клиники осмотрели Даврона. Он, лёжа в отдельной палате, много размышлял о своей болезни и потихоньку ощупывал живот. Интуиция ещё никогда не подводила его. Можно досконально изучить свойства и качества любого двигателя, любого механизма, но человеческий организм, его особенности полностью познать невозможно. Нет более сложного существа, чем человек. Никакие опыты на животных не дадут полной картины; разница между

организмом человека и той же собаки велика... Часто его тревожили мысли о плохом оснащении больницы. В реанимационном нет кислородных камер, а без них нельзя оперировать тяжёлых больных. Такие камеры есть в некоторых больших городах, а у нас...

В палату заглянул больной и сообщил, что пришла Азиза с дочкой. Даврон встал с кровати и пошёл им навстречу. Он очень соскучился по девочкам, не видел их почти месяц.

Азиза привела с собой худенькую и очень подвижную Махруй. Она бросилась к отцу, повисла у него на шее.

— Осторожно, ты тяжёлая, папе нельзя,— говорила Азиза.

Даврон, нежно прижимая девочку, улыбался.

— Помнишь, когда ей было два годика, я по утрам выходил заниматься зарядкой и заодно выносил ведро с мусором. Как только надену, бывало, спортивный костюм, она сразу тащила ведро и что-то лопотала, мол— «возьми». Как-то утром она в чем-то провинилась, и ты ее за это наказала. Она плакала, но все же притащила ведро, чтобы я не забыл.

— Кто, я, папочка, я да?

— Ты, дочка, ты.

— Помните, что она заказывала каждый раз, когда мы уходили на базар? — спросила Азиза.

— Платечка, йайа и воды!— улыбнулся Даврон.

— Воды?— удивилась Махруй.

— Да, да, воды, чистой воды. Мама давала тебе мало воды, и ты вечно хотела пить.

Махруй снова потянулась к отцу. Взяв в ладони ее маленькие ручки, он на мгновение умолк: прикосновение нежных ладошек успокаивало его и давало надежду на выздоровление, придавало силы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Декабрь был тёплый, всего два раза шёл дождь. Только в середине января наступили холода, и зима нехотя вступила в свои права.

Пошёл хлопьями снег и покрыл все белой пеленой. Черные с фиолетовым отливом вороны перелетали с ветки на ветку, дрались из-за куска хлеба.

Даврон после утреннего осмотра зашёл в ординаторскую и долго разговаривал со своими сослуживцами, а потом стал читать журнал «Хирургия»

Прежде Даврон понятия не имел о больничной скуке. Жалобы пациентов принимал за капризы. Как хорошо он понял их теперь, лёжа в больничной палате!

Время тянулось медленно. Чтобы как-то отвлечься, он достал из-под подушки книгу Айтматова, открыл на заложённой странице и стал читать.

Подошло время прихода Азизы. Даврон вышел в вестибюль и встал у окна. По двору ходили женщины и девушки с пакетами и сумками, высматривая своих родных.

Эта картина почему-то напоминала ему тюрьму. Даврон всегда с жалостью и состраданием смотрел на женщин, терпеливо стоящих, у дверей тюрьмы — иногда для консультации вызывали его и туда. «Мужчины! — хотелось ему крикнуть во весь голос. — Не обижайте ваших матерей, жён и сестёр, не ломайте им жизнь в пылу гнева, из ревности или в винном тумане! Их хрупкие плечи поддержат вас в трудную минуту!»

Вдруг он заметил Хайбара. Верный пёс вот уже год ежедневно приходит под окна палаты и лает, хотя хозяин давно скончался. Собака... А вот дети порой месяцами не навещают своих больных родителей.

Азиза шла тяжело, опустив голову, то и дело перехватывая сетку то одной, то другой рукой. Пора бы ей

сидеть дома и отдыхать, не за горами роды. Но она и слышать об этом не желала и говорила, что только тогда спокойна, когда повидает мужа.

Отдышавшись, Азиза спросила Даврона о самочувствии, рассказала о детях и, чуть помедлив, проговорила:

— К вам приезжали из ГАИ. Вчера на машине... Кажется, один из начальников...

— Да, теперь Рахмонова назначили заместителем начальника ГАИ. Как-то приходил, извинялся и принёс мне мои документы. Прежнее решение комиссии отменили. Все проверили и обвинили Обидова, он признал свою вину.— Даврон вытащил из кармана документы и отдал жене.— Рахмонов сказал, что следствие контролирует сам министр. Никак не ожидал... Начальника ГАИ сняли за махинации. Видишь?! Говорят же, кривая стрела не дойдёт до цели... Есть правда на свете. Не зря наши отцы проливали за неё кровь, отдавали жизнь...

Азиза, лукаво улыбаясь, сказала:

— Хочу прощения попросить... Простите? А?

— А что такое? — удивился Даврон.

— Сначала скажите: «Прощаю», только потом скажу.

— Зачем, Азиза! Ты ни в чем не виновата, да и так я все прощал тебе.

— Зафар с Рахмоновым вот уже два месяца хлопочут по нашему делу. Они заново осмотрели машину, взяли у меня показания... Слава богу, что их старания не пропали даром и правда восторжествовала.

— Начальник ГАИ, оказывается, брал взятки у преступников, которых он избавлял от наказания, чтобы «достойно» справить свадьбу дочери,— со злой усмешкой сказал Даврон.

— А рыжий опять приходил,— продолжала Азиза.— Сулил кучу денег и машину обещал отремонтировать, но я его выгнала. Мерзавец...

— Умница! Правильно сделала. Обидов был тогда уверен, что его выручат. Не мог я со всеми ними бороться.— Даврон помолчал немного.— Если бы каждое дорожное происшествие вовремя и объективно расследовали, и аварий было бы меньше, и потенциальных преступников.

— Как вы думаете, накажут рыжего?

— Не знаю.

И все же после прихода Рахмонова на душе стало спокойнее: правда победила. Теперь он знал: нельзя честному человеку опускать руки, если даже он и потерпел неудачу.

— Профессор вас смотрел? — спросила Азиза.

— Да, сказал, что все в порядке, и никакого нагноения нет.

— Ну, слава богу. Но тогда отчего температура?

— При перевязке Бободуст занёс инфекцию...

— Когда я слышу о подобных случаях, то проклинаю тех мерзавцев, которые за взятки поступают в институты и оканчивают их, ничего не зная. Чтoб их дома сгорели! — разозлилась Азиза.

— Да, такую простую процедуру должен уметь делать каждый фельдшер, не говоря уже о врачах. Ну ладно, хорошо, что обошлось.

— Для вас обошлось, а как другие? Как будет дальше? Приходится думать и о детях. Если будет продолжаться такое безобразие, как им жить?!

— Рано или поздно все переменится, я уверен.

Даврон замолчал и на мгновение представил, сколько на своём пути встретил дураков, горлопанов, обманщиков. Не сосчитать. Они шумят, привлекают к себе внимание, мешают работать другим, но в конце концов вынуждены уйти, уступить место трудягам. Везде есть честные люди, они-то и противостоят проходимцам. Но как трудно

выживать их, и выдерживают эту борьбу только очень смелые и стойкие люди, и то не всегда. Вот он сам, например, не смог ведь довести до конца борьбу за справедливость, вышел из игры. Хорошо, что жена, всего-навсего слабая женщина, да друзья продолжили... Хотя Азиза прекрасно знала, что все эти волнения и переживания могут сказаться на здоровье будущего ребёнка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующий день Азиза, как обычно, не пришла в больницу, и Даврон стал беспокоиться. Он часто подходил к окну, смотрел на улицу, пытался чем-то отвлечься, но не мог и нервно шагал по коридору.

В половине второго вместо Азизы в конце коридора показалась их соседка Сабохат, и у Даврона бешено заколотилось сердце. Он бросился навстречу женщине и стал ее расспрашивать. Сабохат сказала, что Азизу увезли в роддом, и она уже родила.

— Боже, как же так? Неужели?! — повторял он, держась обеими руками за голову, и слезы катились по его щёкам.

— Состояние у Азизы нормальное. И двойняшки чувствуют себя хорошо. Она вам письмо написала, — Сабохат протянула конверт. — А почему вы не спрашиваете, кто родился? — удивилась женщина.

Даврон молчал, ещё раз перечитал письмо и грустно опустил голову. Он хорошо знал, что недоношенные малыши вряд ли будут жить, потому что в родильных домах до сих пор для них нет специальных палат и условий, нет специалистов — неонатологов. «Может, сейчас им не хватает кислорода, и они уже задыхаются... — Он на миг представил состояние новорождённых и сжал зубы, чтобы не

застонать.— Невинные малютки стали моей жертвой... А я чья жертва, кто ответит за мои страдания?»— кричала и болела душа. «Витамин справедливости» нужен всем: и сытому и голодному, и честному и негодяю... Как все в мире переплелось: оперируем мозг и сердце, летаем в космос, но до сих пор не можем изжить воровство, ложь, бюрократизм, стяжательство...» — размышлял он.

— Как Азиза? Вы ее видели? — Потом, помолчав, добавил: — Дети вряд ли выживут... Утешьте ее, чтобы не очень переживала...

Соседка ушла, а Даврон подошёл к окну и долго смотрел ей вслед. Он думал об Азизе, о том, как много ей пришлось пережить, что нашла-таки в себе силы и волю и, не щадя ни себя, ни будущего ребёнка, добивалась правды. Трудно было ей, трудно, как в годы раскулачивания, репрессии... Боже, куда мы идём? Как будут жить последующие поколения, если ничего не изменится? Вот я врач, лечу людей, а бюрократизм стал хронической болезнью общества. Он, как злокачественная опухоль, растёт и даёт метастазы. Его надо вырвать с корнем, иначе он задушит жизнь. Но пока только говорим, много говорим... Надо что-то делать... А что? Что могу делать я? Как жить, как поступать дальше?...

Даврон отошёл от окна и направился к своей палате.

1979—81.

Была бы она
мужичиной

БАХРОМ ФИРУЗ

**БЫЛА БЫ ОНА
МУЖЧИНОЙ...**

ПОВЕСТЬ

Перевод Н. Берковой

Живы и по сей день живы герои того события! Я лишь по-своему рассказал о нем — «из старого, обветшалого здания построил новый дом»,— опустив ненужные детали. Так что, если кто-нибудь узнает себя в этом правдивом повествовании, пусть автору не пеняет: он живописал без прикрас реальную жизнь.

1. БАДАЛБЕК

Кишлак и колхозная ферма—два мира, два полюса противостояния. Всего два километра разделяют их, а какое различие человеческих отношений, связей, жизненных задач! В кишлаке дарят традиции, патриархальность, взаимное уважение веками вжившихся семей.

Кишлак наблюдал за фермой внимательным и пристальным взглядом: на ферме работают некоторые жители посёлка, особенно девушки-дойрки. От зорких глаз кишлака нет тайн у колхозной фермы, малейшие события и перемены оцениваются, обсуждаются и тут же им выносятся строгий, но справедливый, по мнению обитателей кишлака, приговор.

Новенькая колхозная ферма — вотчина ее заведующего, Бадалбека. Спасаясь от весенних селей, взобралась она на холм подле небольшой горной речки. Сразу за ее коровниками начинается разбег всхолмлённой местности, приводящей к подножию гор, таранящих зазубренными вершинами иссиня-чёрное южное небо. Нарядной, увитой цветущей лозой и камышами, праздничной подковой «на

счастье» охватила горная речушка строения фермы. Весной здесь гуляют ароматные степные ветры, от которых у юных доярок слегка кружится голова, ярче блестят глаза, быстрая речь чаще перемежается беспричинным смехом...

Впрочем, сама ферма выглядела довольно обычно. Двор ее окружала высокая глиняная ограда — похса. У двухстворчатых ворот всегда хранилась хлорная вода, а над ними омрачал взгляд посетителя (сами работники фермы их не замечали) облупившиеся лозунги и призывы, написанные на красной, выцветшей под палящим южным солнцем, материи. В ста шагах от ворот, напротив коровника, находилось ещё одно строение—клуб, где проводились собрания животноводов. Там скучали два длинных стола с журналами и газетами и несколько рядов стульев, покрытых таким толстым слоем пыли, что ее хватило бы на небольшую пылевую бурю в степи. В этом здании изредка выступали гости из города, а иногда проводили беседы случайные лекторы. За клубом спрятался ухоженный садик, примыкавший к маленькому домику, где жил сторож фермы Шогадо.

Об этом скромном строении в кишлаке говорили многозначительно, покачивая умудрёнными житейским опытом головами. Называли — «дача Бадалбека». Она была притчей в языцах у жителей посёлка. Считалось, что там творятся странные и тёмные дела. Хотя, казалось бы, внешние основания для такого мнения были весьма скромными: заведующий фермой собирал здесь всего лишь на плов своих друзей. Бывали тут и зоотехник, и ветеринар, и бухгалтер. Приезжали гости и на машинах, чьи городские номера фиксировались жителями кишлака с фотографической точностью и как в граните высекались в памяти местных пастухов.

Подвыпивший Бадалбек направлялся на ферму.

Девушки заметили, что, нетрезвый, он очень весел, шутит, предлагает достать атлас и парчу, бархат и платки, обещает представить кого-нибудь к ордену или медали. Однажды он даже сказал, что у него уже есть кандидатура одной доярки в депутаты, но что пока не назовёт ее имени. Ну, а если Бадалбек выпивал больше нормы, то принимался за любимое дело — учил девушек доить и, как бы наказывая их, шутливо дёргал за косы. Доярки давно обратили внимание на бесстыжие взгляды этого пятидесятитрёхлетнего мужчины, когда он оставался наедине с кем-либо из них. Девушки винили во всем спиртное и говорили между собой, что вино даже нормального человека делает сумасшедшим. Мужчины втайне презирали заведующего, но молчали: тем, кто пытался возмущаться, пришлось покинуть ферму. Этот хорошо известный в кишлаке факт сдерживал общую ненависть.

Главным объектом воздыханий Бадалбека была юная доярка Занджир.

Каждый раз, встречаясь с ней, Бадалбек восхищённо тарачил на неё покрасневшие глаза, смущая этим девушку. Занджир — красавица. На щёках нежный румянец, на чуть приоткрытых губах — лёгкая улыбка... У неё стройная точёная фигурка, изящные руки и ноги, блестящие каштановые волосы, задумчивые томные глаза, словом, довольно достоинств и прелестей, чтобы вскружить голову мужчине и не такому, как Бадалбек.

«Не знаю, какому счастливицу ты достанешься, но ему больше не о чем будет мечтать, — размышлял заведующий фермой, глядя девушке вслед. — Эх, был бы я на двадцать лет моложе...»

Неделями Занджир не выходила у него из головы, он строил самые радужные планы и в своих мечтах забирался в далёкие сладостные мысли. Реальная жизнь возвращала

его на землю, и тогда он впадал в отчаяние: «Есть у меня деньги и богатство, но руки связаны,— говорил он себе.— В детстве слышал загадку: «Корзина набита инжиром 17, если смел, то попробуй взять хоть один!» И инжир и Занджир говорят: берите ж нас, а у меня руки дрожат. Что же мне делать? Может, сходить к ее отцу, дать ему все, что он пожелает, и договориться, чтобы он отвёз свою дочь куда-нибудь подальше от этих мест и отдал ее мне в жены. Я бы устроил ее, обеспечил жильём, деньгами и навещал бы часто. Сейчас ведь немало двоеженцев. Вот Халим, отсидел два года из-за своих двух жён, вернулся и живёт с ними по-прежнему. Все дело в ее родителях. Ладно, сначала попробую склонить сердце девушки, а договориться с ее отцом будет легче. Если даже она захочет выйти замуж за меня, будет осторожничать, побоится сплетен. Все теперь стали грамотными, телевизоры смотрят; и если кто заметит: «А муж-то старше», остальные удивлённо восклицают: «Надо же!» Никто не скажет, что молодой ещё гол, как сокол, и чтобы жениться должен попотеть, заработать деньги. Пока он встанет на ноги, она, бедняжка, состарится. Недаром раньше говорили, что мужем девушки может стать тот, - кто возрастом равен возрасту ее отца. Золотое правило! Председатель мне ничего не может сделать, будет держать язык за зубами. Недавно он отрапортовал начальству, что выполнил план по сдаче кукурузы и «половину отдал на корм скоту». Если дать скоту двадцать тонн, ТО ОН лопнет от жира. А я взял восемнадцать тонн жмыха и радую своих друзей и нужных людей. Хорошо, что в районе важные должности занимают нормальные люди. Хотя и не без завистников и шантажистов; например, Рустам. Правда, в наше время таких стали открыто недолго любить. Председатель хотя и

---

17 В данном случае и н ж и р — горящие угли.

говорит ему: «Молодец, правильно делаешь», но в душе ненавидит его. Я сам свидетель, как старик недовольно бурчал, что Рустам сует свой нос во все дела. С ним ни один порядочный человек не будет иметь дела. Меня он назвал дармоедом. Такие, как Рустам, хотят, чтобы все были, как они,— нищими и болтунами. Если, например, дать ему эту ферму, то не пройдёт и двух лет, как погибнет весь скот, и он не выполнит плана, не будет ни молока, ни мяса. А у меня скот всегда сыт, сам не голодаю, да и друзья тоже. Если бы меня не было, то ни колхоз, ни район не стали бы передовыми. И работа на заводах и фабриках движется только благодаря таким преданным труженикам, как мы, а вот ордена и медали, высокие посты достаются другим... Наш председатель сидит в президиуме и, надеясь на меня, всем щедро раздаёт обещания. Да сам ещё недоволен, что от ста овец не получаю по сто двадцать. А ты не понимаешь, братец, что иначе твоя машина останется без двигателя, а твои гости—без угощения. Видно жена тебе ни разу не сказала, за чей счёт ты, каждый вечер, ешь со своими друзьями...» — Темные и тяжёлые, как булыжники, мысли, ворочались в голове заведующего колхозной фермой.

Сначала Занджир ничего плохого не думала о Бадалбеке. «Неужели ровесник моего отца будет на меня заглядываться? Наверное, он присматривает невесту для своего сына, который сейчас служит в армии, а может, для кого-нибудь из своих родственников»,— рассуждала девушка, по-своему пытаясь объяснить исключительное внимание к ней заведующего. Кроме того, ее коровы, сытые, здоровые, всегда ухоженные, давали молока больше, чем у других, что, по мнению Занджир, оправдывало особенное отношение заведующего.

Иногда на ферму приезжали гости, и Бадалбек, как он говорил, угощал их пиалкой чая в своём садике. В такие

дни сторож Шогадо становился поваром, а если гостей было много, ему помогала жена, приходившая из кишлака. Бывало, на помощь приглашали и нескольких доярок. Бадалбек веселился с гостями, но обязательно посещал кухню, шутил с девушками.

Богатство, женщины, вино... Извечная триада всех легкомысленных пустых мужчин! Не был и Бадалбек свободен от этих трёх прельстительных оков. Но казалось, что щедрое восточное солнце, кроме этих желаний, ничего другого ему так и не подарило. Настоящие мужчины во все времена выращивали сады, строили, творили, учились мастерству, занимались наукой и искусством, однако их образ жизни не стал примером для богатых развратников, считавших, что аскетизм мастеров рождён их бедностью...

2. ЗАНДЖИР

Занджир никогда не стремилась уехать куда-нибудь из кишлака учиться, так как хорошо знала, что у неё не хватит силы воли переступить через традиции, причинить горе отцу и матери, близким. Обидев родных, она не сможет быть счастливой, даже если фортуна повернётся к ней лицом. Так же считало и большинство девушек селения. Отъезд из кишлака потребовал бы от девушки не только решительности, но и знаний, а у Занджир их не было. В кишлаке бытовало мнение, что науки для доярок и хлопкоробов не нужны. И Занджир, подобно своим подружкам, не жалела, что посредством училась, и если бы не происшедшая с ней скандальная история, она всю жизнь считала бы, что поступила правильно. Вообще-то кто знает, можно ли это считать ее ошибкой? Кто-то из женщин нашёл счастье в работе, в искусстве, в науке, а кто-то в

семье, в своих детях. Кто может определить, которая из них самая счастливая?..

Однажды вечером, когда Занджир сдавала молоко учётчику фермы, к ней подошёл Шогадо и прошептал:

— Иди в садик, гости придут, еду приготовишь. Бадалбек велел.

— Как?! — удивилась Занджир.— Уже поздно, мне пора домой! Кого мне кормить, коров или гостей? — Занджир, как всегда, говорила спокойно.— Ухаживайте за гостями сами, а потом можете сами же их и доить! — рассмеялась она.

— Мне поручено другое дело, в кишлак иду,— невозмутимо сказал Шогадо и ушёл.

Занджир удивлённо смотрела ему вслед, а потом крикнула:

— Дядя Шогадо, скажите ещё какой-нибудь девушке, пусть со мной пойдёт!

— Ему самому и, скажи,— не поворачиваясь, пробубнил сторож.

— Вот противный старик. Словно привидение какое,— рассердилась Занджир.

Тут она впервые, пожалуй, с совершенной отчётливостью подумала, что благосклонность к ней заведующего и его щедрость неспроста. «Теперь ни за что не возьму ни корма для скота, ни мяса, ни бараньих потрохов,— решила Занджир.— Не брала бы раньше — сейчас отказалась и ушла бы домой». — И лицо Шогадо показалось ей странным. «Что-то случилось! Может, заведующий изругал его и выгнал, поэтому и пригласил меня, кто знает? Хотя говорят, что Шогадо повидал здесь очень многое, и Бадалбек ни за что с ним не расстанется. Вот моя бабушка с первого взгляда определяет, хороший человек или плохой, и никогда не ошибается. Почему я так не умею, хотя говорят, что я ее копия? Может быть, когда-нибудь и у меня

прорежется душевное зрение. Уже поздно, и пока я не приду домой, бабушка не сможет приготовить ужин. Запоздаю — мои начнут беспокоиться. Самое страшное: останься я одна здесь до темноты — пойдут сплетни. Может, на первый раз простят, но если ещё раз задержусь, тогда — все. Вот однажды Хосият поговорила с бригадиром, пошутила, он приписал ей побольше выработки, и пошли такие сплетни, что бедняжка засиделась в девушках. И смогла выйти замуж только за многодетного вдовца. В день свадьбы она так плакала, так плакала».

Занятая своими мыслями, Занджир торопливо работала. Сдав молоко, покормила телят, почистила кормушки, раздала коровам сена, потом, сняв халат, вышла за ворота.

Бадалбек сидел один в домнате и резал на дощечке лук. Увидев перед ним бутылку коньяка и пиалку, девушка растерянно остановилась у двери.

— Бадалбек-амак, уже поздно, я не могу здесь одна оставаться...— сказала она, надеясь, что заведующий пригласит ещё кого-нибудь из доярок.— Пусть ещё кто-нибудь из девушек придёт сюда.

— Да не волнуйся, Занджирджон, всего лишь на полчаса. Твои подружки не успеют пройти и полпути до кишлака, как ты их догонишь...

Бадалбек встал и подошёл к девушке. Его взгляд прошёлся по ее телу, как горячий утюг. Занджир затрясло от отвращения.

— Вот, здесь мясо...— он указал на угол комнаты, где лежал завёрнутый в шкуру кусок телятины.— Когда будешь уходить, возьми домой килограмма два. А сейчас, миленькая, приготовь-ка кебаб! Посмотрим, такая же вкусная приготовленная тобой еда, как и ты сама. Не откажешь в моей просьбе, не пожалеешь. Кто мне помогает, ни в чем нуждаться не будет.

Бадалбек погладил черные с проседью усы и с многозначительной улыбкой уставился на девушку. Потом решил подойти к ней поближе, но сердитое выражение ее лица остановило его.

— Мясо я не возьму, амак,— сказала она с улыбкой, чтобы ее слова не очень его обидели.— Отец узнал и сказал, чтобы больше ничего не приносила,— придумала она отговорку и, подняв край шкурки, спросила:

— Сколько взять для кебаба?

— Возьми килограмм-полтора. И не смотри на меня так сердито, милая. Отец зря плохо обо мне подумал. Я от чистого сердца. Не только для себя стараюсь, как некоторые скряги, но и о других думаю. Что нужно человеку на этом свете? Здоровье и спокойствие. А спокойствие — это богатство и деньги, дорогая Занджир. «Что в жизни хуже смерти?— спросили Лукмона¹⁸ мудрецы. Он ответил: «Бедность...»

Бадалбек говорил, а сам любовался лицом и фигурой девушки. Его слова не доходили до сознания Занджир. Ей не грозила бедность, а богатство не интересовало ее; просто ей было очень страшно находиться в этом доме, и от волнения у неё дрожали руки. Ее красивое лицо исказилось недовольной гримасой, брови сердито нахмурились, губы плотно сжались. Она, так же как и все девушки кишлака, боялась позора, боялась так, как, возможно, ее предки не боялись тифа или чумы. Выйдя из комнаты, Занджир с облегчением вздохнула. Развела огонь в очаге, налила в казан масло и стала резать мясо. Солнце уже зашло. Девушки, закончив работу, окликая друг друга, направились в сторону кишлака...

В каждом самом безнадёжном, рискованном деле человек на что-то надеется. Вот и она надеялась, что придут

---

18 Лукмон — известный мудрец Востока.

гости или вернётся Шогадо... Девушке хотелось только одного: побыстрее приготовить кебаб и уйти подальше от этого дома.

— Чтоб вам еда ядом обернулась... Всегда свежее мясо...— бормотала сердито Занджир, а потом подумала: «Хоть зарплата у заведующего и большая, все равно на такие развлечения ее не хватит. Все ворованное? Ох, если б я была женщиной, потрясла б этого Бадалбека как следует! Наши мужчины — трусы, живут по принципу: «Хорошо ли, плохо, все равно жизнь пройдёт». И живут беспечно. Вот мы самое большее два раза в месяц едим мясо, а он — каждый день!»

Бадалбек с подносом нарезанного лука направился к очагу. Под навесом во дворе громоздились мешки с рисом, луком, морковью, ящики с помидорами и разными фруктами. Бадалбек, недовольный таким беспорядком, подошёл к очагу и встал возле казана. Девушка даже не взглянула на него.

— Вот лук, милая Занджир,— помолчав, нежно, как умел, сказал Бадалбек.— Что случилось? Ну, взгляни хоть на меня, скажи- что-нибудь! Друзья постарались или враги? Да умереть мне ради одного твоего пленительного взгляда...

— Как вам не стыдно! — гневно прервала его Занджир.— Я в дочери вам гожусь!

— Муж девушки должен быть ровесником ее отца,— повторил он понравившуюся ему когда-то фразу.— Мне не хочется заставлять тебя работать, но я делаю это только для того, чтобы видеть тебя на ферме. Говорят же, что надобность попросить сито у соседа может быть поводом для встречи,— захихикал Бадалбек.— Если бы взяли у меня эту ферму, а взамен дали тебя, или твой отец потребовал бы сто тысяч калыма — отдал бы, не задумываясь! Понимаешь, сто тысяч?! Хлебом клянусь! Знатоки говорят, что цену золоту знает только ювелир. Милая Занджир,

смотри, не продешеви, ты стоишь того, чтобы всю жизнь тебя носили на руках. Бог дал тебе большое богатство — красоту. А вообще-то, если хочешь знать, настоящий мужчина не стареет. Ведь не зря девятилетнюю Биби Ойшу отдали в жены нашему пророку Мухаммаду. Хорошенько запомни, дорогая Занджир, у молодых в доме только мыши бегают, а в кармане ветер гуляет. Несчастлива та девушка, которая выйдет за такого шалопаю. Увянет ее красота и поблекнет молодость, а я осыпал бы тебя с ног до головы золотом.

— Амак, прошу вас, перестаньте,— сказала Занджир, помешивая в котле и не глядя на заведующего.— Иначе я уйду с фермы.

— Не глупи, Занджир,— и чтобы лучше разглядеть выражение ее лица, Бадалбек встал с другой стороны очага.— Послушайся меня, чтобы не пожалеть потом. Я хочу тебе счастья. Руки твои не коснутся холодной воды, будешь жить как царица...

— Хватит! Вот ваш казан и половник, а я ухожу,— Занджир бросила половник на поднос и выпрямилась.

— Что ты, Занджир?! — наигранно удивился заведующий.— Приготовь сначала кебаб, а потом и уйдёшь домой. Не дури, голубушка. Все в моей власти. Захочу— осчастливлю тебя, захочу — погублю. Ключ от твоего счастья в моих руках.

— Вот я расскажу отцу. Он может пойти к председателю...

Бадалбек на это только усмехнулся.

— Готовь-ка кебаб, милая.

Красота девушки пьянила его: он мысленно целовал: и ласкал ее и с трудом очнулся от грёз наяву.

«Эх, был бы сейчас у меня какой-нибудь подарок — отрез атласа, серёжки или золотое колечко... Давно должен был носить с собой. Сейчас и стар и млад, женщины и

мужчины, сначала смотрят, что ты им дашь, и только потом берутся за дело. Когда говорят, что вот такой-то ни за что не возьмёт подарка, мне смешно. Конечно, если сказать: «На тебе взятку и выполни мою просьбу», кто же ее возьмёт. Взятка или подарок глупца хуже оскорбления. Но если сказать: «Прошу вас, примите в знак моего уважения, без вас-я-бы пропал»,— любой возьмёт».

Поняв намерения Бадалбека, Занджир испугалась. Страх и волнение с каждой минутой нарастали, а темнота, тишина и безлюдье вокруг усиливали эти чувства. «Хоть бы кто-нибудь пришёл,— отчаянно думала она,— если меня увидят в такое позднее время наедине с Бадалбеком, судьба моя будет решена. Ни в одну порядочную семью не возьмут меня невесткой, сваты будут обходить мой дом. Неужели он специально подстроил это? Куда исчез Шогадо. Заманил, значит, меня в западню? Не-ет, не может он дойти до такой подлости... Другие девушки тоже здесь иногда работали, правда, днём, а чтоб вечером, не слыхала. Кто знает, может, он от любви потерял рассудок? Или он пьяный? А если правда влюблён? Люди узнают об этом и будут сторониться меня как прокажённой. Может, хочет сначала опозорить меня, а потом завлечь в свои сети и завладеть мной? Как я об этом раньше не подумала?»

Бадалбек, напевая какую-то песенку и пошатываясь, зашёл в комнату и включил свет. Наступила ночь. Не было слышно ни людей, ни машин. Шогадо и гости тоже не появлялись. Обычно в коровнике всегда сидели пастухи и пили чай, но сегодня, как назло, и их не было слышно. Вошёл бы кто-нибудь из них сейчас, Занджир от радости упала бы к его ногам. По нескольку раз в день она видела этих пастухов, здоровалась и больше не обращала на них внимания. Вот уж не думала, что ей придётся когда-нибудь так ждать их прихода!

Занджир поджарила мясо с луком, почистила картошку, припустила. Потом налила воды и, накрыв казан эмалированной миской, оставила тушиться. Выгребла горящие угли из очага и торопливо направилась к дому, чтобы получить разрешение уйти.

Бадалбек пил коньяк. Занджир даже не зашла в дом. Пьяно улыбаясь, с пиалкой коньяка в руке, Бадалбек подошёл к ней. Таким заведующего Занджир видела не раз и знала, что он сейчас начнёт обещать золотые горы.

«Скажу: я пошла,— и убегу»,— решила она, но то ли нежелание показать свой страх, то ли гордость удержали ее.

— Я накрыла казан. Через полчаса все будет готово. Амак, я пойду.

— Уходишь? Не попробовав кебаба... Ладно, твоё дело. С-стой... Посмотри-ка на меня... Не бойся...

Занджир подумала, что он опять скажет ей, чтоб взяла мясо, и остановилась, но Бадалбек схватил ее за руку.

— Отпустите! Кричать буду...— она забилась, как птица, попавшая в сеть.

— Одно слово, всего одно, Занджир. Выслушай меня, а потом уходи. Без тебя жизнь мне не мила... Поверь... Это не шутка. На все пойду, но тебя добьюсь. Поедем в город, купим дом. Моего богатства хватит на семь поколений...— говорил торопливо Бадалбек, а Занджир, сцепив зубы, вырвала у него свою руку.

— Ты поняла меня?.. Ответь мне...— Бадалбек свободной рукой обхватил девушку и прижал к себе.— На,— он вытащил четыре пятидесятирублёвые бумажки и засунул ей в карман.— Подарок... Мой первый подарок... Купи себе что-нибудь... И подумай над моими словами, дорогая Занджир. Будь умницей, я слов на ветер не бросаю...

— Отпустите же! Вы человек, или...

В этот момент скрипнула калитка, и Шогодо с двумя пастухами вошёл во двор. Бадалбек отпустил девушку, и

она, громко рыдая, выбежала за калитку. Убегая, успела заметить холодную усмешку Шогадо и гневные лица пастухов...

3. БАБУШКА

«Занджир будет ее имя»,— сказала бабушка при рождении девочки. Родные молча и согласно кивали, поблёскивая медью загорелых лиц. «Цепь — значит,— поясняла старуха.— Вырастут длинные волосы, сплетутся в цепи-косы, и не вырваться сердцу любимого. Редкое имя». «Редкое,— соглашались подобрившие от сытного угощения гости,— первый раз слышим...»

И сейчас, когда отмелькали, отплакались-отсмеялись семнадцать внучкиных лет, старушка забеспокоилась: ходят кругом клевета да навет, долго ль опорочить девушку? Где красота — там и слухи, а хороший слух, что дождик в степи, редок. Больше — зависть, обман, подлость.

Не терпела старая пустых речей о красоте Занджир, о ее добром нраве. Суеверно предотвращая сглаз и иную беду, взмахивала сухонькими руками, бормотала:

— Э, что красота? Чепуха красота! Главное, чтоб бог дал девушке счастье. Вон сколько их ходит, красивых да неприятных, лицом милых, душой неустроенных...

Иногда казалось: старуха ненавидит красоту внучки. Взьерошенной насадкой налетала на девочку, чуть приметив в ней признаки самолюбования, самодовольства. Зеркальце вырвет из рук, слов обидных и резких наговорит. Занджир терпела, только головой покачивала укоризненно да думала про себя:

«Бедная моя мамочка! Ну и свекровь ей досталась! А ведь столько лет в мире с ней живёт. Понятно, почему так долго лежали новенькие свадебные наряды мамы в старом сундуке!..» Но кто в семнадцать лет всерьёз и долго

тревожится о своём будущем? Вот и Занджир не принимала слова бабушки близко к сердцу, она, как и все девушки, была уверена в своём прекрасном завтра и в том, что ее желания и надежды осуществятся. Люди казались ей добрыми и чистосердечными. В этом было ее юное счастье, и девушка сполна наслаждалась жизнью. Если сердце свободно от зависти и ненависти, то годы молодости — лучшие в жизни человека, Занджир никому никогда не завидовала, была весёлой и отзывчивой и скромные цели свои достигала добротой и усердием.

Старушка не разрешала, чтобы внучка надевала в будни дорогие атласные платья, настаивая на простенькой и дешёвой одежде. Объясняла:

— Девушки только в свадебную ночь должны надавать новые, дорогие платья и украшения, подравнивать и выщипывать брови, нарядно причёсываться. Провалиться бы нынешним девушкам! Так наряжаются, что не различишь — замужем она или девушка! Как-то на улице встретила председательскую дочь, которая приехала из города. Сказала: «Здравствуйте, бибиджон 19», — смотрю на лицо — брови выщипаны, накрашены, в дорогом, парчовом, цвета граната, платье. «Ой, миленькая, когда же ты успела выйти замуж, я что-то не слышала?»— говорю я ей. Девушка улыбнулась и сказала: «Ещё учусь, буду выходить замуж, обязательно приглашу вас на свадьбу». «Но у тебя уже выщипаны брови!»— говорю, а она в ответ: «Сейчас времена такие, изменились».

О, аллах, сами безобразничают, а виноваты времена! Почему же эти времена не говорят мне: «Надень туфли на высоких каблуках?» Все это отговорки! Дети не слушаются родителей, в семьях нелады,— во всем винят время. Да, когда человека никто и ничто не сдерживает, чего только он

не натворит!.. Старые обычаи, видите ли, им не нравятся! Конечно, для таких безбожников они плохи, мешают им.

Обычаи не я придумала, а народ. Не знаю, исчезнут эти обычаи, как вы потом? будете жить?!!

Старушка упорно по-своему воспитывала внучку, и родители девушки прозвали Занджир «бабушкиной дочкой». Они не препятствовали старушке, хотя не всегда соглашались с ней. Да и не было у них возможностей богато одевать дочь.

Отец Занджир — Имомали, тихий и спокойный человек, вёл скромный образ жизни. Он был из числа тех дехкан, которые не любят менять работу, профессию, ломать устоявшийся порядок жизни. Такие люди обычно независимы: никому не завидуют и никому не подражают. Не любил Имомали и сплетни.

Если в деревне случалось какое-нибудь событие, и члены семьи спрашивали его, правда это или нет, он обычно с невозмутимым видом отвечал:

— Кто знает, так говорят.

— Слушай! Ты же нормальный человек, так расскажи, чтоб и мы знали правду. Сель унесёт половину кишлака — мы так ничего и не узнаем! — возмущалась старушка.

— Кто знает,— безразлично пожимал плечами Имомали и махал рукой.

Он двадцать шесть лет проработал в одной бригаде. Его ровесники уже давно сменили работу, вместо них пришли их дети, а Имомали все оставался на прежнем месте — то поливальщиком, иногда развозил удобрения, а порой сушил и свозил хлопок на хирман, короче, выполнял все, что приказывали бригадиры, меняющиеся почти каждый год.

Эпидемия обогащения, заразившая многих его соседей, пока не задела Имомали. Это многим казалось странным, его считали недотёпой, обзывали тряпкой. Кое-кто, поучая

своих великовозрастных детей-лодырей, говорил: «Не послушаешься — будешь таким, как Имомали; одна твоя рубашка не станет двумя!» Немало упрёков наслышался Имомали и от своей семьи, но изменить себя не мог. Одну историю ему долго, смеясь, припоминали. Как-то Имомали поливал хлопковое поле вдали от кишлака, на другом берегу речки, рядом было поле ранних огурцов. Он заметил, что дехкане вырывают с корнем стебли, на которых ещё были огурцы.

«Эй, что случилось, почему губите огород?» — подойдя поближе, спросил он.

Будь здоров, брат, — сказал старый сторож Гани - бобо, занимавшийся лёгкими работами в бахчевых бригадах. — Начальство приказало вместо огурцов посадить капусту. Капусту, так капусту... Земля колхозная... что требуют, то и делаем...»

«Жаль, не знал, я бы домой немного огурцов отвёз», — огорчился Имомали.

«Целую неделю здесь поливаешь и ни разу домой не взял огурцов?» — удивился старик.

«Нет, ей-богу, я не слышал... А так... я же не могу...»

«Да ведь уже почти неделю люди тащат огурцы. Сказали, что они больше не нужны, требуется капуста... поэтому меня и направили на бахчевые Сойча. Люди не только наелись, но и насолили их... Ты что, не от мира сего? — говорил старик простодушному Имомали. — Хочешь, приведи осла и набери себе мешок».

«Да что мне делать с мешком огурцов? Пойдут ещё разговоры... Лучше давай вот в этот поясной платок...»

«Тебе только быть суфием 20, — сторож рассмеялся, — старшим бы стал среди них».

Мать Занджир вот уже лет семь болела артритом и была привязана к дому.

Занджир после шестого класса, как и ее подружки, постоянно была занята на хлопковых полях. Строгое бабушкино воспитание сказывалось: девушка быстро усвоила, что хорошая работа, безупречное поведение, покладистый характер и трудолюбие — это те качества, по которым судят о человеке. Они же — гарантия ее будущего счастья. А счастье своё она видела, по обычаям кишлака, в замужестве. «Судьба девушки — в руках ее мужа! — постоянно твердила бабушка.— Все зависит от него — и счастье, и горе».

Когда она перешла в девятый класс, в их дом стали приходиться сваты, но, узнав ее возраст, почёсывая затылок, уходили. Бабушка горевала: какие завидные женихи, а закон преступить нельзя! После ухода сватов старушка долго не могла успокоиться:

— О, аллах, ну разве это дело? Кто эти законы придумывает? Хочется тебе видеть свою дочь учёной, ну и пожалуйста, а другие почему должны страдать? Выходит, дождись, когда станешь восемнадцатилетней старой девой, и только тогда выходи замуж?! Раньше девушек выдавали замуж в 14—15 лет, и ничего страшного не происходило! В шестнадцать лет имели детей.

— Законы не берутся с неба, мама,— объяснял старушке Имомали.— Без мнения врачей, учёных законы не устанавливаются и без причины ничего не запрещают.. Значит, что-то есть в этом. Так что, прежде чем говорить, все нужно обдумать. В наше время не могут быть государственные законы неправильными!

— Мнение... Знания... Что они знают? Всех на один аршин мерить-то нельзя,— протестовала старушка.

Наиболее настойчивые сваты приходили по многу раз, упрашивали отдать им свидетельство о рождении Занджир,

они, мол, сумеют прибавить ей пару годков, но Имомали боялся противозаконных дел. Тогда сваты предлагали: «Хорошо, мы подождём, но только вы сделайте угощение и объявите, что она нами просватана». Посланцы другой семьи твердили, что их сын поклялся взять в жены только Занджир, а иначе он вообще ни на ком не женится. Снова и снова просили дать согласие. Между бабушкой и Имомали разгорался спор:

— Что ты твердишь — закон, закон! — набрасывалась старуха на Имомали. — Если боишься, отдай им документ, они сделают все, как нужно. Они не такие, как ты, тряпка! Вот и Азиз, и Шокир выдали своих 16—17-летних дочерей! Что ты за мужчина, если не печёшься о счастье своих детей! Отец не только для того, чтобы кормить и одевать. Иметь дочь нелегко. Отвернётся судьба от неё, годами будешь смотреть на дорогу и ждать сватов. Парню нечего беспокоиться, пара ему всегда найдётся. А вот если о девушке забыли сваты, то, как говорят, лучше похоронить ее.

— Ведь Занджир не мешает вам, — возражал Имомали и мягко добавлял: — Вы ее воспитали, трудились, пусть теперь послужит вам немного. Вот она работает, зарплату получает, нам тоже хочется что-то иметь от неё. Разве не обидно: воспитываешь, растишь дочь только начинает приносить пользу, и тут же выходят замуж?

— Сохранит она доброе имя, выйдет хорошо замуж, вот это и есть награда родителям. Я ещё раз тебе говорю, подумай как следует: девушка — скоропортящийся фрукт, как только созрел, вручи его хозяину. Медлить — грех: не дай бог, что случится, потом хоть бейся головой об камни, бесполезно!

После окончания школы Занджир уже год работала дояркой на ферме. С работой она была знакома с детства и вскоре знала каждую из своих пятнадцати коров. «Две

пёстрые и одна с белой отметиной на лбу покладистые, а вот с белым хвостом и красная капризные, сразу не хотят молоко отдавать, их нужно приласкать, тогда и полный надой получишь,— говорила она.— А однорогой перед дойкой нужно дать вкусненькое пожевать».

Занджир льстило, что их дом осаждают сваты, но подходящего парня среди женихов не видела. Не особенно тревожило ее и то, что некоторые сваты недовольны ее работой на ферме. Хотя причину открыто не называли, было ясно, что они не хотят, чтобы их будущая невеста работала у Бадалбека. Бабушка согласно кивала, а после ухода сватов советовала сыну немедленно забрать Занджир с фермы. Но Имомали отмахивался от этих разговоров, да и сами сваты ему не нравились. «Не одна она работает на ферме,— думал он.— И дома, слава богу, есть кое-какая польза: иногда пара ведер фуража или мешок силоса перепадают. Как-то Бадалбек отдал Занджир ножки и потроха барана. А зарплата доярки намного выше, чем у тех, кто работает кетменём под палящим солнцем. Да и не сезонная это работа. Все ищут тёплое местечко. Мной всю жизнь помыкали, хлебнул довольно и многое понял. Не хочу, чтобы мои дети были такими, как я. Может, кому-то нужно ее место?» Своими соображениями Имомали делился с матерью.

Слушая рассуждения сына, старушка удивлялась неожиданному всплеску его самостоятельности, но своего мнения не меняла. «Бадалбек плохой начальник,— твердила она, не прислушиваясь к доводам Имомали,— он злоупотребляет властью, дурной пример людям подаёт». Переубедить ее было невозможно, предчувствия любящего сердца были сильнее доводов разума.

Но были в кишлаке люди, что не боялись «бадалбеков». Например, Рустам. Парень крепко разругался с председателем, когда понадобилась машина привезти из

больницы тело покойного бобо Джалола. Настоял на своём, хотя и грозили ему после этого неприятности на работе.

А пока семья Имомали оставалась в стороне от скандалов и пересудов. Сваты то и дело навещали их дом. Занджир каждое утро подметала и поливала двор к приходу гостей. Признаться, ей уже стало надоедать это занятие. Имомали и его жена прикидывали, когда же наконец появятся сваты, кандидат которых окажется достойным их Занджир.

4. РОДСТВЕННИКИ

Переехав в город, Занджир устроилась на ткацкую фабрику и стала жить в рабочем общежитии. Но до этого она изрядно намучилась, долгое время не знала, как ей быть, много плакала. Ей помогли девушки с фабрики, присланные на сбор хлопка в колхоз.

Занджир познакомилась и даже подружилась с одной из них — Ириной. Надеясь на ее помощь, Занджир и приехала в город. Действительно, если не было б Ирины, ей бы пришлось ещё тяжелее...

Минуло полтора года после той неприятной истории, и теперь Занджир смотрела на прошлое совсем другими глазами.

Она уехала из селения якобы учиться.

В ту ночь, представив возможные последствия случившегося с ней, девушка впала в такое отчаяние, что решила покончить с собой. Она не спала, все думала, плакала, жалела свою мать. Сердце подсказывало ей, что больная не перенесёт такого горя...

Хотя Занджир и успокаивала себя тем, что, в общем-то ничего особенного не произошло, но знала, что по бытующим обычаям, если увидят девушку в доме мужчины, как случилось с ней,— не отмыться от пятна всю

жизнь. Может, в городе это и называется отсталостью, но теперь уж не ходить ей по кишлаку с гордо поднятой головой. Таков древнейший закон предков.

К утру Занджир приняла твёрдое решение и на рассвете вышла в путь. В записке написала, чтобы ее не искали. Она поехала в город учиться и, если даст бог, когда-нибудь вернётся — расскажет, почему она вынуждена была так поступить. Просила извинить ее за принесённое горе родным и близким.

Два дня родители никому ничего не говорили, а подругам с фермы сказали, что Занджир больна. Они надеялись, что девушка опомнится и вернётся домой, но этого не произошло, и отец волей-неволей сообщил о случившемся родственникам...

Услышав эту новость, кишлак загудел, как пчелиный рой. Мужчины и женщины так и эдак прикидывали и обсуждали это событие, слухи росли, как снежный ком. Один говорил, что она строила глазки, другой — будто был свидетелем того, как она кокетничала с мужчинами, третий — видел ее с каким-то парнем...

Потом решили, что она попала в сети к какому-то подлецу, и он соблазнил ее.

Родители и родственники обыскали все учебные заведения города и, не найдя ее, обратились в милицию, но безрезультатно. В это время по селению пошли слухи о бесстыдном поведении Бадалбека. И вспыхнули страсти. Кое-кто из молодых родичей требовал немедленной мести Бадалбеку за нанесённое бесчестие.

Но тут от Занджир пришло письмо, и родные вознесли хвалу создателю за то, что она жива и здорова. Больная мать, узнав, что Занджир работает на фабрике, сказала: «Правильно поступила. Нет хуже наказания, чем видеть этих подлецов. Дойдут до аллаха слезы его рабов и накажет он наглецов».

Занджир предполагала, как растолковали в селении случившееся с нею: «Бадалбек заманил дочь Имомали в свой дом, хотел изнасиловать, но девушка закричала и пришедшие на крик сторожа вырвали ее из пьяных объятий...» Все это похоже на правду, но на этом не останутся, и сплетням не будет конца. Они дойдут и до дальних кишлаков. Все будут смотреть на неё с презрением, тыкать пальцами, мужчины и парни будут насмеяться, говорить пошлости, девушки станут сторониться ее. Сваты забудут к ним дорогу, и ей, как Хосият и дочери председателя сельсовета, останется лишь ждать и ждать. Девушек-калек, слепых и глухих берут в жены, а опозоренную — никогда. К мужу такой жены относятся свысока, его не хотят слушать. «И ты ещё смеешь разговаривать?! — оборвут его.— Ты, не знающий что такое честь?» Вот почему эти несчастные лишь в 28—30 лет выходят замуж и достаются мужчинам, у которых уже полон дом детей. Но даже и такой никудышный муж станет все время упрекать ее, бедная от страха не посмеет выглянуть на улицу. Лучше умереть, чем так жить.

— Подлец, чтоб светлого дня тебе не видеть, ты погубил моё счастье!— говорила Бадалбеку Занджир, когда он догнал ее в тот вечер. А он продолжал своё: «Я тебя люблю. Хочешь, не хочешь, а станешь моей женой!»

— Женой?! Сумасшедший!..

Это событие не день и не неделю, а многие месяцы было центром внимания сельчан. О-о, не дай бог попасть на языки жителей кишлака!

Отец Занджир после этой истории помрачнел, притих, стал молчалив и сторонился людей. Молчал и дома. Лишь однажды, не вытерпев горьких слез матери, высказался: «Верёвка власти длинная, то отпустит, а то в один прекрасный день так наматывает и притянет, что...» Никто вникать не стал в смысл этой фразы. Зато бабушка, много

не мудрствуя, по-простому проклинала все семь поколений Бадалбека и с ненавистью говорила: «Воткну ему в горло вот этот нож, а что потом со мной сделают власти, мне все равно.— Она показывала большой кухонный нож.— Подлец, чтоб ты сдох, как собака, чтоб свалилась на тебя горчайшая беда, да утонуть тебе в слезах моей невинной Занджир! Я не умру, пока не увижу твоих мук, негодяй! Ещё ни один мерзавец не избегал наказания. Все, кто попирает обычаи народа, в конце концов умирали без савана. Не увижу я — люди увидят!..»

Первые месяцы почти каждую неделю Занджир навещали родственники. А чаще всех бывал отец. Потом, видно, привыкли к ее отсутствию, смирились и стали навещать реже. Однажды, в воскресенье, с отцом приехал Сайфи-муаллим. Занджир сразу поняла, зачем он явился. Сайфи-муаллим начал разговор издалека:

— За такой проступок в другом месте Бадалбека повесили бы за ноги. Обесчестить невинную девушку, испортить ей жизнь, лишиться счастья... Это преступление, а мы молчим, считаем, что лучше не связываться с дурным человеком. Правда, пока дитя не заплачет, мать грудь не даёт. Родителей разлучил с дочерью, колхоз потерял передовую доярку...

Занджир, склонив голову, слушала своего бывшего учителя и думала, что недалеко же ушёл он от малограмотных обитателей кишлака, хотя считается умным, образованным человеком. Как-никак в городе учился.

— Пора приструнить этого подлеца-богача. Куй железо, пока горячо, говорят. Вот я от твоего имени все здесь написал, прочти и подпиши, пошлём, куда нужно.

— Что написали? — печально усмехнулась Занджир и с сожалением посмотрела в глаза Сайфи-муаллима.

— Что случилось, то и написал...

— Ну, схватил он меня за руки и предложил деньги. Какое ж тут преступление? — Занджир тяжело вздохнула и сказала: — Скажите мне сами, что тут страшного?!

Сайфи-муаллим оторопел, но потом, ядовито усмехаясь, спросил:

— Если ничего страшного, почему же ты сбежала из кишлака?

— Сказать по правде, сбежала от сплетен. Эх, учитель, учитель... Не настолько уж плохие у нас люди, это наши обычаи мешают счастью!

— Ого, без году неделя в городе — и просветилась...

Занджир ничего не ответила.

Они долго молчали. Потом Сайфи-муаллим посмотрел на часы и сказал:

— Ну что ж, сегодня он тебя обесчестил, а завтра - дочь твоего дяди, а послезавтра дочь кого-нибудь другого... Так и будете жить в бесчестии. Вообще-то наши люди лучшего и не заслуживают.

Занджир усмехнулась — негодование учителя не произвело на неё никакого впечатления. Учитель обиделся на неё, и надо бы извиниться перед ним, но не могла она найти подходящих слов.

«Почему я обидела муаллима? — спрашивала она себя потом.— Веду себя словно грубая невоспитанная горожанка. Не этому учили меня родители... Неужели когда-нибудь и я забуду радость прикосновения босых ног к траве? Забуду вкус сорванной в огороде дыни? И мои дети станут зазнайками, самоуверенными эгоистами, не уважающими своих родителей, старших?.. Что я приобрела в городе и что потеряла?»

Горькие мысли, тяжёлые чувства одолевали Занджир.

5. ПРОБУЖДЕНИЕ

В этот вечер подружки Занджир ушли в кино, и она осталась одна. Вот и выдалось время вспомнить прошлое, помечтать о будущем. Мысленно человек в одно мгновение может преодолеть огромные расстояния, вновь и вновь пересматривать случившееся, но забыть, стереть его со страниц жизни не может. Она старалась успокоить себя тем, что волею судьбы она оказалась в городе, где многому научилась. Работу нашла по душе, и зарплата у неё приличная. «Муж не убежит, кого суждено встретить — того и встречу,— думала она.— Вон, сколько парней с фабрики жаждут хотя бы взгляда, говорят комплименты, пишут записки. Среди них есть и хорошие, но не надо спешить. Ласковые слова и красивые глаза — одно, а жизнь совсем другое. Надо узнать, что он за человек, кто его родители... И, конечно, проверить чувства. Теперь ошибиться нельзя. Лепёшку пекут с одной стороны. Если она сырой упала на золу, то ее снова лепят к тануру, но это уже не то — такой хлеб поджарен с двух сторон. Вот уже год, как Кабир ходит за мной по пятам, хочет познакомиться поближе, подружиться. Вроде, порядочный парень, говорят, с хорошим будущим, но почему-то не верю я в его искренность. Как он ластится перед начальством, прижимает руку к сердцу, говорит мягко, смотрит искательно... Но совсем другой, когда разговаривает с рабочими: в голосе появляется металл... И в глаза людям не смотрит. Это плохо. А так, что ж, красивый парень, экономист с высшим образованием, умный. Безусловно, хочет подняться по служебной лестнице, поэтому и угождает директору и другим начальникам. А вот главный инженер наш держится просто, почему бы Кабиру не быть таким?»

Занджир вспомнила, как однажды Кабир подошёл к ней и, поговорив о том, о сем, как бы вскользь сказал:

— Я нашёл для вас у одной старушки комнатку. Недорого, в хорошем месте, близко.

— По-моему, Амри искала комнату, а не я,— ответила Занджир, спокойно смотря в глаза юноше.

— Я для вас искал... Общежитие для таджички...— неподходящее место. Люди всякие бывают, понимаете...

— И самая странная среди них — я. Вчера пьяный парень, обманув вахтера, пробрался в общежитие. Я сняла с него шапку и выбросила за окно. Если б я была мужчиной, то и голову вместе с шапкой выкинула. Зачем ему пустая голова?!

Кабир удивлённо глянул на неё: да она ж насмехается над ним, а у него не хватает смелости одёрнуть ее.

Через неделю он снова пришёл к Занджир с тем же предложением. Сначала рассказал какой-то анекдот, размазав остроту и его соль.

— В доме вашей старушки нет сторожа,— сказала Занджир, стараясь придать шутке серьёзность, как только он завёл речь о квартире.

— Зачем сторож? Ворота у старушки всегда заперты.

— Нет, не годится. Ворота воротами, но они не заменят сторожа. Я без сторожа боюсь.

— Да не бойтесь вы, наша махалла 21 тихая и спокойная.

— Нет, нет, не годится. Как говорит моя соседка по комнате, Ирина, в тихом омуте черти водятся.

Не зная, как ей возразить, он растерянно улыбался. Сначала она показалась ему глупенькой, а потом он отнёс ее наивность к деревенскому воспитанию:

— Девушка вы видная, стоящая... Да... Нехорошо, что вы живете в общежитии. Могут плохо подумать о вас, а я хочу, чтобы к вам относились с уважением.

— Я стоящая?! Правда?.. Наверное, поэтому Ирина и Салима решили выдать меня замуж! Вы не поверите, за счёт моего калыма они уже купили себе горностаевые шапки, а теперь хотят купить бельгийское пальто,— сказала Занджир со смехом.

— Опять шутите. Будьте ж серьёзной наконец. Вам не идёт легкомыслие.

— Товарищ экономист, не сердитесь на меня, я тоже решила, что вы шутите. Какое дело чужому человеку, где живёт посторонняя девушка?.. Я же не вмешиваюсь в вашу жизнь... Где я живу— это моё дело, в крайнем случае, моих родителей, но никак не ваше.

— Я вам серьёзно говорю: общежитие не для вас. Этим вы унижаете себя. Почему вы не понимаете простых вещей?

— Извините, но я не прошу у вас совета. Я не хотела бы сидеть, как крыса, в тесной норе. Здесь мои подружки... Знаете, когда прохожие ребята начинают кричать под нашими окнами и шутить по нашему адресу, мы выливаем на них ведро воды.

— Опять?! Поймите же наконец, такие шутки не к лицу таджичке. И потом общежитие... ассоциируется у людей с чем-то непотребным, неприличным.

— Понятия горожан — для них, у меня свои, сельские понятия,— твёрдо сказала Занджир.

Родители Кабира были против его женитьбы на образованной, одевающейся по-европейски современной девушке, но на «домашнюю» у них не было средств. Обычно родители этих девушек требовали от жениха таких денег, что удовлетворить их запрос было очень трудно. Поэтому Кабир решил поработать на фабрике года два-три,

накопить немного денег и лишь потом жениться. Конечно, если б нашлась образованная девушка из порядочной семьи, Кабир как-нибудь добился бы ее руки, но такой ему пока не попадалось. Как только на фабрике появилась Занджир, женщины микрорайона в один голос запели: «Кабир, не упусти девушку. Без калыма, без больших затрат возьмёшь жену. Ведь для того, чтобы жениться на такой красавице, да ещё скромнице, нужно иметь минимум десять тысяч».

То же самое внушали женщины и родителям Кабира, а те — своему сыну. Словом, Кабир стал добиваться Занджир по родительскому наказу, и сам не заметил, как все больше и больше привязывался к ней.

Тётушка Барфи, как только оставалась наедине с Занджир, начинала рассказывать о достоинствах Кабира и его семьи.

— Для тебя он самый подходящий жених, не пожалеешь, смотри, не упусти этого юношу, доченька,— шептала она.— Я добра тебе желаю, не тяни...

— Мне?!— Занджир краснела до мочек ушей. Потом заносчиво заявляла:— Сдались мне эти мужья! Я приехала сюда не для того, чтобы искать себе мужа. В этом деле все решают мои родители.

Но тётушку Барфи не проведёшь. Умудрённая жизнью, она замечала, что ее слова действуют на девушку, и отвечает она так, чтобы прикрыть смущение.

Назойливые приставания молодых людей и долговязого, тощего, со шрамом на губе, мужчины, которого за его болтливость на фабрике прозвали «Сумасшедшим Болтуном», тревожили и огорчали Занджир: она понимала, что ей нужно найти себе достойного защитника. Однако вечные сомнения, боязнь ошибиться, изнуряли девушку, и она стала плохо спать.

Полгода добивался Кабир серьёзного разговора с ней, но Занджир каждый раз отшучивалась, переводила разговор на

другую тему. Воспрял он духом лишь тогда, когда узнал, что Занджир только с ним разговаривает и шутит, остальных домогателей просто не замечает.

Чтобы добиться расположения Занджир, обращался за помощью к Салиме и Ирине, соседкам по комнате, в праздничные дни двенадцатилетняя сестрёнка Кабира приносила девушке с праздничного дастархана большую тарелку плова или манту, фрукты и всякую всячину. В кишлаке такое праздничное угощение обычно присылали девушкам, просватанным с колыбели или помолвленным. Не обращая внимания на отказы Занджир, девочка вручала ей угощение и говорила: «Не отказывайтесь, мама прислала, а то обидится». На следующий день снова приходила с кульком фруктов и забирала принесённую посуду. В общем, использовал Кабир все дозволенные средства.

Понемногу сердце Занджир начало смягчаться. Она часто думала о Кабире, но чувства свои скрывала. Ей хотелось получше узнать юношу, его родителей. Он уже нравился ей, но не верила в его искренность. Но главное, Кабир не знал о ее неприятностях. И тут грянула беда. Бадалбек разузнал, где она находится, и теперь не давал ей покоя, надеясь на ее взаимность! Этот наглец стал часто появляться в городе, приходит к ней на фабрику, поджидать на дороге, старался заговорить с ней. Не стесняясь ее подружек, старался отозвать Занджир в сторону и однажды даже сумел засунуть в карман ей полпачки десятирублёвых купюр. Она выбросила деньги, и купюры замелькали в воздухе.

Однажды Занджир поджидала подружек, как у ворот фабрики появился Бадалбек. Она строго сказала ему, что если он не оставит ее в покое, то она будет жаловаться и напишет заявление в прокуратуру.

— Бесплезно, милая Занджир, бесплезно,— сказал Бадалбек, ухмыляясь.— Твою жалобу с пометкой «для расследования и принятия мер» направят в район, то есть в руки моих друзей, а они...— он знаками показал, что те сделают из этих бумаг кульки, сплюнут туда и бросят в урну. Потом ласково продолжил: — Опять же себя лишь опозоришь. Разве плохо, если я куплю тебе в городе дом и будешь ты жить в нем как королева? Все моё богатство будет в твоих руках. Подумай, милая Занджир, все равно, прознав про ту историю, порядочный человек не возьмёт тебя в жены. А если такой дурак и найдётся, не отдам тебя, пока жив. Согласись, будешь счастливо, беззаботно жить. Я буду жалеть тебя, от всего откажусь, буду только с тобой, поверь мне, дорогая...

Занджир слушала его в растерянности. Когда в селении грозился кто-нибудь написать жалобу, ему напоминали; «Пиши, пиши, будет то же, что и с Наботовым».

...Наботова назначили директором школы в кишлаке, он навёл там порядок, и дела пошли на лад. В мае месяце, по просьбе руководителей колхоза, ученики несколько дней проработали на хлопковом поле. Директор обещал, что на заработанные деньги ребята поедут в Нурек. Но руководство колхоза по разным причинам тянуло с выдачей денег. Тогда директор написал в газету, и началась травля. Ежедневно в школу стали приходиться комиссии и мешали Наботову работать, в районе его прозвали «писателем». Деньги так и не выдали. «Не знаю, что делать, стыдно перед ребятами»,— говорил огорчённо Наботов. Потом прошёл слух, что колхоз ответил редакции, будто бы ребятам заплатили и виновники наказаны. Ответ затем опубликовали в газете, хотя ученики и копейки не получили. Директор устроил скандал. А когда он запретил сватать школьниц, атмосфера накалилась настолько, что Наботову пришлось уйти с работы.

Занджир не знала, как ей избавиться от Бадалбека. Перестала ходить в кино, старалась сбежать с собраний, даже боялась выходить одна из ворот фабрики. «Хоть бы напали на него хулиганы, ограбили, избили бы так, чтобы этот подлец остался калекой,— думала она.— Был бы у меня старший брат, не посмел бы этот негодяй даже взглянуть в мою сторону. Теперь я понимаю, почему родители всегда хотят сначала иметь сына. Если бы я была мужчиной!..»

Она вспомнила песенку, в которой девушка сетует на судьбу, что нет у неё родного брата: «Несчастен тот, у кого нет родного брата; он подобен бескрылой птице, Можно за золото купить брата, но купленный брат никогда не заменит родного».

После долгих раздумий Занджир поделилась своими переживаниями с подружками. Ирина загорелась: «Давай пойдём к директору и все ему расскажем. Он позвонит в прокуратуру, и поставят его на место». Немного подумав, Занджир сказала; «Не надо, от этого не будет толку. Он распустит слухи, что я и в городе с ним встречаюсь, и моя жалоба станет этому подтверждением». «Окажи тогда, как ты собираешься отвязаться от этого мерзавца?»— спросила Ирина. «Не знаю»,— пожала плечами Занджир и, подперев руками подбородок, надолго задумалась.

Бадалбек опять встал поперёк ее дороги. Занджир готова была кинуться за помощью к любому мужчине. Ее пугала уверенность Бадалбека в том, что она в конце концов станет его женой... Подружки отнеслись к ее положению по-разному. Салима иногда говорила;

— Бедняга так любит тебя, готов бросить жену и детей, свой дом, положение. Если хоть чуточку нравится, выходи за него. Кто ещё так будет тебя любить? Что молодые понимают в жёнах?!

— Замолчи, Салима! — возмущённо прерывала ее Ири́на.— Чтоб нежная, как цветок, восемнадцатилетняя девушка вышла за пятидесятипятилетнего мужчину?! Думаешь, что говоришь? Каждый, увидев такую пару, скажет; «Жаль, бедняжку!»

— Да ерунда все это. Что станут говорить люди? Пусть говорят! Самим-то вечно чего-то не хватает! Мечтают о сапожках, дублёнках... ещё будут обсуждать кого-то! Эх вы, глупенькие, у него, наверное, миллион, на семь поколений Занджир хватит. А что ещё ей нужно? А эти юноши, что бегают за ней, только и могут, что кричать «я-я!» Люблю, мечта, идеал — это все хорошо, но только не для нас, простых людей. Нам нужно хорошо жить, чтобы сбылись наши мечты. А знаете, в чем они заключаются? Хорошо питаться, хорошо одеваться, прожить жизнь в своё удовольствие — понятно вам? Все остальное, ещё раз вам говорю,— пустая болтовня,— размахивая длинными руками, убеждала девушек Салима.

— Салима-апа, это ваши мечты. А я хочу выйти замуж по любви... пусть он будет рядовой труженик, даже нищий.

— Глупа ты ещё, в твоём возрасте и у меня были такие наивные мечты. Потом жизнь открыла мне глаза, но уже было поздно. Когда-нибудь ты скажешь: «Да, Салима была права». Сколько бы ни вращалась земля, но основой основ останутся деньги, подружки мои дорогие! В деньгах сила, и в этом Бадалбек прав.

Споры длились долго.

...Занджир вспомнила, что какая-то незнакомая женщина оставила для неё у вахтерши несколько отрезков на платье, туфли ее размера и записку: «Занджир, все эти вещи для тебя. Ешь виноград и не спрашивай, из какого он сада 22. Занджир хранила эти вещи и не могла понять, кто ей все это

---

22 Не пытайся выяснить, откуда это. (Поговорка).

прислал — Бадалбек или Кабир. Бадалбек на все способен. Он может и похищение организовать. Не зря же стоит его машина на пути к фабрике. Занджир попросила Ирину запомнить номер машины. Ирина, посмеявшись над страхами подруги, сказала:

— В следующий раз плюнь ему в лицо, и все! Он должен тебя бояться, а не ты! И глупенькая же ты, Занджир.

«Плюнуть... нет, это некрасиво. Конечно, можно и плюнуть, но что это даст? Надо же и себя уважать, нельзя так низко пасть. Конечно, Бадалбек дурак, и он заслуживает этого. Но раз плюнешь, другой... а потом... вдруг увидишь, что нет прежней Занджир. А я хочу остаться такой, как была, сохранить чувство собственного достоинства...»

В душе Занджир совершался переворот, бурный, как весеннее половодье, он рушил, смывал все старое, пробуждал новое в сердце, в мыслях, в поступках...

6. СУМАСШЕДШИЙ БОЛТУН

Кабир вышел из подготовительного цеха, подошёл к Занджир и поздоровался. Шум станка заглушил его слова. Тогда Кабир дёрнул рычаг к себе и остановил станок.

— Послушайте, Занджир, — он приблизил к ней своё лицо. — Хватит ребячиться. Ответьте мне, и я пошлю к вам сватов.

Зволнованная Занджир с опаской огляделась: не услышал ли кто. Все были заняты своим делом. От смущения ноги стали ватными, по телу пробежала дрожь. Она бессильно оперлась рукой о станок.

— Я целый год живу этой надеждой... — продолжал Кабир.

— Вы счастливчик, а я давно похоронила свои надежды.

— Ну, согласна? Я пошлю сватов,— упрямо повторил он.

«Даже «пошлю сватов» у него звучит властно, или мне так показалось. Некоторым девушкам нравятся такие самоуверенные парни, а мне нет»,— думала Занджир.

— Все решают родители,— наконец тихо произнесла Занджир. Почему-то вдруг она охрипла, слова застревали в горле. Потом, собравшись с мыслями, добавила: — Сейчас ничего определённого не могу ответить. Подождите...— Потом, помолчав, добавила; — Если хотите.

— Почему? Ну, почему? Я же не первый раз об этом говорю...

— Почему? Я сама не знаю,— коротко ответила Занджир, пожав плечами.— Замужество — не шутка, я боюсь. Мне ведь только восемнадцать... И потом... ещё не знаю, нравитесь ли вы мне...

— Ну, хорошо...— прервал ее Кабир.— Мне кажется, не в этом дело. Что-то вы скрываете от меня. Поверьте, я не ветреник, не болтун. Если не верите, поспрашивайте у людей...

Занджир подозрительно посмотрела на него, лоб ее покрылся испариной. «Он что-то услышал. От кого? Кто мог наболтать ему?»

Занджир пристально вглядывалась в глаза юноши и решила, что ее подозрения напрасны.

— Я вас ещё плохо знаю... Что я могу ответить? И вы не знаете меня,— сказала она.

— Пока люди не живут вместе, они не могут узнать друг друга. Муж и жена потом находят общий язык, подлаживаются друг к другу.

— А если я не смогу подладиться к мужу? Характеры-то бывают разные. Я — сельская, но характером я гордая.

— Это вам так кажется...

Кабира позвали, и он ушёл.

Занджир пристально смотрела ему вслед, потом пустила станок.

— Вечером приду к вам, поговорим,— сказал Кабир тихо, проходя мимо девушки на обратном пути.

— Нет-нет, прошу вас, не приходите,— всполошилась Занджир.

Кабир был самоуверен и не привык к отказам. Его взгляд и улыбка говорили: «Я понимаю, что это не отказ, а девичье кокетство. Ты рада этому разговору. Мы с тобой подходящая пара, и ты это понимаешь, но и себе цену знаешь. Это хорошо».

Занджир до вечера не отходила от станка, руки работали, а мысли были далеко. Она думала, что ответить Кабиру и как в дальнейшем себя вести с ним. Обдумывала предстоящий разговор. Ей хотелось поработать ещё годика два-три, понабраться жизненного опыта, научиться различать хорошее от плохого и лишь потом только выйти замуж. Да ещё эта история с Бадалбеком, возможная его месть тревожили ее и мешали спокойно жить. Если все рассказать Кабиру, то уж точно не пришлёт сватов. Это оскорбит ее. Но и молчать нельзя. Она должна рассказать правду. А вдруг Кабир поделится этой тайной с кем-нибудь, а тот расскажет другим, и пойдёт гулять слух по всей фабрике... Как тогда ей жить? И потом — он экономист с высшим образованием, не каждая может быть ему парой. Родители его, прослышав о случившемся с ней, скорее всего не дадут согласия. «Девушек тебе мало, что хочешь жениться на ней, на запятнанной?» — скажут они. Нет, не нужен мне ни экономист, ни инженер и ни красавец, пусть будет обыкновенный человек, у которого слова не расходятся с делом и чтобы любил надёжно... Ну что же ему ответить? Нельзя держать человека в неизвестности. Да и плохо я знаю его. Ну, хорошо, приедут мои родители, разузнают все, а что дальше? Чужой он мне... Что же

делать? Эх, где та любовь, которую описывают в книгах, что пронизывает все тело и как магнит сближает сердца? Не каждому дано испытать любовь, но я хочу ее, хочу! Знаю, она и как яд горька, и как мёд сладка, но хочу ее испытать. Кабир ещё в общем-то ничего. Опять-таки этот Бадалбек. Устроит ещё скандал. Как-то председатель ревизионной комиссии Рустам не поладил с ним, и куда бы того ни назначили на работу, Бадалбек находил его. О аллах, что за времена? Кто-то творит беззакония, и никто не может приструнить его. Когда же этому придёт конец?! Эх, была бы я мужчиной...»

Занджир постаралась представить себе, что бы сделала, будь она мужчиной. Поступила в какое-нибудь высшее учебное заведение? Стала бы инженером или врачом? А может, действительно, поступить куда-нибудь? Хотя бы в ПТУ? Нет, уже поздно. Знания не выше пятиклассного. Так я и останусь ткачихой. Была бы образованной, многое бы понимала. И показала бы я этому Бадалбеку... Может, и не так трудно было бы доказать его неблагоприятные дела! Говорят, что лет пять назад его племянник на собственной машине возле деревни Чорсада сбил старика и скрылся. Ночью Бадалбек приехал к родственникам погибшего, уговорил их, и они объявили, что старика забодала корова. С тем его и похоронили. Эх, был бы у меня кто-нибудь из близких родственников большим начальником... Хотя Ирина говорит, что нынешние начальники боятся даже тени своей, поэтому и не вмешиваются в скандалы...

Кое-чему Занджир обучилась у своих подруг и в общении с людьми. Но решать сложные жизненные проблемы она ещё не была готова. Действительность обескураживала ее. Многие на фабрике казались ей несправедливым, преступным, но все вокруг как бы не замечали этого. Занджир видела, что в городе и на производстве творят беззаконие люди, схожие с Бадалбеком. К

примеру, Сумасшедший Болтун. Этот отвратительный тип всегда норовил, проходя мимо, поздороваться с ней за руку. Занджир шарахалась от него. Болтун притворно хихикал:

— Здравствуй, ханумча 23. В чем дело? Почему ты так глядишь на меня? Твой строгий взгляд убивает меня... Я скажу директору, чтобы тебя перевели в наш цех. Согласна? Лучший станок будет твоим! Каждые три месяца гарантирую премию. Слышишь? Я тебе добра хочу... Все желания твои будут исполнены.

Болтун мог трепаться бесконечно долго, и у девушки начинала болеть голова. Занджир знала, что угрозами и шантажом он часто добивался своего. Его опасались директор фабрики, начальники отделов и даже в министерстве его побаивались. Если какой-нибудь высокопоставленный начальник отказывал ему в чем, Болтун распускал о нем разные сплетни, писал жалобы, анонимки и доводил человека до того, что тот проклинал день, когда связался с этим злобствующим психом. На фабрике его не боялись только дядя Лочин и главный инженер, да ещё несколько рабочих. Однажды Сумасшедший Болтун ворвался в кабинет к главному инженеру и пытался шантажировать его:

— У меня есть веские доказательства твоей противозаконной деятельности! Я напишу куда надо, тебя выгонят с работы и никуда не примут.

Главный инженер презрительно посмотрел на него и, улыбаясь, сказал:

— Живу я честно и недозволенными делами не занимаюсь, поэтому не боюсь твоей писанины. Иди и пиши куда хочешь и сколько хочешь.

— Бойся огня и болезни, остерегайся навета и клеветы,— усмехнулся Болтун.

---

23 *Х о н у м ч а — госпожа (ироническое).*

После этого главный инженер целый год не знал покоя: его проверяли и обсуждали почти каждый день. Обнаружили неправильно оформленные документы, недостаточно убедительно обоснованные премии и награды, в результате чего у главного инженера были неприятности. Говорили, что Болтун настолько обнаглел, что даже министр, желая избавиться от него, дал ему без очереди квартиру. У некоторых начальников рыльца были в пушку, поэтому старались удовлетворить его просьбы, а более смелые искали способ, как избавиться фабрику от этого подонка. Он и к директору заходил в кабинет свободно, не обращая внимания, занят тот или нет. Однажды директор проводил важное совещание с представителями министерства и специалистами из Москвы. Бесцеремонно отстранив секретаршу, Болтун ворвался в кабинет и, несмотря на недовольство директора, выложил все свои требования, добился согласия и только после этого ушёл.

Но однажды Болтун все-таки попался. Он и два его дружка (один из них был милиционером, другой — сотрудником редакции) представились заведующему столовой сотрудниками ОБХСС. Тот уличил их в мошенничестве, и их задержали. Во время товарищеского суда Сумасшедший Болтун притворился больным, упал и забился в припадке. Срочно вызвали врача, тот установил психопатию, и Болтуна освободили, как больного.

Занджир боялась его. Она знала, что он обманывал наивных девушек и женщин, обещал им дефицит или помощь в разных трудных дела, а сам же срамил их. У ворот фабрики его часто поджидали обманутые жертвы. Сторож фабрики рассказывал про одну женщину, которой Болтун пообещал поговорить с министром, чтобы тот уменьшил срок наказания ее мужу. Простодушная женщина дошла с ним до министерства и осталась ждать на улице, Болтун же вошёл в здание.

— Он обо всем договорился с министром,— рассказывала она вахтеру,— но почему-то тот ничего не сделал. Забыл, наверно...— сокрушалась женщина.

Вахтер только разводил руками, удивляясь такой доверчивости...

Занджир радовалась, что не встретился ей этот тип, когда она искала работу. Его долговязая, тощая, нескладная фигура, худая шея, бесстыжие, глубоко посаженные маленькие глазки на морщинистом лице — все внушало девушке ужас. Его беспричинный смех, как кошмарный сон, преследовал Занджир. «Надо же, насколько он омерзителен! — размышляла, девушка с отвращением.— Обовьётся змея вокруг меня, и это будет приятней, чем прикосновение его поганых рук».

Но были люди, которые восхищались Болтуном: «Хорошо, что есть такие, — говорили они.— Они придерживают начальников от высокомерия и самоуправства. Всюду, где есть такие «Болтуны», начальство осторожничает».

Занджир не понимала их и удивлялась: «Недаром, видно, говорят, что и змея приносит пользу»,— думала она.

7. ВЕЧЕР В ОБЩЕЖИТИИ

В тот вечер она пришла с работы такая усталая, что даже не нашла сил выпить глоток воды. Молча легла на кровать, открыла книгу, но читать не могла. Подруги по комнате — синеглазая, русоволосая Ирина и круглолицая, зеленоглазая татарка Салима — пытались разговорить ее, но, ничего не добившись, оставили в покое. Стали накрывать на стол. Принесли тарелки со сладостями и другими вкусными вещами. Поглощённая своими мыслями, Занджир сначала не обращала на них внимания. После восьмичасового

рабочего дня она с удовольствием нежилась в постели. Наконец она заметила приготовления подруг.

— Что происходит? У кого сегодня день рождения? — спросила она, не отрывая глаз от книги, хотя и не понимала смысла прочитанного.

— Будто ты не знаешь? Не строй из себя дурочку, милая! Меня бесит, что ты втихаря проворачиваешь свои дела, а потом удивляешься,— притворно сердито сказала Салима.— Пока не выдам тебя замуж и не наживусь на твоём калыме, не успокоюсь,— закончила она шутливо.

— Опять нашла для меня кого-то? — спокойно, не отрывая глаз от книги, спросила Занджир.— Сама ты. Салима, очень сердитая, поэтому и кажусь тебе я тихоней. Не зря от тебя, злюки, и муж сбежал.

Помолчав, снова спросила:

— Ладно, скажите, для кого стараетесь?

— Знаешь, почему распяли Иисуса Христа? — спросила Ирина, вытирая салфеткой тарелочки.— Потому, чтобы каждый год устраивали праздники. В январе отмечаем день его рождения, а сегодня...

— Вместо того, чтобы отмечать день распятия своего пророка, лучше бы вышла замуж, и мы погуляли на твоей свадьбе,— Занджир положила книгу на кровать.

— наших мужей увела Владычица Водка, милая Занджир,— вздохнула Салима.— Они спят в обнимку с бутылкой. Сначала ты выходи замуж, и если не будешь жалеть, тогда и мы попытаемся ещё раз устроить своё счастье.

— Ладно, шутки в сторону. Объясните свои хлопоты,— попросила Занджир, а сама подумала, что подруги, видимо, прознали о предложении Кабира.— Вы что, пригласили Кабира?

— Ну и что в этом плохого? — спокойно ответила Салима, продолжая заниматься своим делом.— И этот тебе не нравится?

— Не знаю... По-моему, мы с ним стараемся открыть один и тот же замок двумя разными ключами.

— Лучше встань и принарядись. Не беспокойся: дадим вам обоим одинаковые золотые ключи! Только потом не забудь о нашей услуге.— Салима многозначительно прищурились.— Не забывай, что и судьбе нужен толкач!

— Она права, не забывай нас потом,— поддержала Ирина.— Если у него найдётся порядочный родственничек с хорошим домом и приличной должностью, то я, как сторожиха наша, согласна надеть национальную одежду и стать настоящей таджичкой. Да, самое главное, чтобы он не пил, был денежным, красивым и интеллигентным.

— Странно... Про ту женщину никто не скажет, что она русская, совсем таджичкой стала. И одежда, и речь, и поведение. Оказывается, у неё девять душ детей.

— А у нас в кишлаке живёт украинка. Ее привёз с фронта один раненый таджик. Она хорошо знает язык, но говорит с акцентом.

— У одних есть способности к языкам, а у других нет,— прервала ее Ирина.— Если учить язык с детства, то другое дело.

— Занджир, найди мне мужа-таджика, выйду за него, но больше двух детей не рожу. Зачем мучиться? Жить лишь ради детей?! Вот, например, какая от меня помощь моим родителям? Все, что они зарабатывают, уходит на меня! — Салима тяжело вздохнула, как бы жалуясь на себя.

А Занджир все думала, как ей себя вести с Кабиром и что подумают обо всем этом ее подружки. «Если он опять заговорит о том же, что мне ответить?» Занджир была так занята своими мыслями, что не услышала, как кто-то постучался в дверь.

— Войдите! — крикнула Ирина. Дверь приоткрылась, и Кабир просунул в щель голову.

— Можно, девушки? — и решительно шагнул в комнату, будто давно здесь жил, и лишь в шутку спросил разрешения войти.

Занджир сразу не понравились его заносчивость и высокомерие.

Ирина и Салима встретили гостя и приняли из его рук пальто и шляпу. Кабир, здороваясь с ними, незаметно осматривал комнату. Кровать с пёстрым покрывалом Занджир, вышитое узорами полотенце, фотографии ее родных в рамках... Он взял вазу для цветов, внимательно осмотрел ее, причём не осталась незамеченной и салфетка под вазой с вышитым на ней стихами.

Прохаживаясь, Кабир разговаривал с девушками, задавал им вопросы и сам же отвечал на них. Его мясистое смуглое лицо покраснело и лоснилось. Он был в коричневом костюме. Бросались в глаза подобранный в тон галстук и начищенные туфли. Уместен был и красный значок на лацкане пиджака.

За эти минуты Занджир успела встать с кровати, поправить платочек на голове и немного успокоиться. Кабир извлёк из бумажного пакета, который принёс с собой, бутылку шампанского и какую-то коробочку.

— Вот это да!... Икра?! — восхитились девушки.

— Даже чёрная!

— Спасибо, Кабир... Откуда ты достаёшь такие вещи? Открой нам тайну,— попросила Салима.

— Тайну? — переспросил он и, подняв брови, сказал: — Сегодня люди достают подобные вещи тремя путями.— Он многозначительно улыбнулся, но улыбка получилась глупой, и немного помолчал, чтобы придать больший вес своим словам.— Первый, надо иметь большие деньги,

второй, нужно иметь высокую должность или приличное положение, а третий, надо иметь много друзей и знакомых.

— А-ах.— разочарованно вздохнула Ирина.— Потом жалобно сказала:— Все это не для нас, ты нам подскажи путь попроще.

— Почему? На лучшее не надеется только дьявол.— Кабир без причины начал хохотать.— Кто знает, за кого вы завтра выйдете замуж, дорогие девушки? За министра, заведующего базой или же депутата, председателя... Сейчас перед тем как выйти замуж, смотрят, перспективен ли жених.

Занджир, неудобно пристроившись на краю подоконника, молча слушала его болтовню. При виде шампанского ее покорило: перед глазами возник домик на ферме и Бадалбек. «Неужели все мужчины таковы? Вино, развлечения, разврат и обман. Раньше я считала, что все хорошие люди должны быть такими, как мой отец, а плохие, как Шогадо. А сейчас, работая на фабрике, узнала, что люди бывают разные.

В кишлаке на многое я не обращала внимания, всех мужчин делила на красивых и некрасивых. Теперь самой смешно, какая же я была наивная! В городе парни без стеснения приходят с бутылкой к девушкам, а те пьют с ними, даже курят. И это называется «цивилизация». Вот и Кабир такой. Нужно было поговорить — мог бы прийти без бутылки...».

В доме Занджир не держали спиртного, никто не пил. Поэтому любители выпивки не засиживались у них в гостях и, придумав какую-нибудь причину, уходили к другим. После ухода таких гостей отец говорил сердито: «Не ко мне пришёл он, а к водке. Без этого зелья его и на верёвке не удержишь». «Кто знает, может, и Кабир пьёт? На работу приходит трезвым, а после чем занимается, никто не знает.

В кишлаке каждый человек на виду, а в городе... На улице все такие хорошие, а какие они на самом деле, бог знает...»

— Занджир! Что задумалась? Что сидишь как в гостях? Ты здесь хозяйка, а Кабир у нас гость,— заворковала Салима, прервав ее мысли и многозначительно подмигивая.

— Когда в дом приходят сваты, девушке положено сидеть тихо и смиренно. Когда в кишлаке приходили свататься, мама прятала меня на кухне,— сказала Занджир, подвинув стул поближе к столу. Потом застеснялась сказанного и закрыла лицо руками.

— Да оставь ее, пусть сидит как хочет,— сказала Ирина.

Кабир взглянул на Занджир, окинул взглядом скромное платье и застиранную кофточку, потом поднялся во весь рост и нагло уставился на неё. Про себя подумал: «Да, не девушка, а золото. Правду говорят, что золото и в грязи блестит. Чистый родник! Жаль, что так плохо одета, а то я бы сказал, что это платье ей очень к лицу. Как во Франции, где учат с детства светским манерам, говорить комплименты... Похвала всем по душе...».

— А ну, давайте-ка все за стол,— весело предложила Салима.

Начали ужинать. Разлили по бокалам шампанское. Салима произнесла что-то вроде тоста, похвалила Кабира и предсказала ему блестящее будущее. Девушки выпили и набросились на Занджир:

— Выпей, чего ты боишься! Кабир пока ещё не свататься пришёл. За бокал шампанского он тебя не осудит. Не в кишлаке же мы...

— Так и останешься ты недотёпой, пока не выдадим тебя замуж. Другого способа тебя исправить нет.

— Я... ведь невеста,— Занджир скромно потупилась, чем развеселила всех.— Мне стыдно...

— Брось ты, сейчас женщины в кишлаках пьют и коньяк и водку,— уверенно произнёс Кабир, делая вид, что хорошо

знает сельскую жизнь, но ясно было, что поёт он с чужих слов.

— Правильно, и я бы выпила, если бы был коньяк или водка. Шампанское пьют только изнеженные городские девушки. Да, жаль Дабир-ака, что вы не принесли с собой бутылку коньяка. Или шампанское дешевле?

— Прекрати, Занджир, выпей, не помрёшь от одного бокала.

— Помру. У нас в кишлаке мужчина один все пил да пил и умер однажды за дастарханом. Сказали, что его убила водка.

— Ну, хватит. Выпей наконец! — рассердилась Ирина.— Сейчас шутки твои и капризы ни к чему.

— Тебе не нравится, что я шучу с Кабиром-ака? Ведь считают, что деревенская девушка не умеет кокетничать,— Занджир начала строить глазки и, стараясь походить на кокетливую городскую девушку, стала нежно сюсюкать и кривляться.

— Да прекрати же!— не вытерпев, крикнула Салима.— Выпей шампанское! Чрезмерное кокетство тоже надоедает...

Все уставились на Занджир.

— Не заставляйте меня, девушки, я не могу пить. Клянусь хлебом,— попросила Занджир, и ее лицо приняло обычное серьёзное выражение.

— Нет, выпьешь. Мы не отстанем. Кабир из-за тебя пришёл.

— Если он пришёл ко мне распивать шампанское, то может больше не приходить,— сказала Занджир твёрдо.

Слова ее подействовали, как ушат холодной воды. Все замолчали и некоторое время от смущения не могли смотреть друг на друга. Кабир сконфуженно улыбался. Он пытался что-то сказать, но так и не смог произнести ни

слова. Салима, отвернувшись от Занджир, со злостью махнула рукой:

— Что поделаешь, если создатель обидел ее умом.

Ирина, чтобы совсем не испортить вечер, стала налаживать отношения.

— Послушай меня, Занджир. Кабир принёс шампанское не только для тебя. Он пришёл в гости к своим коллегам, а заходить с пустыми руками не прилично. Деликатность и обходительность украшают человека, тем более девушку. Что с тобой случилось? Других поучала, а сама? Сейчас в знак извинения и примирения подними свой бокал, иначе мы обидимся. Бери, говорю, бери,— Ирина сунула ей в руку бокал с шампанским.— Мы не хотим тебе зла. Или ты нам не веришь?

Они стали настойчиво упрашивать ее, и Занджир, чтобы больше не приставали, выплеснула его содержимое за окно. Вылить-то вылила, но поняла, как обидела всех, и пожалела о сделанном.

Настроение было испорчено окончательно. Ирина, укоризненно покачав головой, сказала:

— Всеу есть предел, девушка! Хотя бы из вежливости пригубила...

— Нахалка! Неумытая деревенщина! — скривилась Салима.— На языке у неё вертелись слова ещё резче, но, перехватив просительный взгляд Ирины, она замолчала.

Опять выпили, закусили бутербродами с икрой, поговорили о том о сем, но разговор не клеился. Ирина и Салима несколько раз выходили из комнаты, а потом обе незаметно исчезли. Занджир сидела, погрузившись в свои мысли, и даже не заметила, что подружки ушли. Вдруг она очнулась и увидела, что осталась наедине с Кабиром. Поступок подружек ей не понравился. «Господи, а если изберу в мужья другого парня, как я буду смотреть ему в

глаза? Позор! Он же будет упрекать меня, что я кокетничала с другими, крутила любовь, как говорят».

С первых дней своего приезда в город Занджир наблюдала за городскими девушками. Они были разные. Одни вели себя развязно — пили, курили, гуляли; другие на людях прикидывались скромными; третьи одевались хорошо, и просто и не помышляли о развлечениях, вечеринках и ресторанах. А есть и приехавшие из селений. Вырвавшись из-под родительского надзора, они совсем потеряли стыд. Сколько наивных девчонок погубил этот город!

8. КАБИР И ЗАНДЖИР

— Занджир, не смотрите так настороженно, я пришёл с открытым сердцем. На работе нет возможности поговорить, только поэтому я здесь, — извиняющимся тоном начал Кабир, будто прочитав ее мысли. — Люблю я вас... — сказал он твёрдо. — Если не ошибаюсь, то и вы...

Занджир закрыла лицо руками, чтобы Кабир не увидел усмешку и выражение ее глаз. Разговор-то шёл серьёзный.

— Если не верите мне, пусть приедут ваши родственники и узнают от соседей и жителей нашего квартала, что я за человек и какая наша семья. Вы меня знаете уже год, видите каждый день. А от глаз и ушей наших рабочих ничего не скроешь.

— И такие встречи тоже? — подколола его Занджир.

— Я в первый раз... До этого никогда не встречался с девушкой, не знаю, — смешался Кабир, потом добавил: — Хотя желающих и в институте и на фабрике было не меньше, чем волос на моей голове...

— Верю, — усмехнулась Занджир, чем сильно уязвила Кабира. Наступило тягостное молчание.

— Ну что, а? Занджир? Если вы согласны, то я скажу родителям,— наконец решился он.— Кабир не знал, с какой стороны подобраться к этой самоуверенной, ершистой девушке.

Занджир молчала, она думала. Кабир несколько раз повторил свой вопрос. Ее смущало многое: его неосведомлённость об ее прежней жизни, угрозы Бадалбека, то, что она плохо знает Кабира, неуверенность в своих и его чувствах,— все это настораживало девушку, и она склонна была отказать парню.

— Все, что могла сказать вам, я сказала ещё тогда на фабрике,— Занджир спокойно посмотрела в глаза юноши.— У меня нет веских причин, чтобы отвергнуть ваше предложение, но и ответить согласием — тоже. Я думаю, что мы друг друга ещё мало знаем...

— Раньше женились, ни разу не увидав лица невесты, а мы с вами уже знакомы столько времени, часто встречаемся на работе. Неужели этого мало? Дочь нашего соседа тоже тянула, проверяла, разузнавала, отказала одному, другому, а в результате осталась старой девой. Говорят, изучишь друг друга досконально до свадьбы, потом будет неинтересно; молодые быстро надоедят друг другу. Знаю, что сами не решите эту задачу. Посоветуйтесь с родителями...

— А не лучше ли остаться старой девой, чем второпях выйти замуж и потом каяться? — прервала его Занджир.— Одних можно узнать за день, для других и года мало.— Занджир решила, что нет смысла морочить парню голову — когда-нибудь придётся рассказать, почему уехала из кишлака.— Подумайте-ка, Кабир-ака, вы же действительно не знаете, что я за человек, что было в моей жизни... Ведь таджичка просто так, отказавшись от всех близких и родных, не приедет в город.

Наступило долгое молчание.

Кабир пристально смотрел в глаза девушки. «В самом деле, почему я над этим не задумывался? — размышлял он. — Может, она замужем? Сбежала от мужа, а я сватаюсь к ней... Вот позор-то! А может, шутит? Но все равно она порядочная девушка,— раз предупредила меня. Кто знает, может, она сирота, жила у родственников, не имела своего дома, семьи. Прав отец, когда говорит: решил завести родственников — выбирай порядочных, влиятельных, самостоятельных. Но кажется мне что она из порядочной семьи, если б не так, давно бы вцепилась в меня. Да и потом — не я один увиваюсь за ней. Да, чужая, душа потёмки. А может, она разыгрывает меня?»

— Я не отказываюсь от своего предложения. Но пока не расскажете мне, почему приехали в город, не тронусь с места,— сказал Кабир решительно.

— О-го-о-го!— воскликнула Занджир, улыбнувшись.— Вот поэтому я и сказала, что ещё рано свататься. Какая девушка знакомым и незнакомым станет рассказывать свои тайны?

Кабир понял, что оплошал. «Давно нужно было вызвать ее на откровенный разговор. Сейчас она ничего не скажет. Хотя бы намекнула, мне и этого достаточно. Сам виноват — кроме ее красоты ничего не замечал»,— сердито думал он.

— Ну, хотя бы немножко расскажите о себе. Честное слово, я даже расстроился,— умоляюще сказал Кабир.

Занджир молчала.

«По-моему, она сторонится всех не от гордости и кичливости. Не обидел ли ее кто? Что же с ней случилось? Ирина и Салима, наверное, знают... Если она уже была замужем? Впрочем, ничего в этом нет позорного. Сейчас никто не удивляется, если парень женится на вдове. Но я-то этого не сделаю... Никогда!...».

Ему было жаль девушку, так хотелось подсесть поближе, взять за руки, приласкать, поцеловать. Но серьёзность ее сдерживала Кабира.

Дверь приоткрылась, молодая смуглая женщина заглянула в комнату, внимательно оглядела каждого из них и молча закрыла дверь.

Почему-то любопытный взгляд этой женщины не понравился Занджир. «Где-то я ее уже видела»,— подумала она, но вспомнить не смогла. Она выбежала на лестницу и посмотрела вслед уходящей незнакомке: та спускалась по лестнице.

Девушка не хотела, чтобы ее упорство было превратно понято Кабиром:

— Я вас очень уважаю, но для замужества этого мало. Не знаю, правильно или нет, но говорят, что любовь начинается с дружбы. Конечно, влюбляются и с первого взгляда, но, по-моему, такая любовь в наше время редкость. Не терзайте себя разными подозрениями — я не сбежала от мужа, не сбежала и от родителей. Никто меня не соблазнял и ни к кому я не привязана, слышите, ни к кому! Уехала из-за ерунды. Один подлец оскорбил меня.

Занджир замолчала, Кабир внимательно слушавший ее, попросил:

— Расскажите поподробнее, Занджир, здесь не кишлак, на такие мелочи никто не обращает внимания.

— Да, ничего...— махнула рукой Занджир. Но раз начала, нужно рассказать все до конца.

— Ну, расскажите,— умолял Кабир.— Прошу вас.

«Какой любопытный! — подумала Занджир.— А ещё образованный! Мог бы и потом при удобном случае спросить, я и рассказала бы. Правильно говорят, найдёшь подходящего по росту, а он по сердцу не подходит... А будь я на его месте, не спросила бы? Конечно, спросила. Так при чем тут любопытство? Нет людей без недостатков. Вот и у

Кабира есть и хорошие черты и недостатки, но их можно исправить...»

Поразмыслив так, она вкратце рассказала свою историю. И тут в ней поднялась волна негодования и на себя, и на Кабира. Она почувствовала себя униженной и вдруг обзлилась на Кабира.

— Вот что было! Довольно? Успокоились? Не верите? Правильно. Доверие не берут в долг, не просят, каждый имеет его ровно столько, сколько в нем благородства.

Кабир отнёсся спокойно к взрыву ее вспыльчивости. Это ещё больше рассердило Занджир. Она ожидала, что выслушав ее, Кабир махнёт рукой и скажет: «И это все?! И только-то?» А Кабир помрачнел, что поразило ее, словно удар кинжалом в сердце. Он долго ходил по комнате в задумчивости.

— Кто он? Как его фамилия, имя? — спросил наконец. Потом подозрительно взглянул в глаза Занджир и добавил:— Что-то не верится. Вы не такая девушка. Расскажите поподробнее. Вы его любили?.. Я хочу сказать: вас к нему тянуло? Ведь просто так он не стал бы надеяться на вашу взаимность?

Эти слова оказались, как соль на рану. Девушка заплакала. Кабир быстро налил в стакан воды, поднёс к ее губам, сказал несколько успокоительных слов. Прошло некоторое время, и Занджир, успокоившись, смущённо улыбнулась. Потом рассказала все, что знала о Бадалбеке. Казалось, она хочет выговориться, сбросить тяжкий груз с плеч.

Кабир нервно ходил по комнате.

— Мерзавец... У него что, нет детей?

— Есть дочь. В медицинском институте... Может, женитесь на ней? — засмеялась Занджир.

— И что тут смешного? — Кабир с обидой взглянул на девушку. Потом сказал поучительно: — Вам бы все шутить

и насмеяться, а многие мужчины воспринимают это как легкомыслие, поэтому...

— Что поэтому?

— Поэтому рассчитывают на кое-что...

— Как?— Занджир побледнела, сердито прикусила губу и замолчала.

Кабир все ещё ходил по комнате. Вдруг резко остановился:

— Занджир, я возьму отпуск и поеду в ваш кишлак. Прочту я этого подлеца... Не сделаю этого — не успокоюсь.

Занджир подумала, что Кабир не верит ей, поэтому хочет поехать в кишлак и услышать правду от других.

— А дальше? Что потом сделаете?

— Потом приеду... И если ты согласна, сыграем свадьбу...— Кабир не заметил иронической усмешки девушки и впервые обратился к ней на «ты».

— Ну, повидаете вы Бадалбека, ну и что? А? Бить будете?— Занджир помолчала, а потом сама ответила на свой вопрос.— Нет, вы едете не для того, чтобы проучить Бадалбека, а чтобы проверить мою правоту. Не так ли, Кабир-ака? Обязательно спрашивайте у людей, разузнайте все. Я вам пока согласия не дала, вы свободны. Но чтобы из-за меня в кишлаке никакого шума не было. Он не лишён права любить, поэтому мстить не надо. Прошу вас.

— Не будет мне счастья без вас, Занджир!

— По вас этого не видно. Или вы уже привыкли к таким несчастьям?

— Да оставьте свои шутки, я без вас жить не могу. Поэтому и хочу поговорить с ним. Если вы и не примете моей любви, я все равно повидаюсь с ним. Иначе никогда не прощу себе свою нерешительность и трусость. Поняли?

На этот раз Занджир промолчала и только пожала плечами. «Интересно, как Кабир собирается проучить его?

Неужели драться? Нет, это дураки дерутся. Умные люди никогда не доводят дело до драки, а исподтишка наносят смертельный удар своему врагу, убивают змею чужими руками. Ирина так говорила. Не хочу я, чтобы в кишлаке опять пошли разговоры. Не дай бог. Вообще-то, этому идиоту я зла не желаю. Ведь ничего не произошло: Бадалбек взял меня за руки, и все. За что же мстить?!. Тогда я была дурочкой... Но Кабир-то не из глупцов, а ведь говорит о мести. Наверное, он считает Бадалбека простачком. Бедняга, не знает, что Бадалбек таких, как он, городских парней запросто обведёт вокруг пальца. Эх, как хочется, чтобы мой муж был умнее меня, чтобы с ним можно было советоваться в любом деле. Конечно, немало мужчин живёт по указке жены. Но я хочу, чтобы муж был мне опорой. Не знаю, стоила ли рассказывать эту ерунду Кабиру?...»

— Вы заподозрили меня в чем-то серьёзном, только поэтому я рассказала. Но я не хочу никаких разговоров обо мне. Лично я к Бадалбеку никаких претензий не имею. Если вы хотите только повидать его, это можно сделать и в городе. Он каждый месяц сюда приезжает, ко мне приезжает,— сказала Занджир, чтобы не иметь никаких тайн от Кабира.

— Сюда приходил? В общежитие? — вытаращил глаза Кабир. Голос у него сорвался на дискант.— Зачем?

— Он дожидался меня у ворот фабрики. Я даже не разговаривала с ним, даже не останавливалась. Не волнуйтесь, сюда он не приходил. А что, если бы и пришёл? Пришли же вы, и ничего?

Занджир показалось, что Кабир не верит ей. И это обижало ее, но виду не показывала.

— Не беспокойся,— Кабир снова обратился к девушке на «ты», хотя было ясно, что это ей не по душе.— Я поведу с ним, поговорю... и все будет в порядке, милая.

Хорошо, что ты рассказала все сама, а то потом могли быть намёки да пощёлки... Спасибо, дорогая...

В глазах Занджир сверкнула радостная искорка, лицо просветлело, на губах заиграла улыбка. Такая у каждого вызывает ответную улыбку. Видно, что в сердце у неё нет никакой фальши, обидеть ее или обмануть грешно, а не любить или оставить ради другой — невозможно.

В комнату заглянула вахтерша, тётя Катя:

— Занджир, к тебе пришла родственница и ждёт внизу. А ты, молодой человек,— обратилась она к Кабиру,— не приходи больше в общежитие в такой поздний час! Ещё раз зайдёшь без разрешения, сообщу директору.

— Я не чужой, мы вместе работаем...

— Это женское общежитие, и без разрешения сюда мужчинам входить запрещается! Понял?— тётя Катя сердито хлопнула дверью.

Кабир покраснел от смущения и, попрощавшись, ушёл.

У входа в общежитие Занджир увидела ожидавшуюся ее женщину, ту, которая заглядывала в дверь.

— Вы меня ждёте? — удивилась она.

— Да, милая... У вас были гости, поэтому я не решилась зайти.— Она за руку поздоровалась с Занджир.— Пойдёмте, посидим вон на той скамейке под чинарой. Поговорить надо. У меня к вам выгодное дело, милая.

— Но я вас не знаю...

— Сейчас все объясню...— и она многозначительно взглянула на «Волгу», стоящую на обочине дороги. В машине сидели двое молодых людей. «Так, так, посредница Бадалбека»,— подумала Занджир.

Занджир внимательно рассматривала молодую женщину: одета по-европейски, накрашена, лицо синюшнее, как у пьяниц, взгляд черных больших глаз нахальный.

— Слушайте меня внимательно,— начала незнакомка.— Кто я — это неважно, и не имеет никакого значения. Учти,

я найду тебя всюду. Мы знаем каждый твой шаг. Говорю это для того, чтобы ты зря не обнадёживала этого телка. Да этот сопляк не чета тому, кто добивается тебя,— она подчеркнула слово «кто».— Девушка ты умная, все понимаешь, и тебе не нужно объяснять что хорошо, а что плохо. Этот мальчишка не стоит даже кончика ногтя Бадалбека. Куда ему, сопляку, до него. Это ж мужчина из мужчин! Бедняга, так любит тебя, что готов отказаться от всего. Так вот: не отворачивайся от счастья, не дури. Не ломай свою жизнь, девушка, поняла? Бадалбек красивее и интереснее этого нищего оборванца! Ты ещё глупа, когда поумнеешь — поймёшь... Я на твоём месте не променяла бы Бадалбека на дюжину таких молокососов...

Занджир удивилась обращению к ней на «ты», но промолчала.

— Никак не пойму, что всем от меня нужно? А вы-то почему меня уговариваете? Кто хочет свататься пусть идёт к моим родителям. А вас не сыну ли своему хочет взять Бадалбек? — съязвила девушка.

— Не строй из себя дурочку,— женщина трянула коротко остриженной головой.— Ты все поняла? Ещё раз говорю: не дури! Пожалей свою молодость. Если он захочет, то за одну ночь уложит тебя в свою постель. Да, да... А так будешь жить, как принцесса. Бадалбек любит тебя больше всех на свете, и другой, будь он семи пядей во лбу, не сможет на тебе жениться. На вот тебе японский платок,— молодая женщина положила на колени Занджир бумажный свёрток.— Благодаря Бадалбеку не только сама будешь жить, как принцесса, но и родители твои будут счастливы.

Поражённая Занджир не могла собраться с мыслями.,

— Не нужно...— Она протянула свёрток, но женщина уже уходила.— Возьмите свой подарок! — Занджир бросила свёрток ей вслед.

Дверь машины захлопнулась, и «Волга», не включив фар, рванулась с места.

9. ДЯДЯ ИСМАИЛ

Родители и близкие родственники Кабира были далеки от науки и современных профессий, и поэтому не горели желанием, чтобы он пошёл в науку. Отец его Исмаил после нескольких дел, на которые, по его словам, он истратил все своё состояние, хотел, чтобы у его сына лишь был диплом об окончании высшего учебного заведения, ибо в своё время сам многое вытерпел из-за его отсутствия.

Кабир заканчивал среднюю школу, а отец работал мясником в одном большом магазине. До того он работал заведующим в этом же магазине и принадлежал к тому кругу людей, которых уважают и стар и млад. Дела шли в гору, деньги так и текли в карман, он был счастлив, а его слово было законом для всех. Многие считали для себя счастьем выполнить любую его просьбу. Но вдруг фортуна отвернулась от него. Один никчёмный человек поднял шум и испортил ему сладкую жизнь.

— Отвернётся счастье — и кашей сломаешь зубы.

Исмаил сам, своими руками, перевернул свою жизнь. Он назначил председателем группы народного контроля тихого и спокойного парня. Не прошло и трёх месяцев, как юноша себя показал: всюду находил недостатки, спорил с заведующим, не слушался его советов. Какой-то привередливый покупатель устроил скандал из-из разбитого яйца. Продавец, потеряв терпение, бросил в него этим яйцом, другой не додал пятьдесят граммов макарон или конфет, за что оба получили строгое взыскание. В общем, этот парень возомнил себя поборником правосудия, придирался по мелочам, и всем изрядно надоел. Некоторые

продавцы, доведённые до отчаяния решили уйти из магазина Исмаила.

— В других магазинах народный контроль два раза в год появляется, а у нас ежедневно торчит под носом,— жаловались они заведующему.

Исмаил, не дожидаясь конца года, был вынужден поставить вопрос о работе народного контроля на обсуждение. Признали его работу неудовлетворительной, и все затихло. В дальнейшем работать правдолюбцу в этом магазине стало невозможно. Ему предложили написать заявление об уходе с работы по собственному желанию, но парень из принципа не хотел уходить. Через несколько месяцев Исмаил свалил на него чужие грехи и уволил-таки с работы. Видимо, у парня в верхах оказались знакомые, и этот вопрос подняли до уровня народного контроля республики, до суда и прокуратуры. Упрямца восстановили на работе, выплатили ему шестимесячную зарплату, и магазин «ушёл» от Исмаила. И стал он работать простым мясником. Под предлогом, что он не является дипломированным специалистом, его сместили с должности заведующего. Будь заведующим, он устроил бы своего сына на юридический факультет или на экономический с торговым уклоном.

Сослуживцы показали Исмаилу в очереди старика и сообщили, что «он преподаёт в вузе». Этого было достаточно Исмаилу. Он сумел познакомиться с преподавателем, целый год давал ему без очереди лучшее мясо, всячески старался угодить, а когда разговор пошёл о деле, старик заявил, что он на экзаменах не будет, но будут его друзья и, когда подойдёт время, посмотрим. Исмаил не любил пустых обещаний. Один его друг из универмага в прошлом году кое-как закончил заочное отделение экономического факультета. Исмаил пришёл к нему за советом и с его

помощью познакомился с двумя преподавателями, угостил их, как положено, и препоручил Кабира им.

— Я всегда готов к вашим услугам...— заверил их Исмаил.

Но на отделение экономики торговли поступали ребята, у которых родители были поважнее, чем у Кабира. Он не прошёл по конкурсу и стал экономистом в области народного хозяйства.

Исмаилу опять не повезло. Кабир учился на последнем курсе, когда старик влип по горло ещё в один скандал, и, чтобы выбраться из него, Исмаилу, по его же словам, пришлось отдать все до последней рубашки. После этой истории ему предложили уйти на пенсию.

Иногда Исмаил с горечью перебирал прошлое и думал, что вот работал он работал, а под конец его обманули. Он всегда считал себя умнее и опытнее других, и тем тяжелее ему было признать своё поражение.

Поэтому он не хотел, чтобы сын повторял ошибки и вот, бедняжка, попал на фабрику и живёт только на зарплату. Исмаил настаивал, чтобы Кабир бросил эту работу и перешёл в торговлю. Но в торговле получили указание не брать на работу людей других профессий и друзья Исмаила в ответ на его просьбы только пожимали плечами. Но он принимал это за отговорку.

— Захотели бы, изыскали тысячи способов, как сделать,— говорил он с досадой.— Законы создают такие - же люди, как и мы с тобой, и им закон не препятствие. Когда не хотят помочь, ссылаются на закон. Выложи я им десять-пятнадцать тысяч, сразу найдут выход. От нас им нет никакой пользы, сынок. Что такое закон? Закон—это тот же забор, что вокруг нашего двора. Чтобы войти во двор, не обязательно ломать стену, нужно найти вход,— учил он сына.— Вот, к примеру, закон гласит, что одному человеку запрещается иметь две жилплощади. Но только из нашего

квартила несколько человек имеют и дом и государственную квартиру. Вот, на базаре...

Дядя Исмаил, выйдя на пенсию, стал завсегдатаем базара. Многие из его знакомых, начиная от близких и дальних родственников до сослуживцев и учеников, работали в овощных ларьках. Когда в ларёк поступали хорошие овощи или фрукты, они сообщали ему. Дядя Исмаил сразу бежал к ним, и, заплатив чуть больше объявленной цены, набирал несколько мешков отборных овощей и фруктов, а потом перепродавал все это на рынке. В ларьке виноград стоил восемьдесят копеек, а на базаре два—два с половиной рубля. Таким образом он ежедневно приносил домой по сорок—пятьдесят рублей чистой выручки и не признавал заработок сына.

Кабир хотел жить иначе.

«Нет, я не пойду по стопам отца. Из-за нескольких зёрен, как курица, не стану копать в мусорной куче. Придёт время, и вознесусь я, как сокол. Жаль, нет у меня сильной руки, нет толкача...»

Кабир тщательно готовился к этому взлёту, не упускал ни малейшей возможности. Всегда вежливый, чуть склонившись, он первым здоровался с начальством фабрики и при этом не забывал улыбнуться. Он открыто никого не ругал и не критиковал, отлично понимая, что от этого не будет никакой пользы. Виноватый найдёт тысячу оправдательных причин всегда будет считать себя пострадавшим. И он не забудет обиду и при удобном случае отомстит обидчику. Поэтому Кабир при возможности как бы вскользь похваливал того или иного начальника. Его старания не прошли даром, начальство знало его, как культурного и спокойного человека, мастера своего дела. Рабочие не любили его; но и для ненависти у них не было причин.

Вечером, после ужина, дядя Исмаил придвинул к себе чайник, перелил три пиалки, чтобы заварился чай, и многозначительно посмотрел на сына.

— С работой все в порядке?

— Да, в порядке.

— На зарплате все сидишь? И долго так будешь жить?

— Не получив ответа на вопросы, он продолжил:— До сих пор наша семья жила не хуже других, а то и лучше. Я старею... Впереди твоя свадьба, да и сестрёнка подрастает. Так что подумай, сынок. Вообще-то мне и самому не нравится торговля. Я ведь по профессии сапожник. Но что поделаешь, нужно стараться попасть в струю.

Кабир понял, что отец нашёл для него какую-то работу. Наверное, магазин или организация, где можно, как говорят торгоши, «подрабатывать налево».

«Черт возьми, откуда к нам пришло это слово?» — спрашивал себя Кабир.

— Что поделаешь, папа, наша фабрика не имеет «левых». Вернее, есть, но это опасно. Обокрали склад готовой продукции, сразу начали искать преступников, а конец верёвочки оказался на нашей же фабрике. Так что лучше жить честно.

— Кража и хищение со склада — дело глупцов. Государственную вещь разве можно красть?! Учись у опытных и умных людей. Вон Мардон вместе с сыном получили маленький овощной ларёк, сезонный товар, а они в этом же году купили машину, новый дом приобрели. А чем мы с тобой хуже их?

— Овощной ларёк?

— Да, тот самый маленький ларёк, что напротив бани. Одну машину с помидорами принимает с базы, а две реализует левого товара. Сливки достаются людям торговли.

— Нет, папа, сейчас сливки достаются не им. И фрукты, и товар любой поступает на базу. А кто с базы приобретает? Кто имеет вес в обществе, занимает высокий пост, должность. Что остаётся от них, доходит до людей торгового круга.

— Пусть каждый по одежке протягивает ножки, сынок. Мы с тобой не из высшего круга. Говорят, что судьба каждого начертана у него на лбу. Немало стремившихся к начальственным постам свернули себе шею. Ты уже взрослый, выкинь из головы несбыточные мечты, думай о реальном. Были б в роду или среди знакомых парочка высокопоставленных лиц, конечно, смогли бы тебя вытянуть

— В нашей стране власть принадлежит народу. Прочитайте биографии всех этих министров и убедитесь, что они в своё время тоже были рабочими, учителями, экономистами... Они такие же люди, как и мы с вами! Конечно, нужна поддержка, иначе хорошей работы не видать.

— Поэтому-то, если нет никого за спиной, приходится довольствоваться малым... В этом городе хватает клопов, которые считают, что это они тянут арбу.

— Пока у меня есть силы, буду сам пробиваться. Если уж вешаться, то на самом высоком тополе.

— Бесплезное занятие... Пока нет толкача, ничего не достигнешь. Я вот о чем подумал, может, нам породниться с директором базара? У него всюду знакомые, и все деловые...

— Опять торгаши! — возмутился Кабир. Потом спросил:— Богаты?

— Хватит... Правда, девушка немного косит...

— Не нужно.

— Ой, горе мне! — мать, которая до сих пор слушала молча, ударила себя ладонью по лбу.— Сыну, красивому,

как молодой месяц, взять в жены косоглазую?! Да ведь засмеют нас!

— Ладно, оставим! — рассердился отец.— Ну и ищите сами подходящую невесту.

— Найдётся,— тихо ответила мать, испугавшись гнева мужа.— Аллах милостив. Сын наш с высшим образованием, красавец, просто завладение... Только некому подыскивать ему подходящую невесту.

— А та девушка с фабрики, что с ней? — спросил Исмаил у сына.

— Возьму отпуск и съезжу в кишлак, тогда окончательно и решу,— сказал Кабир.

— По-моему, пусть будет с изъязом, но лучше жениться на девушке своего круга, сынок. Сейчас ты смеёшься над моими словами, а потом пожалеешь. Красота женщины, что ночной цветок, который раскрывается только вечером и к утру; не успеешь глазом моргнуть — нет ее! Родственники жены всегда нужны, они всегда придут на помощь. Зачастую тесть выводит своего зятя в люди. Позавчера я вошёл в контору председателя районного Совета, мы росли вместе. Его зять работает на мясокомбинате и за что-то попался, так вот—он сумел вытащить его. Два часа мы с ним беседовали, приходил к нему и твой передовик, чей портрет выставлен в саду, и твой известный учитель со значком «отличника» на груди. Ну и что — он повернул их с порога: «Сегодня много работы, приёма не будет». Но преподавателю из института помог, молодому парню с автосервиса поставил нужную печать. Видишь? Рабочий, учитель, инженер имеют вес только на своём предприятии, а как только выйдут за ворота, слова о почёте, что ежедневно твердят по радио и телевизору, пустой звук. Народ мерит своими весами. Все смотрят, какая от тебя польза, а все остальное — ерунда!

Кабир не знал, что ответить отцу. Он понимал, что отец знает только своё окружение и судит со своей колокольни. «Сто ударов игольщика равны одному удару жестянщика, папочка!..» — хотелось ему сказать, но не решился.

Почему мастер, учитель не имеют веса в современном обществе, а перед работником автосервиса и заведующим магазином заискивают? Ответ однозначен — они богаты, они могут помочь... До чего мы дойдём, если будем придерживаться этого принципа? Как жить людям, если одна дыня, например, стоит двухдневной зарплаты?..

— Ну и долго ты будешь работать за 130 рублей?.. Вот туфли твои стоят 60 рублей, сынок!

— Деньги не убегут, папа,— сказал Кабир, потупившись.— Оставь меня. Я сам попробую. Ребята по десять-пятнадцать лет довольствуются зарплатой сто, сто двадцать рублей, чтобы достичь своей цели. Добьются своего — за год навёрстывают пятнадцатилетний проигрыш. Взберётся наверх — нужно надёжно утвердиться там.

— Ладно, как хочешь. У тебя свой круг, я о нем плохо осведомлён... Но боюсь, зря ты тратишь время.

— Вот и хорошо. Я не хочу быть в зависимости от ваших торгашей. Двадцать лет назад умер один министр, так дети его до сих пор живут припеваючи. Один мой друг, посвящённый в их тайны, сказал, что у них припрятано ещё несколько сундуков, которых они даже не открывали. А вы говорите «капуста», «картошка».

На этом беседа закончилась. Исмаил хотел благополучия сыну и... больших денег. Он был уверен, что за деньги можно купить все, лишь бы было здоровье.

10. ИМОМАЛИ

Занджир изредка втихаря навещала своих родных. Приезжала она вечером, выходила из машины в двух километрах от кишлака и по хлопковому полю пробиралась к своему дому. Уходила она тем же путём.

Ни словом не обмолвилась она с сельчанами, но знала все, что о ней говорят в кишлаке. Бабушка успокаивала ее:

— Не обращай внимания, внучка, за глаза и о пророке злословят. Не зря ведь творец создал женщину из левого ребра Адама. Во всех неприятностях и раздорах поэтому всегда обвиняют женщину. Что случилось, то случилось, нам остаётся только молчать. Как-то я вышла за водой, а там Хадича — жена Назара, кокетничает с Мухтор-бригадиром. Лицо как у жабы, изо рта слюни летят... «Бригадир-ака, бригадир-ака», — без конца повторяет она и тянет за рукав пиджака. Когда Мухтор ушел, я ей и говорю: «Доченька, с мужчинами нужно разговаривать на расстоянии, что скажет твой муж или жена бригадира, если увидят?» «Вы бы об этом своей внучке говорили, тогда и не мыкалась бы по свету, — бесстыдно отвечает мне Хадича. — Я среди бела дня, на глазах у всех разговариваю, бабушка, а не ночью по задворкам». Ничего, внученька, кто клеветет на честных людей, сам не избежит позора... Поверь моим словам, буду жива — сама увижу это, а если нет, увидишь ты...

Поэтому Занджир не хотелось приезжать на туй²⁴ своих братишек. В первый вечер на «плов совета», к которому закололи барана, пришли человек двадцать уважаемых мужчин кишлака и близких родственников. Занджир

---

24 Туй — праздник, посвященный обрезанию мальчиков.

спокойно работала на кухне, зная, что никого из женщин не увидит.

После плова за чаем старики обсудили некоторые вопросы, узнали намерения хозяина относительно туя, одобрили его решение заколоть быка и барана, дали несколько советов и удалились. Ушли и родственники.

Вдруг во дворе появился Шогадо. Все удивлённо уставились на него.

— Какими судьбами, Шогадо-ака? — спросил незваного гостя Имомали и протянул ему руку.— Каким ветром вас занесло?

— Праздничным... Поздравляю... У вас все в порядке?

— Да, спасибо,— Имомали удивлённо смотрел ему в рот.

— Мне надо сказать несколько слов...

— Заходите в дом.

— Нет, посидим здесь,— Шогадо указал на топчан под тутовником.— Только пару слов... Один человек просил передать...

— Так, так...

Шогадо замолчал. Женщины и дети ушли в дом. В коровнике замычала корова, в соседнем дворе, захлопав крыльями, пронзительно закричал петух. Залаяла собака.

— Все в порядке... Оказывается, у тебя сегодня был совет.... Напрасно не пригласил Бадалбека. Лучше на него не обижаться,— наконец прошептал Шогадо.

— Вы пришли в такой поздний час только для того, чтобы это сказать? — резко спросил Имомали.

— Не надо сердиться... Бадалбек прислал. Если нужна какая помощь, скажи... Он хочет подарить быка. Забудьте о прошлом, надо помириться. Руку, поданную для мира, не отталкивают, ничего хорошего из этого ещё не выходило. Любит он Занджир, ну, выпил и не смог совладать с собой.

— Ладно, Шогадо, хватит, — прервал его Имомали.

Имомали был человеком выдержанным, в разговоре никого не прерывал, поэтому собеседник от неожиданности вытаращил глаза.

— Я понял тебя. Иди и передай своему хозяину: до скончания века не стану я с ним разговаривать. Бессовестный человек не заслуживает уважения. Бог все видит, получит он своё... от детей своих. Уже пошли слухи, что в городе...

Он высказался и вылил все, что накопилось в душе за год, и этим облегчил своё сердце. Не только Шогадо, но и все члены семьи удивились многословию Имомали.

— Имомали, нельзя так долго носить обиду в душе. Никому это не приносило пользы. Не отводи руку дружбы... — упрямо повторил Шогадо. — Он поможет, обещает устроить праздник всем на удивление. Он богат! А что у нас есть? В прежние времена такие богачи насильно отбирали у нас и дочерей, и жён!

Имомали растерялся, но все же сказал:

— Его богатство — ворованные деньги, а у меня есть Советская власть, я надеюсь на справедливость наших законов. Иди, Шогадо, так и скажи своему хозяину.

— Советская власть... — передразнил Шогадо. — Ведь Бадалбек — это тоже власть. Эх, брат, столько прожил, а ума не нажил! Рассказывают, что ещё до революции сын богача Хайдарбека случайно увидел лицо жены сапожника Мирака и влюбился в неё. Хайдарбек на следующий же день заставил Мирака дать жене талок и на второй же день вечером сделал ее второй женой своего сына. Хайдарбеку далеко было до Бадалбека! Что имели те богачи? Сто или двести баранов, дважды в неделю ели мясо. Ты плохо знаешь Бадалбека. Только мне известно, на что он способен и какая у него власть. Если он попросит, любой отдаст ему свою дочь...

Если б этот разговор слышала бабушка, то он принял бы совсем иной оборот.

На следующий день к Имомали пришёл председатель колхоза. Шли приготовления к вечернему пиру. Мыли огромные котлы под плов и шурпо, раздували большие самовары; помощники резали морковь и лук; тут же сколачивали из досок топчаны для гостей.

Председатель поздравил Имомали, спросил, чем ему надо помочь, обещал прислать машину дров. Потом отозвал его в сторону и начал наставлять, надо, мол, уметь прощать, иначе не видать добра. «И я советую,— сказал он,— помириться с Бадалбеком».

— В такие праздники прощают все обиды, тем более, Бадалбек приносит тысячу извинений.

Имомали долго молчал, не зная, что ему ответить, и наконец признался:

— Я не могу вам отказать, председатель, но... мама не простит... Отвернётся от меня, и сорвётся этот туй. Поговорите с ней сами. Если уговорите, помирюсь.

Председатель, уверенный в том, что уломят старуху, зашёл к ней в комнату, и они долго беседовали. Видимо, разговор не получился, так как он, красный от злости, вышел из комнаты и, не прощаясь ни с кем, ушёл.

Все недоуменно смотрели ему вслед, а потом взглянули на Имомали.

Имомали очень сожалел, что предложил председателю поговорить с матерью. Целый день он не находил себе места, проклиная себя и упрекая старушку, и не знал, что делать.

Пиршество началось. Помощники встречали гостей и усаживали каждого соответственно его положению, принимали подарки и незаметно записывали на бумаге.

Имомали отвечал на поздравления, но мысли его были далеко. Он слушал и не понимал, что ему говорят, смотрел

и ничего не видел. Другие устраивают туй и стараются сблизиться с начальством, завоевать уважение старших, у него же вышло наоборот, обидел председателя. Как теперь работать и жить в этом колхозе? И старуха не подумала об этом. «Ошибся я, как ошибся! Трудно будет без поддержки начальства. Корм скоту, шифер или древесина для постройки дома — все идёт через председателя... Дурак я... Конечно, нелегко подать руку Бадалбеку, но что подделаешь, раз председатель просит быть выше этого гада... Если председатель не придёт, туй будет испорчен, и так уж в доме будто не праздник, а похороны... Что же мне делать? Может, поговорить с матерью, все ей объяснить, и она разрешит пойти к председателю, извиниться и попросить, чтоб он пришёл на праздник. Тогда все наладится... А если узнают...»

Имомали здоровался с гостями, отвечал на поздравления, давал указания, но не мог не думать о происшедшем.

Только Занджир заметила состояние отца и, сообразив, в чем дело, послала семилетнего братишку позвать отца. Она завела его в другую комнату и сказала:

— Вы расстроились, потому что председатель не пришёл? А в городе рабочие даже не приглашают директора на праздники.

— У нас другие обычаи, доченька... Как же без председателя,— тяжело вздохнул Имомали.— Он же всему голова.

— Ох, как мы привыкли даже из камня у дороги делать себе господина! Я не говорю, что наш председатель плохой человек, нет, непривередливый, слава богу, ещё не зазнался, но любит, чтоб все было гладко. Хороший человек на такие вещи не обижается. Вы чем-нибудь обязаны ему? Что он сделал для вас? Ну, что?— допытывалась Занджир.

— Ничего... Вообще-то я не обращался за помощью...

— Лишь бы не вредил вам, не так ли? Я обещаю вам — вреда не будет.— Она помолчала, наблюдая за отцом, и добавила: — Сегодня — он председатель, завтра — другой.

— Не-ет, он уже двадцать шесть лет на посту,— безнадёжно махнул рукой Имомали.— А если его и снимут, то поставят председателем сельсовета.

— Хоть сто лет будет председателем, пользы от него ни на грош.— Ну стоит ли так расстраиваться? Я уехала из кишлака, приходил ли он хоть раз к нам? Спросил ли, чем помочь? Нет! Я бы на вашем месте даже и не приглашала... Хватит! Выше голову! Вы едите свой трудовой хлеб и вам нечего бояться.

Слова Занджир немного успокоили Имомали. «И в самом деле, сколько лет он не замечал меня, не помер же я, и дальше так буду жить. Права дочка»,— подумал он.

— Я вас давно просила: поступайте на работу на азотно-туковый завод, в какое-нибудь учреждение или на фабрику. Ваши друзья давно ушли с полевых работ,— продолжала Занджир.— До каких пор за тридцать или сорок рублей...

— Дело не в этом,— перебил ее Имомали.— Больше некому из нашей семьи работать в колхозе. Ведь не разрешат охапку травы скосить, не то, что держать огород.

Сказав это, Имомали твёрдой походкой вышел во двор, где собрался народ. Через десять минут он весело рассказывал родственникам, как с глазу на глаз поговорил с председателем, как послал его к матери и как, после разговора со старухой, тот убежал.

11. ЕСЛИ КАБИР СТАНЕТ ДИРЕКТОРОМ...

Обитательницы общежития в шутку называли Занджир бессменным сторожем: она вечерами не выходила из общежития. Только по воскресеньям ходила с подружками в баню или на базар. Ирина и Салима не раз после работы пытались увести ее с собой в кино или театр, но, ничего не добившись, отступали. И в этот вечер Ирина и Салима ушли в парк. Занджир постирала белье, а потом уселась у окна и стала разглядывать прохожих, стараясь угадать, счастлив человек или нет. «Эта молодая женщина с ребёнком такая красивая, и конечно, счастлива. В атласном платье, золотые национальные серёжки «лист тутовника», кольца на руках. Она всем довольна. А вообще, кто знает?»

Занджир, как и все ее сверстницы, хотела быть счастливой и признаки счастья искала в каждой женщине и девушке. Откуда ей было знать, что многие только с виду кажутся счастливыми, страдают на самом же деле молча, не находя помощи и поддержки со стороны. Красота, престижная профессия, высокий пост, богатство порой вскружат человеку голову, и он начинает считать себя выдающейся личностью, теряет друзей. Человек сам творец своего счастья, но не каждому это удаётся. Мудрецы учат довольствоваться малым. Кто приучил себя к этому — не знает зависти, весел, здоров, и это счастье.

Однако мало кто довольствуется таким счастьем...

Кто-то осторожно постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь. Это был Кабир. Занджир не ожидала его. Последнее время он, правда, зачастил в общежитие.

— Кабир-ака, я слышу замечания из-за вас... Сами понимаете, нехорошо это,— сказала Занджир Кабиру, когда он вошёл в комнату.

—Я не чужой, я работник этой фабрики. И нечего обращать внимание на какие-то замечания. Пусть за собой следят...

«Что за человек,— подумала Занджир.— Вечно на кого-то кивает...» Она хотела видеть его более снисходительным к недостаткам людей и более требовательным к себе.

— Вот подготовлю отчёт и в начале следующего месяца уйду в отпуск. Если б не я, эти тупицы-бюрократы и за сто лет не разобрались в своих делах. Возьму отпуск и поеду в кишлак...

Занджир не очень-то верила его словам, поэтому промолчала.

— Видимо, план опять не выполним. Честно говоря, наш директор—тряпка. Обманывают его, как могут. Никакого авторитета, Если бы я был директором, то половину этих бездельников уволил бы с работы. Заведующий складом сырья, заведующий складом готовой продукции нажились воровством так, что теперь никого не боятся. Всем рты заткнули. Несколько человек работают, остальные получают премию. Вот недавно стали выпускать атлас «под старинный». Хорошая была реализация, все получили денежные премии. И мы с вами тоже, хотя к этому делу не имеем никакого отношения! Значит, незаконно!... Чему вы смеётесь?— спросил Кабир, заметив усмешку девушки.

— Да, так... Вспомнила прочитанное.

— Чепуха все это, выдумки. Пишут ради денег. Айни и Турсун-заде были стоящими писателями, а остальные всё высасывают из пальца.

— Почему? Вот, например, в этой книге рассказана такая же история, что произошла и в нашем кишлаке. И между прочим, писатель все обосновал и сделал глубокомысленные выводы.

— Таких из ста книг одна. У всех одно на уме — добыть побольше денег. У кого они есть, или чин имеет, может стать и писателем и учёным.

— Каким образом? Чтобы написать книгу, нужно иметь талант. Без таланта ничего не получится. А талант за деньги не купишь, даже на базах не достанешь,— засмеялась Занджир.

— Милая, если у вас есть деньги или высокий пост, то вам и книгу напишут. Например, я тоже могу кое-что написать. И если бы в моем подчинении были писатели или журналисты, то они довели бы мою книгу до ума и напечатали бы. И восторженные отзывы были бы. Получают же госпремии за халтуру! Вот за последние пятнадцать-двадцать лет у нас не создали ни одного нормального фильма. И там...— Кабир пренебрежительно указал рукой.— Газеты не читаете? Призывы тридцатых годов не сходят с языка. Времена-то другие, и люди тоже, одними призывами дело не сдвинешь. Читателю нужна правда, доходчивые слова... А чтобы написать такое, нужно быть мастером, нужна настоящая работа, умение разбираться в жизни и событиях. Сравните наши журналы с русскими. Местничество, групповщина, знающие работники в загоне. Возьмите нашу фабрику. Думает ли начальство об улучшении качества производства? Нет. Во-первых, для этого нужно работать, а им лень; во-вторых, смелее внедрять новую технологию, а они боятся за свои кресла. Вдруг срыв — и плакало тёплое местечко. В-третьих — уволить бездельников, дармоедов и лентяев, чего они тоже не хотят, так как в основном это их близкие или «блатные», присланные сверху... Они тоже получают зарплату, премии. Нет разницы между трудягами и этими лодырями. Вот уж воистину: кто принёс воду и кто разбил кувшин — равны. Эх, если бы я был директором....

— То стали бы писателем? — засмеялась Занджир.

— Не только в писатели и в академики пробираются, уж будьте уверены.

Занджир нравились некоторые рассуждения Кабира, но почему он не скажет все это во всеуслышание, перед коллективом, почему говорит лишь ей одной.

— Вот поэтому мы все ещё дедовскими способами работаем. Разница только в том, что наши деды работали честно, качественно, а мы — тяп-ляп...

— Наверное, в министерстве ничего не знают? — тихо сказала Занджир.— Неужели говорят одно, а делают другое?

— В министерстве они только прижимают руку к сердцу и говорят: «Да, да, будет сделано, хорошо». Если я был на их месте, то сказал бы: «Товарищ министр, так больше работать нельзя».

Занджир уже не раз слышала от Кабира такие речи. Она считала его энергичным, образованным человеком, которому некуда приложить свою энергию и знания. Но сегодня в душу девушки закралось сомнение. Видимо, в охаивании всех он перешёл границы. И это заставило ее серьёзно задуматься. «Раскритиковал всех, даже писателей и учёных...— подумала она.— Конечно, есть доля истины в его словах, но и сам скромностью не отличается. Рустам-ака в нашем кишлаке был тоже нетерпимым, но говорил он при всех на улице или на собрании...»

Воспоминания о кишлаке Занджир были неприятны. Что там собирается делать Кабир? Что скажут люди узнав, что он ее знакомый?

Девушка молчала, а Кабир все говорил и говорил. «Ещё не директор, а уже готов половину рабочих уволить. Говорят, что если хочешь проверить человека, то дай ему власть. Неужели он такой же бездушный эгоист, как многие другие? Став его женой, я должна буду всю жизнь выслушивать его болтовню! Сказать, что ли: «Хватит!

Настоящий мужчина должен везде говорить одно и то же». Вообще-то он, кажется, прав, я ведь мало что знаю о фабрике... А почему он считает незаконной мою премию? Спроси я кого-нибудь об этом, будут надо мной смеяться. Поэтому-то Кабир, наверное, не может всем говорить правду»...

— Подождите, я хочу спросить у вас одну вещь,— неожиданно прервала она Кабира.— Все знают, что я не имею отношения к тому знаменитому атласу, так почему же мне дали премию?

— В этом-то и дело! — Кабир радостно потёр руки.— Никто не знает, почему. Если начальство спросят, то оно скажет: на фабрике не только передовики, мы решили товарищески поделить премию на всех. А на самом деле хотят, чтобы близкие им люди не остались в стороне и тоже получили что-нибудь. Вот в этом и все дело!..

«Вдруг и на этой фабрике нашёлся такой же благодетель как Бадалбек»,— мелькнула мысль у Занджир. Она со стыдом и сожалением вспомнила, как недавно, безо всякой мысли, брала подачки от заведующего фермой, и тяжело вздохнула.

12. КАБИР В КИШЛАКЕ

Обычно Кабир не верил никому, всегда во всем сомневался, и поэтому действовал по своему разумению только удостоверившись. Вот почему он и хотел проверить, правду ли рассказала Занджир. Если все произошло так, как она говорит, то он на ней женится. Но с Бадалбеком, конечно, поговорит. Как пойдёт разговор, он ещё не знал. В основном ехал он в кишлак, чтобы получше разузнать о девушке.

Поехал он с мастером по ремонту телевизоров.

Они проезжали по крутым дорогам и все вокруг для Кабира так или иначе было связано с Занджир. Она ходила по этим местам, училась в этой школе, здесь провела свои детские и юношеские годы. Все в кишлаке напоминало ему девушку. Увидев несколько ладных парней, он даже почувствовал ревность при мысли, что эти красавцы могли ненароком поцеловать Занджир...

Кабир бывал во многих кишлаках, но ни один из них не интересовал его так, как этот. Он искал примечательности в полях, садах, арыках, ему хотелось, чтобы и жители кишлака оказались особенными. Но действительность быстро вернула его на землю. Кривые и грязные улочки, горы навоза, низкие коровники, малоразговорчивые, безразличные ко всему люди смутили его.

Он спросил, где живёт отец Занджир. Подойдя к дому, он несколько раз обошёл вокруг скромного дома и садика, но во двор не вошёл. «Что я ему скажу? Приехал, мол, разузнать про вашу дочь? Ерунда какая-то. Итак, вот где жила моя красавица. Разве мог я подумать, что захочу породниться с людьми, далёкими от культуры, живущими среди навоза, в грязных домах. «Зимой по этой дороге только трактор может проехать»,— сказал мастер.

Кабир направился к дому, где мастер ремонтировал телевизор.

Кроме детей и глухого старика, в доме никого не было. Так что Кабир ничего не мог здесь разузнать о Занджир.

И в следующем доме ему не повезло — попался малоразговорчивый и осторожный мужчина.

— Вы не знаете, где дом заведующего фермой?— как бы между прочим спросил Кабир.

— Заведующего фермой? Бадалбека?

— Да.

— Вон, пойдёте вниз по этой улице, большое здание с воротами.

- А дома ли он?
- Не знаю, брат.
- Всякие слухи о нем ходят, не так ли?
- Не знаю, до меня пока не дошли...
- Говорят, богатый...

— Я в его сундук не заглядывал.— Кабир заметил что мужчина не хочет рассказывать незнакомому человеку о Бадалбеке, и почувствовал неприязнь к нему.

Наконец он встретил нужного человека — худого, кожа да кости, с глубоко запавшими глазами и наглым взглядом мужчину.

— О-ой, не называй при мне этого подлеца! — воскликнул тот, услышав имя Бадалбека. Потом, выплюнув табачную жвачку, спросил: — Тебе тоже, небось, корма обещал? Или скот какой-нибудь?

— Нет,— быстро сказал Кабир.— В районе о нем разные слухи ходят.

— Все, что говорят, на сто процентов правда. Пустили волка в стадо. Таких и государство уличить не может. Упадёт такой гад в реку и выйдет сухим. А знаете, почему? Потому что все свои неблагоприятные дела они делают от имени государства. В районе есть народный контроль, его председатель наш дальний родственник. Он нас теперь не признает, мы же простые люди. Недавно от другого родственника я узнал, что сын этого председателя, студент, за что-то попался. Председатель немедленно отправил в город Бадалбека и тот его выручил. Эта зараза всюду пустила корни, ее не уничтожишь.

— Правда, что Бадалбек разбогател за счёт фермы? и, говорят, пристаёт к женщинам?— допытывался Кабир.

— Без ветра и листья на дереве не шелохнутся,— хозяин дома указал на дерево, которое росло во дворе— Время такое, а то бы этих подлецов... Вы не поверите, но видит аллах, что я говорю правду, он ворует хлеб у своего

народа и плюёт на этот же хлеб! Вот он какой! Его сынишка сделал какую-то гадость учителю, и тот дал ему пощёчину. И вместо того, чтобы наказать паршивца, Бадалбек встретил преподавателя и отлупил его палкой. Ты спросил про женщин. И это правда. В прошлом году из-за него чистая, как цветок, девушка сбежала из деревни. Этот подлец когда-нибудь за все получит, чужие страдания даром не проходят.

Кабир стал расспрашивать про «ту девушку», и мужчина вкратце рассказал ему всю историю.

— Почему не жалуетесь? Почему молчат руководители? — зло спросил Кабир. Потом, усмехнувшись, добавил: — Деревня есть деревня.

— Руководители колхоза одёрнули его, да только для того, чтобы никто не посмел их обвинить в молчании. Девушка никому ничего не рассказала, даже родителям, и сбежала из деревни. Позже все выяснилось, но кому какое дело до бедной девушки? Ее отец, простой труженик, тихий безобидный человек, и у него нет таких родственников, которые могли бы поставить мерзавца Бадалбека на место. Да не единственная эта его подлость. Все знают.

Мужчина безнадежно махнул рукой, вытащил из кармана маленькую тыквочку с насом, положил его немного под язык и более спокойно продолжил:

— Лет десять назад из-за такой же истории его чуть не до смерти избили. Но недаром говорят, что горбатого могила исправит.

Найдя в Кабуре хорошего слушателя, мужчина говорил и говорил:

— Один дальний родственник Бадалбека взял у него пятьсот или шестьсот рублей в долг. Однажды ночью, когда тот уехал по делам, этот подлец пришёл к ним в дом. Жена его приняла, накрыла дастархан. А этот бабник говорит женщине: «Дарю вам долг, но только ты за это будь со

мною поласковой...», ну и все в таком духе. Женщина молча вышла из дома да и рассказала все родственникам. Они избили наглеца до полусмерти, и потом, как собаку, выбросили на улицу. Все были уверены, что его уволят с фермы, но, видимо, не осмелились... Ну и времена наступили,— мужчина возмущённо покачал головой.— Раньше без проверки не назначали на высокие посты. В предвоенные годы, да и после войны, разве мог человек покуситься на государственное и народное имущество?! — Он выплюнул нас и тяжело вздохнул: — Я вам так скажу: пока государство не возьмётся за таких типов, не установит правду и справедливость, нам не продвинуться вперёд. Если человек привык жить на ворованные деньги, его уже с этой дороги не свернуть. Я наглядился на дармоедов за свою жизнь, многие из них плохо кончали. Вот, к примеру, тот же Бадалбек: все знают, что его дочь пьянствует с парнями по ночам в ресторанах и болтается пьяная по улицам. Несколько раз хотели исключить ее из института, но Бадалбек за деньги оставлял ее. Вот так, достались деньги нечестным путём, так же и ушли прахом. Так что через дочь наказан. Но что интересно: не идёт, им урок впрок. Я видел людей, которые волочились за чужими жёнами и дочерьми; ну и что, у самих жены и дочери пошли по пути разврата и бесчестия. Конечно, вы современные люди, учёные, вам смешны наши понятия. Все неурядицы в мире, я считаю, из-за нечестивцев. И насилие, и обман, мошенничество, кровопролитие и несправедливость.

— Э, амак,— говорят же, что на руке пять пальцев и все разные,— прервал его Кабир.— И в вашем саду растут не только цветы, но колючки и сорняки.

— Правильно, я прекрасно знаю, что где цветы, там и колючки, и то, что пять пальцев неодинаковы, тоже знаю,— перебил его мужчина.— Но разве мизинчик может быть

указательным? Он и меньше указательного, и не может выполнять его обязанности.

— Не волнуйтесь, телёнок бежит только до сеновала. Далеко они не уйдут, придёт и их день и час,— категорично заявил Кабир.

Такая самоуверенность не понравилась мужчине. По его лицу было видно, что он сожалеет о том, что открыл незнакомому парню боль своего сердца. Он молча чертил обгоревшей спичкой на земле какие-то фигурки.

— Вы, городские, называете нас деревенщиной, считаете глупыми, необразованными, некультурными,— наконец сказал он с досадой.— Если человек чисто одет и красиво и разговаривает, как говорят по радио, то, значит, он умный и культурный? А по-моему, ум и культура это и есть человеческая совесть. Если нет совести, все остальное не стоит и копейки. Живи я в городе, и у меня будет чистая одежда и речь такая же, как у вас. Вот так-то, братец. Вы ещё молоды, послушайте моего совета: не ставьте себя выше нас, а лучше облегчите нам жизнь. Каждый год в колхоз столько комиссий, представителей, проверочных групп приезжает! А что толку? Им жалуются, а они отвечают: «Посмотрим, проверим»,— и все. Помогите делом, тогда дехканин сам будет убирать свой хлопок и косить траву. Все сто процентов соберёт сам, поверьте мне.

— Вы днюете и ночуете на базарах, разоряете колхоз, а горожане за вас работают, и вы ещё на нас ворчите,— сказал Кабир запальчиво.

Мужчина вытаращил глаза и так посмотрел на Кабира, будто неожиданно в нем узнал старого знакомого. Молодой человек смутился:

— Что вы так смотрите?

— Да так...— процедил сквозь зубы тот и опустил голову.— Вы не из районного дома быта...— вдруг про-

молвил он и Кабир удивился неожиданному обращению на «вы».— Скажите правду... По вашей речи...— замялся он.

— Что по моей речи?

— Вы очень похожи на представителя... И слова те же. В наш колхоз недавно приезжал один... вы на него похожи. Случайно, это не ваш родственник? — продолжал мужчина, внимательно приглядываясь к Кабиру.— Я активистов и представителей с одного взгляда узнаю.

— Неужели похож?

— Конечно,— все ещё не отрывая от него взгляда, продолжал собеседник.— В хлопковую страду приехали врачи из центра, у них речь одна, а у работников района другая. Говорят, что сердце человека у него на языке. А вообще, кто знает? Человек стал сложнее, но от этого не выиграл...

— Кабиру очень понравилось, что его приняли за активиста; он обрадовался, но не показал виду...

— Мастер целый день переходил из одного двора в другой и ремонтировал радио телеаппаратуру, и Кабир с ним. «Если женюсь на Занджир и приеду в этот кишлак, меня сразу узнают. Что тогда скажут обо мне! —

— думал он.— Вообще, кишлак оказался полон слухов, разговоров и сплетен. Как Бадалбек проворачивает свои делишки, просто удивительно. Здесь знают, кто что ел вчера вечером и что натворил утром, кто с кем поссорился и чьи предки были добродетельны, чьи злонамеренны, все знают до мелочей. С одной стороны, это хорошо. Человек с детства привыкает к тому, что он перед народом должен отвечать за каждый свой поступок. И в городе раньше жили махаллами... А теперь никому нет дела до другого, даже иногда годами не знают своего соседа. Ладно, все это чепуха, теперь надо как-то увидеть Бадалбека...»

— Кабир сначала хотел встретиться с самим Бадалбеком, поговорить с ним, а потом зайти к руководителям

района, рассказать о его безобразиях и потребовать наказания.

— Но Кабир в тот же день встретил и сторонника Бадалбека.

— — Пустое все это. Людям только дай посплетничать, хлебом не корми,— пробурчал чернобородый с болезненным цветом лица мужчина.— Девушка сама к нему пристала, ну он и взял ее за руки! Бадалбек ещё себя покажет, он человек слова — настоящий мужчина. И думает не только о себе. Многим сделал добро, многим помог. У таких людей друзей больше, чем врагов. Бог отметил его, дал многое, вот и живёт широко. Завистники не могут этого видеть. Каждому в жизни достаётся то, что он заслужил.

— «Ну и ядовитый ж ты анчар! — подумал Кабир... уходя от него.— Не зря, значит, предупредил Бадалбек: «Не поднимай шума, не позорься. Хочешь не хочешь, ты станешь моей, запомни это. Если послушаешься меня, всю жизнь будешь счастлива, глупенькая...»

— Неужели и в самом деле этот старый хрыч влюблён в неё? И как он хочет ее осчастливить? Разве все счастье в богатстве? Конечно, и оно не помешает. Но и богатству приходит конец. Должность в этом отношении лучше: человек с должностью обеспечен на всю жизнь - лучшей машиной, квартирой, лечением, отдыхом, питанием, одеждой, уважением, властью. Если споткнулся, поддержат, не оставят в беде, как говорят, осторожно спустят на тормозах. А после смерти пользуются привилегиями их дети...»

— Кабир не хотел идти по стопам отца — он считал

— себя интеллигентом. Но почему-то иногда совесть его молчала, оглушённая мерзостью, подлостью; сквозь пальцы смотрел он и на несправедливость, насилие и удивлялся, когда некоторые не могли спокойно к этому

относиться. Как и многие его сверстники, он считал, что ничего исправить нельзя, и поэтому, хотя в душе и был за правду, считал борцов за справедливость ненормальными и с жалостью поглядывал на них, как на обречённых.

13. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Кабир не застал Бадалбека в кишлаке, тот уехал в район. Замысел Кабира был прост: он хотел представиться уполномоченным фабрики, которому поручено расследовать жалобу девушки. Вернее, он хотел осторожно намекнуть Бадалбеку на свои полномочия. «Надо встретиться и понять, стоит ли с ним связываться. Может, я стреляю из пушки по воробьям. Начнём разговор— и все прояснится»,— думал он.

Вообще все его замыслы и планы относительно Бадалбека были непродуманными и легковесными. Ведь нашёлся человек, отозвавшийся хорошо о Бадалбеке.

После возвращения в город Кабир понял, что вся его затея была глупой, и он списал ее на счёт юношеской горячности. «Вообще-то, хорошо, что Бадалбека в кишлаке не оказалось,— размышлял, он.— Ну и что, если подвыпивший мужчина схватил девушку за руку? Это трагедия для сельчан. Я хотел проверить слова Занджир, вот и проверил... А в какой развалюхе живут ее родители! Другое дело у Бадалбека—такой дом, сад,— залюбуешься. И в городе мало кто имеет такой особняк. Если бы и у Занджир был такой дом! Вообще-то хорошо бы жениться на девушке из хорошей состоятельной семьи, чтобы в будущем могли поддержать меня. Но где такую найти? В институте много хороших девушек, из приличных семей, но... Вот, например, Заррина. Правда, некрасива: нос

картошкой, глаз кривой и высокая, как каланча... Да ещё и отца ее понизили в должности. Без любви жить трудно, да ещё терпеть капризы этого страшилища только из-за того, что у неё отец занимает высокий пост. Ойша оказалась ветреной кокеткой. Дочь профессора тоже легкомысленна. Были и ещё хорошие девушки, но все они заняты: кого-то уже просватали, другие ждали своих родственников... На фабрике нет подходящей девушки. Придётся жениться на Занджир и самому потихоньку пробиваться наверх... Проскочить бы в партию, тогда бы легче было. А пока придётся довольствоваться зарплатой...»

Увы, наш герой не умел быть благодарным судьбе. Он не понимал, что способность довольствоваться малым идёт не от глупости или безысходности — это одно из редких человеческих качеств, оно исходит из мудрости и силы. Он принадлежал к тем людям, которые под блестящей внешностью скрывают внутреннюю пустоту. Ни учителя, ни друзья, ни отец и мать — никто не смог стать для него достойным примером и объяснить смысл жизни. Поэтому он жил наугад: его планы, мечты строились на сиюминутных выводах, внезапных вспышках молодого, неопытного человека.

Вернувшись из кишлака, он надеялся увидеть более приветливую Занджир. Но девушка смотрела на него равнодушно, как на чужого, словно и не было его объяснений в любви. Его рассказ о кишлаке и его жителях слушала с безразличной улыбкой, словно лепет ребёнка. Кабир же страдал от холодности Занджир, не понимал, что с ней происходит. Но девушка лишь прикидывалась беспечной. Ей страстно хотелось узнать, что произошло в кишлаке. Сердце то ныло от свалившегося на неё позора, то сладостно замирало,

что пришлось испытать такую неприятность. Вот и пойми женскую душу!

— Если б не вы, озолоти — не поехал бы в тот кишлак,— сказал он недовольно, чем лишь углубил пропасть между собой и девушкой.

— Если бы не я? — постаралась удивиться как можно естественнее Занджир, но голос дрогнул и выдал ее.— Бедненький... Не зря говорят, что у няньки горит подол, а у матери сердце.

Кабир не понял, к чему это она сказала и растерянно посмотрел ей в лицо:

— Конечно, если будет нужно, то ради вас и в Мекку отправлюсь. Но от вас такого равнодушия я не ожидал...

— И что вы хотите получить взамен своих мучений?— Девушка не отрывала глаз от крыши дома напротив. Она решила закончить неприятный разговор и, не дожидаясь ответа, продолжила:— Я долго думала... Пока я не выйду замуж, Кабир-ака. И, пожалуйста, не затрудняйте себя вопросами «как?» и «почему?»...— Не давая ему перебить себя, она взволнованно говорила, что нет у неё глубокого чувства к нему, а просто так, без любви, выйти замуж не может и водить его за нос не хочет.

Кабир сначала удивился, а потом обозлился. «Надо же, она пренебрегает мной? А может, набивает себе цену?»

— Вы что, смеётесь надо мной? Серьёзно говоря, я вас не понимаю. Настроение ваше переменчиво, как весенняя погода,— сказал Кабир недоуменно. Потом кашлянул в кулак и, заглядывая в глаза девушке, спросил: — Хорошо, сколько мне ждать?

— Сколько? — машинально переспросила Занджир.— Я же объяснила вам, забыли, что ли? Ну ладно, дайте мне возможность проверить свои чувства.

— Ведь вы же почти согласились? Что случилось? Скажите.

Занджир не знала, что ответить.

— Не знаю, сама не знаю,— сказала она раздумчиво.— Не хочу вас обнадеживать. Мы ещё не знаем друг друга. Да и чувства наши неясны. Не будем торопиться, чтобы потом не раскаиваться. Ваши родители не знают меня, мои не знают вас. Да ещё эта история... Я, как говорят в народе: «Хоть и бедная, но гордая!» Прошу вас, не приходите больше в общежитие, и на работе не заговаривайте со мной,— закончила решительно Занджир.

— Будьте спокойны, я все объясню своим близким,— начал успокаивать ее Кабир.— Кто принимает всерьёз такие вещи?

— Все равно, мы должны подождать, узнать характер и взгляды друг друга. Так будет лучше.— И вдруг, хитро улыбнувшись, добавила: — Если у вас есть на примете кто-то, можете не медлить со свадьбой.

— Что вы хотите этим сказать! За кого вы меня принимаете? — Кабир обиделся и, помрачнев, замолчал.

Он не понимал Занджир и решил, что у девушки появился воздыхатель. Он прямо и спросил ее об этом.

«Кому она нужна? Узнав, что она сбежала из кишлака, никто не захочет взять ее в невестки. Если и женится кто, обольщённый ее красотой, через год — два бросит ее. Нет, лучше меня ей не найти»,— успокаивал себя Кабир. И невдомёк ему было, что своим любопытством он оскорбил ее.

А Занджир думала, что, хотя Кабир и с высшим образованием, а чуткости ни на грош. Самонадеянный эгоист. Сомон, пусть простой рабочий, лучше его. Стеснительный, скромный. Или тот молодой журналист из газеты... оставил номер телефона, хочет встретиться. Как же, позвоню я ему! Был бы Кабир таким, как этот журналист. Мало всего этого, так этот Бадалбек ещё не отвяжется. Нет, лучше подожду с замужеством. Муж никуда не убежит. Почему такой самоуверенный Кабир, чем кичится? Образованием, должностью, красотой? Мне ни то, ни другое не нужны. Был бы хороший человек, не пил... и иметь здоровых детей. Ну что мне ответить Кабиру? Салима говорит, что будь на моем месте другая, давно бы согласилась. Нет, я подожду.

— Не торопите меня, Кабир-ака,— наконец сказала Занджир.— Нельзя в этом деле ошибаться. Без любви я не хочу выходить замуж...

— А для того, чтобы жениться, не обязательно ходить под ручку по улицам и играть в любовь.

— Я тоже... не собираюсь с кем-то под ручку ходить по улицам...— ответила Занджир.

— Хорошо, сколько времени ждать? — Кабир не терял ещё надежды.

Она поняла, что, выйдя за него замуж, она будет в полной зависимости от него.

«Эх, если б я была мужчиной...— подумала Занджир.— Я бы постаралась понять сердце девушки, старалась сделать ее счастливой...».

— Не знаю,— Занджир пожала плечами,— не знаю, полюблю ли я вас. Давайте договоримся,— перешла она на шуточный тон: — обязуемся до конца года посеять в сердце друг друга как можно больше зёрен искренней любви.

- Я уйду, а вы шутите со своими подружками.
- Как только полюблю вас, скажу тут же, при первой встрече.

14. ПОСРЕДНИЦА-ВОРОЖЕЯ

Аксакалы кишлака помнят много сказаний и легенд, но для них они реальность, и рассказывают эти предания как истории, происшедшие с дедами и прадедами. Но молодёжь слушает их как сказку, расцвеченную фантазией и мастерством рассказчиков, и не принимает эти сказания как урок жизни, предупреждение и напоминание. Недоверчива стала молодёжь. Возможно, оттого, что мало видит положительных примеров в современной жизни.

В первый раз, когда Занджир пришла из города в кишлак, бабушка наставляла и утешала ее, а потом рассказала ей одно предание, которое долгое время хранила в своей памяти для подходящего случая.

Встретились трое странников и дальше продолжили путь вместе. Шли, шли, неделю и месяц шли и дошли до горного ущелья. Вдоль бурливой, стремительной реки извивалась узкая тропинка, над головой нависали огромные каменные глыбы. На скале при входе в ущелье увидели они надпись — «Дорога безгрешных». Путники остановились и стали совещаться, что дальше делать. Один из них, владелец кишлака, сказал: «В этом мире нет безгрешных. Если я когда-то обидел кого-нибудь, то не раз искупал свой грех добрыми делами: построил мечеть, не уклонялся от жертвоприношений, по обету приносил дары шейхам, постоянно совершал богослужения и читал молитвы. На этой дороге ни один камень не упадёт мне на голову».

Второй рассказал, что был весовщиком, обвешивал людей, обманом и хитростью присваивал себе часть их добра, но благоустроил торговый ряд, вырыл водоём, провёл арык, соорудил караван-сарай. Третий сказал: «Братья, я переполнен грехами. Был влюблён, не соблюдал религиозных обрядов. И не совершил ни одного доброго дела».

Путники, положившись на творца, продолжили путь. Прошли половину расстояния, и тут валится камень на голову владельца кишлака, и тот падает в бурные воды. Другой камень раздробил левую руку весовщика, и он тоже летит в воду, но правой рукой успевает схватиться за ветку миндаля, растущего на берегу, и таким образом остаётся в живых. А влюблённый, ничуть не пострадав, помогает весовщику выбраться из воды, и они вдвоём продолжают путь. Скитальцы доходят до дома шейха, каждый рассказывает свою историю и просит объяснить ее.

«Весовщик, на тебя работал беззащитный сирота, но за это ты давал ему одну лепёшку и горсть миндаля,— сказал шейх.— Лепёшка, которую ты подавал правой рукой, сберегла твою правую руку, а миндальное дерево пришло тебе на помощь. Ты,— обратился шейх к другому страннику,— влюблённый и безбожник, но не покушался на чужую жизнь, на чужое добро. У тебя мало грехов...» Вот так, внученька, будь спокойна, у создателя припасён камень для каждого мошенника. Помни это предание, будь чуткой, отзывчивой, не завидуй никому, пусть завидуют тебе...

Занджир помнила слова старушки и ждала, когда же судьба накажет виновных. Занджир заметила, что в последнее время Бадалбек наладил отношения с ее со-

седками. Ирина и Салима молчали, таились от неё, и это очень обижало девушку. Она опасалась, как бы Бадалбек не сделал своими союзницами ее подружек. Но она верила подругам и знала, что они не пойдут на предательство.

А порой ей становилось так тяжело, что была готова выйти замуж за любого из своих претендентов. В такие минуты даже Бадалбек казался ей спасителем. Когда Занджир разочаровалась в Кабуре, на фабрике уже стали судачить об их отношениях. Никто не знает, как начинаются такие слухи, как они распространяются, как затихают. «В общем-то слухи — своего рода предупреждение человеку, и если некоторые начинают бороться с ними, расспрашивать, кто сказал, кто распустил, то совершают большую ошибку,— рассуждала Занджир.— Вот и я ошиблась, не узнав и не проверив Кабура как следует, излила ему свою душу. Если бы повнимательнее пригляделась к нему, то поняла, что человек он пустой... О боже! Я и сама уже не знаю, чего хочу, стала капризной, придирчивой, подозрительной».

В комнату вошла Ирина и прибавила громкость радио, прервав нить мыслей Занджир. Приятный голос Джурабека Мурадова заполнил комнату.

— Поёт твой любимчик, Занджир. Научи меня таджикским танцам, а я научу тебя русским, будешь обниматься с парнями! Ох, как приятно чувствовать руки парня на своём теле, как приятно! Э, ни черта ты не понимаешь! — Ирина прикрыла глаза, мысленно представив себя в объятиях юноши, губы ее расплылись в сладкой улыбке.— Давай сегодня пойдём в парк, на танцы, а? Пойдёшь?

— Что я, с ума сошла, что ли?

— До каких пор будешь в тисках своих обычаев? Мир изменился, люди уже не те. Открой же глаза! Проснись! Живи сегодняшним днём, что будет завтра, один бог знает. Сейчас равноправие...

— Хотя ты не тревожь меня. Пока вас не было, приходила посредница Бадалбека.

— Ну и что?

— Что, что... Хочет посватать меня Бадалбеку.

— Будешь сиднем сидеть дома, он не отстанет от тебя. Пойдём в парк, с ребятами познакомишься, тебя проводят... Вот тогда ни Бадалбек, ни его посредница не посмеют к тебе подойти. И чего ты боишься, никто тебя не съест. Хорошую девушку везде заметят — и в ресторане и в парке. Посмотри на городскую молодёжь! Впереди меня шла парочка таджиков. Ослепнуть мне, если лгу, не могла разобрать, кто из них парень, а кто девушка.

— Не знаю, правильно ли женщинам во всем подражать мужчинам, но народные обычаи, танцуй не танцуй, незыблемы,— перебила Ирину Занджир.— Отмахиваться от них бесполезно, лишь несчастных от этого станет больше. Вот ты говоришь прогресс, цивилизация, развитие,— а в чем они,— в танцах, в свободном поведении женщин? Разве не видно, что большинство этих образованных молодых парней морочат голову глупым девушкам, водят их на танцы, ходят с ними по улицам в обнимку, а, в конце концов берут в жены из сельских мест, «некультурных», как ты говоришь. А те остаются с носом.

— Ладно, тебя не перевоспитаешь! — Ирина сердито махнула рукой.— Расскажи, что говорила посредница?

В это время в комнату вошла Салима, и Ирина обрattилась к ней:

— Эй, хозяйка, ты гуляешь, а в дом, оказывается, приходила сваха! Вообще-то, почему бы не пригласить дядю Бадалбека и не поговорить по душам?

— Подожди, кто приходил? — Салима, положив на стол сетку с продуктами, посмотрела на Занджир.

— Посредница Бадалбека.

— У, пройдоха! Прямо в комнату вошла?— зеленоватые глаза Салимы недоуменно округлились.

— Да,— растерянно ответила Занджир, не понимая поведения подруги.

— Эх, глупая ты, глупая!.. Посредница просто не приходит в дом! Все! Дело сделано, девушка, попадёшь ты в объятия этого длинноусого дяди.

Занджир и Ирина удивлённо смотрели на Салиму.

— Так вот, сводница пришла приворожить тебя к этому человеку, а не чай с тобой гонять.

— Ты все ещё веришь этим бредням? — сказала Ирина и легла на свою кровать.

— Верю. Я знала одну порядочную и милую девушку, которая вышла за человека, которого раньше видеть не могла.

— Значит, полюбила...

— Его невозможно было полюбить. Не человек, а зверь. Между прочим, Бадалбек стоит уважения и любви, да только у тебя ветер в голове.

— Если Бадалбек завоюет сердце Занджир, поверю в твои рассказы.

— Занджир, она оставалась в комнате одна? — спросила Салима.

— Да. Она попросила заварить чай, сказала, что очень хочет пить. Не могла же я ей отказать.

— А ну-ка, встань, я посмотрю твою постель,— Салима подошла к ее кровати. Занджир продолжала листать книгу.— Я тебе говорю, встань, думаешь, это

шутки? У него денег куры не клюют, все может сделать. Когда я вошла в комнату, у меня закружилась голова, и дышать стало трудно...

Салима тщательно осмотрела ватное одеяло и подушку Занджир и наконец заметила надрезанный угол матраса.

— Эта дыра была раньше? — спросила она Занджир.

— Убей бог, не знаю... Вроде не было...

— Разрез вроде новый, — сказала Салима, засунула пальцы в отверстие и вытащила оттуда клубок разноцветных ниток со множеством узелков. — Говорила же!.. Меня словно кто за горло схватил, чувствую — и сердце заныло.

Ирина встала с постели и подошла к ним.

— Семь видов ниток... а вот и твои волосы... а эта тряпка с заклинаниями... Тебя околдовали, девочка, — сказала Салима торжествующе.

Девушки стали рассматривать нитки с узелками.

— Что теперь будет? — спросила Занджир шёпотом — А? Что мне делать? — бледная, она испуганными глазами жалобно смотрела на подруг, ища помощи.

— Сожги клубок в каком-нибудь укромном месте, а в субботу я поведу тебя к одним, там отведут его колдовство.

— Нагнала на девушку страху! — Ирина с упрёком посмотрела на подружку. — Не верь, Занджир, все это пустое.

— Пустое?! — усмехнулась Салима. — Будешь надеяться на «авось», увидишь, что будет через месяц. Тогда уже не скажешь ей: «Бадалбек не достоин тебя!» Тайны восточного колдовства непостижимы, Ирина!

Ещё в кишлаке Занджир слышала о ворожеях, но особенно не верила этому. Сейчас, увидев нитки,

узелки и тряпки, она испугалась, была до того потрясена, что не могла вымолвить и слова.

Салима ещё раз объяснила, как сжечь все это, и ушла по своим делам. Занджир бесцельно бродила по комнате, не зная к чему приложить руки. Она вспоминала, что причину несложившейся жизни супругов и многие разводы в кишлаке объясняли колдовством. Поговаривали, что врач Обид привораживал красавицу Хосият и, разведя ее с мужем, женился на ней. А Бадалбек? Ведь его будущая жена тоже не хотела выходить за него замуж, но пройдоха сумел понравиться ее отцу, и тот, не обращая внимания на протесты дочери, отдал сватам платок в знак согласия. Правда, и после замужества девушка не хотела видеть его, а потом, видимо, смирилась. А если меня околдовали, что теперь делать? Довериться Салиме, а может, поехать к бабушке, посоветоваться с ней?

В трудные моменты Занджир не раз обращалась к бабушке, искала утешение в мудрых ее словах, но в минуты удач и радости, как и все люди, мало вспоминала о ней...

15. ПУТЬ К СЕРДЦУ

Кабир продолжал сердиться на Занджир, и при встрече едва здоровался с ней. Но длилось это недолго. Вскоре язык опять развязался, расцвела на лице радостная улыбка и, однажды придя в общепитие, он снова стал объясняться девушке в любви. Как всегда, не скупился на похвалы ее красоты и трудолюбия, обещал жалеть и помогать ей.

Занджир, не слушая его, думала о своём. «Вышла бы я за Кабира замуж, если он посватался ко мне, когда мы не были ещё знакомы? Наверное, вышла бы. А

сейчас колеблюсь. Молод очень, просто мальчишка по сравнению с Бадалбеком. Не он ли подарил моим подругам хрустальные вазы? Жаль, что нет у меня брата, некому помочь, посоветовать.

Слышала, что мать Кабира расспрашивала обо мне у одной нашей ткачихи, а его старшая сестра приходила на фабрику и тайком рассматривала меня. Салима рассуждает легко. «Выходи за Кабира. Не понравится — разведёшься да ещё заберёшь половину дома...» А я так не могу. У меня должен быть надёжный муж. Видимо, и калым берут, чтобы накрепко связать мужа с женой. Хотя все приобретённое за калым девушки везут в дом жениха. Некоторые считают любовь гарантией прочной совместной жизни. Но ведь и любовь может быть быстротечной... Кто знает, что такое любовь? Каковы ее признаки?»

— Занджир, у меня серьёзные намерения.

— Да, брак дело серьёзное, товарищ экономист! Зря не растрачивайте свои чувства, как бы не оказалось недостачи...

Бабушка часто говорила, что голос сердца сильнее и точнее разума. Вот и ей разум подсказывает, не упустит парня, а сердце просит — подожди.

— Вы не верите мне, думаете, обманываю вас? Я буду верен вам. В нашем роду нет таких, от кого бы ушла жена или муж. Мы ради чести жизнь отдадим. Мой дед после смерти своего брата взял себе в жены вдову, чтобы не досталась чужому. В нашем квартале не уважают мужчину, без причины оставившего жену.

— Я не говорила, что вы меня обманываете, — сказала Занджир, не зная, что ответить.

— Но не завтра же свадьба!.. Вот придут ваши родители... — оживился Кабир.

Занджир неожиданно громко рассмеялась, и Кабир замолчал, удивлённо глядя на девушку.

— Мои родители и через сто лет не придут,— сказала она, все ещё смеясь.— Недаром говорят, порог девушки высок, товарищ экономист! Разве так сватаются? Сначала я должна согласиться. Только потом ваши родители могут свататься, а мои, выслушав их желание должны сказать: «Придите-ка в другой раз, мы пока подумаем», и назначают день встречи. За это время мои родители расспросят, разузнают все о вашей семье, о вас, о ваших предках, узнают мнение ваших соседей и знакомых, ваших сослуживцев. Потом на семейном совете решают, как быть. И во второй раз сватам могут не дать платок согласия²⁵.

— Э-г-г-э-э!..— махнул недовольно рукой Кабир.— Оставьте эти байские обычаи, мы же современные люди.— Кабир осёкся, увидев осуждающий взгляд девушки.

«Поешь с чужих слов,— думала девушка.— Обычаи и правила принадлежат народу, а не отдельным лицам. До революции в нашем кишлаке было только два богача и четыре середняка. Разве могли эти шесть семей создать для себя особые правила и обычаи?! Богатый и бедный все родственники, все от одного корня. С одной грядки. У одного были три-четыре барана, у другого — сорок-пятьдесят... Самый богатый имел сто — сто двадцать голов мелкого скота. Говорят, что скрягой был, не ел, не пил... Трудно будет с Кабиром — себя-любивый и в то же время наивный, как ребёнок. Не сравнится ему с Доваром. Вот кто настоящий мужчи-

---

²⁵ При согласии родителей невесты сватам устраивают угощение и дают белые платки.

на. Скромный, знает цену своим словам, отличный инженер. Если б я была на месте Кабира, то привела бы родителей на фабрику и, вызвав девушку к воротам под каким-нибудь предлогом, познакомила бы их. Пусть родители посмотрят на будущую невестку. Эх, если бы я была мужчиной, то так любила бы свою наречённую, что моя любовь стала бы легендой. Нет, эти парни не умеют любить. Они любят только себя. Вот и Кабиру, говорю, чтобы подождал, а он сердится. Почему парни признают только свои желания? Таких парней, как Довар, настоящих мастеров, знающих себе цену, очень мало. Среди пожилых мужчин их больше. Вот, например, наш мастер дядя Лочин, какой удивительный человек! Кто, как он, возьмёт на воспитание, к своим шестерым, двух детей погибшего друга? Муж с женой погибли в автокатастрофе и остались двое сирот. Сначала родственники, разделив между собой все добро погибших, взяли к себе двух бедняжек, но потом детям не нашлось места в доме. Дядя Лочин, узнав об этом, взял их к себе. Бадалбек думает, что деньги — главное в жизни. Не-ет, это не так. Добрые дела и доброе имя — вот что должно быть самым ценным в этом мире. Я хочу, чтобы мой муж был таким, как дядя Лочин. А может, и Кабир в его годы станет таким же добрым и отзывчивым? Говорят, что до революции и даже в годы войны четырнадцатилетние мальчишки становились хозяевами в доме, и все жизненные тяготы ложились на их плечи. Неужели только лишения и трудности способствуют возмужанию? Нет, если бы было так, то дети богачей все были бы глупцами.

— Значит так? — каким-то безразличным тоном, будто он на базаре выторговал дыню, спросил Кабир. Его раздражала молчаливая задумчивость Занджир.

— Подождём, Кабир-ака. Ведь и зелёный урюк требует времени, чтобы превратиться в сладкий плод,— спокойно сказала Занджир. После некоторого раздумья она добавила: — Конечно, не каждый урюк становится медовым, но все же...

— Медовым!..— сердито передразнил Кабир.

— А вам нужен кислый урюк?..— съязвила Занджир.

Парень огорчённо покачал головой, взял шапку и, не попрощавшись, вышел за дверь. Занджир глядела ему вслед и думала, что зря обидела человека. И не с кем посоветоваться. Да и не все ведь людям скажешь. Мужчины — другое дело. А говорят: равноправие. Но в чем оно — равноправие? Вести себя как мужчины — грубить, пить, курить, выполнять тяжёлую работу, как Абдулло, например, ходить с пудовым ключом в замасленной одежде — в этом оно? Нет, женщина должна оставаться женщиной в любых условиях. Быть всегда привлекательной, хорошо работать. А ведь сегодня мастер меня похвалил. Но я-то знаю, что это похвала не моей работе, а моей старательности и настойчивости. Когда я стану хорошей ткачихой-атласницей, не знаю. Правда, и на хлопковом поле, и на ферме я считалась лучшей работницей. На ферме меня благодарили за отличную работу, хотя завистницы говорили, что меня хвалят за красоту. И председатель останавливался и здоровался, и спрашивал, как идут дела. Он порядочный и рассудительный человек, хотя некоторые называли его тряпкой. Даже в хлопковую страду разрешил провести свадьбу, а этого до него никто не делал. Несколько лет назад одного парня призывали в армию, и чтобы старая мать не осталась одна, он хотел справить свадьбу, потом спокойно уехать, но тогдашний

председатель не разрешил. Через шесть месяцев службы он взял отпуск, приехал и женился. И люди, зная все это, недовольны нынешним председателем. В позапрошлом году, в самый разгар сбора хлопка, Джамол решил справить свадьбу, и председатель разрешил. На своей машине привёз новобрачных в сельсовет для регистрации и оттуда сразу же отвёз их на поле. На хирмане сплели венки из хлопка и надели на молодожёнов, соорудили для жениха корону из белоснежных коробочек. Потом новобрачные сфотографировались на хлопко-подъёмнике. В полдень там же устроили угощение. И вечером продолжать свадьбу председатель не запретил, только сказал, чтобы закончили к двенадцати. И кого-нибудь из доярок председатель хотел ввести в правление колхоза, но Бадалбек воспротивился. «Каждый раз будет уходить на заседания, а коровы останутся недоеными. Достаточно того, что сам я член правления»,— заявил он.

И во сне и наяву Занджир видела родной кишлак и была все ещё мысленно связана с ним. «Да, я никогда не думала, что так трудно сменить место,— говорила она себе.— Видимо, те, кто покидают кишлак и переезжают в город, забывают всех и думают только о себе, иначе тут жить невозможно. Я, кажется, никогда не смогу забыть родное селение, горы, сады и реки,— я тысячью нитями привязана к ним...»

16. БАДАЛБЕК В ГОРОДЕ

Бадалбек нетерпеливо шагал взад и вперёд перед воротами шёлкокомбината и поглядывал на часы. Его гладко выбритое лицо, маленькие черные усыки, едва

прикрывающие верхнюю губу, свидетельствовали о том что он только что вышел из парикмахерской. В дорогом коричневом костюме и ондатровой шапке он думал, что выглядит горожанином, но несмотря на все его старания, достаточно было одного опытного взгляда, чтобы понять, кто он есть на самом деле. Мятый костюм, масляные пятна на пиджаке и брюках, грязный безвкусный галстук и наглаженный воротник рубашки выдавали его.

Бадалбек внимательно вглядывался в каждого, кто выходил из ворот, несколько раз пытался подойти к некоторым работникам фабрики, но видя, что они торопятся, останавливался. «Нужно срочно с кем-нибудь познакомиться,— решил он.— Без знакомых и друзей ничего не сделаешь, будешь как странник на чужбине. Они глаза и руки твои! Вот почему дальновидные люди собирают вокруг себя земляков, родственников, поддерживают их: в трудную минуту не один, так другой поможет. Был бы у меня хоть один знакомый, он следил бы за каждым шагом Занджир. Нужен, очень нужен такой человек, чтобы днём и ночью внушал ей, что только я могу дать ей счастье. Ну, выйдет она за какого-нибудь нищего, и что дальше? Что он может? Дом построить, занять выгодную должность, купить приличную одежду? Может вкалывает с утра до вечера, как ишак,— и все только для того, чтобы набить своё брюхо... Вот они оборванцы, а с какой гордостью произносят: «Я — рабочий». Можно подумать, что владеют целым районом или командуют министерством. А ведь порядочный человек не захочет с ними даже разговаривать... Вот я был в общежитии, решил поговорить с вахтершей, но она так глупа, что ничего от неё не добьёшься. На всякий случай «подмазал» ее,

может, пригодится. Эх, купить бы для Занджир в городе дом... Потом...»

Из ворот вышли двое мужчин средних лет, весело разговаривая и смеясь. Бадалбек оглядел их одежду и оживлённые лица, решил, что «стоящие» и, улыбаясь, сделал в их сторону несколько шагов. Но те, не обратив на него внимания, повернули в противоположную сторону. Бадалбек последовал за ними, но вскоре вернулся обратно. «Куда люди так торопятся?— думал он.— Бегут как жаждающее стадо на водопой, будто у них все внутри горит!»

Вдруг он увидел Занджир, идущую к воротам фабрики, и растерялся, но тут же взял себя в руки, заулыбался. Видимо, и Занджир никак не ожидала встретить его, у неё перехватило дыхание, она побледнела и, не зная, что делать, остановилась.

— Милая Занджир...

Девушка с опаской оглянулась, но потом решительно подошла к нему.

— Бадалбек-амак,— выпалила,— у вас голова на месте или нет? О боже, взрослый человек, а как ребенок...

— Моя любовь...— прервал ее Бадалбек.

— Любовь за деньги и драгоценности не приобретают — перебила его девушка.— Зря стараетесь! Зря!

— Не зря, милая Занджир,— прижав руку к сердцу, ответил Бадалбек.— Никто не будет любить тебя как я. Мы повязаны одной верёвочкой; я видел сон, и ворожея предсказала, а от судьбы никуда не денешься! Милая! Не отворачивайся от своего счастья, а то наживешь беду.

— Сон ваш расскажите воде в кишлачном арыке,— Занджир отвернулась от него.— Зря стараетесь... Говорят, поздняя любовь всегда несчастливая.

От любовных признаний Бадалбека Занджир сначала растерялась, и поэтому голос прозвучал не так уверенно, хорошо, что Бадалбек ничего не заметил.

— Занджир... Послушай меня... Я принёс тебе жареное мясо и сливочное масло, возьми!

— Не нужно!.. Ваши подарки я раздала беднякам, чтобы они помолились за ваш рассудок! — Занджир почти побежала к воротам.

— Занджир!.. Занджир, послушай...

Девушка даже не оглянулась.

Бадалбек остался ждать. Кончилась смена, рабочие стали группами выходить из фабрики. Выехала и «Волга». «Не в машине ли директора Занджир? — подумал Бадалбек.— Повезло ему. Ведь здесь выпускают дорогой атлас. Отрез этого атласа на рынке стоит пятьдесят рублей. Если он директор этого предприятия, то, наверное, накопил уже миллион, а то и больше. К таким деньги сами идут. В общем-то в городе трудно реализовать то, что нажил, скольких людей надо подмазывать. А то пришлют парочку комиссий и ревизий, и превратится все в яд. Я тоже давно не подмазываю некоторых уважаемых людей. Потом ведь скажут: «Вспоминаешь нас, когда тебе приходится туго. Врача надо почисть не только в день болезни...»

Среди вышедших из ворот внимание Бадалбека привлек один молодой человек. Он, видимо, принял Бадалбека за кого-то другого и пристально вглядывался в его лицо. Подойдя ближе, юноша поздоровался и спросил:

— Амак, вы кого-то ждёте? Может, мне позвать?

— Тысячу раз спасибо, братец,— Бадалбек с улыбкой протянул ему руку.— Да уже выйдет.— Потом, чтобы поддержать разговор, спросил: — Вы на этой фабрике работаете?

— Да, я здесь работаю экономистом. Вам что-нибудь нужно?

— Нет, просто так... От знакомства, друг мой, пока ещё никто не пострадал. Здесь одна наша родственница работает, вот я и пришёл ее повидать. В городе разное бывает, беспокоюсь за неё...

— Кто такая? Как ее зовут?

— Занджир... А фамилия...

— А-а, Занджир? Которая из кишлака? Она только что на «Волге» проехала, разве вы не видели? Она у нас ударница...

— Ну?— удивился Бадалбек.— «Волгу»-то я видел, но кто в ней ехал, не обратил внимания. Она так близка с начальством? — Он, расстроенный, озирался по сторонам.

— Не интересовался,— пожал плечами Кабир.— Если это так важно, я могу узнать,— небрежно добавил он.

— Я боюсь, как бы не обманули ее, братец. Вы же прекрасно понимаете, что девушка в этом возрасте мало что соображает!.. В городе жуликов и пройдох не сосчитать. Хитростью жвачку изо рта вытащат. Правильно говорю?

— Не беспокойтесь, амак, может, она просто попросила подвезти, ее и посадили. Занджир порядочная девушка.— Кабир понял, что его занесло, своими вымыслами может запятнать доброе имя девушки и решил исправить свою ошибку.

— Да-а, конечно.

— Может, в кишлаке Занджир и кажется красавицей, а в городе таких полным-полно.

После минутного молчания Бадалбек успокоился и вдруг сказал:

— Спасибо вам, брат, хорошо, что я вас встретил. Спасибо вашему отцу, что воспитал такого понятливого и порядочного сына. Сейчас среди молодых таких мало. Даст бог, в один прекрасный день вы станете директором этой фабрики. Не улыбайтесь, я редко ошибаюсь. Вы родились под счастливой звездой, от вашего лица исходит сияние, братец. Без шуток.

От этих слов Кабир растаял, как воск, и смущённо заулыбался. Про себя подумал, что не зря, видимо, этот человек сумел добиться положения и богатства,— с одного взгляда узнает, кто чего стоит. Недаром отец говорил: «Деньги не слепые, знают к кому идти».

— Ладно, завтра проведу Занджир. Если у вас есть время, братец, пойдёмте, пройдемся по городу, зайдём в какой-нибудь ресторан. Не зря говорится, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся. Пойдёмте, я угощаю. Когда я один, даже пиала чая не идёт в горло. Ну как, принимаете моё предложение? Не удивляйтесь, у меня с мозгами все в порядке, и я вполне соответствую вашему уровню...— Он засмеялся и крепко пожал руку Кабиру.— Сказал же вам, что у вас счастливая звезда, в этих словах большой смысл, братец, вы станете большим человеком. Как вас зовут-то?

Кабир улыбнулся и назвал своё имя. Он колебался, не зная, что ответить на предложение Бадалбека.

— Меня зовут Бадалбеком. В районе все меня знают, от семилетнего до семидесятилетнего. Кабирджон Известно, что в этом мире один богатый, другой бед-

ный, но после смерти все мы одинаковы; три газа²⁶ земли всем уготованы, братец. Будете в наших краях, услышите про меня. Слава аллаху, в районе меня ценят. И дружить умею — в трудную минуту всегда приду на помощь. Я лично очень уважаю горожан и думаю купить здесь домик. А встречаюсь с такими образованными и порядочными молодыми людьми, не могу с ними наговориться, даже в район не хочется возвращаться. Сидишь с кишлячными парнями и, честное слово, глупеешь вместе с ними. Да-а, понравились вы мне. Сегодня утром я ещё не знал, что делать, и вот бог послал мне вас,— Бадалбек говорил очень быстро, чтобы собеседник не мог ему отказать.

Кабир по всем правилам извинился:

— Спасибо... Как-нибудь в другой раз... У меня дела... Надо сходить к одному товарищу...

— Я в вашем городе гость, не обижайте меня, братец. Наше знакомство принесёт вам только радость. Я пригожусь вам. Многие ищут со мной знакомства.— Он пристально и многозначительно смотрел парню в глаза.— Человек человеку всегда нужен. Не отказывайтесь, идёте, разговор за столом — это услада души... Как-то я услышал прекрасные строки... Рубай Омара Хайяма. Как же... я даже записал его... Сейчас...— Бадалбек мучительно силился вспомнить строки:— А-а, вспомнил. Вот, послушайте. «Перед тем, как твои печали ночью внезапно нападут на тебя, скажи, чтобы нам подали алое вино. Ты не золото, глупец, чтобы тебя закопали в землю, а потом снова вырыли!» Правда, великолепно сказано?... Ладно, идемте, Кабирджон,— он взял его за локоть и они пошли.— Братец, я человек добрый, с открытым

сердцем, если могу — всегда помогу, зла никому не делаю. И никому никогда не завидую, даже в мыслях. Завистливый никогда не добьётся успеха, поверь мне, братец. Видимо, завистливых и сам аллах недолюбливает, ни один из них не выбился в люди, а если и есть такие — я их не видел. Вот купит мой сосед машину, я радуюсь от всего сердца. Почему? Во-первых, если у соседа все благополучно, то и вам спокойней. Во-вторых, его машина когда-нибудь и вам пригодится! Увидит вас на дороге, не оставит же! А если, не дай бог, заболете среди ночи? Кто отвезёт в больницу? Он. Правильно говорю?

Кабир в это время думал: «А вдруг он знает о моем отношении к Занджир? Говорит о добре и добрых делах, а кто знает, что на уме у этого человека. Надо быть настороже...»

Чёрная «Волга» Бадалбека стояла на обочине дороги. Кабир отметил грязь внутри и снаружи машины, засаленные чехлы на сиденьях. Они сели, и машина тронулась.

— Кабирджон, раньше начальство ездило на черных машинах, вот и я тогда купил чёрную. Теперь они разъезжают на белых, может, и мне поменять? А? — Не дождавшись ответа, спросил: — Кабирджон, а родители живы? — Бадалбек осторожно вёл машину и говорил без умолку.

— Слава аллаху...

— Счастливцев ты, братец! Если будете уважать родителей и ценить их, то с помощью их молитв добьётесь исполнения всех своих желаний. Сберегут они вас и от меча, и дурного глаза, и от обиды и клеветы. Вы — ветка дерева, родители — ваши корни, они питают вас влагой. А вот когда их не будет, братец, вам придётся пить воду маленькими глотками.

А будут друзья, они постараются, чтобы вы не почувствовали, что лишились родителей. Честно говоря, у меня есть одна удивительная черта, Кабирджон. Найду нового друга, радуюсь, будто выиграл десять тысяч. Человек без друзей, что птица без крыльев, его может обидеть любой подлец. Вот так-то, Кабирджон. А другу, несмотря на должность и возраст, место — в нашей душе. Не зря старики в молитвах просят: дай бог, чтобы был у друзей достаток, и они ни в чем бы не нуждались. Вообще Кабирджон, таджики умеют ценить друзей. Конечно, всюду есть неблагодарные люди, но среди нашего народа таких немного. Побольше нам друзей, и с их помощью многое можно сделать. Не так ли?

Бадалбек задавал вопросы и сам же на них и отвечал.

— Правильно, правильно, — уважительно поддакивал ему Кабир. А про себя думал: «...Знакомство с этим человеком, в общем-то, добрая примета. От таких людей только польза. Купи, купи себе новую машину, а старую отдай мне, паршивец, вот тогда я твой вечный Друг... Занджир могла бы обобрать его до последней ниточки, а потом сказать: «Я тебя не знаю». Но Занджир не способна на такие дела. В этом отношении она — бесценный человек. Другая девушка обругала бы его при всех, опозорила и выгнала, а Занджир стесняется. Безусловно, и покровители у него есть в городе. Не один и не два. Прикидывается одиноким! Ищет друзей! Ищет себе подручного и помощника. Если серьёзно, все мы — от мала до велика — корыстолюбивы и жадны. Даже благочестивые старцы (прости меня, боже!) противоречат вере, пекутся о своей выгоде. Испокон веков Восток был ареной завоеваний и грабежа иноземцев, и все из-за алчности

сынов этой земли. И англичане, и французы подкупали вождей этих народов, и... Ладно, оставим это... Надо подумать, как себя вести с этим старым кретином...»

Все знали Бадалбека — от швейцара до самого директора ресторана. И встретили его с почётом. Другие часами ждали за дверями, а попав в ресторан, долго искали свободного столика. Кабир и Бадалбек, пройдя через служебный вход, с помощью официанта, которому Бадалбек шепнул чьё-то имя и как будто околдовал его, прошли в переднюю часть зала и уселись за чисто убранный столик, явно предназначенный для зарубежных гостей или туристов. Молодая, очень красивая женщина с приветливой улыбкой быстро начала их обслуживать, и вскоре стол был уставлен разными аппетитными салатами и закусками — от дичи до рыбы. Янтарный французский коньяк заманчиво поблёскивал в хрустальных рюмках.

— Кабирджон, теперь мы с тобой, милый мой, братья. Я не каждого называю «братом», но если назову, то это на всю жизнь. Я сделаю тебя человеком... У тебя диплом, но до сих пор ничего не достиг. — Бадалбек перешёл на «ты», будто давно знал Кабира. — Ведь правильно говорю? Тебе повезло — ты мне нравишься. В дальнейшем во всем положишься на меня... Я у чабанов держу скот. Есть скот — значит живёшь. Заколю барашка и привезу тебе, целый месяц будешь сыт. В сезон фруктов и овощей прикажу, привезут тебе машину, на всю зиму хватит.

После выпитого коньяка из его уст, как мука изпод мельничного жернова, сыпались обещания, и не было им конца.

Кабир был удивлён и растерян, не знал, верить его словам или нет. Во всяком случае, обещания этого человека, его безудержные посулы вытравили из его

сердца чувство неприязни и злобы из-за Занджир. Даже почувствовал к нему симпатию.

Он хотел прервать Бадалбека, усомниться в его обещаниях, но это ему никак не удавалось. Бадалбек в общении был стреляным воробьём, сразу находил уязвимые места своего собеседника, и его стрелы всегда попадали в цель.

Кабир делал вид, что внимательно слушает его, качал головой, признавал правоту его слов, улыбался, но про себя думал: «То, что это человек умудрённый и с железной хваткой, ясно. Пытается соблазнить Занджир своим богатством. А вдруг они договорились между собой напоить меня и втравить в какую-нибудь историю? Если так, я устрою тебе весёлую жизнь, сопливка!..»

— Кабирджон, все мои дети учатся в институтах. Один сын — в Самарканде, в политехническом институте, дочь здесь — в медицинском, а вот второй сын, баловник, проучившись два месяца, бросил учебу. Сейчас служит в армии. Я мог бы освободить его от армии, но пусть ума наберётся. Остальные дети ещё школьники. Слава аллаху, их у меня одиннадцать, жена — мать-героиня. Ведь богатство человека — дети, только они остаются памятью о нем, остальное — чепуха. Каждому из них я обеспечил будущее. Теперь, дай бог, оставшуюся жизнь провести в удовольствиях, для себя. Имею я на это право? Ведь в этот мир приходим один раз, что скажешь, Кабирджон?

— Правильно, правильно. Человека, привязанного к женой юбке у нас в городе, брат мой, называют дураком.

— Молодец, правильно говоришь. Я согласен с тобой. Если правду сказать, то...

Бадалбек говорил, а Кабир думал: «Интересно, а дочь у него красивая? Ну, положим, не как Занджир... Если не безобразная — этого достаточно. Отца я как-нибудь бы уговорил. Нужно узнать, на каком курсе она и факультете. С этим человеком стоит породниться... Все дело за девушкой, если у неё нет никого, можно упросить, чтобы вышла за меня. Она будущий врач. Один ее диплом будет стоить несколько таких как Занджир». Кабир мысленно представил себя мужем дочери Бадалбека, представил роскошную жизнь и сладко улыбнулся. Но тут он вспомнил слова сельского правдолюбца, и настроение испортилось.

— Кабирджон, ты женат?— неожиданно сменив тему разговора, спросил Бадалбек.

— Нет, амак, пока не женат. Только в прошлом году окончил университет. Решил немного поработать, а женитьба не убежит. По-моему, цель жизни не женитьба. Сначала человек должен доказать, кто он такой, на что способен, найти своё место в обществе, только потом думать о женитьбе.— Кабир повторял слова, когда-то где-то услышанные, ему очень хотелось показать собеседнику умным.

— Пора жениться,— махнул рукой Бадалбек.— Есть кто на примете?— стал допытываться Бадалбек, не замечая, как изменился в лице Кабир.

— Пока нет. Не умею я разговаривать с девушками. Да и не всякая мне нравится, амак...

— Может, мне самому приглядеть тебе какую из кишлака? Поедешь, посмотришь, если понравится...— Бадалбек, уже опьяневший, ожесточённо жестикулировал.

Официантка по приказу Бадалбека убрала со стола остывшие палочки шашлыка, не прошло и пяти минут,

принесли горячие. Но Бадалбек не позволил поставить тарелку на стол.

— Подождите, милая... Отнесите вон тем в очках. Четырёхглазые все съедят, их желудок камни переварит! — Он громко засмеялся и ласково погладил руку официантки.— Скажите, чтобы нам приготовили десять палочек шашлыка из мяса молодого барашка. С печенью и с курдюком.

— Все уже! Это последнее, больше нет...— смеясь, возразила женщина.

— Найдут. Скажите, что мы заказали особый шашлык,— сказал он нажимая на слово «особый» и что-то прошептал женщине на ухо.

Бадалбек наливал в рюмку Кабира коньяк и, приговаривая: «Ну, взяли!», заставлял его пить. Пил и сам, не торопясь, ел. Кабир опьянел и потерял контроль над собой, язык развязался.

— Честно говоря, амак, хочется мне показать, на что способен. У человека должна быть цель. Говорят, проси гору, получишь холм. Жена не убежит. Есть у меня друг в одном высоком учреждении... Он всегда говорил: сначала куплю машину, а потом женюсь. Так и сделал. Я тоже хочу сначала проявить себя,— и, решив, что Бадалбек не поймёт его, стал подробно объяснять.— Э-э, Бадалбек-амак, одному подняться трудно. Была бы у меня поддержка, то я уже был бы...— он выразительно показал рукой вверх.

— Ты не торопись, Кабир. Женись, обзаведись хозяйством, успокойся. Деньги и должности сами тебя найдут, братишка. Когда они придут, крепко держи в руках. И не теряй голову! Если у молодого мужчины нет жены, он начинает спотыкаться, наделает кучу ошибок.

— Все, женюсь!— вдруг согласился Кабир.— Ваши слова для меня закон! Все, женюсь! Только на ком? Посоветуйте... Вон ту... а-а... вашу... Занджир взять? Скажете, женись на ней — женюсь... Скажете, другую возьми, возьму... Ваше слово — закон!..

— Нет, милый братец, Занджир не по тебе. О ней всякие слухи ходят. Я тебе потом... когда-нибудь расскажу.— Бадалбек многозначительно подмигнул. Потом продолжил:— О ней из-за меня нехорошие слухи пошли. Неужели для такого джигита, как ты, мы не сможем найти девушку? Такую невесту тебе подберу, которую мать ещё не целовала!.. Найти? А? Под моим началом двадцать девушек работают. Я — хозяин колхозной фермы!.. Если хочешь, свою дочь за тебя выдам! Да, ты мне нравишься, за тебя и выдам! Я — мужчина, слово у меня одно.

— Слухи...— Кабир с трудом собрался с мыслями. — Про каждую могут наболтать.... Пока жив буду, буду признателен вам. Вы мне больше, чем брат... отец...— глаза Кабира наполнились слезами благодарности. — Вставайте, пойдём к нам! — Кабир, шатаясь, поднялся с места. — Я согласен с вами породниться.... Пойдёмте... Родители...

— Бадалбек, тоже пьяный, привстал с места и ласково положил руку на плечо Кабира. Увидел его часы, снял свои, надел юноше, а взамен взял его. Потом они по-братски обнялись.

— К нам! Сейчас же к нам!.. — бормотал Кабир, ударяя по столу ладонью.

— Потом, милый Кабир, потом.... Буду твоим гостем, и тебя буду у себя принимать. А сейчас давай наслаждаться жизнью. Вот смотри на этих красоток.— Бадалбек указал на танцующие под грохот джаза пары. Он уставился на двух танцующих таджичек и с

сожалением покачал головой.— Пропали, пропали...Стройны, красивы, каждая могла бы осчастливить дом достойного джигита. Не так ли? Ладно, и эти нужны, что скажешь, Кабирджон? Если б их не было, то такие бродяги как мы, сдохли бы от скуки. Правильно говорю? А, что скажешь?— громко засмеялся он и вытер слезы салфеткой?— Говорят, что женщин больше мужчин. Ну, вот женись на одной, а что будут делать остальные? А? Несправедливо...

— Правильно,..Что будут делать остальные?.. Но женщины, как деньги, сколько бы ни было, все равно их мало.

— Ну, хоть такую-то имеешь?— Бадалбек, широко разинув рот, засмеялся и подбородком указал на танцующих девушек.

— Не-ет. Эти – рабыни денег. Без денег они даже не разговаривают. Я презираю женщин, отдающих своё тело за деньги или за барахло.

— Э, раз им нужны деньги, осыпем их деньгами, Кабирджон!.. Не беспокойся....Договорись с этой парочкой....Послушай меня... Я тебе вот, что скажу, если женишься, не привязывайся к ней сердцем. Открою тебе тайну, а ты запомни ее: устрой хозяйство и живи в своё удовольствие! Но, чтобы жена ничего не узнала. Для чего мужчина добывает деньги? Знаешь? Нет, не знаешь... Послушай меня: для своего брюха или жены и детей? Нет!.. Настоящий мужчина находит деньги и для семьи, и для собственных наслаждений. Мужчина без наслаждений за два дня состарится, запомни это! — вдалбливал он Кабиру.

Кабир поддакивал ему, пьяно кивал думал, что, если б этот тип хотел выдать свою дочь, не стал бы говорить такие вещи. А впрочем, кто знает, нельзя ему доверять. Видимо, спьяну обещает золотые горы, а

протрезвев, забывает. Ладно, я тоже много наболтал по пьянке. Если не получится с его дочерью, то есть Занджир. Нет это он пьяный, я просто навеселе. С хорошей закуской не опьянеешь. Надо же, две бутылки опустошили, а... Как не справедлив мир — у него коньяк, шашлык, а у меня... Нет, надо пробиваться...

— Ты сейчас думаешь, что я спьяну наобещал?... Разве не так? Я всегда знаю, о чём человек думает, Кабирджон. Поверь мне.— Бадалбек, и в самом деле будто прочитав мысли Кабира, продолжил: — Я — что пьяный, что трезвый... разницы нет. Я сделаю из тебя человека. И все. Если хочешь, женись на моей дочери. Завтра пойди в институт, посмотри, познакомься. Если тебе понравится, я и без калыма выдам её за тебя, слово мужчины! Дай руку! — Бадалбек сначала пожал Кабиру руку, а потом обнял его и поцеловал.

— А если я ей не понравлюсь, что тогда делать? — сказал Кабир, смеясь. Такие разговоры были прямым нарушением обычаев: когда это будущий зять так разговаривал с будущим тестем?

— Что-о?! Слава аллаху, я себя ещё называю мужчиной, ношу шапку, а не платок, милый братец! — ударил кулаком себя в грудь Бадалбек.— Понравился ты ей или нет, этого я не буду спрашивать. Ты понравился мне, и этого достаточно. Куплю вам дом в городе. Получишь новенького «Жигуленка». Стоит, ждёт тебя. Поговорю, переведут на какую-нибудь другую работу получше. Есть хорошие друзья, помогут. Вот и не успеешь оглянуться, как станешь хозяином большого учреждения. Бери, чтобы исполнились наши желания.— Бадалбек, как он сам выражался, «бросил в рот» рюмку коньяка и проглотил кусок шашлыка.

— Если богу и судьбе угодно, чтобы ты женился на Фотиме, станешь мне сыном, милый.— Бадалбек ещё раз посмотрел в глаза Кабиру и продолжал трезвым голосом:— Со мной не пропадёшь. В Госснабе у меня есть влиятельный друг, там и найдём тебе место. Пусть бабы занимаются ткачеством... Тебе там делать нечего.

— Я всю жизнь буду благодарен вам, амак, всю жизнь буду делать, что вы прикажете...— положив руку на сердце, бормотал Кабир.— Я... я... так буду стараться, что вы будете довольны... Вот увидите...

— Что в городе, что в кишлаке все решают деньги, дорогой Кабир. Деньги в руках сильных людей. У них и деньги, и все остальное, и государство никак не может до них добраться.— Бадалбек подмигнул, что означало: «Всем здесь рты заткнули. Если нужно, и я могу купить половину города!..»

— Если ферма такая прибыльная, то председатель колхоза миллиардер, наверное? — спросил Кабир, приоткрыв рот от удивления.

— Черта с два! — махнул рукой Бадалбек.— Жадный, ничтожный человек: станет властителем страны — и то ничего не сможет собрать, Кабирджон. Завистники думают, что я пожираю колхозный скот. Слепцы! Колхоз пожирает мой скот!

— Как? У вас так много скота? — опять удивился Кабир.

— Нет, скота у меня и не так-то много, но... Вот, послушай. Чтобы сдать скот на мясо, привозим его на комбинат. Везём за сто двадцать километров! Да ещё у ворот комбината приходится ждать неделями. За это время каждый откормленный бык теряет в весе до 25 килограммов. Дальняя дорога, без корма, лишь бог знает, как на одной воде скот остаётся жив. Комбинат

в случае задержки должен платить штраф, но он этого не делает. Скот попадает на комбинат, его сразу взвешивают. Если весовщик будет честно принимать скот, как комбинат покроет свои убытки?! На комбинате работают пятьсот рабочих. Если каждый из них ежедневно вынесет килограмм-два, то украдена уже тонна. А там ещё и начальство, разные ревизоры. Как возместить эти потери? За счёт колхозов и совхозов. Но я не терплю, когда меня обманывают. И скот сдаю, пока он не исхудает, и штраф с комбината выбиваю, и заставляю честно взвешивать. Понял? В прошлом году за счёт штрафов я отнёс в совхоз накладную, что сдал восемьдесят баранов, и тем самым колхоз выполнил план сдачи мяса. Видишь, колхоз мой скот пожирает. Другие быков весом в четыреста килограммов сдают по двести-триста! Э, Кабирджон, руководители района тоже не без головы. Они прекрасно понимают, что усердиями таких, как мы, держатся на посту и справляются со своей работой. Я вот что тебе скажу,— Бадалбек склонился к Кабиру и понизил голос,— я не последний винтик в этой машине. Вот и сейчас я не зря торчу в городе: некоторые фонды заново проверяют. Древесина нужна. Власти одним росчерком пера сотворяют пустыню и создают озера... Но жаль, что люди не ценят моих заслуг, Кабирджон!.. План сдачи колхоза по мясу не так уж и мал, сдай мы все колхозные стада на мясо, и то не смогли бы выполнить план...

— Но как же вы его выполняете?

— Все беды принимаем на себя... У народа покупаем...

— Ну вот, есть же выход.

— Это нелегко, дорогой. На базаре говядина шесть рублей, кто захочет продавать мясо по полтора рубля?

Вот такие узлы могу только я распутать. К примеру, как кормовые продаём мы по государственной цене отличные сорта пшеницы или риса. А потом по цене хорошей пшеницы и отличного риса покупаем у них обратно. Весь этот обмен только на бумаге... Ладно, ты ещё в таких делах не разбираешься, друг, зачем тебе забивать голову.

Они съели шашлык из мяса и печени шестимесячного ягнёнка и с слегка поджаренным курдюком. Бадалбек снова заказал коньяк «Наполеон», но его уже не оказалось, вынуждены были довольствоваться «СК».

Потом Бадалбек несколько раз взглянул на двух молодых женщин, сидевших за столом с мужчиной, попивая шампанское, и знаком подозвал официантку.

— Валя-ханум, послушай, а вон ту... с причёской, как петушиный гребешок, уговоришь?

— Я ее не знаю...

— Ну, сделай что-нибудь, подсади за наш стол.

— Но, может, с нею муж?

— Хорошо, позвони Шоколадке, и чтобы в мою комнату отнесли коньяк и шашлык.

— Этой ночью не смогут прийти, атас.

— Э-э, не морочь мне голову!.. На, возьми,— Бадалбек бросил на стол несколько новеньких двадцатипятирублёвых купюр.— Через час чтобы была на месте. Я пойду провожу этого молодого человека. Поняла?

Они, поддерживая друг друга, шатаясь, вышли из ресторана; Кабира Бадалбек называл то «братом», то «сыном», а Кабир его — и «брат», и «амак».

Кабир был пьян, но голова кружилась не только от коньяка, но больше от обещаний Бадалбека. Когда наступало просветление, он думал, что тот обещает с

пьяных глаз. Однако Кабиру очень хотелось верить в исполнение этих обещаний, и он силой воли отгонял от себя сомнения. Ему казалось, что он из однообразного, тусклого мира попал в мир необычный, многоцветный, и он ни за что не хотел уходить из него. «Повезло мне, надо держаться за него. Удача только раз улыбается человеку, только раз! Занджир хорошая девушка, красивая, но с такой женой я ничего не добьюсь. Не зря говорят, если берёшь глину, то бери с высокого холма. Сейчас главное — Бадалбек. А что если я не понравлюсь его дочери, или она связана словом с кем-нибудь? Ну и что?.. Как говорит ее отец, какое моё дело, захочет она или нет. Я из-за ее отца на ней и женюсь. Главное, чтобы он сдержал своё слово. Вообще-то, где этот деревенщина найдёт зятя лучше меня?...» — убеждал себя Кабир. Ему казалось, что он давно знает Бадалбека, связал свои надежды и чаяния с ним и мысленно верил в их исполнение. Кабир как-то заслал сватов к девушке в своём квартале, но им отказали. Выдали ее за сына какого-то директора, что очень разозлило Кабира. Теперь он представлял себя зятем Бадалбека, как он с его помощью сделает карьеру и как тогда те люди будут жалеть о своём отказе.

Кабир часто смотрел на золотые часы, которые Бадалбек подарил ему. Старые часы Кабира Бадалбек опустил в карман, а затем незаметно бросил в урну. Кабиру казалось, что, начиная с сегодняшнего дня, золотые стрелки часов начнут отсчитывать счастливые и удачливые минуты его жизни.

17. ФОТИМА

Кабир до сих пор никого по-настоящему не любил. Он просто тянулся к Занджир, а скромное положение ее родителей угнетало его. При встрече и разговоре с девушкой он не чувствовал волнения, ночами спал спокойно, не вздыхал. Обычаи и традиции казались ему нелепыми предрассудками, история народа и родины были всего лишь скучными школьными предметами. Он считал себя исключительным человеком, рождённым для великих дел. «Я хочу жить весело, красиво, а мне говорят работай».

Кабир пришёл посмотреть на дочь Бадалбека. Он тщательно готовился к этой встрече: накрахмаленная, в мелких точечках, будто осыпанная просом, рубашка, новый красный галстук, праздничный костюм. Напомаженные, тщательно причёсанные волосы.

Фотима была холодна и спокойна, держалась с достоинством. Она не была красавицей, но ее нельзя было назвать и дурнушкой. Стройная, черноволосая, с гордым взглядом темных глаз... Некоторым нравятся именно такие девушки, скромных они не признают; И в первую очередь смотрят, как одета. Фотима была одета во все импортное, а за стоимость серёжек можно было сыграть целую свадьбу. На пальцах поблёскивали кольца.

Когда Кабиру незаметно показали Фотиму, он скорчил недовольное лицо. Смуглая, плоское, невыразительное лицо, большой нос картошкой. Подкрашенные синим веки, густо намазанные ресницы, искусственный румянец — все говорило об отсутствии вкуса. Лишь волосы у Фотимы были красивыми, но и тут сама себе подпортила: укоротив их, она невольно укоротила и без того толстую шею.

Кабир сравнил ее с Занджир и очень расстроился. Многим девушкам было далеко до Занджир, не только Фотиме.

Кабир поставил себя рядом с Фотимой и решил, что он намного красивее ее. Среднего роста, хорошо сложенный, с приятным открытым лицом. Он нравился многим.

И товарищ, показавший ему Фотиму, туманно намекнул, что она ему не пара!

И вот он во второй раз увидел Фотиму. Девушка стояла на остановке, видимо, дожидалась кого-то. Сначала Кабир хотел подойти к ней и познакомиться, но, увидев, что она нетерпеливо поглядывает на часы, отказался от своего намерения. И правильно сделал. Не прошло и пяти минут, как появился рослый парень с пышными, закрученными «подковкой» усами. Подойдя к девушке, он бесцеремонно обхватил ее своими длинными руками и поцеловал в лоб. В глазах Кабира потемнело, будто ему неожиданно дали пощёчину. Так и стояли обнявшись, беззаботно разговаривали. Фотима, подняв голову, касаясь губами подбородка усатого, что-то говорила ему. Окружающие не скрывали своей неприязни к ним. У таджиков не принято вести себя так свободно на людях. Пожилым претило такое бесстыдство и невоспитанность, а молодёжь считала в порядке вещей.

Парень остановил машину, и они уехали. Кабир, не зная, что делать, некоторое время стоял на месте, потом зашагал по дороге. Настроение было испорчено. Иллюзии рассеялись, им овладела злоба. «Уродина, а туда же,— размышлял он, представляя, как она разговаривала, касаясь губами подбородка парня с подковообразными усами.— Жаль, сбилась с пути

девчонка. Недаром говорят — деньги зло». Он забыл в эту минуту, что и сам упорно стремится к этому злу. А ведь у Бадалбека ещё есть дочери...»

Кабир мучился этими мыслями и ночью, но утром успокоился: обещания Бадалбека одержали верх над самолюбием, и он сказал себе: «Гуляла, так гуляла, мало, что ли, городских девушек ходят с парнями?.. Многие гуляют тайком, но не все выходят замуж за любимого... Отказаться из-за этого от шикарного дома и машины, от должности — просто глупо. То, что она гуляет, мои родственники не знают, а может, не знают и знакомые. Ну, а если кто и видел из наших, можно выдать усатого за какого-нибудь родственника...»

Вот так впервые Кабир силой воли, а скорее, алчностью, приглушил в себе голос чести.

Через два дня он снова отправился в институт к Фотиме, но она с подружками торопилась куда-то, и Кабир не сумел представиться и поговорить с ней и опять вернулся ни с чем.

В следующий раз Кабир встретил Фотиму опять с усатым и сел за ними в автобус.

Он встал как можно ближе к ним и уловил отрывки из разговора.

Фотима. Где пропал, бродяга? Преподаватель тебя искал... Что случилось?

Усатый. Не сейчас. Нет выхода. Отец...

Фотима. А ты найди... Пожалеешь...

Усатый. Что мне делать? Скажи...

Фотима. Разведись, и все. А если...

Усатый. Отец... не хочет...

Фотима. Погубишь себя...

Усатый. Ну, сделай что-нибудь.

Фотима. ... не сделаю.

Усатый. Сейчас нет возможности. Хочу, но...

Фотима. Тебе же будет хуже... Мне уже поздно...

Кабир из подслушанного разговора понял, о чем идёт речь, и растерялся. На остановке он выскочил из автобуса и решил выбросить из головы эту затею. «Что поделаешь, если не везёт. Он соблазнил ее. Как теперь возьмёшь ее в жены? Обычно такую новобрачную немедленно отправляют обратно в дом ее родителей. Нет, сначала позовут ее родителей, родственников, покажут им белую простынь, осрамят, потом скажут: «Уведите свою дочь». Лет пять назад в нашем квартале женился сын пекаря. Девушка оказалась подпорченной. Какой тогда поднялся шум! Родители среди ночи увезли свою дочь со всем ее приданым. Старики молили всевышнего избавить их от подобного позора, некоторые блюстители нравственности плевали в сторону грузовика, на который грузили вещи несчастной. Мальчишки бросали камни вслед, насмехались. Бедные родственники неудачницы глаз не могли поднять. Нет, родители не простят ни меня, ни невестки. Какой же я невезучий, за что ни возьмусь, все валится из рук, летит прахом. И посоветоваться не с кем».

Это в общественных делах хорошо советоваться, например, о реконструкции фабрики. Уже два года обсуждают, но не могут прийти к единому решению. Видите ли, они хотят, чтобы и атлас выпускали в нужном количестве, и новый цех пустить с новым оборудованием. Дядя Лочин как-то смеясь сказал: «Не знаю, то ли плуг тянуть и пахать землю, то ли родить и вырастить телёнка? Говорят, и землю паши, и телёнка роди...». Не дашь плана, не будет премии... Да, кстати, надо бы посмотреть на дочерей Бадалбека, живущих с ним в кишлаке... Эта мысль подбодрила Кабира, и он с облегчением вздохнул.

Кабир не знал, как сказать обо всем Бадалбеку. Собственно, он незнаком с ней, и говорить с отцом о поведении его дочери просто будет глупо с его стороны. Может, все же встретиться с ней?

Фотима вышла из института со своими подружками. Девушка заметила заинтересованный взгляд парня и даже несколько раз краем глаза посмотрела на него. Кабиру она показалась привлекательной, а взгляды укордкой ей очень шли.

Потом девушка неожиданно остановилась и под каким-то предлогом вернулась в институт. Мысли Кабира рассыпались, как бусы: наверное, не понравился ей. Но сердце подсказывало: девушка заметила тебя, заинтересовалась.

«Да, она была бы неплохой женой, если б не оступилась. Все равно дождусь и поговорю с ней. А вдруг обидится и оскорбит меня? У таких гордости хоть отбавляй. Считаю себя чуть ли не принцессами. Начитаны, много знают, особенно будущие медики...»

Кабир нетерпеливо ходил взад и вперед у института. Он был уверен, что Фотима заметила проявленный к ней интерес и вернется.

На крыльях мечты он вознёсся так высоко, что не заметил, как желаемое стал принимать за действительность. Корысть одолела сомнения. Теперь на все он смотрел глазами Бадалбека, хотя и не совсем ещё осознал это. Скажи ему сейчас об этом — он даже возмутился бы. Кабир закончил институт, имел высшее образование, но культурным, интеллигентным человеком его нельзя было назвать. И самостоятельным тоже. Ему был необходим умный наставник, который научил бы его отличать добро от зла, хорошее от плохого.

Наконец Фотима вышла из института, и Кабир смело пошел ей навстречу. Девушка, увидев его, чуть улыбнулась, продолжая путь.

— Здравствуйте, Фотима... Я пришёл повидаться с вами. Уделите мне минутку...— Кабир хотел быть спокойным, но не смог. «И что это я так волнуюсь, и перед кем?» — пронеслось у него в голове.

— Со мной?— удивилась Фотима, останавливаясь и жеманно поведя плечами. Губы насмешливо кривились, глаза изумлённо округлились. Хотя Фотима была наслышана о Кабуре, но играла свою роль великолепно.

— Вы ведь дочь Бадалбек-амака? — спросил Кабир, чтобы иметь возможность представиться.

— Вы знаете моего отца?.. А я вас вижу впервые...

— Мы познакомились недавно. Наверное, мало сказать, что мы знакомые... Мы как братья... А может, и роднее того.

— Да, да, он что-то говорил о вас...

— Я закончил экономический факультет, работаю на фабрике... Прекрасный атлас, который так любят девушки, ткнут у нас.

Они медленно шагали по дороге. Не прошло и пяти минут, как Кабир заметил, что рассказал девушке не только автобиографию.

— Хорошо, зачем отец прислал вас ко мне? — Фотима не хотела упускать нить разговора и уверенно повернула его в нужное русло.

— Как зачем? Просто так... Познакомиться,— растерянно пробормотал Кабир.

— Странно,— продолжала играть Фотима, а заодно проверять и свои чары на этом юноше.

— Для чего знакомят парня с девушкой? Сами знаете,— сказал наконец Кабир, взяв себя в руки.

— Странно,— Фотима кокетливо пожала плечами, мечтательно глядя мимо парня.— Ну вот, мы с вами познакомились. Что дальше?

— Может, ходим в кино?— нерешительно предложил Кабир.

— Ну и странный же вы человек,— засмеялась девушка.— Будто с луны свалились... С вами в кино? Но я же совсем вас не знаю.

А Кабир тоже удивился: «Совершенно другая, будто не она была с тем усатым парнем. Она мило кокетничает, у неё хорошие манеры. Сразу видно городское воспитание. Если бы Занджир умела так держаться, цены бы ей не было».

— Нам нужно узнать и привыкнуть друг к другу, а может, и понравиться... Посмотрим фильм, обсудим его... Ведь мы ничего не знаем друг о друге... Может, и не стоит встречаться...

Кабир думал, что он достаточно ясно выразился, и девушка сейчас ему скажет, что ей надо поговорить с отцом.

— Я ни с одним парнем не ходила в кино, даже с братишкой...

Девушка говорила так искренне, что невозможно было ей не поверить. Кабир стал сомневаться: «Наверное, я ошибся, эта девушка чиста, как молоко... А я, не разобравшись, так плохо подумал о ней. И даже ее отцу намекнул об этом, будто видел ее в постели того парня. Был бы на его месте другой мужчина, свернул бы мне челюсть. Какое хладнокровие и выдержка у Бадалбека! Вот это настоящий мужчина! «Сначала познакомься, поговори, потом уж и выноси приговор»,— сказал он тогда».

— Честно говоря, я по договору с Бадалбек-амаком пришёл к вам. Если вы не хотите ближе познакомиться

со мной, объясните это своему отцу. В таком возрасте каждый к чему-то стремится, на что-то надеется, и это не грех.— Кабир овладел собой и теперь взвешивал каждое своё слово.

— Я удивляюсь вашим словам,— задумчиво сказала Фотима, не отрывая глаза от дороги.— У вас высшее образование, а говорите...— смущённо улыбнулась, показав золотые зубы.

— Не смейтесь над моими словами,— прервал ее Кабир.— Я пришёл, чтобы увидеть вас... Если наши звезды сойдутся, может быть, мы свяжем наши судьбы...

— Медики привыкли к точности. Говорите яснее, с какой целью пришли? — перебила его Фотима, пристально всматриваясь в лицо Кабира.

— Цель?.. Бадалбек-амак... хочет принять меня в сыновья...

— Ах вот почему вы так самоуверенны! — Фотима кокетливо состроила глазки и засмеялась. Потом протянула руку:

— Ну, прощайте, Кабир-ака. Я очень тороплюсь. Меня ожидают в больнице.

— Когда можно вас увидеть?.. Завтра в половине седьмого я освобождаюсь с работы...

— Ну-у, я же сказала.— Фотима не хотела резким отказом обидеть парня, но и обнадежить не могла.

— Завтра мы должны встретиться. Зачем тянуть? Пожалуйста, Фотима,— Кабир произносил слова со значением, и девушку удивила их загадочность.— Если завтра не придёте, пожалуйста, позвоните отцу и скажите ему об этом. Пусть ваш отказ он услышит из ваших уст.

— Посмотрю...— Фотима недоуменно пожала плечами. Было ясно, что это движение она заучила давно. И у неё оно получалось довольно красиво.

Последние слова Кабира насторожили. Фотиму. «Не так-то он прост, как кажется. И, видимо, кое-что знает обо мне...» — подумала она.

...Родители Фотимы давно махнули рукой на неё, а девушка в ответ иногда чувствовала неприязнь к своей семье. Она считала причиной всему своё культурное превосходство и отсталость родителей. Фотиме были безразличны печали, радости и вообще вся жизнь ее семьи. Она стояла в стороне от всего настолько, что даже не приходила на свадьбы и похороны близких. Дорогие подарки, бесконечное баловство отца она принимала, как должное, и все требовала у него денег, денег, денег. Иногда просила и довольно большую сумму, и находила объяснение своим запросам. Бадалбек, опасаясь, как бы не оттолкнуть ее, и надеясь вернуть в семью, а может быть, по другим соображениям, ни в чем не отказывал ей. Баловать он ее баловал, а в душе страдал от легкомыслия дочери. Дома он, тяжело вздыхая, с горечью говорил жене: «Черт знает, что происходит с этой девчонкой? И в кого такая ветреная и неблагодарная?!» В тайниках души, возможно, и воспринимал он это как возмездие за все им содеянное. Все воздаётся судьбой, добром за добро, злом за зло...

18. КАБИР И БАДАЛБЕК

На следующий день после работы Кабир у ворот фабрики увидел Фотиму. Кокетливо улыбаясь, девушка взяла его под руку так, будто они давно были знакомы, и не только знакомы, но в близких интимных отношениях. Так как меньше всего ожидал встретить здесь Фотиму, он очень растерялся, даже в лице изменился. Придя в себя, он поспешил увести девушку подалее от любопытных глаз.

Фотима затараторила:

— Я вчера долго обдумывала ваши слова. Клянусь, сначала была очень удивлена и не могла понять, как вы могли остановить меня на улице и так разговаривать со мной. Я даже рассердилась и вечером позвонила домой. Не знаю, чем вы так очаровали моего отца. Я ему сказала, что жду сватов от другого, но он даже не захотел меня слушать. Жестокий народ в селениях. «Я выдам тебя за Кабира, и все! Если откажешь, ты не моя дочь!» — сказал он и положил трубку. Кто же смеет послушаться родителей? И я так воспитана... Да, кстати, не принимайте так близко к сердцу мои слова о других сватах. Ухаживали за мной разные, но никто мне не нравился.

Кабир несколько раз хотел спросить Фотиму о том парне с закрученными усами, но не решился. «К чему? Ведь я несколько раз намекнул, что в курсе ее дел, а она никак не отреагировала. Если б была виновата, смутилась бы, покраснела... Или так мастерски притворяется?.. Посмотрю, что скажет ее отец...»

Теперь Фотима каждый день встречала Кабира у ворот. Прознав об этом, женщины и девушки с фабрики группами выходили поглядеть на его избранницу. Однажды вышла и Занджир, увидела их вместе, засмеялась и ушла.

Через несколько дней Занджир, встретив Кабира во дворе фабрики, многозначительно сказала:

— Кабир-ака, а вы не хотите усы отпустить? Говорят, некоторым девушкам нравятся усатые парни. Отрастите длиннющие усы, и тогда увидите, как успешно пойдут ваши дела.

Занджир засмеялась и убежала. Ее голос несколько дней звенел в ушах Кабира, тревожил его. Насмешка девушки совершенно лишила его покоя. Кабир стал избегать встречи с Занджир.

Прошло более двух недель со дня знакомства молодых людей, и Бадалбек приехал на фабрику к Кабиру. Кабир был очень занят, но поддавшись уговорам гостя, сказался больным и ушёл с работы. Заехали к нему домой, оставили тушу барана, чему Кабир не особенно-то обрадовался. Он ещё окончательно не решил, как быть с Фотимой. Бадалбек или не чувствовал настроения спутника или притворялся. Доехав до какого-то дома, он достал из багажника мешок и несколько тяжёлых ящиков, отдал все хозяину, потом зашёл в какое-то учреждение и надолго исчез. Позже они долго бродили в поисках директора техстанции: для какого-то друга Бадалбек искал корпус от «газика».

Кабир был мрачный и недовольный, на вопросы Бадалбека о Фотиме и Занджир отвечал неохотно.

К обеду Бадалбек закончил свои дела и повернул машину в сторону Варзобского ущелья. Даже чудесный пейзаж не мог улучшить настроение Кабира, Он не знал, как ему себя вести. Фотима с ним была скромна, застенчива, сдержанна. Он даже стал сомневаться — не ошибся ли? Помогла ему жена друга, тоже учившаяся в мединституте. Она подтвердила легкомыслие Фотимы. Кабир решил, что

все теперь зависит от Бадалбека. Если тот согласится выдать за него свою младшую дочь, которая учится в школе в кишлаке, то он осчастливит его, а так этот номер не пройдёт.

Бадалбек хорошо знал, как заставить Кабира заговорить,— надо молчать, выждать. Миновали Кондару, и тогда Бадалбек остановил машину у придорожного кафе.

Стол и два стула были поставлены на берегу реки, в тени ивы. Не прошло и нескольких минут, как принесли шашлыки, и путники принялись за еду. После нескольких рюмок настроение у Кабира поднялось, и он с горечью стал рассказывать о недостойном поведении Фотимы.

— Стоит так из-за этого огорчаться? — Бадалбек скрыл свою растерянность и, обняв расстроенного парня, поцеловал его.— Не горюй! Пока есть я... Пока я жив, не тревожься! Все сделаю, как следует. Все будет хорошо.

Кабир, разинув рот, смотрел на него. Он решил, что Бадалбек неправильно его понял. Но из его последующих слов стало ясно, что он прекрасно знает, о чем идёт речь.

— В таком возрасте нет разумных, Кабирджон! Нет!— Бадалбек понизил голос и, подсев ближе к Кабиру, ласково сказал ему: — Раскрепостив женщин, мы дали им свободу... Ты мне скажи, какая из них не поддаётся соблазну? Нет таких, чтобы не поддались!.. Не расстраивайся, ты будешь вознаграждён.— Он хитро подмигнул.— Будь спокоен.— Бадалбек наполнил рюмки.— Давай-ка выпьем, а потом я тебе открою одну тайну, мужскую тайну...

Кабир хотел вникнуть в слова Бадалбека, так сказать, расколоть этот крепкий орешек и попробовать на

вкус его содержимое, но от выпитого мысли его путались. Но даже в таком состоянии дошёл-таки смысл омерзительных слов собеседника, и теперь сидел он злой и недовольный, словно проглотив косточку. «Я бежал из грязного мира торгашей и подлецов, получил высшее образование и специальность, но и чего добился? Неужели во мне нет и капельки благородства? — огорчённо размышлял Кабир.— Бадалбек во много раз подлее, бессовестнее и наглее наших торгашей. Будь вором, но будь «честным» вором, а не двуличным циником. Что же все-таки делать, как быть? Так я никогда не выбьюсь в люди, не займу должное мне место. Как бы ни было, нужно добраться до верхов! Тогда можно жить по-человечески. И красивые девушки, и лучший коньяк станут моими. Наконец-то и у меня открылись глаза, и я, как и многие в республике, смогу пользоваться благами. Торгаши снимают сливки, объедки достаются остальным. Ничтожества! Настанет день, когда я вам покажу, как надо жить! В общем-то, Бадалбек хорошо приспособился. Он благодарен судьбе, говорит, что доволен жизнью, хвалит законы и постановления правительства, произносит речи о разуме и совести, о правде и справедливости, ругает капитализм и капиталистов... Да так искренне и серьёзно, как будто всю жизнь жил и мучился среди них».

— Послушай, Кабирджон, я открою тебе тайну,— Бадалбек дёрнул его за рукав, и Кабир очнулся.— Как только выключил свет и лёг в постель... все они одинаковы!— он уставился пьяными глазами в лицо Кабиру и захихикал.— Поверь мне...

От его пьяного смеха парню стало тошно, он смутился, и хотя был пьян, ему был противен этот человек. Он начал вилкой постукивать по тарелке,

стараясь не показывать своё отвращение к нему. Затем отложил вилку и стал барабанить по пустой рюмке, рассуждая про себя: «О боже, и я хотел взять в жены дочь подлеца? Станет порядочный человек говорить такие вещи своему будущему зятю? И все из-за того, что мечтаю о роскошной жизни, которой не достичь честным путём. Хотел ведь жениться на хорошей девушке из порядочной семьи, чтоб не стыдно было показаться с ней. И вот тебе... Сидит напротив бесстыжая рожа!..»

— Эй, Кабирджон, не волнуйся, не пожалеешь. Никогда. Ты молод ещё, подумай о будущем. Не надо из-за блохи жечь одеяло. Вы с Фотимой хорошая пара. Кто в молодости не делает глупостей? Кто? Я полюбил тебя, братец, а ведь многие хотят стать мужем моей дочери! А я хочу тебя в семью, чтоб ты был моей опорой. Ты дельный парень, воспитать тебя — и выйдет толк. Поверь мне, я полюбил тебя. Было бы десять дочерей на выданье, сказал — выбирай любую. Жаль, остальные малы ещё. Ты из-за меня женись, не думай о Фотиме, и я тебя осчастливлю! Ты мой зять! И никаких разговоров! Завтра же начнём готовиться к свадьбе! Дай руку!— Бадалбек пьяно хлопнул по ладони Кабира.— Ну, согласен?

— Я ещё не советовался с родителями. Они, не проерив, не увидев, не согласятся.

— Правильно говоришь, дорогой Кабир. Говорят, благословение отца равноценно божьему согласию. Благословение родителей помогает в достижении цели. Твой отец, Кабирджон, современный, умный человек. Несколько раз мне с ним довелось беседовать; и я это понял. Хорошо, что в городе нет глупцов. Глупый человек в городе обязательно спивается. Или неверно говорю? — Бадалбек уставился на Кабира.

— Верно, говорите... Я сейчас... э-э, своё желание э-э, скажу, должен объяснить э-э... родителям,— пьяно бубнил Кабир, заикаясь.— Если они не против... конечно,..

— Ничего,— прервал его Бадалбек.— Ни-чего сейчас... Поедем к тебе! Поедем? Поедем! Я скажу там: ваш Кабир... наш зять, наша дочь — Биби Фотима — ваша невестка. Все. Сразу скажу: молодые люди уже между собой договорились, теперь дело за нами! Все! Насчёт свадьбы не беспокойтесь, я сам все улажу! Мне покровительствуют святые подвижники!

Он вынул из кармана пачку денег, отделил часть красных купюр и положил перед Кабиром.

— Возьми, положи в карман... Пригодится,— сказал он, пьяно моргая глазами.

— Э-э! Зачем!.. Да-а у ме-ня есть деньги.

— Сказал возьми, бери!.. Не будь мелочным. Впредь в карманах у тебя всегда будут деньги. Если у человека в кармане пусто, то и слова его ничего не стоят. Да, запомни это!

— Я... э-э, есть деньги!

— Э-э, милый Кабирджон! На зарплате не напасёшься на такси! А мой зять не будет толкаться по автобусам! Да! Так... сейчас поедем к тебе и поговорим о свадьбе. Все! Аминь! — Бадалбек, шатаясь, поднялся с места.

Бадалбек был пьян, но разума не потерял: все видел и слышал, как дикий зверь. Он заметил, что Кабир не может встать, взял его крепко за локоть, поставил на ноги и, говоря что-то бессвязное, потащил его к выходу.

19. КАБИР

Утром следующего дня Кабир открыл глаза. Чувствовал он себя отвратительно. Его тошнило, во рту было горько, трещала голова, в горле першило, болела грудь. Особенно мучила его тошнота. Ко всему этому он сильно был зол на Бадалбека и его дочь, решил, что они подлее всех подлецов на свете. Были бы эти негодяи сейчас здесь, высказал бы им всю правду в лицо никогда бы не пожалел об этом. А может, и пожалел бы, но... Как же низко он пал: сослуживцы, однокашники, друзья будут смеяться над ним, нет, скорее всего начнут презирать его, узнав, на ком он женился... Прощай, милая Занджир... Теперь увижу ее только во сне! И чего я достиг таким образом? Чего?

Неизвестность, жизнь с падшей женщиной, как тисками, сжимали его сердце. Кабир вертелся в постели, к зверь, попавший в капкан, он кусал губы и стонал. Потом рассердился на родителей, на Занджир за то, что она не поняла его, на, сослуживцев, в общем на всех, кого знал. Он завидовал им, даже их маленьким неурядицам, проклинал своё безволие. В бешенстве он стал рвать волосы. Дверь приоткрылась, и мать спросила:

— Кабирджон... ты уже проснулся? Не опоздаешь на работу?

— Проснулся... Не опоздаю,— он раздражённо натянул на себя одеяло.

Мать была поражена событиями последних дней. Бадалбек не понравился матери. Поэтому она не сказала о нем ни единого доброго слова. Плохих тоже не говорила. Вся семья знала, что если мать молчит о ком-нибудь, значит, человек этот ей не по душе. Зато Бадалбек понравился отцу. Даже не повидав невесту, сказал: «С таким человеком стоит породниться, яблоко от яблони далеко не падает». Но мать сидела, покачивая в задумчивости головой. Лишь сказала: «Надо бы сначала разузнать все, познакомиться, спрашивать людей, соседей...» Против воли своей она согласилась с мужем и сыном.

«Ну что ж, если тебе она понравилась. Что я могу сказать? Нынешняя молодёжь теперь сама все решает. Мне была по душе Занджир. Женщины квартала говорят о ней столько хорошего... Ладно, что поделаешь, слушайся своего сердца, сынок. Вот подружка моя — Хосият портниха, не согласившись с желанием сына, женила его на дочери своей сестры, и как теперь жалеет об этом! Две сестры, а из-за детей как чужие, не разговаривают. Сестра живёт богато: две машины, хороший дом, украшенный резьбой, с подвалами. А сын сошёлся с уличной девкой и ушёл из дома...» — говорила мать.

Кабир думал, думал, и с каждым мигом его отвращение к Фотиме возрастало. Ему казалось, что эта бесстыжая девица встала на его пути. Если б не она, Бадалбек выдал бы за него другую дочь. Тогда бы его счастье было полным и безоблачным, как: весеннее небо.

«Хоть бы кто-нибудь из ее усатых поклонников пырнул ее ножом, и я бы освободился...» — возмечтал вдруг Кабир. «Подковоусый», узнав, что она выходит за меня, обрадуется, что безболезненно избавился от

неё. Его жена и дети должны всю жизнь благодарить меня. Ведь Фотима уж постаралась бы отбить его. Например, пожаловалась бы дирекции института. У него жена и дети, а он обманул девушку. Значит, недостоин звания врача — и его исключили бы из института. Если бы скрыл, что женат, пришлось бы жениться на ней... Эх, ударила ж меня судьба по темечку, да так, что...»

Кабир попытался думать о приятных вещах. Став зятем Бадалбека, заживёт он красивой жизнью. Стоит ли трепать себе нервы... но ничего не вышло. Вспомнил, что сейчас пойдёт на работу и встретит Занджир, ее подружек, и они с ехидной усмешкой отвернутся от него. От этого он ещё больше расстроился. Ему не хотелось видеть Занджир. Он проклинал свою нерешительность, ее упорство. Если б сразу согласилась выйти за него замуж, он не встретился бы с Бадалбеком. Особенно его смущало то обстоятельство, что Занджир знала об отношениях Фотимы с усатым. Теперь фабрика для Кабира превратилась в ад.

Но он старался как-то утешиться. Вдруг все будет хорошо, и заживёт он с Фотимой полной счастливой жизнью. «Если я хоть раз после того, как встану на ноги, пожалею о своей женитьбе, то тут же покажу Фотиме на порог, разведусь... Тогда Бадалбек уже не сможет меня проглотить. Сейчас умные люди говорят: «Хочешь жить — умей вертеться», а это значит, любым путём устраивай свои дела. Вот у Нажмиддина не было ни одной четвёрки — все тройки, да ещё какие! Хуже двойки, вынужденные. Был пень пнём, а теперь заместитель директора завода. А все потому, что имел сильную руку. А Нозим был хуже его. Не мог написать даже заявления, на полстраницы делал

десять грамматических ошибок. Сейчас он работает в министерстве. Шодмон, окончивший с красным дипломом, как-то жаловался, что Нозим ничего не смыслит, а все лезет учить его, как нужно работать. И приговаривает: «Ты не обижайся на меня, я сейчас десятерых таких, как ты с красными дипломами, могу научить работать. Учёба одно, работа — другое...» Удивительно, те ребята, которые в годы учёбы были безразличны к занятиям и в основном тратили своё время на общественные дела, в конце концов стали большими людьми. А я, дурак, думал, что такие люди без глубоких знаний в первые же дни самостоятельной работы опозорятся. Ясно, что знания и мастерство нужны тем, у кого нет толкачей. Как поздно дошла до меня эта истина. Если б понял ее пять-шесть лет назад!..»

Вдруг Кабир вспомнил, что завтра должен поехать на сенокос. Ехала почти одна молодёжь. Наверное, и Занджир поедет. Некоторые ухитряются заpastись разными справками, придумывают всякие причины, чтобы не ехать, но она на такие дела не способна. Посылают на сбор хлопка, сенокос, на прополку, на уборку фруктов, строительство... Потом к концу месяца гонят, чтобы дали план. Оплачивали бы труд дехкан по справедливости, они сами убрали бы все. Мы хотим все получить даром, но не тут-то было — несём неисчислимые убытки... Интересно, кто будет старшим группы, отправляющихся на сенокос? Дал бы ему две бутылки водки, а сам сидел бы спокойно дома. Если назначат Довара, пиши пропало. С ним не договоришься. Придётся достать мяса и колбасы и идти к врачу, чтобы освободил.

Вдруг у ворот засигналила машина, и Кабир, будто увидев в постели скорпиона, выскочил из-под одеяла и быстро оделся.

Выглянув в окно, он увидел во дворе мать с Бадалбеком.

— Кабирджон...— Бадалбек пожал парню руку и погладил по нечёсаным волосам.— Быстро умывайся и поедем... Только не говори мне о работе, сделаю тебе больничный. Да, чуть не забыл, черт побери. Возьми с собой водительское удостоверение и паспорт. Обрато приедешь на своей машине. И Фотима здесь. Надо же и им познакомиться,— Бадалбек указал на мать Кабира, стоявшую поодаль, смущённо прикрывая платком лицо.

20. ДОВАР И ЗАНДЖИР

Занджир не стала дожидаться вечера и, не задерживаясь, направилась к палаточному городку, где они жили. Почему, потом и сама удивлялась. Может быть, просто подспудно захотелось до прихода товарищей посидеть в одиночестве, часок подумать, помечтать. Вообще-то ей необходимо было побыть одной, собраться с мыслями, проанализировать последние события своей жизни. А может, ее потянуло сюда желание встретиться с Доваром, кто знает? Правда, пока Занджир и Довар не были близко знакомы и разговаривали только о работе, но сердце ждало чего-то большего. Много весен повидала Занджир, но эта казалась ей сказочной, необыкновенной. Никогда ещё весна так не пьянила ее, не замечала она разноцветия ее красок, благоухания трав и цветов, услаждающих душу. Природа оживала, холмы и овраги украсились изумрудом кустарников, соцветием трав. Даже в

трещинах камней, принесённых селевыми потоками, пробилась роща.

Уже двенадцать дней, как Занджир работала на сенокосе, и не подозревала она до сих пор, что всего лишь в двадцати пяти — тридцати километрах от города есть такие первозданные, пленительные уголки природы.

Пятнадцать парней и девушек с фабрики работали в одной бригаде. Остальные восемь бригад прислали другие предприятия их района. Занджир удивилась, увидев здесь строителей, артистов, редакторов, учёных, врачей, журналистов, юристов и других людей самых разных профессий. Их сорок палаток составляли временный «палаточный городок».

Только здесь она получше узнала Довара. Говорили, что он побывал в командировке... Занджир редко видела его на фабрике, и ещё тогда ей понравилось, что он, как другие парни, не заглядывается, на девушек, не задирает их, а степенно проходит мимо. «Выдержан, спокоен, глаза серьёзные, знает себе цену. Молодец», — думала Занджир. Позже она узнала, что Довар из порядочной и очень уважаемой семьи. Его отец — учёный, химик, знаменитый профессор, и Довар пошёл по следам отца: провёл интересное научное исследование и защитил диссертацию. Потом, решив, что наука без практики — бесполезное дело, ушёл из академии и занялся на фабрике красильным делом. Он изучал методы работы других предприятий страны, два года усовершенствовался на шёлковых комбинатах Москвы, Ташкента, Баку. И разработал такую окраску шёлковых нитей, что сотканный из них атлас можно было стирать, и он не линял. «За такую работу, говорили женщины, он достоин самой красивой девушки Таджикистана».

Довара избрали бригадиром группы. Как все, он рано утром выходил в поле, скашивал положенные ему пять соток, а после занимался всевозможными организационными делами — питанием, баней, книгами и газетами, кино и концертами. Ему приходилось много ходить по разным совхозным учреждениям, расположенным далеко друг от друга. Он заботился не только о своей группе, помогал и другим, поэтому его хотели освободить от бригадирства и назначить заместителем начальника всего лагеря, но Довар отказался. Узнав про это, одни хвалили его и говорили, что если бы все начальники были такие, как он, не отстранялись бы от простых людей, то и дела шли бы по-другому. Но были и такие, что посматривали на него и думали, что таким путём хочет заработать авторитет и добиться всеобщего уважения... Хитёр, демагог... Другие не чернили и не хвалили, судили со своей колокольни: «Умный просто так не бросит академию и не пойдёт на фабрику. Молодой, да ранний: понял, что даже став академиком, не сможет жить так широко, как наш заведующий складом или директор. Далек пойдёт. Не потому ли недолюбливают его...»

Довар по утрам определял своей бригаде участок земли. Как правило, каждый старался выбрать себе клочок, где поменьше травы. Только Занджир молча стояла в стороне. Участок, на который никто не претендовал, доставался ей, а оставшийся Довар брал себе. Поэтому они часто косили рядом. Довар работал ловко, легко, делал все от души и по совести. И Занджир свои пять соток скашивала играючи. Довар обратил внимание на это и стал следить за ней: Занджир косила легко и свободно. Он иногда шутил:

— Соседка, не возьмёшь ли меня в ученики?

Занджир смущалась и, не зная, что ответить, тихо говорила:

— Ну что вы, муаллим!

— Вы так весело работаете, что я, честное слово, завидую вам. Сразу видно, что из дехкан.

«И этот, как и Кабир, видит во мне деревенщину!»— тайком вздыхала девушка и ещё энергичнее принималась за косьбу. Довар замедлял темп и продолжал:

— Знаете, собственно в городе мало коренных горожан, все мы выходцы из кишлаков. Мои бабушка с дедушкой тоже живут в кишлаке, летом я часто отдыхал у них. Может быть, связь с деревней и помогла мне многое понять в жизни. Горожане, не знающие природы, сельской жизни, по-моему, не могут быть хорошими биологами, зоологами, этнографами, писателями, и все им достаётся с большим трудом.

— Насчёт биологов и зоологов вы правы. Мои подружки не знают названий и особенностей даже самых обыкновенных трав, «Трава она и есть трава»,— говорят они. Но почему нельзя стать писателем?

— Не зная растительный мир, его особенностей, мир животных и птиц, не зная языка, обычаев народа, как можно писать?! Конечно, все можно изучить, но, как говорит Низами: «То, что само растёт — одно, а то, что создано руками человека, другое...» Если с детства связаны с природой, будете беречь ее, вы гармонично сольётесь с ней, будете различать аромат каждого растения, пение каждой птицы. Сейчас писатели, как и учёные, выбирают одну тему и работают только над ней. Один пишет о жизни села, другой о городских рабочих, третий о строительстве. Может, это и правильно, но...

Занджир представить себе не могла, что этот молчаливый, умный парень будет запросто разговаривать с ней на равных. Ей было приятно, что он выделяет ее среди других девушек, и она задавала ему один вопрос за другим, чтобы беседа не прервалась.

В такие мгновения Довар, глядя в большие, ясные глаза девушки, думал: «Какой чистый и невинный взгляд! Эти глаза не умеют лукавить и хитрить. Ее губы, наверное, никогда не кривятся в фальшивой и ехидной усмешке, ее искренняя улыбка покоряет своей непосредственностью».

Шесть месяцев назад появился Довар в цехе окраски, и рабочие заметили улучшения в работе, исчезли выговоры. Отметили они и его доброту, и внимание к людям. Когда у одного красильщика родился ребёнок, Довар получил в профкоме деньги, сослуживцы тоже собрали определённую сумму, и подарили коляску для новорождённого.

Занджир легко шагала по спуску, ее мысли были заняты Доваром. Сегодня она отстала от него, да и девушки ее заговорили, и поэтому свой участок она скосила позднее, чем обычно. Оказывается, ловкий сосед подгонял ее. Кроме того, Довар точил ей косу... Посмотреть на него — худощавый, слабый, с тонкой, как у подростка, шеей, ест мало, — откуда берутся силы? Все бегаёт да бегаёт по делам и никогда не устаёт...

Пока Занджир добиралась до лагеря, набежали черные тучи. Погромыхивал гром. Довар, обвязав два бочонка верёвкой, грузил их на лошадей.

— Не подвезли воду, — объяснил он, улыбаясь, заметив вопросительный взгляд девушки. — Как только портится погода, не привозят.

— Боятся, что ли, дождя?— спросила Занджир. Потом шутливо добавила:— Боятся размокнуть, как комок глины?

— Во время дождя холмы раскисают, образуется страшная грязь, и очень скользко. Только гусеничный трактор может проехать. Если вы не заняты, давайте вместе съездим к роднику и привезём воды,— попросил Довар.

Занджир удивлённо посмотрела на юношу, Довар покраснел и отвёл взгляд.

— Одна?— наконец спросила она после некоторого замешательства, представив, какие пойдут разговоры на их счёт после этого.

— Почему одна? Со мной.— Не понял Довар тревоги девушки.

— Вдвоём?

— Хорошо, и Олю возьмём с собой,— сказал он, чтобы успокоить девушку, и очень смутился.

Занджир ни разу в жизни не садилась на лошадь. Довар привязал по два бочонка к каждой лошади и дал уздечку Занджир и Оле.

Занджир отвела коня к куче дров, влезла на большое полено и с трудом забралась в седло. Довар предложил ей помочь, но она отказалась. Оле он подсобил, и она мигом очутилась на лошади.

Довар пустил своего коня рядом с лошадью Занджир и, чтобы не обидеть Олю, разговаривал по-русски. Трудные слова Занджир не понимала, и это очень огорчало ее. Довар, заметив это, пересказал одну историю на таджикском. Оказывается, Оля задала ему вопрос о знаменитых химиках, и Довар рассказал ей о немке Идде Нодак, известном химике, которая открыла рений — последний стойкий элемент таблицы Менделеева. В 1934 году Идда Нодак предложила

знаменитому учёному Гану посоветоваться с физиками, так как, видимо, ядро атома под воздействием нейтронов расщепляется на мельчайшие частицы. Ган улыбнулся, выслушав ее, и сказал, что если она не хочет надругаться над званием учёного, то пусть впредь никогда не высказывает таких «нелепых» предположений.

Занджир впервые слышала это имя и в душе похвалила ее за смелое предположение. Занджир видела, как свободно беседует Оля с Доваром на разные темы, и сердце ее болезненно сжалось: а я так не могу. Оля, закончив высшее образование, поступила работать в какой-то научно-исследовательский институт. Занджир поняла, что ей далеко до Оли и совсем расстроилась. Проницательный Довар переменял тему разговора и часто обращался с вопросом или объяснением к Занджир. От этого ей было ещё больнее.

Пять-шесть километров пути показались Занджир бесконечными. Она подумала: вот увидел бы ее Кабир и как же бы он разозлился! «Разве можно Довара с ним сравнить? Было бы хорошо, если б муж у меня был умным и образованным, помогал мне», — размышляла она.

Занджир и Оля по очереди наполняли ведра родниковой водой и подавали Довару, а он переливал их в бочонки, не снимая с лошади.

Они возвращались пешком, ведя лошадей в поводу. Оля впереди, за ней — Занджир, потом — Довар. Солнце завалилось за холмы, наступали сумерки. Тучи плотной завесой заслонили небо.

— Занджир, сколько у вас братьев и сестёр? — спросил Довар. И, узнав, что она самая старшая в семье, сказал: — Значит, вы баловень! Но по вас этого не видно.

— Как баловень? — прикрыв ладонью рот, засмеялась Занджир. — Не очень-то меня баловали...

Наконец черные тучи разразились громом, и полил дождь. Вмиг они промокли до ниточки. Негде было спрятаться: голые холмы — ни глыбы, под которой можно было укрыться, ни дерева, ни куста. Поэтому им было все равно, и они продолжили путь. Платье и шальвары Занджир сразу промокли и прилипли к телу, что очень смущало ее. Она все время одёргивала подол платья, старалась подальше держаться от Довара, но тот как бы не замечал ее состояния. Дождь лил всюду. Земля размокла, идти было скользко. Ноги лошадей разъезжались, они неуклюже приседали на задние ноги, а порой чуть не падали.

Довар считал себя виновником мучений девушек, поэтому шёл молча, не решаясь взглянуть в лицо своим спутницам.

Дойдя до высохшего русла ручейка, они увидели грязный бурный поток.

— Э-эге!..

— Вот это да-а! — в один голос воскликнули девушки.

— Да, в горах Пистазора прошёл сильный дождь, — сказал Довар и посмотрел в сторону гор, но за пеленой ливня увидел лишь их нечёткие очертания.

Это было грозное зрелище. Бешено мчащийся поток мог напугать даже смельчака.

— Садитесь на лошадей! — скомандовал Довар и, вскочив в седло, повёл за уздечку другую. — Не давайте воли лошадям! Следуйте за мной, след в след! — крикнул он после того, как лошади уже вошли в воду.

Довар не оглядывался на Занджир, полагая, что девушка, не смущаясь его, легко сядет в седло. Но как ни старалась она, цепляясь за мокрую шею лошади взо-

браться на неё не могла. Она растерянно поглядывала по сторонам, ища места повыше, но ничего подходящего не видела.

Оля и Довар перебрались через речку. Только теперь Довар увидел, в какое положение попала Занджир, и, ругая себя за свою беспечность, снова вошёл в воду и закричал:

— Сложите пополам уздечку, сделайте петлю и потяните один конец, а второй держите в руке! Вот так, смотрите на меня,— парень показал, как это надо сделать.

Ливень перестал, и дождь теперь, как сквозь сито, сеялся мелкими, ласковыми бисеринками. Оля медленно поехала по тропе. Довар убедился, что Занджир без помощи не сможет сесть на лошадь, вскочил на своего коня и перешёл через селевой поток. Он проворно сделал из уздечки петлю, перебросил через седло и крепко зажал в руке один конец. Занджир, смущаясь, вставила ногу в самодельное стремя и, схватившись за гриву, попыталась взобраться на лошадь, но повод оборвался, и если б не Довар, девушка плюхнулась бы в грязь.

— Занджир, давайте я вас подсажу,— предложил Довар. «Ишь, какая красавица! — подумал он.— Как милы ее беспомощность и смущение... И как чудно пахнут ее мокрые волосы...»

— Как? — не поняла Занджир, вопросительно взглянув на него.

— Вот так,— Довар одним рывком поднял ее и посадил в седло.

Занджир ойкнула и оказалась на лошади. Она опасно оглянулась. Оля была далеко. Занджир прикрыла лицо руками — так ей было стыдно.

— Извините меня, другого выхода у нас не было,— сказал Довар, садясь на свою лошадь. Потом добавил: — А ведь раньше в селениях жених невесту вёз домой на коне. Конечно, сейчас этот обычай почти забыт, теперь кортеж машин доставляет невесту в дом жениха. А вот мне посчастливилось...

— Что вы хотите этим сказать?— спросила Занджир, сдерживая улыбку.

— Перейдём через поток, и я вам отвечу,— сказал он многозначительно.

В глазах Занджир мелькнула искорка, губы расплылись в счастливой улыбке. Грех было не ответить на неё. Вряд ли кто осмелился бы обидеть ее невинное сердце, обмануть ее надежды, разлюбить или изменить. Сердце Занджир бешено колотилось, и она даже не слышала рёв потока. Она пришла в себя только тогда, когда лошадь уже стояла на берегу и отряхивалась.

Перейдя речку, они пошли пешком, ведя лошадей в поводу. Довар нагнал Занджир и взял ее за руку. Рука была холодна, как лёд.

— Занджир, вы же замёрзли!.. Как бы не простудились. Я дам вам водки, тут же ложитесь в постель, и пусть девушки разотрут вас. И оденьтесь потеплее. Вы взяли с собой тёплую одежду?

Занджир утвердительно кивнула и тихонько высвободила свою руку из его ладони.

— Я люблю вас, Занджир,— сказал он после некоторого молчания.— Днём и ночью думаю о вас. Я бы хотел, чтобы сенокос длился бесконечно, чтобы только быть рядом с вами. Если мои родители зашлют сватов, пожалуйста, не откажите им. Хорошо?

— Но мы же плохо знаем друг друга! И вдруг — сватовство? — Занджир посмотрела на Довара широко

раскрытыми глазами и засмеялась.— Вы не похожи на ветреника, но все же...

— Любовь не терпит преград и не подчиняется разуму. Проверять, выспрашивать — дело людей, далёких от любви...

— А как узнать, любовь это или нет?— полушутливо, полусерьёзно спросила Занджир.

— Посмотрите мне в глаза.

Довар схватил ее за руку и остановился. Занджир с удивлением взглянула на него. Некоторое время они стояли, пристально смотря в глаза друг другу. Два выразительных взгляда, полные ласки и тайн, полные вопросов и ответов... Потом Довар обнял девушку и хотел поцеловать, но она ловко выскользнула из его рук.

— Какой вы настырный!— крикнула она, отбегая.

Дождь прекратился, и ветер разгонял тучи. Холмы и пригорки медленно погружались в таинственную темноту.

— Что подумают о нас, если мы приедем вместе? — встревожилась Занджир.

— Что хотят, то пусть и думают. Я всем объявлю, что вы моя невеста и после сенокоса свадьба!

— Прошу вас, не делайте этого,— попросила Занджир.— Поспешись — людей насмешишь.— Она потянула за воротник прилипшее к телу платье.

— Мои сваты уже побывали в вашем доме...

— Как?

— Я давно люблю вас. Вы, как павлин, любуетесь своей красотой и никого не видите вокруг. Вот я и был вынужден.

— Ну и хорошо! Но сейчас я пойду одна. Не хочу сплетен и пересудов. Я вам верю... но...

— Ладно, идите. За этим холмом наши палатки. Я буду петь, чтобы вам не было страшно. Занджир, эти места на всю жизнь будут для нас святыми. Будем приходить сюда, и вспоминать наши первые слова о любви,— торопливо говорил он, боясь, как бы Занджир не убежала, не выслушав его. Потом вдруг весело запел: «Любовь будет рассказывать обо мне сказки на каждом углу...»

Занджир, ведя за собой лошадь, шла сама не своя, как во сне, и слышала только нежный голос Довара.

Показались огни палаточного городка, и Довар замолчал, но слова его продолжали звучать в ушах девушки. Сердце ее трепетало, как птица, попавшая в силлок. Занджир ладонями пригладил волосы, поправила мокрую косынку. Вдруг ей показалось, что все кругом изменилось: и горы, и холмы, и тёмное многозвёздное небо. От земли исходил нежный аромат счастья и покоя.

Она с восторгом смотрела на нежное разноцветье ранней весны. Природа таинственным языком любви разговаривала с ней, и сердце ее отозвалось ее покоем и умиротворённостью.

Придя в палатку, Занджир переделась, легла в постель и укрылась одеялом. Ей хотелось побыть одной и помечтать.

Оля принесла полбутылки водки и сказала, что Довар угощает их обеих.

Занджир сожалела, что не с кем поделиться радостью, а ей так хотелось поговорить о Доваре. Но разве выразишь словами трепет сердца? Нет, тот разговор и то, что произошло сегодня вечером на берегу ручья, не должна знать ни одна живая душа. Иначе пропадёт прелесть и сокровенность происшедшего.

В ту ночь Занджир долго не могла заснуть. Вертелась с боку на бок, глядела через отверстие палатки в темноту и на крыльях мечты уносилась к берегу бурлящей речки. Она чувствовала на своём теле руки Довара. Это волновало ее, сладко замирало сердце. В тиши этой пахучей весенней ночи она, наконец, поняла, что пришла к ней любовь.

— Вот оказывается она какая — любовь! — невольно прошептала девушка.

Вместе с первой любовью в сердце ее закрадывалась тревога. С одной стороны, Занджир не могла забыть радость встречи, с другой, боялась потерять своё счастье. «Я не достойна его, не знаю, за что судьба подарила мне его... Даже не верится», — без конца повторяла она про себя.

21. ЖАЛОСТЬ

Утро в общежитии всегда было шумным. Девушки сутились, торопливо умывались, завтракали, переодевались, толпились у зеркала, прихорашивались.

Пока Ирина и Салима наводили красоту, Занджир заваривала чай или кофе, варила яйца, жарила колбасу, в общем, готовила завтрак. И сегодня она разлила по пиалкам чай, и он остыл, а соседки все ещё были заняты туалетом.

— Вы что, к свадьбе готовитесь, что ли? Может, хватит, а!.. Теперь я поняла, почему наши предки придумали паранджу: чтобы женщины не тратили столько времени на туалеты и грим, — рассердилась на подружек Занджир.

— Милая Занджир, ты ещё молодая, для твоих щёк, глаз и бровей не нужна никакая косметика. Вот поживёшь — увидим...

По радио передавали сводку погоды по республике, в сообщении вклинился громкий, простуженный голос дяди Лочина: «Дорогие друзья, сослуживцы, ассалом алейкум... По поручению фабкома обращаюсь к вам с просьбой... Да, кстати... Я — дядя Лочин, все вы меня знаете. Так вот, что я хочу сказать: сын Барфи ранен. Тот, который два месяца назад вернулся из армии. Он потерял много крови. Жизнь юноши в опасности. Сами знаете, что у Барфи, кроме нас, никого нет. Ее муж три года назад погиб, когда взорвался котел... Врачи, значит, сказали, что нужно сдать кровь, тогда его можно будет спасти. В общем вот так, мы посоветовались и решили вызвать медработника на фабрику. У кого кровь второй группы, просим подойти к медпункту фабрики. Конечно, желающие...»

— Ой, бедненькая!.. Единственная ее надежда и опора,— сочувственно сказала Ирина.— Двух дочерей выдала замуж и три года дожидалась возвращения сына. Получит зарплату или премию, сразу идёт что-нибудь покупать для будущей невестки.

— Восьмого марта передовикам подарили по отрезу атласа, а ей, как пожилой женщине, дали темной расцветки. Она с кем-то поменялась на более яркий и была так довольна, что невестке подарит красивый отрез,— добавила Салима.

Занджир, вытирая платочком слезы, сидела, отвернувшись к окну. Как только она начинала плакать, глаза страшно краснели.

— Эх ты, глупенькая. Умрёт кто-нибудь за океаном, тоже будешь оплакивать его? Прекрати,

садись завтракать, уже пора идти?— повелительно сказала Салима.

Салима всегда насмеялась над Занджир, над ее жалостливостью, слезливостью.

В медпункте уже собралось десятка два мужчин и молодых парней, чтобы сдать кровь. Занджир тоже пришла. Подошло ещё несколько мужчин, судя по спецовкам, это были водители и строители. Сострадание чужому горю так поразило Занджир, что она была готова целовать их грубые, мозолистые руки.

Девушка сдала кровь и встала на своё рабочее место.

— Не стыдно вам, девушки? Знакомые и незнакомые пришли и сдают кровь, а вам и дела нет! Разве это по-человечески?— упрекнула она подружек.— Как вы завтра будете смотреть в лицо тётушки Барфи? Правильно говорят, что в трудные дни выясняется, кто есть кто. Мне было стыдно за вас перед другими.

Занджир проявила бурную активность в организации сдачи крови. Говорила то ласково, то твёрдо, то умоляюще. Робких девушек сама приводила в медпункт. В общем, делала все, чтобы люди шли в медпункт, помогли сыну тётушки Барфи.

— Ваши сто граммов крови спасут человека, избавят от страданий бедную женщину, сохранят семью. Идите, идите, чтобы потом не стыдно было перед несчастной женщиной. Жизнь ее сына зависит от нас. Кстати, иногда полезно сдавать кровь. В наш кишлак каждой весной приходили мултони²⁷ и специальным

---

²⁷ Мултони — цыгане, пришедшие из Индии, через рог высасывают кровь.

рогом выпускали кровь. На хлопковые поля приходили, на фермы.

К концу дня женщины начали перешёптываться и отпускать реплики в адрес Занджир.

— Такая деятельная... Не хочет ли Барфи-хола взять ее в невестки?

Другие негодовали:

— И что мечется, как собака, проглотившая иголку?

— Кто знает? Что-то здесь не так...

— Барфи — человек себе на уме!

— Да пусть дом ее будет полной чашей. Вроде подбадривает того молодого экономиста, а сама, видимо, надеется сосватать за своего сына!

— Услышав о случившемся, Занджир заплакала, потом начала хлопотать, чтобы все сдали кровь. Что-то за этим кроется.

Но тут вмешалась одна из женщин, которая была в курсе жизни Барфи-хола.

— Послушайте-ка меня. Барфи давно мечтает взять в невестки мою племянницу. Так что, невестка подыскана. Зря вы порочите Занджир. Бедная девушка слишком доверчивая, простая, не ведает, что делает. Да ведь из хороших побуждений. И я слышала, что к ней сватается начальник красильного цеха Довар. Кажется, скоро и свадьба.

Сына Барфи спасли, все успокоились, и разговоры затихли.

Вскоре у Занджир появился тайный поклонник. Кто-то по утрам стал класть на ее станок букет свежих цветов. Вначале Занджир не придавала этому значения, так же, как и шуткам молодых людей. Потом призадумалась.

И сослуживцы поначалу не заостряли внимания на цветах. Просто хвалили — «вах, какие красивые цветы», нюхали их и шли дальше. Затем Занджир забеспокоилась, спросила Довара. По он ответил, что не собирается приносить цветы тайком, а будет дарить торжественно. Потом Занджир подумала, что это делает Кабир, который в последнее время избегал ее, делал вид, что не замечает. Так она и оставалась в неведении.

Она недоумевала, кто бы мог приносить цветы, а потом решила, что это дело рук женщин-посредниц.

Ирина и Салима также ломали головы над этой тайной, собирали разные слухи, подслушивали разговоры, но новый поклонник Занджир оставался невидимым и неизвестным. После многочисленных догадок Ирина предположила, что это, наверное, дело рук Бадалбека, но Занджир отвергла это.

— Бадалбек может преподнести что угодно, но только не цветы. Цветы для него это та же солома, которую жуют его коровы,— серьёзно сказала она.

Наконец эта неизвестность надоела Занджир, разговоры стали действовать на нервы, и она попросила: «Хватит об этом».

Но соседки не успокаивались. Салима говорила: если он влюблён, пусть, как Бадалбек, приносит ценные подарки, бархат, например... а то цветы. Подумаешь!..

А Бадалбек продолжал ей слать подарки через свою посредницу. И каждый раз Занджир с негодованием возвращала их ему.

Сослуживцы к Занджир относились ровно, но цветы продолжали появляться каждое утро.

Занджир не знала, что делать — ей было и неловко и в то же время приятно. И вот в одно утро, придя к своему станку, она увидела увядшие вчерашние розы.

Это и удивило ее, и расстроило. Бедная девушка даже встревожилась: «Что случилось с тем человеком? Беда какая? А может, узнал, - что я невеста Довара? Даже не захотел встретиться, поговорить... Видать, человек серьёзный, целую неделю носил цветы,— думала Занджир, продолжая работу.— Довар сказал: «Не волнуйся. Когда-нибудь обнаружится».

Занджир, занятая своими мыслями, не заметила, как к ней подошла Барфи-хола. Она, как всегда, приветливо поздоровалась с Занджир, ласково погладила девушку по плечу, вынула из бумажного свёртка свежие цветы и поставила их вместо вчерашних в вазу.

— Так это вы приносили цветы?— спросила Занджир упавшим голосом.

Ее почему-то огорчило такое открытие. Ей даже захотелось нагрубить этой женщине, но сумела сдержаться.

Барфи-хола спокойно улыбнулась и не ответила Занджир. «Неужели опять Кабир...— подумала Занджир.— Как это он отошёл от Бадалбека? Нет, он не отстанет от него. Здесь что-то другое. Интересно, за кого хлопочет тётушка Барфи? Правильно говорят, старость— и радость, не тронулась ли умом? Хорошо, когда старики не вмешиваются в дела молодых... Да и в другие тоже...»

— Нет, миленькая... До этого я не приносила,— сказала Барфи-хола, поправляя цветы в вазе.— Посмотри, такие же красивые, как ты сама. Их хозяин сказал, что сегодня в школах начались занятия, и пока он искал хороший букет, опоздал принести сам. Передал свои извинения, миленькая.— По лицу женщины было видно, что она очень довольна тем, что преподнесла Занджир цветы.

— Кто он? Откуда? — выпалила девушка и смутилась. — Вы с ним знакомы?..

Тётушка Барфи немного помолчала.

— Миленькая, он сказал: «Слова любви не передают через посредника», так и сказал. Не волнуйся, миленькая, он объявится и встанет на твоей дороге, вот увидишь.

— Ведь... Ведь вам известно... — Занджир, смутившись, замолчала. Стыд сковал ей язык, и она не смогла найти нужных слов, чтобы сказать, что уже помолвлена, у неё есть жених.

Барфи-хола заторопилась уйти, а взволнованная Занджир растерянно смотрела ей вслед. «Встанет на твоей дороге... Хорошо бы, я хоть смогла сама все оказать ему. Ну кто он? Кабир?.. Нет, нет! Ее сын?.. — и ей стало мучительно стыдно. — Что скажут люди?.. «Вот почему она так хлопотала и нервничала, когда сын Барфи-хола был болен!» — скажут они. Нет, должно быть не он, а кто-то другой. Если б им был ее сын, Барфи-хола обязательно поделилась бы со своими подругами, да и мне бы дала понять. Женщины такие вещи не могут держать в тайне. И потом, совсем недавно она советовала мне выйти замуж за Кабира. «Не хочу я быть сводницей, действуй своим умом», — потом добавила она. Может, она не знает, что я посватана, или специально так делает? Многие знают, что наши семьи готовятся к свадьбе. И потом, я слышала, что у ее сына есть невеста! Так кто же все-таки этот любитель цветов? Кабир сейчас занят дочерью Бадалбека. Там его держат крепко. Чужой на фабрику не пройдет. Может, подойти к Барфи-хола и ещё раз спросить, кто это? «Что, не терпится замуж? — спросит она. — Вот придёт сам и увидишь». И стыдно мне расспрашивать. Бабушка всегда говорила, что

прелесть, притягательность и обаяние девушки в ее скромности. «Много будешь знать — быстро состаришься», — говаривала старушка».

22. МЕЧТЫ КАБИРА

В жизни каждого бывают и радости, и печали, они тесно переплетаются между собой. Большие испытания выпадают на долю благородных, великих духом людей. И радости им выпадает самая малость, но они, как дети, довольствуются и этим. Корыстным и алчным людям, надменным и завистливым все мало, тянут к себе как можно больше и страшно переживают при неудачах. Они заносчивы, самонадеянны, уверены в своей непогрешимости, избалованы. Они привыкли к благополучию, поэтому слепы и глухи к горю других. Этот эгоизм сломал их и физически, и морально, оторвал от величайших достижений человечества, от духовной жизни народа.

Каждый имеет право на жизнь, на счастье, но умные люди не гонятся за беззаботной жизнью, не ищут почестей, просто их устраивает трудная, но честная судьба.

Кабир не понимал этого, и поэтому его точила какая-то тоска. Непонятный страх вселился в сердце, не давал ему покоя, смущал, мешал, как горечь во рту. Но страх его не был похожим на тот обычный страх, который человек испытывает от боли или тяжёлой болезни близких, предательства и неверности, это не был страх за чужую жизнь, за судьбу народа и родины. Он боялся остаться без машины, без должности, стать обычным рядовым человеком. Вот что было причиной его неудовлетворённости.

В это время семья Занджир готовилась праздновать день рождения бабушки. Старая женщина не знала дня своего рождения, предположительно относила эту дату на конец августа — начало сентября. Занджир, расспрашивая пожилых людей, помнящих древний календарь таджиков, установила, что во второй половине сентября бабушке исполнится семьдесят пять лет. И вот вся семья тайком от виновницы торжества стала готовиться к знаменательному дню. Занджир упросила отца купить у спекулянтов-торгашей отрез зелёного японского шелка для старушки, сама отвезла ее фотографию в район и попросила увеличить и вставить в позолоченную раму. Ещё она купила для неё кожаные мягкие домашние тапочки. В назначенный день все пришли с работы пораньше, посадили бабушку в переднем углу и начали поздравлять. Изумлению бабушки не было предела. Жизнь ее уже подходила к концу, до сих пор никто не знал дня ее рождения, никто даже не вспоминал. Исполнилось пятьдесят, потом — шестьдесят, и вот перешагнула она за семьдесят. И никому не было дела до её возраста. Иногда на свадьбах и поминках женщины спрашивали у старухи, сколько ей лет, а она отвечала: «Родилась в год курицы, по-моему, мне уже за семьдесят». Находились ещё женщины, родившиеся в год курицы, и общими усилиями они выясняли, кто из них насколько старше. В этом году устроили в ее честь угощение, накупили дорогие подарки... Старушка растрогалась. Она без конца благодарила всех, возносила молитвы за их благополучие. Когда на скатерти появились разные пирожки, пельмени, манту, халва и другие сладости, бабушка от удивления прикусила палец. Все вручили ей подарки. Бабушка прослезилась. Занджир от имени всех поздравила ее и

сказала: «Моя любимая, дорогая бабушка! Желая вам здоровья крепче камня и стали. Живите ещё сто лет и, пожалуйста, выполните нашу просьбу! Мы торжественно отметим ваше столетие!..»

— Э-э, зачем столько,— старушка махнула рукой.— Надоело. Так надоело, что нет больше сил терпеть...

Все удивлённо посмотрели на неё.

— Мы тебя замучили, мама, ты устала, извини,— расстроился Имомали.— Кто просит тебя так хлопотать? Домашней работе нет конца, оставь, дети сами все сделают. Ты только подсказывай, что и как делать.

— Не хлопоты мне надоели, сын мой,— покачав головой, сказала бабушка.— Если я ничего не буду делать, то заболею. Тебе не понять, чем мучается сердце матери! Какая-то тревога сидит во мне, боюсь чего-то...

Занджир встала с места и со слезами обняла бабушку, стала горячо целовать ее лицо и седые волосы, прижалась к ней щекой, и прозрачные капельки с румяной щеки перекатились на морщинистое старое лицо.

...Вот два вида страха — страх и волнения Кабира, и страх и опасения любящего человека. Кабир дружбой и близкими связями с Бадалбеком пытался вырваться из однообразной и тусклой жизни и перенестись в мир борьбы за карьеру, в мир поддержки и круговой поруки. Но не получил он удовлетворения. Сомнение не покидало его, не мог он избавиться от смутного чувства тревоги. Иногда ему казалось, что он идёт по зыбкой тропе, усыпанной заманчивыми цветами, но страшная трясина медленно засасывает его.

После долгих бесед и советов друзья внушили Бадалбеку, что Кабир должен ещё года два поработать на каком-нибудь заводе под начальством «своего» человека, стать членом партии, получить хорошую характеристику. У Кабира от бесконечных размышлений начинала болеть голова, и ему казалось, что его радужные мечты непрочны, как театральная декорация, и они рассыплются от малейшего толчка или слабого дуновения ветерка. «Я хочу честно работать, отдать свои силы и мастерство стоящему делу, не хочу я грабить и воровать. За свой труд и получать хочу достойно. А как это делать — не знаю. Поэтому и нуждаюсь в таких людях, как Бадалбек...» — оправдывался он.

В семье Кабира готовились к свадьбе, к нему без конца привязывались со всякими вопросами. Это нервировало его, и он предпочитал бесцельно бродить по городу, чем решать какие-то глупые проблемы. Но и сутолока города его раздражала. И вообще, в последние дни Кабир не хотел никого видеть, разговоры злили его... и вся эта затея казалась ему ненужной и пустой.

Вот и сейчас он, посвистывая, шагал по улице. «Как бы я ни поступал, людям не угодишь,— рассуждал он.— Одного лишь они опасаются: как бы не обошёл их. Добр я и вежлив — значит, подхалим, груб и требователен — значит, самодовольный гордец. Живите как хотите, а я пойду своей дорогой. У меня своя голова на плечах. Не слепой же я, вижу, кто лучше живёт. Хочу быть самостоятельным, не хочу зависеть от кого бы то ни было».

Кабир представил себя руководителем большого учреждения: полы в коврах, ряд мягких стульев и кресел, а на столе пестрят телефонные аппараты. Он на-

жимают кнопку, и появляется красивая, изящная секретарша с услужливой улыбкой: «Слушаю вас». Вот секретарша вносит крепко заваренный свежий чай, ставит на стол и несколько раз переливает из пиалки в чайник, чтобы лучше заварилось, и стоит в ожидании дальнейших приказаний, чуть-чуть нагнув головку, и не мигая глядит в лицо. Твердят, что человек, питающий слабость к женщинам и вину, не поднимется по служебной лестнице. Ерунда все это. Открытое распутство — глупость, можно этим заниматься тайком—умно и благородно. Я ж не бык, чтобы всю жизнь пахать за охапку сена и отказывать себе в удобствах и наслаждениях. Ради брюха вертеться, как белка в колесе. Пройдет молодость, настанет старость, одолеют всякие болячки, а в кармане — ветер гуляет. Что пользы кричать тогда о своих былых заслугах?..

Вечерний город — что встревоженный улей. Улицы забиты машинами, снуют, торопятся люди с полными сумками и тяжёлыми портфелями. Они толпятся на остановках, занимая и часть проезжей улицы, бегут за переполненными автобусами и троллейбусами. «Меня будет дожидаться белая «Волга» с вежливым водителем»,— подумал Кабир.

Солнце ушло на покой, багрянцем полыхнул закат. Отступал день, и вступала в свои права ночь. Город - трудяга постепенно успокаивался, наступала тишина.

23. ЯРОСТЬ ЗАНДЖИР

По выходным дням в женском общежитии бывало шумно. Звучали песни, стук каблучков, а прохожие поворачивали головы к открытым окнам,

принюхиваясь к аромату разнообразных национальных блюд.

Только в комнате Занджир было тихо и спокойно: Салима куда-то ушла, а Ирина и Занджир занимались своими делами. Ирина перерисовывала из журнала мод какой-то фасон, Занджир подшивала подол платья.

— Который раз ты уже укорачиваешь это платье?— спросила, улыбаясь Ирина.— Наверное, не захочешь отстать от мужа и поступишь в какой-нибудь вуз? Одна моя чудачка-подружка вышла замуж за учёного, закончила-таки вуз, а сейчас пишет диссертацию.

— Беру с тебя пример, Ирина-бону. Сначала одежду перейму, потом ещё кое-что, и стану похожей на тебя. Глядишь, от прежней Занджир останется только имя, и то, наверное, будут произносить по-другому.

— Нет, не меняй имя, оно звучит как иностранное.

— Ох, уже это преклонение перед заграницей!.. В чем причина, а, Ирина?

— В недобросовестности,— ответила Ирина, не поднимая головы.— Все халтура, вранье, пустая болтовня...

— А в чем причина халтуры?

— Причина?.. По-моему... в бесхозяйственности. Нет хозяина фабрик, земли, нет его в животноводстве, даже в управлении... Копнёшь глубже — дойдёшь и до политики.

— Столько у нас учёных, и никто не скажет, что не тот избрали мы путь.

— Кто же будет рубить сук, на котором сидит? Правда всегда горькая...

Приоткрылась дверь, и девушка из комнаты напротив просунула голову в щель:

— Занджир, к тебе пришли.

Дверь закрылась, Занджир помолчала немного, а потом сказала:

— Знаешь, Ирина-бону, я только что подумала, почему это Бадалбек исчез? Наверное, Кабир передал ему мои слова.

— Какие слова? Что ты говорила Кабиру?

— Однажды пришёл Кабир и стал звать меня в горы, помнишь, где мы косили траву. Оказывается, Бадалбек ждал меня там и послал за мной этого дурака. Я и говорю: «Холуем стал? Нищего называют нищим, а ты хуже него — ты нищий умом и сердцем. Иди, холуй, скажи своему хозяину, чтобы пришёл сюда, я поговорю с ним на людях». Я бы выдала ему все, да, жаль, не пришёл. Поганой метлой отлупила бы его и, как собаку, прогнала. Вот теперь явился! Идём, посмотришь. Вот как раз кумгон²⁸ скипел, огрею им его по башке, будет знать! Надоел до тошноты, нет от него покоя.

— Не сходи с ума! — одёрнула Ирина.— Хочешь по судам бегать? И сама можешь обжечься.

— Я так боялась, что он придет, и опять будет привязываться. Так оно и получилось.

— Не дури! Вон, возьми веник, да и прогони его. Скандалом лишь опозоришься и вызовешь всякие толки. Услышит Довар, что он подумает?

Занджир нехотя отказалась от своего намерения.

— Хорошо, что мне ему сказать? Что он пристал ко мне? Надеется на своё богатство, думает, что на деньги сможет купить все, даже Довара? О, боже! Как ослепили его деньги!

— Не скандаль, оставь, пусть поговорит с Доваром. Он его быстро поставит на место. Мужчины сами раз-

---

²⁸ Кумгон — чайник, в котором кипятят воду.

берутся. У тебя теперь есть защитник не то, что год или полтора назад...

24. БАДАЛБЕК И ДОВАР

Бадалбек и представить не мог, что Занджир так изменится, возмужает и способна будет даже поднять на него руку. Больше того, он не мог предположить, что у неё найдётся такой сильный заступник, как Довар. «Будь бы рядовой парень, даже в ночь свадьбы рискнул бы увести Занджир, — думал он с тревогой. — А Довар! Он презирает деньги, настойчив, решителен.. От него не избавишься и в двух мирах. И отец у него человек влиятельный. А тут ещё девушка от него без ума. Сразу надо было заняться ею, думал, проживёт в городе, поймёт, что такое нужда, ценить будет деньги и вещи. Ошибся, испортилась Занджир. На прошлой неделе такой скандал устроила...»

— Годика два повоспитывать — поумнеет, а Мир? — Бадалбек повернулся к своему спутнику на заднем сиденье, молодому бородатому парню в зелёных очках и с дымящейся сигаретой во рту.

Мир взглянул на Кабира, стоящего у ворот фабрики, одобрительно хмыкнул. Потом процедил сквозь зубы:

— Пока ещё — тряпка. Пока созреет, пройдёт 10 дынных сезонов...

— Созреет.. Так созреет, что...

— Вышел, — перебил Бадалбека молодой человек.

Тот вышел из машины и направился к Кабиру, который в это время здоровался с Доваром.

— О-о! Салом алейкум, мулло Кабир! — Бадалбек тихонько дотронулся до его плеча и протянул обе

руки, чтобы поздороваться, но сам в упор смотрел на Довара.— Ну, как дела, как здоровье? — Он отпустил руки Кабира и протянул их Довару.— А вы, домулло, здоровы, все в порядке?.. Проезжал мимо и увидел вас,— радостно похлопывал Бадалбек по плечу Кабира.

— Вот уж не ожидал вас увидеть, вы будто с неба свалились,— отрывисто сказал Кабир, заранее подготовленную фразу.— Познакомьтесь... Довар-ака — инженер, начальник цеха, можно сказать, один из руководителей фабрики. А это,— он указал на Бадалбека,— один из наших близких друзей, знаменитый животновод, Бадалбек-амак... Сказать просто «животновод», значит ничего не сказать, он в своём районе, даже в республике, известный, влиятельный человек. Я горжусь, что с ним...

— Хватит, знакомство на дороге, это не дело, братец. У меня к вам обоим есть предложение. Хорошо, что встретил вас. Ну-ка, пошли, я вас угощаю... Вот тогда я и запомню, кто кем работает. Не так ли? А, домулло? — громко засмеялся Бадалбек, сжимая руку Довара.— Идемте, Кабирджон, я по вас соскучился, а теперь вот с вашей помощью и с домулло познакомился. Даст бог, весной приедете на нашу ферму. Нет, сам приеду и отвезу на машине... Сегодня в мясокомбинат привёз баранов, может, дать вам по барашку, а, домулло?

— Где вы хотите нас угощать? — спросил Кабир, хотя Довар ещё не произнёс ни слова.

— А что, если поехать в сторону Варзоба и там полакомиться шашлычком, а? Чистый воздух...

— Очень хорошо! — радостно потер ладони Кабир.— Довар-ака, идемте... Это свой человек... наш.

— Знаю, знаю,— сказал Довар с усмешкой, удивившей собеседников.— Это ваша машина? — спросил он, подходя к чёрной «Волге». Он взглянул на номер машины, а потом шутливо обратился к молодому человеку в очках: — Выйдите-ка из машины, дайте на вас посмотреть.

Довар поздоровался с парнем и обратился к Кабиру и Бадалбеку:

— Я позвоню и скажу, куда еду. Я думаю, что нам не обязательно ехать в Варзоб, а? Ведь и на нашем озере есть удивительные места.

— Хорошо, хорошо. Мы быстро вернёмся,— пробубнил Бадалбек. Потом вдруг сообразил и сказал недовольно: — Зачем звонить, мы скоро вернёмся.

Довар в ответ только улыбнулся и молча направился к будке у проходной фабрики. Кабир и Бадалбек пошли за ним.

Выйдя из будки, Довар увидел расстроенные лица Кабира и Бадалбека, но сделал вид, будто ничего не заметил.

— Чтобы не добираться обратно пешком, заказал машину. Вот теперь я готов. Вообще-то я не трачу время на такие пикники, шашлычки и выпивки, но один раз ради вас можно поехать. Вы ведь потрудились приехать к нам и, наверное, долго нас ждали?

— О, спасибо, дай бог вам здоровья, братец,— только и нашёлся сказать Бадалбек.

Они дошли до машины, и Довар сказал молодому человеку в темных очках:

— Друг, если вам не трудно, пересядьте на переднее сиденье, а мы с мулло Кабиром устроимся сзади, побеседуем.

Тот взглянул на Бадалбека.

— Пожалуйста, пожалуйста... Пересядьте вперёд, Мир.

Довар запомнил это имя — Мир.

— У меня мало времени,— он зевнул—Было бы хорошо, если по дороге сказали бы мне, чего вы от меня хотите.

Ему никто не ответил.

Машина тронулась.

— До сегодняшнего дня ваш слуга ходил за мной, как хвост, кружил вокруг нашего дома, а сегодня вы его взяли с собой!— сказал Довар Бадалбеку, указывая на Мира.— Наконец-то я увидел его в лицо.

Довар разглядывал мощную фигуру, выпуклые мышцы и разрисованную грудь Мира и думал, какие ещё обязанности выполняет этот здоровяк при своём хозяине. «Понятно, Бадалбек взял его с собой, чтобы припугнуть меня, а там кто знает. Как говорится: «Аппетит приходит во время еды». Майор Джовид утверждает, что давно наблюдают за ними, знают все их проделки, но не пойманный не вор. Бадалбек денежный, а эти — рабы денег. Ничего, мне хватит и того, что я хоть раз объясню его слугам, кто их хозяин, этот разбогатевший подлец. Джовид рассказывал, что иногда с трудом распутываешь какое-нибудь преступление, и в самый последний момент находится сильный покровитель и сводит к нулю все старания. И у Бадалбека наверняка есть такой человек...»

Бадалбек на вопрос Довара не ответил, хотя говорил всю дорогу, остальные ехали молча, погрузившись в свои мысли...

Машина, проехав мост через реку, остановилась у небольшого кафе на берегу озера.

— Да, уединённое местечко, безлюдное... Хорошее место для встречи президентов!— рассмеялся Довар.

Мир распорядился поставить в тени тутовника стол со стульями. Потом принесли шашлык и коньяк, сделанный второпях салат из грубо нарезанных помидоров и огурцов.

— Захватите, пожалуйста, бутылочки две воды,— сказал Довар молодому парню, буфетчику, который выполнял и роль официанта.

Бадалбек разлил по полстакана коньяка.

— Ну, друзья мои, первую рюмку за здоровье. Для мужчин основное здоровье, все остальное приложится. Будет здоровье, будет все! Ни за какие деньги здоровья не приобретёшь... Итак, за здоровье!

Довар спокойно вылил коньяк на землю, налил себе в стакан минеральную воду «Шаамбары» и залпом выпил ее.

Бадалбек, не закусывая, вопросительно уставился на Довара.

— Я вообще не пью,— сказал Довар.

— Без этого бальзама беседа не получится! — сказал Бадалбек.

— Получится. Не зря сказано: «Божий человек пьян и без вина, раб бога сыт и без шашлыка». Или вы — богоотступник? — Довар ехидно улыбнулся.— Ладно, говорите, а то время идёт. Итак?.. Чем повторять каждый раз «шаф-шаф», скажите один раз «шафтолу»²⁹ и все. Мы же взрослые люди.

— Да, да...— Бадалбек стал нервно постукивать пальцами по дну стакана. Потом снова налил коньяк.— Выпьем... Берите.

На этот раз выпили молча.

— Вот что, братец, ходят слухи, что вы женитесь на Занджир...— Бадалбек некоторое время молча на-

---

²⁹ Шафтолу — персик.

блюдал за выражением лица Довара, потом шмыгнул носом и отвёл глаза.

— А какое вы к этому имеете отношение? — спросил Довар.

— Самое прямое, братец...— тяжело вздохнув, ответил Бадалбек.— Эта девушка из моих объятий бежала в город. Об этом знает каждый житель кишлака...

Довар засмеялся.

— Осмелились дотронуться до ее руки и говорите, что она побывала в вашей постели! А что бы вы говорили, если б хоть раз поцеловали ее? Или, как Фотимаджон, была беременна на четвёртом месяце? Что бы вы тогда говорили, а?

— Заткнись, мерзавец!— Бадалбек кулаком стукнул по столу так, что бутылки и стаканы свалились на землю.

Очкарик вскочил, но по знаку хозяина снова сел на место.

— Так вот, длинноусый брат, я не болтаю по-пустому, говорю, что достоверно знаю,— похлопав Бадалбека по плечу, продолжал Довар.— Вот так. «Не осуждай чужое дитя, как бы своё не испортилось»,— говорит шейх Саади. Ты с подлыми намерениями зазвал ее к себе, и глупцы распустили про неё слухи. Судьба отомстила тебе, и какой же подарок она тебе преподнесла!.. Ладно, это не моё дело. Говорите, что вам от меня нужно? — он смело посмотрел каждому в лицо.

Кабир сидел, отвернувшись, и молчал.

— Что мне нужно? — Бадалбек не ожидал такого поворота в разговоре и был расстроен и растерян.— Ладно, ближе к делу. Говори свои условия, я приму их, только откажись от этой девушки.— Бадалбек зло уставился на Довара. Будь стрелы в глазах, он убил бы его.

— Сколько я хочу денег? Так, что ли?— Довар улыбнулся.— Назови свою цену. Посмотрим, как вы богаты.

Бадалбек выпрямился, даже стал выше ростом, посмотрел на своих товарищей и небрежно заявил:

— Возьми десять и угомонись.

— Даже разговаривать не стоит,— Довар махнул рукой.— Из-за такой мелочи привезли меня сюда, на такое расстояние? Она моя невеста, а не лошадь! Я думал, что вы люди, с кем стоит разговаривать, а вы оказались ничтожными ослиами!

— Хорошо, пятнадцать дам! И больше ни слова.

— Расскажи свои условия вон той речке, дядя!.. У меня нет времени.— Довар взглянул на часы.

Воцарилась напряжённая тишина.

— Эй ты, нищий, скажи, сколько ты хочешь, а я посмотрю.

— Сто!.. И ни рубля меньше!— Довар насмешливо посмотрел на всех, встретил их злобные взгляды, и сердце у него ёкнуло, но внешне он был спокоен.

— Ты что, в своём уме? Двадцать пять... Двадцать пять тысяч ты двадцать пять лет будешь расходовать... Ты найдёшь себе другую, а эту оставь мне,— сказал Бадалбек заискивающе.— Не то пожалеешь. Ох, пожалеешь. С хвостом льва играешь, парень!

— Дайте мне половину того, что обещали, и я с ним рассчитаюсь,— прохрипел Мир.

Довар впервые услышал его голос.

— Я не такой дурак, чтобы не понять, с какими типами имею дело,— сказал Довар, с неприязнью глядя на очкастого.

— Ладно, даю пятьдесят! Больше не прибавлю ни рубля. На всю жизнь тебе хватит. Ты ведь сейчас и на саван не имеешь.

Довар усмехнулся, спокойно выпил стакан воды и встал с места.

— Говорят, деньги не идут к умному и порядочному человеку, а бегут к подлецам и ворам. Я пошутил, дядя-богач! — он обернулся к Бадалбеку, чья злобная улыбка говорила больше, чем любые слова.— Ни за какие деньги я не отступлюсь от неё, ничего вы не добьётесь. В подобных случаях деньги имеют вес только для вас и вот для таких холуев, но не для порядочных людей.

Довар повернулся и уверенно зашагал прочь. Теперь он убедился, что Бадалбек опасный тип.

Поодаль от автобусной остановки его поджидала машина Джовида. Довар шёл по краю дороги и вдруг инстинктивно прыгнул на обочину. На бешеной скорости в двух шагах от него промчалась голубая «Волга». Довар понял, замешкайся чуть-чуть, он был бы сейчас сбит... С суматошно бьющимся сердцем он сел в машину Джовида.

Майор по рации сообщил номер и направление движения «Волги», и они поехали.

— Поклянись, что впредь не будешь выходить на проезжую часть и на остановках будешь стоять подальше от дороги,— закончив разговор по рации, обратился Джовид к другу.— Не смейся, клянись, клянись!

— Клянусь, товарищ майор, больше такое не повторится,— сказал Довар с растерянной улыбкой.

— Посмотри, ты побелел, как марля,— Джовид повернул к нему зеркало.— С этими мерзавцами не шути. Самый опасный дурак, это богатый дурак, друг мой. Он теряет разум, становится неуправляем, и как бык лезет напролом.

25. ОРИФ

Был конец рабочего дня. Двор фабрики, дорога и дорожки, как паутина расползающиеся во все стороны, и площадь были полны народа, словно на свадьбе. Девушки и женщины в ярких красочных платьях шумно прощались, громко окликали друг друга, смеялись, и все это сливалось в многоголосый хор жизни.

Миловидная девушка-ученица не выпускала руку Занджир.

— Занджир-апа, прошу вас, идёте к нам,— молила она.

— Нет, милая Шаходат, в другой раз, сейчас меня подружки ждут.

— Прощу вас... Я уже маме сказала.

Занджир мягко отказалась и, высвободив руку, побежала к Ирине и Салиме, поджидавших ее за поворотом.

Не дойдя до своих подруг, она заметила парня, напряжённо следившего за ней. Казалось, не только взглядом, но и всем существом он был устремлён к ней. Занджир замедлила шаг, посмотрела на парня: среднего роста, смуглый, черноглазый. Его нельзя было назвать красавцем, но лицо светилось добротой.

— Занджир...— парень шагнул к ней. Удивлённая девушка остановилась.— Я пришёл повидать вас.

— Ну вот, повидали. Надеюсь, теперь успокоились? — как всегда беспечно засмеялась она. Но, взглядевшись в серьёзные глаза парня, смутилась.

— Не надо насмехаться надо мной,— сказал он умоляюще, шагая рядом с ней.— Сначала послушайте меня, а там, как хотите. Я на все согласен. Меня зовут Ориф...

— Хорошее имя! — сыронизировала Занджир.— Вы поджидали меня, чтобы сообщить своё имя?

— Нет, выслушайте меня: вы спасли мне жизнь. В моих жилах течёт и ваша кровь. Я знаю, сколько вы сделали для меня, незнакомого и чужого человека...

Занджир стало стыдно за своё легкомыслие, и она до крови прикусила губу.

Ирина и Салима, не дождавшись ее, направились домой. Девушек удивило поведение Занджир, она обычно ни с кем не останавливалась. Поэтому шли и оглядывались. Занджир сейчас слушала его внимательно. Юноша говорил быстро, будто боялся, что она, не выслушав его до конца, убежит.

Но Занджир не хотелось от него бежать. Она знала, что сын тётушки Барфи Ориф вёз кирпичи на стройку. Вдруг на дорогу выбежал мальчишка, и, чтобы не сбить ребёнка, он повернул руль направо и в результате оказался в речке. Машина почти не пострадала, а вот он сломал себе ногу, кость была раздроблена. Парню ампутировали ногу. После операции не могли остановить кровотечение. Об этом сообщили по фабричному радио. «Но парень-то ходит на своих ногах. Или тогда ошиблись? Может, выдаёт себя за Орифа и хочет подшутить надо мной — лихорадочно думала она — Барфи-хола хотела женить сына на своей племяннице, даже была какая-то договорённость, но почему-то он отказался. Но у него обе ноги здоровые!»

— Вы назвались сыном тётушки Барфи, а ведь ему ампутировали ногу. И у кого вы одолжили здоровую? — насмешливо спросила она.

— Да, ампутировали,— Ориф взглянул на свою левую ногу.

— Ампутировали... а когда выписывали, снова приставили, так, что ли?

Ориф грустно смотрел на девушку и, немного помолчав, сказал:

— Как говорится: «Что имеем — не ценим, потерявши — плачем». Я никогда не задумывался, есть у меня ноги, нет их. Оценил после больницы. Надо было решать — жизнь или нога. Спасибо вам за заботу обо мне. А жить-то надо. И я стал ночами учиться ходить и плакать от страшной боли. Сначала ходил с палкой, потом отказался от неё... Наконец вышел на улицу. «Повесть о настоящем человеке» почти выучил наизусть. Через некоторое время учился бегать, ездить на велосипеде. Успехи налицо: видите, хожу, работаю. Сначала пошёл на стройку каменщиком. Как-то заболел крановщик, и весь день мы бездельничали. Я забрался в кабину и стал работать. Прибежал прораб, понаблюдал за мной, похвалил, но работать на кране не разрешил. Испугался. Все начальники такие — боятся, как бы чего не вышло, как бы не испортить карьеру. Первый раз за время обида, что я инвалид, обожгла меня, но я не сдавался, все свободное время занимался вождением автомобиля. Наконец мне снова дали машину,— Ориф тяжело вздохнул и замолчал.

Занджир, не скрывая любопытства, посматривала на его ноги.

— Мечтать не грешно, Занджир,— продолжал Ориф, виновато улыбаясь,— не сердитесь. Знаю, что не достоин вас. Но что мне делать, я пришёл по велению сердца, чтобы хоть раз попросить у вас... Вообще, все мои старания ради вас. Я слышал о вашей доброте и, ещё не видя вас, не зная, что вы за человек, я потянулся к вам сердцем. Кто знает, может, эта любовь, эта надежда и помогла мне выздороветь. Вот

уже год, как вы в мыслях со мной, как сердце в груди... Недавно я открыл свою тайну маме. Как-то до этого несчастья она упоминала ваше имя в числе тех девушек, которых она хотела бы видеть своей невесткой. Но тогда я сказал, что сначала поработаю года два, а потом женюсь. Поверьте, я не жалею, что остался без ноги. Если б не было этого несчастья, я бы ушёл из этого мира, так и не испытав любви. Человек может прожить без рук и ног, без глаз и ушей, но без любви... она бессмысленна. Вы не верите? Раньше я бы тоже не поверил. Мама удивилась моему чувству: «Ты же ни разу ее не видел?!» — сказала она. «Лица не видел, но зато увидел ее сердце, мама», — ответил я.

— Это вы приносили цветы?

Занджир прекрасно понимала неуместность своего вопроса, но им она хотела отвлечь его от разговора о любви.

— Каким путём вы проходили на фабрику? — тянула время Занджир, чтобы обдумать, как помягче ответить ему. Она не хотела обижать Орифа, но что делать, если ее сердце уже давно отдано другому.

— Рано утром, до начала работы, я приходил к воротам. Сторожа оказались хорошими людьми. Они относили букет к вашему станку. Только один раз я опоздал, и тогда попросил маму...

Время шло, а Занджир с Орифом все ещё прогуливались вокруг общежития. Подруги нет-нет да выглядывали в окно, разглядывали Орифа. Салима, перехватив взгляд Занджир, погрозила ей пальцем, а потом кулаком правой руки похлопала по ладони левой, что значило: «вот погоди, озорная девчонка, я тебе покажу!»

И только тогда Занджир попрощалась с Орифом. Она стремительно ворвалась в комнату, и Ирина с Салимой вздрогнули от неожиданности.

— Ты что, с ума сошла? — схватилась за сердце Салима.

— Да разве вы поймёте! Знаете, кто это? Сто лет будете гадать — не угадаете!

— Что с тобой случилось, несчастная?.. — Ирина осторожно подошла к Занджир, шутливо дотронулась ладонью до ее лба.— Послушай, не позорь нас, мы готовимся к торжественной свадьбе...

— Ой, Ирина-апа, и не знаю, что подумает Довар, если узнает, что я прогуливалась с этим парнем? Да ладно, он поймёт, когда расскажу правду.

— Совсем одурела, под санджитом³⁰ прошла, что ли? — недовольно бурчала Салима, занятая своими делами.

— Не говорите так!— перебила ее Занджир.— Я не могла не выслушать его. Ведь бедный парень надеется на меня...

— Ну-у, впору брать чемодан и переселяться к нему,— усмехнулась Салима.

— Занджир, брось свои шутки. Кто он и чего от тебя хотел? — серьёзно спросила Ирина.

— Оставь ее, пусть пройдёт дурман.

— Какой дурман? Это любовь называется, понимаете — любовь!

Занджир тяжело вздохнула, бросилась на кровать и закрыла лицо подушкой.

— Полчаса поговорила с мужчиной и...

---

³⁰ С а н д ж и т — цветы этого дерева имеют одурманивающее свойство.

— Как же он тебя одурачил! — прервала Салиму Ирина удивлённо.— Мой муж-пьяница говорил,— продолжала она, помолчав,— что умных мужчин в мире мало, а умных женщин совсем нет. Мы-то ошиблись, ушиблись, думали, тебе будет наука.

— Не корите меня,— Занджир вытирала слезы кончиком платочка.— Жаль парня... Но ничего... так любить тоже счастье... Правильно он сказал...

Потом встала, выпила пиалку воды и, успокоившись, рассказала им все.

— Девушки, вы знаете, что я люблю Довара, но мне жаль и Орифа. Он меня любит, боюсь, как бы чего не натворил. Если б я не встретила Довара, то, наверное, вышла бы за Орифа.

— Ишь, какая сердобольная! Жаль, комсомол не знает об этом...

— Многому научил тебя Кабир, а мы и не знали...

— Ну что вы смеётесь? Кроме любви разве не может быть других чувств к человеку? Чувство дружбы, например...

26. ЗАНДЖИР, ИРИНА, САЛИМА

В тот вечер девушки говорили только об Орифе и Доваре.

— Ты разбираешься в людях, Занджир. К Кабиру все время относилась настороженно, и в самом деле оказался он никудышным человеком. Довар тебе пара. И любить может, и защитить, и ухаживать может. Имей в виду, мужчины, будь они трижды учёные, ревнивые,

— Я люблю Довара, верю ему, ничего не таю от него. И про Орифа ему расскажу. Ни на кого я его не

променяю. Я не могу жить без него, девушки, поверьте. Он сильный, умный, культурный, добрый, честный, умеет постоять за себя! Что ещё нужно? Самое главное: слово у него не расходится с делом,— горячо говорила Занджир.— Любит правду и справедливость... Без этого мужчина ломаного гроша не стоит.

Вдруг все замолчали. Из соседней комнаты донеслась песня, с улицы визг тормозов, загрохотал гром, и стекла в окне тоненько задребезжали.

— Слышали, Кабир-то переходит на другую работу,— сказала Ирина.— Начальник отдела кадров намекнул: «У мальчика, видно, выросли крылья, уходит от нас». Манеры и походка стали начальственными. Наверное, станет большим человеком.

— Он сумеет взлететь! Запомни: развратнику достаётся хорошая жена, а карьеристу — высокая должность,— насмешливо сказала Салима, желая задеть Занджир.— Говорят, у такого, будь он хоть министром, борода все равно в руках жены...

— Как говорят русские: у жены под каблуком,— пояснила Ирина.

— Кабир — раб денег, вещей и должности. У него нет другой мечты. Чтобы добиться этой цели, он готов по трупам идти,— скривила губы Занджир.

— Хорошо, что ты не вышла за него, Занджир,— оказала Ирина.— Ты была бы с ним несчастна, да и сам он несчастливый.

— Почему это он несчастливый? — возмутилась Салима.— Если он думает не так, как ты, то обязательно несчастливый? А может, он вас считает несчастными? И зачем осуждать его? Парень хочет жить по-человечески, иметь привилегии, отличаться от других. А для этого нужно приспособливаться,

подлаживаться. Вы не были в музее палеонтологии? Там собраны останки животных, не сумевших приспособиться к существующим условиям, и исчезли с лица земли. Выжили те, что приспособились...

— В нашей стране нет условий для нечестных людей. Наши законы стоят на их пути,— возразила Ирина.— Разве ж только в обход их, по улочкам да закоулочкам.

— Каждый человек выбирает дорогу себе сам...

— Послушай-ка меня,— прервала Салиму Ирина,— испокон веков правда и ложь, знание и невежество свет и тьма, добро и зло противоборствуют друг другу. Но ложь и несправедливость, хотя порой и брали верх, но не могли погасить свет правды. Знаешь, почему? Даже негодяи и проходимцы нуждаются в правде и справедливости, в честном и разумном человеке, в плодах науки и просвещения.

Занджир молча смотрела на подруг и с нежностью думала: «Что бы я делала без них? В трудные минуты жизни были рядом со мной. Когда терзалась сомнениями, я дорожила толикой внимания, уделяемого мне Кабиром. Как хорошо, что я поняла разницу между надуманной любовью Кабира и настоящей. А разница велика, как между землёй и небом, украденным поцелуем и подаренным. И Кабир так и умрёт, не познав настоящей любви. Я прошла через позор, сомнения, ненависть и злобу и обрела настоящую любовь. По-моему, самые сильные чувства — это любовь и ненависть. На жизнь и на себя нужно смотреть чужими глазами, со стороны, только тогда можно по достоинству оценить происходящее. Жаль Кабира. Бадалбек — пропащий человек. А тот ещё молод... вроде и разумен, и рассуждает логично, а вот попал под влияние Бадалбека. Если б я не оттолкнула

его, может, они и не встретились? Не с ним— так с другим. Мало ли таких типов в городе! Жаль, пропадёт парень, и никому нет до этого дела. Бабушка не раз говорила: ложью и хитростью можно высоко вознестись, но падать будет очень больно. Знают ли Бадалбек и Кабир эту мудрость?»

— Занджир, скажи, если б ты была мужчиной, что бы сделала? Только правду говори,— Ирина сзади обняла подругу и прервала нить ее мыслей. Потом, повернувшись, заглянула ей в глаза: — Ну, что молчишь?

— Была бы мужчиной—влюбилась бы в тебя и, как Ориф, каждый божий день преподносила тебе цветы! — съехидничала Салима.

— А что, преподносила бы!— Занджир с вызовом взглянула на Салиму.— Ориф умеет любить. Он копия дяди Лочина. Вы не знаете его. Заглянешь в глубину его глаз — и все станет ясно.

— Не увиливай, отвечай.

Занджир задумчиво смотрела на подруг.

— Если бы я была мужчиной, то никогда не была бы женщиной, то есть не вела бы себя как женщина. Считала бы, что люди лучше, сильнее, умнее и добрее меня...

— И все?— удивилась Салима.— Каждый мужчина считает себя самым умным...

— И первым мужчиной в мире...

— Я не на словах, а на деле,— возразила Занджир.— Даже с врагами поступала бы честно и справедливо! Ведь на плечах таких мужчин и держится мир.

— Ой, девушки, самый глупый мужчина считает себя...

— Подожди, я не закончила,— Занджир перебила Салиму.— Но безопасность мира я доверила бы женщинам. Кто начинает войны, интервенции всякие,

интриги? Главы правительств, военные, политики, дипломаты... Все они наверняка составляют не больше одного процента населения на Земле... Женщин среди них очень мало. Они по природе своей утверждают мир, они продолжатели жизни на Земле.

— У нас зачастую женщин выдвигают не за ум и талант, а за непристойное поведение...— заявила Салима.

Ирина не согласилась с ней. Они заспорили.

А Занджир думала о Доваре, о своей любви к нему. И так глубоко ушла в своё чувство, что словно освободилась от своего «я», стряхнула с себя все мелкое, личное, ничтожное. Она как бы вместила в своё сердце весь мир, вместила боль и страдания, любовь и радость каждого человека в отдельности.

БАХРОМ ФИРУЗ

ЛАВИНА

ПОВЕСТЬ

Перевод Н. Алембековой,
Ю. Богатыревой

Лавина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕЩЕРА БУНТАРЕЙ

Снег, снег и ничего, кроме снега. Он хорошо постарался нынешней зимой. Всё здесь ему повинуются. Даже небо, затянутое белыми, как пух, облаками, подражает его ослепительному безмолвию. Лишь самые высокие вершины снегу не удалось спрятать — вон, как гордо возвышаются на небосклоне.

Так, наверное, выглядят просторы Арктики, размышлял Рашид, ступая по твёрдому снежному насту, «Только там такой весны не бывает», — вспомнил он слова учителя географии Хамиди. Три долгих месяца беспрерывно валил снег, но стоило выглянуть первому весеннему солнцу, как тут же начал подтаивать. Уже оголились южные склоны гор, а внизу, у подножия, покраснели и набухли, словно воспалённые глаза, почки миндаля. Того и гляди, вспыхнут буйным цветением.

Рашид улыбнулся и прибавил шаг. Нельзя отставать от товарищей. Хоть и называют его «Малокровным» из-за бледности лица, но он-то не считает себя слабаком. Ведь недаром к нему приклеилось и другое прозвище «Юла» — непоседа, значит, хлопотун. О слабых так не говорят.

Шагает Рашид весело, хотя за плечами нелёгкая ноша — книги. Когда он покупал их в райцентре, ребята высмеяли его. Ну, и пусть. Самег вообще книг не любит. А Хусейн считает, что тратить на них деньги глупо — есть же библиотека, пользуйся. Напрасно Рашид пытался его убедить в том, что хорошие книги всегда должны быть под рукой, чтобы в любое время можно было перелистать

любимые страницы. А библиотечные книги — что деньги в сберкассе: они твои, но без крайней необходимости ими не пользуются.

Но труднее всех сейчас Хусейну. Тучный, среднего роста, бедняга ступал тяжело, грузно, то и дело останавливался, чтобы отдышаться. Лучше бы ему оставаться на каникулах в школе-интернате. Ведь не успел ещё по дому соскучиться — совсем недавно был в кишлаке. Да и отец довольно часто навещает сына. Просто Хусейн на этот раз не смог устоять. «Собирайся, О, возьми!» — велел Самег, и Хусейн подчинился.

«О, возьми» — так его прозвали ещё в седьмом классе. Решив задачу, Хусейн захотел помочь двоюродному брату, который был слаб в математике, и, протягивая решение, прошептал: «О, возьми, возьми!» И тут же попался! Второе прозвище «Капиталист» появилось позже — в интернате. «У него всегда есть денежки. Этот своего не упустит», — говорили о нем одноклассники.

Впереди всех шёл Самег. За спиной у него висел небольшой мешочек с грязным бельём и новенький костюм. Ему не терпелось как можно скорее попасть в селение, одеть этот костюм и пройтись по улице. В этом году он заканчивает профессиональное училище, выходит, как говорится, в люди. Ему непременно нужно понравиться и старым и малым. Особенно девушкам... Кроме того, его должны признать председателем колхоза и другие руководители. Самег представил, как эффектно он будет выглядеть, и удовлетворённо хмыкнул. Нет, не умеет он шагать просто так — скучно. Подхватив на ходу снежный ком, Самег запустил им в Хусейна. Тот, разумеется, в

долгу не остался. Словно не зная, куда девать силы, Самег то и дело сжимал кулаки и задорно вскрикивал: «И-эх!»

Пешеходная тропа запетляла и местами едва угадывалась. Чем выше, тем глубже снег, тем тяжелее шагать. Впереди перевал. А по ту сторону — их кишлак. Позади, на расстоянии с полкилометра, плетутся, подгоняя ослов, Усто Наджот и Хакназар-маслодел.

— Если пойти по большой дороге, когда дома будем? — спросил Хусейн, промокая платком вспотевшее лицо. На его носу, будь то зимой или летом, всегда выступали капельки пота.

— Эх-хе-хе... По большой доро-ге... На рассвете вый-дешь, к закату дойдешь. Не шутка, сорок километров! — отозвался Самег.

— Но через перевал совсем близко,— с трудом скрывая волнение, проговорил Хусейн.

— На этой дороге, приятель, голову сломишь! Вот в позапрошлом году Хаджи и Кубод во-он под тем черным валуном в снег провалились. В таких местах стоит лишь на несколько шагов отступить от дороги, так все — конец! Ступишь на обледеневший снег, а под коркой он, как мука...

— Да, да, когда снег растаял, нашли их тела. Я сам видел,— горестно вздохнул Хусейн.

— Но здесь снег вовсе не глубокий,— вмешался в их разговор Рашид.— Ветер его сдувает.

— Неглубокий?!— насмешливо переспросил Самег. А ты попробуй отойти от тропинки на несколько шагов...

— Снег неглубокий, но под ним земля скользкая. Оступишься — тут же скатишься в сугроб, а потом по-

пробуй встать. А вон в тех низинах снег действительно глубокий.

— Что в низинах, что на холмах — везде снег глубокий. Небось, метра два будет,— стоял на своём Самег.— Это только тебе с отцом в прошлом году ветер сметал снег с дороги,— съязвил он.— Ничего удивительного, ведь, помнится, тогда вас околдовали злые духи, пещеры Саркашон. Разве нет? Разве вы не слышали их воплей, боя барабанов и перестука дойры? Пожалуй, если бы твоего отца не подгоняли плети злых духов, не прошёл бы он этот путь с улыбкой... Верно, говорю?

В ответ Рашид лишь усмехнулся и махнул рукой. Потом на минуту остановился, затянул потуже завязки большого мешка за плечами и приподнял ношу. Спина взмокла.

— Десять лет тому назад на этом самом месте злые духи чуть было не закружили моего отца,— горячо заговорил Хусейн, отменяя всякие шутки.— Поздно вечером возвращаясь из района, услышал пение, грохот барабанов и дойры. Оглянулся—позади толпа мужчин и женщин. Идут с факелами, отбивая такт на дойрах. Отец стегнул лошадь — камча огнём занялась. Тогда он зажмурился и криками погнал лошадь вперёд. После этого болел целый месяц...

— Моего дядю тоже в плен чуть было не захватили. Но у него, к счастью, было ружье с собой. Взвёл он курок да ка-ак бабахнет из обоих стволов, так и следа от нечистой силы не осталось! — Самег горделиво вскинул голову, восхищаясь смелостью своего родственника.

— И вы верите этим рассказам?— презрительно бросил Рашид,— Всякая нечисть мерещится только тем,

кто верит в ее существование. А некоторые фантазёры специально придумывают подобные небылицы.

— Тогда расскажи о чем-нибудь другом. Грамотей!— огрызнулся Саемг.

— Эти наставления мы и от учителей слышали,— поддержал его Хусейн.

«Закончу медучилище,— подумал Рашид,— буду поступать в мединститут, и уж разгадаю все эти тайны. Но прежде нужно поправить здоровье». Он был худощав, тонок, в кости, и зимой болел чаще других. Но, несмотря на бесконечные простуды, не пропускал ни одной прогулки, занимался физкультурой. Вот и сейчас не послушался отца, который настаивал, чтобы сын не ходил зимой через перевал: дорога полна неожиданностей — то туман густой зависнет, то вдруг завьюжит буран, грозя снежным обвалом. Ну да стоит ли так всего бояться? Нынешний поход — это тоже своеобразная тренировка и проверка на смелость и выносливость. Отлично сдал экзамены, Рашид торопился домой, к родителям, которых не видел почти два месяца.

До самой пещеры Саркашон ребята шли молча. Но когда вдалеке показался вход в пещеру, заговорили все разом.

— В прежние времена здесь было пристанище воинов и грабителей. По ночам они нападали на близлежащие кишлаки...— сказал Рашид.

— Я слышал, что здесь прятали похищенных девушек,— прошептал Хусейн, не в силах оторвать взгляда от чернеющего входа в пещеру.

— Нечистое было место,— спокойно продолжил Рашид.— Здесь скрывались и те, кто бежал от эмира. Поэтому

и прозвали ее пещерой Саркашон — Пещерой бунтарей, непокорных.

— Не-ет,— возразил Самег.— Название это древнее.

— И в давние времена власти были,— пояснил Рашид.

— Правильней называть ее не Саркашон, а Саркафон, то есть — пещерой разбойников. Да ты сам спроси у стариков в кишлаке — они так и называют ее,— Самег просто не мог не оставить последнее слово за собой.

— Кто знает, может, и сейчас за нами кто-нибудь наблюдает из пещеры,— опасливо произнёс Хусейн.

— Давайте заглянем туда хоть разок,— предложил непоседа - Самег.

— В такое время, ребята, задерживаться в горах опасно. Того и гляди, погода испортится,— предостерёг Рашид.

— Я лично не войду в пещеру. Бережёного бог бережёт. А вдруг там скрывается какой-нибудь зверь?..— с опаской проговорил Хусейн.

— Ой, трус! Да неужто мы втроём среди бела дня...

— Даже волки в эту пору стаями ходят.

— Ещё до пещеры и не дошли, а у Хусейна уже поджилки трясутся,— поддразнил Самег.— А внутри там тепло-о... Спорим — я сейчас войду в пещеру и пересплю там ночку!

Рашид с Хусейном не стали его оспаривать — бесполезно, подумали оба, да и неподходящее место, и время для того. Только бы благополучно одолеть перевал... А поговорим потом.

Сейчас они шли по той тропе, на которой зимой нужно быть предельно осторожным — не медлить, не

останавливаться. Об этом местные жители всегда предупреждают путников из других краёв.

Тропинка огибала гору. То там, то тут над ней нависали скалы и утёсы, а внизу подстерегали страшные пропасти. Огромные груды снега, скопившиеся на склонах и теснинах, в любую минуту готовы ринуться вниз, но медлят — будто ожидают какого-то приказа. Малейшее движение, дуновение ветерка или громкий возглас могут всколыхнуть скопища снега и вызвать большое бедствие — снежную лавину. Устремляясь вниз, она сметает на своём пути все подряд — камни, деревья, строения.

— А какая скорость у лавины, Рашид? Что учитель говорил? — словно предчувствуя беду, неожиданно спросил Хусейн.

— 150 километров в час, — коротко ответил тот. Ему почему-то не очень хотелось сейчас разговаривать, вопрос Хусейна счёл праздным любопытством.

— Мать рассказывала об одном человеке из нашего кишлака, не помню имени... Как только его коснулся ветер, поднятый обвалом, тут же умер, — сказал Самег.

— Такой ветер могучие деревья выворачивает. Лавина, предположим, пройдёт во-он по тому ущелью, — указал Рашид, — а снежный ветер тебя здесь свалит с ног.

— Да чего там! — махнул рукой Самег. — Что на роду написано, то и будет. Предназначено тебе умереть под лавиной — умрёшь под ней, а не утонешь. От судьбы не убежишь, — повторил он много раз слышанные от взрослых слова.

Ему никто не ответил. Да и что спорить? Никто добровольно под лавину не бросится.

— А можно ли спастись от лавины? — нарушил молчание Хусейн.

— Как спастись? Сказано — не убежишь, значит не убежишь,— у Самега всегда ответ готов, ибо он никогда особенно не задумывается. Говорит первое, что приходит в голову.

— Но, наверное, что-то можно придумать,— предположил Рашид.— Ну, например, иметь при себе баллончик со сжатым газом и шар, ну, скажем, диаметром в пятьдесят сантиметров. Наполнил — взмыл в небо.

— А спускаться как? — ухмыльнулся Самег.

— Понемногу выпускаю газ.

С приближением к пещере фантазия ребят разыгралась сильнее. Вспоминали все, что когда-либо слышали об этом таинственном месте. О, сколько выдумки было в этих рассказах! В душе Рашид восхищался искусством народных сказителей. Вот если бы все эти удивительные истории записать на магнитофонную плёнку, подумал он, а затем издать отдельной книгой, ох, интересная бы получилась! На первый взгляд, это, конечно, вымысел, болтовня, но в них сокрыт глубокий смысл. Вот, например, история о Зартеппа — Золотом холме; вроде обыкновенная сказка, а ведь археологи нашли там древний клад...

Пещера была в двадцати-тридцати шагах от дороги и манила путников своим загадочным миром. Каждый из них раньше бывал здесь — с отцом или с другими родственниками. Но сейчас совсем другое дело. Рядом — ровесники, и никто не запретит хоть разок заглянуть внутрь пещеры.

— Ну, кто поспорит со мной? — задира л друзей Самег.— На пять рублей! Я сейчас войду в пещеру!

— Тоже мне смельчак! Я тоже могу войти,— одёрнул его Рашид.

— Но я войду и останусь там, сколько захотите! — храбрился Самег.

Приятели остановились. Теперь они были всего в десяти-пятнадцати шагах от пещеры.

— Идёт!— Хусейн заговорщицки подмигнул Рашиду и протянул руку Самегу.— Но с условием: ты останешься там ровно столько, сколько я захочу!

— Останусь! — не задумываясь, согласился Самег и схватил протянутую руку.

— А если нарушишь уговор, то—Рашид свидетель— отдашь мне пять рублей!

— Отдам! Так, сколько мне там пробывать?

— Ты сначала войди, а выйдешь, когда я скажу.

— На-ка, выкуси! — Самег показал Хусейну кукиш.— Нашёл дурака!

— Нашёл!

— А может, ты с отцом вернёшься сюда только в понедельник! С тебя станется!

— Это уж моё дело. Сказано — когда захочу!

— Ой, посмотрите на этого скрягу, как он боится потерять ещё не выигранные денежки! — Самег окинул Хусейна презрительным взглядом.

— Смотрите, волк!— вдруг закричал Рашид, показывая в ущелье.

— И вправду волк!

Все трое застыли в ожидании.

— Он нас не видит... Давайте его пугнём. Все разом свистнем,— предложил Самег,— Ну-ка, раз, два, три!

Заложив пальцы в рот, они, что есть духу, свистнули и завопили: «Испугался-а-а!»

Ещё не успело затихнуть эхо, как снежный ком сорвался с вершины горы, соскользнул вниз по склону и рассыпался в пыль.

Ребята в растерянности отпрянули назад. Ком упал в ручеёк и, подхваченный струёй, устремился вниз всего в десяти шагах от того места, где они только что стояли. Он бороной прошёлся по дну. Разинув рты, путешественники замерли в изумлении.

— Давайте вот что сделаем,— предложил Самег.— Сейчас гуськом пройдем по снегу, спрячемся в пещере, а следы заметём какой-нибудь веткой. Поглядим, что станут делать Усто Наджот и Хакназар-маслодел. А? Пошли!

Ступая след в след, они прошли путь, которым пронёсся ком. Последним шёл Самег и веткой миндаля заметал следы. Вот и пещера! Ребята осторожно вошли...

— О, какая большая! Прямо дом!

Последние слова Самега заглушил внезапный грохот, потрясший, казалось, и землю, и небо. Ребята выглянули наружу, но тут же отпрянули. С горы сползала огромная снежная лавина...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Какая-то неведомая сила впихнула наших любознательных героев в пасть пещеры. Им показалось, что опрокинулась земля. Ещё секунда — и барабанные перепонки не выдержат оглушительного шума. Гул достиг своего апогея, и вдруг всё затихло. Лавина с разбега напрочь закупорила вход пещеры.

Наступила плотная тишина... Она оказалась страшнее шума сходящей лавины. В пещере воцарился полный мрак. Словно внезапно погасло солнце, и наступила ночь. Поняв, в чем дело, ребята растерялись.

— О-о-ой! Ребята! Рашид! Умираю!

— Самег... Самег... Ты где? Не бойся...— срывающимся голосом отозвался Рашид.— Это снегом завалило вход..

Рашид ощупал своё лицо, голову, руки и понял, что здорово ушибся. Самег стоял в двух шагах от него и нёс какую-то околёсицу. Бредит, что ли, встревожился Рашид и ещё раз окликнул приятеля.

— Рашид, это ты? — пробормотал Самег.— Подай голос ещё раз, а то я сойду с ума.

— Самег! Не бойся, я здесь! А где Хусейн?

— Рашид... Рашид...— то и дело повторял обезумевший Самег.

— Да успокойся же ты, наконец! Замолчи! — прикрикнул Рашид. Он уже окончательно пришёл в себя, истерика Самега раздражала его. Тут послышались стоны Хусейна:

— Ой-ой, где вы! Не уходите, не оставляйте меня.

— Не бойся, без тебя никуда не уйдём,— отозвался Рашид.

— Ой, мамочка, умираю! Что это? Что-о? Уж не дев ли насмехается над нами? Что делать будем?— причитал в страхе Хусейн.

— Успокойтесь вы! — потребовал Рашид, и они послушно замолчали. Только слышно было, как стучат зубы у Хусейна.

— Что случилось-то? Кто закрыл вход?— не выдержал он.

— Да, да, кто закрыл вход?— забеспокоился Самет.

— Уж не дев ли и в самом-деле?..

— Де-ев! — передразнил Рашид.— Да говорю же, снежная лавина закупила пещеру — вот и всё.

В другое время приятели не простили бы ему такого тона, но сейчас не до самолюбия. Наступила тягостна я тишина. Сколько времени им придётся тут пробыть? Вернутся ли вообще в тот мир, от которого они сейчас отгорожены?.. Неопределённость пугала больше всего. Рашид подошёл к тому месту, где совсем недавно был выход, и принялся ощупывать снег.

— Ба, да здесь ещё и камни... Ну, ничего, я думаю, выход можно будет расчистить.— Ребята с лёгкостью поверили ему, и это было большим достижением Рашида. Его твёрдость духа, уверенность и оптимизм вселяли надежду на спасение.

— Может, до вечера выберемся, а? — засуетился Самет.

— Как выберемся, как? — заволновался Хусейн.

Рашид молча продолжал ощупывать завал.

— Здесь даже иголку не воткнёшь. Сплошная снежно-каменная стена. Даже не верится, что здесь был проем...

Недаром отец говорил, вспомнил он, что, не беда ищет человека, а человек беду. Шли бы своей дорогой без любопытства, возможно, и не попали бы в эту ловушку.

— Неужели...— дрожащим голосом пролепетал Самег,— неужели нет другого выхода?.. Что же делать? Эй, Рашид, скажи же что-нибудь!

Хусейн заплакал. Утешать его никто не стал...

— А если дружно возьмёмся за дело? Разгребём снег, перетащим в сторону, а потом...— начал было Рашид, но тут же понял бессмысленность своего предложения.— Нет, эти камни не сдвинуть. Сколько их! Камень на камне.

— Все равно давайте попробуем,— решился Самег и принялся с ожесточением разгрести завал.

— Я потерял свой мешок. Видно, под снегом остался,— спохватился Хусейн.

— Ну это уж слишком! — вспыхнул Самег и осыпал «скрягу» градом ругательств. Рашид раздражённо сплюнул.

— Там у меня изюм был,— попытался оправдаться тот.— Поели бы... Ведь помрём с голоду, пока нас освободят.

— Да ты что, спятил? Соображаешь, что мелешь? Никто нас не может освободить, кроме нас самих! — крикнул Самег.

— Самег, ну-ка, нагнись. Я взберусь тебе на спину и пощупаю наверху. Может, там снег рыхлый — удастся его разгрести.

— Все это бесполезно. Мы завалены снегом,— безнадежно отмахнулся Самег.

— Ну и что? Снег может осыпаться, и в щели меж камней пробьётся свет,— стоял на своём Рашид. Самег повиновался. Однако их усилия оказались напрасными. Вскоре всем стало ясно, что самостоятельно им отсюда не выбраться. Там, где снежная пыль осыпалась, палка натыкалась на камни.

— Что же теперь делать? — Самег с надеждой ждал ответа.

Рашид лишь пожал плечами. Глаза понемногу привыкали к темноте, и теперь он мог внимательно осмотреть пещеру. Сколько времени они смогут продержаться в этом подземелье без пищи?..

— Если бы у нас была еда...

— Ну и что бы ты сделал? — встрепенулся Самег, но тут же осел.— Можно подумать, что из еды ты сделал бы бомбу, чтобы взорвать эти стены...

— Если бы у нас была еда,— продолжил Рашид,— мы смогли бы дождаться весны.

— О-о! До весны!— в отчаянии запричитал Хусейн.— О, аллах, избавь нас от этой беды! И в чем мы провинились перед тобой?!

— Мы погибли, ребята, погибли!— истерично выкрикнул Самег.— Погребены живыми!

— Ну, хватит, не помрём! Люди месяцами могут жить без пищи,— Рашид ещё раз попытался утешить их, но у него ничего не вышло. «Время — лучший советчик,— подумал он.— А там видно «будет».

— Я согласен,— вскочил Самег.— Я согласен на все, что ты предложишь! Говори, что мне делать?

— Прежде всего, ребята, довольно нить, возьмите себя в руки. Был бы топор или хотя бы железка. Можно было бы разгрести снег и разбить камни.

— Размечтался,— разозлился Хусейн.— Откуда здесь взяться топору?..

— Ты предлагай только то, что выполнимо,— уныло заметил Самег.

— Давайте закричим хором,— встрепенулся Хусейн.— Нас услышат и откопают. Ведь вслед за нами ехали Усто Наджот и Хакназар-маслодел.

— Да они, наверное, уже проехали... Или им лавина преградила дорогу.

— Они могут добраться в кишлак другой дорогой и там расскажут о том, что здесь произошло,— вслух размышлял Хусейн.

— Придут, увидят, что от нас и следа не осталось, вернутся и оправят по нас поминки,— вздохнул Рашид.

— Неужели не догадаются поискать нас в пещере?

— Кто знает?..— пожал плечами Рашид.

Хусейн снова запричитал, обвиняя Самега в том, что он подбил всех войти в пещеру и завлечь их в такую беду. Самег не возражал.

— А если люди все же придут сюда и станут звать нас, мы услышим? — с надеждой взглянул он на Рашида.

— Прислушайся. Доносятся ли сюда, какие звуки? Нет. Если будут кричать у самого входа — тогда другое дело.

Они приумолкли, прислушиваясь к собственному дыханию. Кто бы мог подумать, что судьба так безжалостно

накажет их, устроит этот жестокий экзамен! Нужно держаться — может, все образуется. Или люди из кишлака откопают их, или самим удастся выбраться из снежной западни. В душе каждого теплилась надежда на спасение. А пока нужно просто стойко держаться, чтобы потом не пришлось краснеть перед односельчанами и однокашниками. Только Рашид, тщедушный Рашид, сомневался в столь лёгком исходе. Сердце его сжималось от страха, но он старался не подавать вида и подбадривал других.

Из четверых детей Рашид был старшим. Сестры уже замужем, а Рашид — главный помощник отца. Заготовка дров — его обязанность, о кормах для скота и чистке хлева, заботится тоже он. Словом, для баловства и щегольства у него просто не было времени. Семье сельского учителя едва удавалось сводить концы с концами. Рашид хорошо знал цену хлебу и одежде. Стало быть к аскетизму ему не привыкать...

Интересно, размышлял он, откуда поступает воздух в пещеру? Впрочем, неважно, главное — он есть, иначе задохнёмся. Хорошо, что и снег есть, значит, от жажды не умрём. Только вот еды нет... На первое время разыщем всякие корешки, но насколько их хватит? Хоть бы фонарик какой-нибудь...

— Самег, береги спички. Спрячь их во внутренний карман, чтоб не отсырели. Вся надежда на них, — но тут Рашид подумал, что зажигать огонь в пещере опасно — куда дыму деваться?.. Задохнуться можно. А вдруг тут ещё какой-нибудь газ — не дай бог, взорвётся.

Тем временем наступала ночь. Ребята поняли это по тому, как тусклый отблеск наверху завала постепенно исчезал. Вскоре они вовсе перестали видеть друг друга.

— Тут можно и окоченеть...— встревожился Хусейн. Он уже давно переминался с ноги на ногу, чтобы хоть как-то согреться.

— Не окоченеешь. В пещере постоянная температура. И потом, всегда можно найти средство согреться,— уверенно произнёс Рашид.

— Это какое же средство?— удивился Самег.

— А ты не знаешь?

Выдержав паузу, Рашид обеими руками поднял камень, сделал два-три шага и выпустил его. Камень с грохотом свалился наземь. Хусейн вздрогнул от неожиданности. Сообразив, в чем дело, он с досадой сплюнул через плечо.

— Итак, кто начнёт мёрзнуть, пусть поднимает этот камень и носит его туда и обратно. До двадцати раз. Только не до употения...

— Да, с тобой, приятель, не пропадёшь,— улыбнулся Самег.— Ишь, какой головастый! Могу поручиться, что с такой головой можно найти выход из любого положения.

— Да брось ты,— засмутился Рашид.

— Рашид, если ты найдёшь способ освободиться из этой пещеры, то...

— Ну и что ты сделаешь, говори быстрее,— Самегу не терпелось узнать, как может отблагодарить Хусейн за спасённую жизнь.— Ну-ка, ну-ка, выкладывай.

— Если мы отсюда выберемся, я приведу Рашиду барана из нашей отары.

— И всего-то! Ха-ха! Значит, цена твоей жизни один баран? А я-то думал, что ты отдашь за него свою сестру Анор!

— Если посватается, почему не отдать? Лишь бы в живых остаться!

— Вот ты говоришь «отдать», а надо бы сказать «отдадут»,— не унимался Самег.— Ведь твой отец меньше, чем за три тысячи дочку не отдаст. Лучше ты так скажи: «Если освободимся из этого плена, выдам сестру или за Рашида, или за Самега». Может, тогда аллах и укажет нам путь к спасению. Э-эх, ребята! Если мы выберемся отсюда живыми и невредимыми, Анор будет моей... Но ведь жаль, погибнем мы тут во цвете лет...

— Ну, хватит болтать пустое,— одёрнул его Рашид, поднимаясь с места.— Давайте хоть немного поработаем.

То и дело, потирая озябшие руки, они принялись разбирать завал, отдирая комья снега и отбрасывая их вглубь пещеры. Верхний слой им удалось кое-как ободрать, но за ним оказалась смёрзшая с камнями масса — крепкая, как древесина заранга 31. Ребята устали, руки их окоченели и стали чужими, непослушными. Ничего не оставалось, как только забиться в угол пещеры и ждать. Так они и сидели... Засунув руки под мышки, привалившись друг к другу спинами, отрешённо молчали.

— Так, пожалуй, можно и спятить,— нарушил молчание Самег.— Говорите что-нибудь...

---

31 З а р а н г — вид клена, отличающийся твердостью древесины.

— Пусть каждый расскажет что-нибудь интересное или смешное,— повернулся к товарищам Хусейн.— Всю ночь будем рассказывать...

— Со мной ничего интересного не приключалось,— отозвался Рашид.— Школа... Два курса медучилица, Я могу рассказать только то, что прочитал в книгах.

— А я?.. Что я успел повидать? И вот теперь...— не договорил Хусейн, чувствуя, как подступает к горлу комок.

— Да все равно, что. Лишь бы рассказывать,— нервно передёрнулся Самег.— А то, того гляди, сердце разорвётся.

— Начинай ты. А потом, может, и я что-нибудь вспомню,— согласился Рашид.

— Как-то раз,— начал Самег,— возле правления по-встречался мне Хамид Атола и спрашивает: «Поедешь со мной?» «Куда?» — говорю. «В город. Денька через два вернёмся. Заработаешь двадцать пять рублей». Я согласился и пошёл отпрашиваться у матери. В новом саду нагрузил он машину айвой и мы отправились. Когда проехали район, он несколько раз останавливался, заходил куда-то, о чем-то договаривался, а я сторожил машину. Потом отвезли айву на консервный завод и двинулись к базару. Там он поговорил с продавцами, нагрузил их товар в кузов и погнал машину, как я потом узнал, в сторону Узбекистана. На обратном пути нагрузил машину арбузами какого-то дядьки. По дороге мы останавливались у каждого базара. Когда Хамид с дядькой выходили — то ли цены узнать, то ли чаю попить,— дюжину арбузов я превратил в деньги! Но

самое интересное было потом... Хамид пригнал машину на какой-то базар, велел выгружать товар, а сам куда-то ушёл. Хозяин пообещал мне три арбуза, если помогу ему. Открыли борт кузова. Выгрузили половину, а места не хватает. Продавец сказал, что надо подать машину вперёд. Хамида нет. Что оставалось делать? Влез я тогда в кабину и завёл мотор. Машина затарахтела, рванулась! Я чуть со страху не помер. Вылезаю из кабины и что, вы думаете, я вижу? С десятка два арбузов высыпались из кузова, разбились и валялись на земле, что твои тюльпаны. Хозяин поднял крик. Пригрозил, что вычтет стоимость испорченного товара из тех денег, которые обещал заплатить за наем машины. Вернулся Хамид, получил с продавца за прокат машины, и мы с ним благополучно вернулись домой. Обещанных трёх арбузов я так и не получил, но двадцать пять рублей — это железно — я заработал. Не обманул меня Хамид.

— Не ради таких ли дел ты поступил на шофёрские курсы? Хорош, нечего сказать!..— поразился Рашид. Его удивила наивная откровенность приятеля, его полная уверенность — так и надо.

— Конечно! — не понял друга Самег.— Водители зарабатывают, дай бог! За два дня Хамид положил в карман около четырёхсот рублей! Тебе такое и не приснится.

— Не от хорошей жизни становятся такими, наверное.— Рашид задумался.— А знаете, говорят, что этого самого Хамида отец в детстве бросил на городском базаре. Ведь он только лет пять, как вернулся в кишлак. Время тогда было военное, недород, голод, хлеба вдоволь не

видели. И вот в поисках продуктов отец с сыном отправились в город, на базар. Мальчишке было лет шесть. Он немного отстал от отца, тот вернулся, дал ему несколько подзатыльников и, пока Хамид ревел, ушёл от него... Милиция отправила мальчика в детский дом. Оттуда парнишку перевели в другой. Так он оказался вдали от родного кишлака. Вырос, женился, появились дети... Однажды познакомился с кем-то из наших краёв...

— Нет, сначала он увидел сон,— перебил Рашида Хусейн,— Попросил растолковать его соседа-муйсафед. Старик сказал: «У тебя есть отец, ищи его...»

— Он разговорился с тем человеком, и тот сказал, что отец твой такой-то, живёт там-то и там-то. А Хамид даже название своего кишлака не помнил. Но все-таки нашёл отца. Тот был очень болен и уже не вставал с постели. Хамид перебрался в родной кишлак и целых два года ухаживал за больным отцом. Потом старик умер... А Хамид, говорят, прежде был честным, добросердечным человеком.

...Так, пытаясь отвлечь друг друга от мрачных мыслей, ребята проговорили довольно долго. Чтобы не околеть от холода, время ют времени таскали камни. Помогало, но ненадолго. А когда начинал одолевать сон, спали по очереди: один спал — двое бодрствовали. Под утро сон сморил всех троих...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ПОИСКАХ ПИЩИ. НАДЕЖДА НА ОГОНЬ

Они проснулись, когда в пещере слегка посветлело. Непостижимо, но здесь тоже наступал рассвет—так не похожий на тот, к которому они привыкли. Мучительно хотелось есть, но об этом старались помалкивать. Не сговариваясь, принялись исследовать завал. Работали с исступлением — долбили снежно-каменную стену. Когда от неё отвалилось несколько осколков, обнажились огромные смёрзшиеся глыбы. Все уже давно поняли тщетность своих усилий, но никто не осмеливался смириться с этой очевидной истиной. Смириться, значит убить в себе последнюю надежду. Первым отважился на правду Рашид:

— Довольно, ребята, только зря время и силы тратим.

— А что, сидеть сложа руки? — взвился Самег.

— Нужно позаботиться о еде.

— О еде? Камни, что ли, будем грызть? Что ещё здесь, в этой проклятой пещере, можно найти?..

— Кое-что все-таки можно... Только не надо отчаиваться. Не в такие положения попадали люди; знаете по книгам. Нас трое, а это уже сила, ребята!

— Молодец, Рашид! — воскликнул Самег.— Нечего раскисать. Надо действовать! Я лично готов делать все, что велишь! — вскочил он с места.

— Я тоже! — поддержал его Хусейн.

— Здесь наверняка есть съедобные корешки, травы, — сказал Рашид.— Вон между камнями торчат какие-то

корни, даже кустики... Неплохо бы соорудить какой-нибудь светильник и как следует обшарить пещеру. Может, отыщется кое-что ещё...

— Отыскалась бы сухая корочка хлеба,— мечтательно сказал Хусейн.

— Какой-нибудь светильник? — поморщился Самег.— А масло, фитиль для него?

— Фитиль? Да вот он, фитиль,— показал Рашид на полу своего пальто. Он силился припомнить что-нибудь прочитанное, способ какой-то, чтоб как-то облегчить свою и друзей участь. Ему казалось, что есть способ, он просто позабыл о нем.

— Во всяком случае, если мы и дальше будем так сидеть и думать о смерти, то и в самом деле умрём. Вставайте! — Рашид вскочил с места, пошарил рукой по стенам пещеры и, нарвав пучок каких-то корешков, на ощупь двинулся дальше. Нехотя за ним последовали Самег с Хусейном.

По мере того, как они углублялись в пещеру, мрак сгущался, и вскоре ребята оказались в полной темноте.

— Пожалуй, в могиле и то не так темно,— ворчал Самег.

— Тс-с!— прошептал вдруг Рашид.— Слышишь, вода журчит?..

По стене, звеня, стекала струя. Набрав в ладонь немного воды, Рашид попробовал ее на вкус.

— Можно пить. Осторожно, ребята, возможно, здесь лужа. Не упадите. Интересно, куда течёт эта вода?

— У нас есть десятка три спичек. Давайте несколько штук истратим,— предложил Самег.

— Нет, нет! Я уже говорил, что с огнём нужно быть осторожными. Кто знает, что может случиться. Чиркнешь спичкой, а тут какой-нибудь газ — все в воздух взлетим,— сказал Рашид, не подумав, и тут же понял нелепость своих предположений. Хорошо, в темноте никто не мог видеть, как он покраснел.

— О! А чем глубже в пещеру, тем, оказывается, теплей,— заметил Хусейн.

— Может быть, нам лучше спать здесь? — нерешительно предложил Самег.— Только бы не спутать день и ночь...

Обшарив пещеру, каждый набрал по пучку корешков и трав. Кроме того, им удалось найти старый короткий меч и покрытый ржавчиной серп. Среди корешков обнаружили несколько маслянистых корней мисковака. Рашид отжал масло в небольшом углублении одного из камней — может быть, удастся сделать светильник.

Корни оказались горькими, с неприятным запахом. Пожевали, пожевали их и выплюнули. Стало ещё хуже, возбудив аппетит, они почувствовали мучительные приступы голода. И все же через час ребята снова принялись за корешки и стебельки.

— Ешьте,— уговаривал Рашид.— Мы не жили во время войны, не питались травой. Вот теперь и мы знаем, что такое голод. До весны превратимся, в травоядных. Когда из пещеры выберемся, люди нас за дикарей примут...

— А как выберемся? Положим, наступит весна, растает снег, но ведь камни сами по себе с места не сдвинутся? — Хусейн понимал, что никто сейчас не ответит ему на этот вопрос, но молчать об этом было просто невозможно.

— Растает снег — там видно будет. Может, обнаружится щель, будем звать на помощь. Вдруг кто-нибудь и услышит,— стал обнадёживать друзей Рашид.

— Так что, до весны не умирай,— невесело пошутил Самег.

— И, пожалуйста, не думайте о еде,— посоветовал Рашид.— Чем больше будете думать, тем больше захочется есть. Давайте вспомним все свою жизнь. Какие добрые дела мы совершили, какие ошибки допустили, сколько дней прожили понапрасну... Ценность человеческой жизни измеряется делами. Иной проживёт всего тридцать лет и навсегда остаётся в памяти людей, а другой — девяносто, и никто о нем не вспомнит.

— Долго не проживёшь, питаюсь одними корнями...— горестно вздохнул Хусейн.

— Проживёшь,— серьёзно ответил Рашид.— Во время войны люди месяцами ели траву. Мама рассказывала, что зимой они разгребали снег, выкапывали из земли корни клевера, варили и ели.

— А разве колхоз не мог разрешить засеять пустующие земли, положим, пшеницей там или горохом?— спросил Самег.

— Попробовали бы! — усмехнулся Хусейн.— За разбазаривание колхозной земли вот что полагалось! — он сложил пальцы решёткой.

— Во время войны и не разрешали? Ведь голод был!

Хусейн промолчал, хотя о колхозных законах и правилах он был осведомлён гораздо лучше своих сверстников. Его отец долгое время занимал руководящие посты в правлении и нередко беседовал с сыном о своих делах.

Хусейн чувствовал, что люди недолюбливают отца, но это его не обижало. Одни говорили, сын, мол, не такой, а другие: «Змеёныш — себе на уме. Скрытный какой-то». Хусейна не задевало ни то, ни другое.

— Эх, сейчас бы блюдо с пловом, да чтоб мяса в нем было побольше! — размечтался Самег.

— Да сейчас ты бы смолотил целую миску жмыха,— отозвался Хусейн.

— И то верно... Я бы даже собачьи объедки подмёл и миску вылизал...

— Слава богу, пока мы не дошли до такого, чтобы есть поганое.

— Поганое! Как бы не закричать тебе: «Хоть бы дохлую собаку найти!» Не так ли, Рашид? — Самег вопросительно взглянул на друга в надежде, что тот станет опровергать его.

— Химики считают, что поганой пищи нет. Почистить или промыть, хорошенько продезинфицировать — и можно есть.

— Рашид, это ты должен был пойти в интернат. После десятилетки ты и в институт поступил бы, — подбросил Самег.

— Чепуха! — отмахнулся Рашид.— Даже прекрасно подготовленные не всегда проходят. Вот закончу на фельдшера, годика два поработаю, а там видно будет.

— А вот ты, Хусейн, в институт собираешься — видать, у тебя там есть поддержка, а? — Самегу хотелось уколоть сына большого начальника.

— Да не-ет,— уклонился тот от прямого ответа.

— Ну, если в институте у тебя и нет никого, зато здесь... Отец — заведующий фермой, денежный... А когда деньги есть и в лесу шурбо 32 можно найти,— с завистью проговорил Самег.

— Да это просто разговоры.

— А ты думаешь, с твоей головой в институт тебя без денег примут? — усмехнулся Рашид.

— Точно. Нечего увиливать. Ты, как и я, еле закончил восьмилетку, теперь тебе лишь пастухом работать или, как я, трактор водить. По правде оказать,— уверенно добавил Самег,— лишь один из нас имеет право поступить в вуз. Это Рашид.

— Боки тоже неплохо учится,— возразил Рашид.

— Ну, этот не в счёт. Подмажет кого надо и пройдёт.— Он прожевал корешок и, морщась, с трудом проглотил его. — Ой, мне что-то нехорошо...

— И меня тоже подташнивает, — признался Рашид.— Надо воды попить, пусть лучше стошнит.

— Зачем же насильно-то?

— Меня мать научила. После этого легче становится. Медики считают, что иногда одна боль исцеляет другую.

...Видно, правду говорят — ко всему привыкает человек. Даже животные погибают порой, не выдержав неволи. Только человек может покорно и терпеливо ждать. Надеяться до последнего вздоха на какое-то чудо. Так же надеялись и беззаветно верили в него наши герои. Пытаясь не обращать внимания на муки голода, они болтали о всяких пустяках. Тем и спасались.

Рашид надеялся несколько дней продержаться на корешках. «Но через неделю они кончатся, что тогда делать?..— размышлял он.— А надо продержаться хотя бы дней двадцать...»

— Рашид, эй, Рашид! — прервал его размышления Самег.— Закончишь ты, скажем, училище, станешь фельдшером, а сколько получать будешь? Я о зарплате говорю...

— Не знаю,— растерялся тот.— Рублей семьдесят - восемьдесят, не больше...

— Семьдесят-восемьдесят рублей шофёра, вроде Хамида, за одну ночь зарабатывают. Ей-богу, не понимаю — чего ради ты учишься-мучишься? Ведь если даже чабаном работать, и то это верные две сотни в месяц! А? Или лёгкой работы ищешь?

— Ты думаешь, работать фельдшером легко?

— Ну тогда зачем же ты учишься?

— Зачем... Как тебе сказать?.. Люблю я это дело.

— Да кому нужна твоя любовь безо всякой пользы для себя? Вон Хусейн собирается агрономом стать. Значит, сыт будет за счёт колхоза. А ты что?

— Э-э, да брось ты эти разговоры!— рассердился Рашид.— Человек живёт не только ради того, чтобы деньги добывать.

— Выходит, ты, дурачок, не хочешь делать деньги, чтобы жить в своё удовольствие?

— Э-э, да оставьте вы эту бесполезную болтовню! — вскипел Хусейн.— Лучше вспомните об аллахе... И помолчав, вновь стал ныть.— Господи, можно ли выбраться

из этой проклятой пещеры? Я, например, не вижу никакого выхода.

— Вспомни-ка Робинзона Крузо. Положение его было похуже нашего — он был один - одинешенек. А одиночество — тяжкое испытание. И я вычитал, что месяц можно прожить без пищи.

— Но он был на земле, а мы под землёй. Он охотился, - землю обрабатывал,— заметил Хусейн.

— Мы тоже что-нибудь придумаем,— пытался обнадежить товарищей Рашид.— Мы ещё толком не осмотрели пещеру. А вдруг какой-нибудь топор отыщем или тешу³³. Когда раскалим слежавшийся снег, разобьём камни...

— Э-э! Откуда здесь взяться топору? Может, придумаем другой способ раздробить камни, а? — с надеждой спросил Самег.

— Другой способ — огонь. Пламя раскалит камни, а вода охладит их. От разницы температур камни расстрескаются. Ведь сказано у Фирдавси: «И здания прекрасные разрушаются под дождём и палящим солнцем!»

— Да ты дело говори — предлагай доступное!— разозлился Самег.

— Старец ещё тысячу лет назад сказал, что...

— Да какой старец-то? — все больше раздражался Самег.

— Говорю же — Фирдавси! Дождь камни дробит. В дождевой воде содержится нитрато-сульфатная кислота. Она-то и разъедает камни.

---

³³ Теша — род топора с узким лезвием.

— Э, братец! Я про тут говорю, а ты про иву толкуешь! Дело говори!

— А может, огонь разожжём, и дым наружу потянется?— вставил Хусейн.

— Верно. Заметят его — придут на помощь,— эта мысль понравилась Самегу.

Рашид молчал—думал. Приятели выжидающе смотрели на него.

— Надо попробовать,— сказал он наконец.— Вообще-то, это опасно. Если нет отверстия, дым скопится в пещере. Тогда задохнёмся.

— Не трись! Мы осторожненько. Кому охота умирать,— похлопал его по плечу Хусейн.

— Тебе не надоело ещё жить? — пошутил Самег.

Ребятам удалось отыскать палочки-щепочки, но они оказались сырыми и никак не загорались.

— Эх, был бы хоть клочок бумаги... Ну-ка, поройтесь в карманах, может, и завалылась какая-нибудь бумажонка.

Хусейн первым вывернул карманы — пусто...

— Откуда бумаге-то быть? — вспыхнул Самег.— Таскаем ее в карманах, чтоб письмо матери написать?

— А почему бы и нет?— улыбнулся Хусейн.— Может, на том свете есть почта.

Пытаясь разжечь огонь, ребята промучились до самого вечера, но так ничего и не добились. Только половину спичек извели.

— На сегодня хватит,— решил Рашид.— Все равно уже темно, кто сейчас заметит наш дым? Утро вечера мудренее. Завтра поглубже заберёмся в пещеру, может, там найдём ветки посуше. А теперь, милые зверушки, погрызём пару

корешков,— и немного погодя добавил:— Если корни есть не станем, то и жить мы перестанем!

— Нет, вы полюбуйтесь на него,— рассмеялся Самег.— Он уже стихами заговорил. Если не сойдёшь здесь с ума, поэтом станешь!

— Ой, да замолчите вы! — досадливо попросил Хусейн.

— А по мне — пусть с ума сойду, лишь бы живым остаться,— не унимался Самег.— А как вообще сходят с ума, а, Рашид?

— Глупости всякие начинают болтать, вроде тебя,— весело отозвался Рашид.— Ты лучше на корешки навались.

Хусейн, видимо, последовал его совету. Самег брезгливо поморщился:

— Не забудь землю-то стряхнуть, прежде чем наполнить свою утробу этими мерзкими корнями.

— За собой смотри! Тьфу! Горький... Видно, арчовый попался...

— Голод не тётка — все что угодно слопаешь. Вон в Ленинграде во время войны чего только не ели... мышей и кошек даже,— вспомнил Рашид прочитанное.

— Да враки все это! Умирать буду, а такое есть не стану,— заявил Самег.

— Станешь,— вставил Хусейн.— По настоящему ещё не голодал. Денька через три мечтать будешь о мыши.

Настроение у всех испортилось.

— Неужто так и помрём? — опять заныл Хусейн.— Неужто никто нас не откопает?.. Должны же нас искать!

— Положим, люди из кишлака уже приходили сюда, обыскали все, звали нас, звали — ответа нет. Решили, что

мы погребены под снежной лавиной. Откуда им знать, что мы в пещере? — рассуждал Рашид.

— Значит, в наших домах сейчас траур?! — поразился вдруг Самег и было непонятно: то ли он пожалел свою мать, то ли позабавил его сам факт. Но Самага больше занимала мысль о еде. Корешки скоро кончатся и что тогда?.. Рашид советует есть понемногу. Что, если сейчас утаить, припрятать корешки... Буду тайком потом жевать, может, и дотяну до весны. Но как забрать их у Рашида? Что бы придумать, чтобы этот доходяга не заметил и не поймал меня? Хусейн будет молчать... Рашид зачем-то разделил корешки на две кучки... Завтра же заберу все в свои руки, а то...

Мысли Рашида были заняты другим. Течёт ведь вода куда-то! И воздух в пещеру поступает. Даже свет пробивается сквозь толщу снега и льда. А может, в глубине пещеры есть проем?.. Во что бы то ни стало нужно разжечь огонь...

А Хусейн все страдал. Он уже представил картину их ужасной гибели. Когда-нибудь найдут их останки, и снова в кишлаке поднимется плач... Мать будет царапать себе лицо, и рвать волосы. Потом... потом сложат их кости в мешки и снесут домой. И с трёх дворов вынесут три табута 34. Выроют три могилы в ряд... Хусейн молча плакал, время от времени прорываясь всхлипом.

Самег хотел, было его утешить, но тут же сам разревелся. Рашид тоже сдерживался с трудом.

---

34 Табут — погребальные носилки Теша — род топора с узким лезвием.

— Кто проклял нас? — запричитал Самег.

Нервы его сдали, и он уже ни на кого не обращал внимания.

— В чем мы нагрешили? Ведь никому ничего плохого не сделали!

— Так ты себя считаешь безгрешным? — вспыхнул вдруг Хусейн.— Не из-за тебя ли мы оказались в этой западне?

— Ишь, невинный голубок!..— съязвил Самег.

— Прекратите! — прикрикнул на них Рашид.

— Не ехидничай! Да ты кто такой?— сказал презрительно Хусейн.

— Ха! Да ты сначала на себя посмотри!— зашипел от злости Самег.— У отца твоего две жены!

— Ну и что же! Это по закону нельзя иметь двух жён, а шариат разрешает не только две!

— Разрешает... Он привёл в дом двоюродную твою сестру! Да все его осуждают — говорят, что даже неверный так не поступил бы. Мулла не хотел совершать никох 35, но и его он сумел напугать! Думаешь, мы не знаем?

— Отца моего не трожь! Ты обо мне говори,— понизил тон Хусейн.— У отца своя дорога. И живёт он старыми обычаями...

— И нечего воображать! Разбогатели-то за счёт колхозного скота! — не унимался Самег.

— Верно говорят: «Завистник слеп!»

— Это кто же завистник? Я? Чему же я позавидовал? Говори!

— Почему тогда привязываешься к моему отцу! Думай, прежде чем сказать!

— Вора вором называют...

— А тебя как называют? Чей ты сын? Где твой отец? Бежал после твоего рождения!

Хусейн смолот чепуху. Все в кишлаке знали, что после рождения Самега его родители повздорили и разошлись. В порыве гнева отец выкрикнул: «Это не мой сын!» Никто, конечно, ему не поверил. Хусейн же произнёс это с умыслом — мол, нет дыма без огня.

— Что, что! — Самег вскочил на ноги и схватил Хусейна за грудки. — Ты докажи, а не то...

— Ой, да хватит вам! — вмешался Рашид. — Пошутили, и довольно!

Но не тут-то было.

— Я заткну тебе глотку! — Самег сдавил горло Хусейну и грязно выругался.

— Не заткнёшь! Все знают, кто ты такой! — прохрипел упрямо Хусейн.

В ход пошли кулаки, ноги, ругательства, проклятия. Разнимая драчунов, Рашид тоже схлопотал несколько пинков и ударов кулаком. Ему удалось растащить их только потому, что они уже обессилели и едва переводили дух.

— Ей-богу, глупее вас, наверное, в целом мире не найдёшь. Можно сказать, смерть заглядывает в глаза, а сколько ненависти и злобы! — пристыдил их Рашид.

— Вот поганец! — продолжал браниться Самег, не обращая на него внимания.

— Ты сам поганец... Подлец!

— Да прекратите же!

— Погоди... Выведу я на чистую воду всю вашу семейку! Так и знай! Отец твой мироед! — Самег в крайнем возбуждении стиснул свой подбородок, подобно тому, как бородатые старики собирают в горсть бороду, как бы клянясь это сделать.— За счёт чабанов наживается, за счёт кормов. И районные власти подкармливает! Все это знают! Придёт время, я вам покажу! Чем так жить, как твой отец, лучше — в пропасть вниз головой.

— Ну и прыгай!— Хусейн лихорадочно соображал, как бы побольнее уколоть Самега, и выпалил первое, что пришло в голову.— Отец твой, кажется, тоже собирался покончить с собой?

— Подожди! Найдётся топор и для твоего отца. Подрубят ему корни-то! У властей камча длинная — до всех достанет. Вот тогда посмотрим, что ты запоёшь!

— Не беспокойся! Я и тогда у тебя хлеба не попрошу. А ты вот приходил! Забыл, что ли? Нажрался... Неблагодарный! Твоя мать спозаранку торчала под дверью, словно нищенка — хлеб выпрашивала!

— Погоди-и-и! Вот сообщу, куда следует! И не называться мне больше Самегом, если я не разоблачу твоего отца!

— Хе-хе! Расскажи сон свой воде! Ещё не родился тот глупец, который поверит твоим словам! Доказательства нужны, доказательства! А то за клевету схлопотать можно, подобно Джурахоли Джабарову.

— Ради всего святого, угомонитесь, не то...— не выдержал наконец Рашид и вскочил с места. Его решительность подействовала — оба разом замолчали. За-

полнившие пещеру мрак и жуткая тишина мало-помалу остудили вскипевшие страсти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕВЕДОМЫЙ ЗВЕРЬ. ЕСТЬ ОГОНЬ!

Шли дни. Эти сутки ребята провели так же, как прошлые. Когда в пещере было светло, ребята ощупывали потолок и стены в поисках съедобных корешков. Вечерами делали разминку, чтобы согреться, ночью забывались тяжёлым беспокойным сном.

Однажды им удалось обнаружить разбитый кувшин. Теперь в нем можно было носить воду из небольшой выбоины под каменной стеной. Рашид советовал побольше пить, чтобы как-то подавлять чувство голода.

Порой им казалось, что они живут здесь давным-давно. Глаза настолько привыкли к темноте, что теперь ребята свободно ориентировались в пещере. Как-то Рашид обмолвился, что кончики пальцев способны «видеть».

— Да ты, парень, малость того... — усмехнулся Самег. — От голода и не такое может случиться!

Рашид не стал спорить с ним. В первые дни его товарищи надеялись на него, верили, что он найдёт какой-нибудь путь к избавлению. А когда поняли, что он так же беспомощен, как и они, снова стали называть «Малокровным» и «Юлой». Рашид не обижался, в душе надеялся найти выход и этим вернуть доверие товарищей. Сегодня он решил уговорить их пойти в глубь пещеры.

Прятели упорно сопротивлялись—боялись заблудиться. И все же Рашиду удалось их уговорить.

Шли осторожно, держась за руки и ощупывая стену. Рашид впереди.

Иногда нащупывали корешки, какую-то растительность, хворост. Едва отошли метров на двадцать, как очутились в крошечной тьме. И тут вдруг раздался душераздирающий вопль. Хусейн внезапно наткнулся на что-то тёплое, мягкое, мохнатое и с криком: «Ой, мамочка!» отскочил назад.

— Что? Что такое?! — всполошился Рашид. От страха сердце его готово было выскочить из груди.

— Кто-то... там...— дрожа всем телом, проговорил Хусейн.

Самег от страха и вовсе лишился дара речи.

— Да кто «кто-то»? Говори толком! — допытывался Рашид.

— Не знаю... Вроде бы зверь...

Рашид сделал несколько шагов и прислушался:

— А как, по-твоему, этот... живой или мёртвый?

— Не знаю...

— Видно, чей-то труп,— предположил Самег.

— В темноте разве разберёшь... Кажется, волосатый,— едва выговорил Хусейн.

Весь день они только и говорили об этом происшествии. Рашид ещё раз сходил к тому месту и долгое время тихо сидел там, пытаясь уловить какой-либо звук, но «зверь» молчал. Дальше идти он не посмел. Собрав немного сухих веток, принялся сооружать светильник. В ход пошла даже прилипшая к рукам паутина. Он выдрал кусок ваты из пальто, макнул его в жир, который выжал из маслянистого

корня мисковака, и поднёс спичку. Вата задымилась, потлела, но не загорелась. Рашид не пал духом. Тщательно обследовал руками камни, в расщелинах между ними обнаружил нечто похожее на клей, макнул в него вату, скрутил и поджёг фитилёк. Замигал слабый язычок. Есть огонь! Самег поднёс к нему пучок соломы, что держал наготове. Ребята пристроили этот костерок у самого входа в пещеру, принялись ломать веточки и осторожно подкладывать в огонь, словно совершая какое-то таинство. Крошечный костерок разгорался, и вскоре под потолком пещеры за клубился первый безобидный дымок.

Ребята были безмерно рады. Хусейн проворно снял сапоги и протянул к огню затёкшие ноги. Так же поступили и его товарищи.

Но радость оказалась недолгой. Не прошло и нескольких минут, как от едкого дыма начали слезиться глаза, запершило в горле, начался кашель. Самег хотел было затоптать огонь, но Рашид не позволил:

— Не трогай! Ещё больше дымить будет...

— Ой, да это же самоубийство! — кашляя и задыхаясь, выдавил Хусейн.

— Намочите платки или шарфы и попробуйте дышать через них,— посоветовал Рашид.

Однако и это не помогло, дым становился все гуще.

— Что теперь делать? А, Рашид?— с надеждой спросил Самег.

— Идемте вглубь пещеры... Пока дым не развеется...— отрывисто произнёс Рашид. Он поднял горящую ветку и двинулся вперёд.

— Далеко не ходи,— взмолился Хусейн.

Метров через десять дышать стало легче.

— Факел твой гаснет,— заметил Хусейн.

Рашид принялся раздувать головёшку, но было бесполезно.

— Эх, если бы огонь не погас, мы разглядели бы твоего «зверя», Хусейн,— остановился в растерянности Рашид.

— Я дальше не пойду,— ответил тот.— Хватит с меня и того, чего натерпелся. Все мертвецы мерещатся...

— И меня преследует трупный запах,— отозвался Самег.

— Может, этот бедолага оказался в таком же положении, как и мы...

При этих словах сердце Рашида дрогнуло, но он постарался взять себя в руки.

Оглядевшись при слабом свете тлеющего уголька, ребята мало-помалу успокоились, а Рашид, отыскав несколько сухих веточек, положил их поверх головёшки и принялся раздувать огонь.

— Да брось ты,— недовольно проворчал Хусейн — Никуда мы не пойдём. Кто знает, животное там или мертвец. А я покойников боюсь...

— Не трусь! Упавший в воду дождя не боится.

Рашид нащупал соломинки, пристроил на них тлеющий уголёк и вновь принялся раздувать огонь. Наконец он добился своего. Слабый огонёк высветил огромные каменные глыбы, составляющие пол, стены и потолок подземелья.

— Ребята, нельзя сидеть сложа руки. Давайте зажжём два факела и сходим туда — посмотрим, что это за зверь такой,— не унимался Рашид.

— Видно, смерть твоя туда тебя зовёт. Ну что ты привязался?— отвернулся в раздражении Хусейн.

— Да ты не бойся. Впереди пойду я.

Рашид зажжёт факел и двинется вперёд. Через несколько шагов остановился в нерешительности. Нет, одному этот страх не осилить...

...Голод сделал своё дело. Ребята настолько ослабели, что теперь лишнее движение давалось с огромным трудом. Шёл четвёртый день их пребывания в пещере.

Самег и Хусейн, казалось, совсем забыли о недавней ссоре, но Рашид чувствовал, что, если они останутся живы, не простят друг другу. Не зря говорят, язык мой — враг мой.

— Все-таки надо сходить туда... Может, там что-нибудь съедобное...— едва слышно проговорил Рашид.

— Пойдём. Будь что будет! — поддержал его на этот раз Самег.

Рашид предлагал идти всем вместе, но Хусейн отговаривался, мол, боится мёртвых и потому остановится на полпути — будет им светить. На это Самег заметил, что и умирать ему придётся в одиночестве...

— Эх, переживают теперь мои родители,— грустно вздохнул Рашид, зарывая уголёк в золу.

— Нашим легко, что ли? Словно не из того ты теста, — огрызнулся Хусейн.— Давайте лучше поговорим о чём-нибудь приятном. Пусть каждый без утайки расскажет, о чем мечтает, кем хочет стать, какая девушка ему нравится. И если потом кто-нибудь кому-нибудь проговорится, подлецом будет. Идёт?

— Вот ты и начинай!— оживился Самег.— А мы будем судить, как Мункар и Накир 36. Только правду говори!

— Нет, ты начинай,— замялся Хусейн.

— Ты же предложил, вот и начинай!

— Давайте жребий тянуть.

Рашид разломил веточку на три части и спрятал в кулаке так, что наружу торчали лишь концы.

— Одна длинная, другая средняя, третья совсем короткая. Кому достанется длинная, тот и начнёт.

Жребий пал на Хусейна.

— Что мне сказать? — он смущённо улыбнулся.— После школы собираюсь в сельскохозяйственный институт. Так... Ещё что?.. Агрономом буду. Мечтать — не порок. Хочу стать уважаемым человеком, подняться по службе... Ещё что?..

— А кто тебе нравится? Признавайся, признавайся...— подстегнул Самег.

— Вообще-то... пока я никого ещё не любил. Правда, мне немного нравится моя одноклассница. Там, в районе... Но это пустое — отец не возьмёт в семью со стороны... Скорее всего, мне сосватают девушку из нашего круга.

— Кого? Говори!

— Не знаю. За пять лет какая-нибудь подрастёт,— рассмеялся Хусейн, уклоняясь от прямого ответа.— Вот и все. Теперь твоя очередь, Самег.

— Я... Прости, Хусейн... Ты вот сказал: «Мечтать — не порок», — засмеялся Самег.— Я... люблю Анор... В

---

36 Мункар и Накир — имена ангелов, которые будто бы учиняют допрос покойникам в могиле.

лепешку-расшибусь, но женюсь на ней, затем куплю машину... Хочу стать или завгаром, или завхозом. Если повезёт, то и кассиром. Каждый день буду резать по одному барашку и угощать друзей. Водка, коньяк, само собой... Эх, только бы твой отец выдал за меня Анор!

— Ну, хватит,— прервал его Хусейн.— Нечего понапрасну трепать ее имя. За кого суждено, за того и выйдет, когда придёт время...

— А я зашлю сватов! — вскинулся Самег.— Кто посмеет помешать мне посвататься к ней?! Морду разобью!

— Хотеть не запрещено,— ухмыльнулся Хусейн и повернулся к Рашиду.— Теперь твоя очередь. Ничего не скрывай — говорим правду и только правду.

— А что мне скрывать? — пожал плечами Рашид.— Если выберемся из этой дыры живыми... выучусь. Доктором стану. Хочу стать хорошим доктором.

— Не юли, Юла! Скажи: «Хочу стать главным врачом какой-нибудь больницы»,— вставил Хусейн.

— Нет, на это у меня не достаёт организаторских способностей.

— Этот... Ну тот известный хирург из района... Как его зовут-то? Рашид хочет стать таким же, как он,— предположил Самег.— Ежедневно привозят ему барашка, всякого добра в коробках и ящиках.

— Нет, ребята, вы ошибаетесь. Т а к и м я не хочу быть. Пусть хлеб углём станет, не хочу,— побожился Рашид.— Лишь бы люди были довольны моей работой, вот и все.

— Ну, а ещё что?

— Больше ничего... Пока никого не люблю.

— Состаришься, а все девушек будешь бояться.

— Я... я не боюсь. Я... стесняюсь.

— Никчёмным человеком станешь,— безнадёжно махнул рукой Самег.— Никакой пользы от тебя не будет.

Проговорили они долго и вновь стали искать способы освобождения из пещеры. При этом каждый обнаружил недюжинную изобретательность ума и буйное воображение. Однако и на этот раз ни к чему не пришли. И тогда Рашид решил вновь попытаться разрыть завал.

Егохватило ненадолго—закружилась голова, потемнело в глазах от слабости. Он оставил бесплодное занятие. Рашид не заметил, как задремал.

«Дружи с людьми, береги друзей,— услышал он знакомый голос.— Человеку и ста друзей мало». Отец! От радости у Рашида перехватило дыхание — он увидел в мельчайших подробностях морщинистое родное лицо. Отец как-то рассказал сказку: «Умер один человек. И вот на том свете стали подсчитывать его добрые и дурные дела. Их оказалось поровну. Ему сказали: «Ступай и принеси ещё одно доброе дело, ну хоть с просяное зёрнышко — тогда попадёшь в рай». Отправился человек к своему отцу и попросил: «Одолжи мне крошечное доброе дело». Тот ответил: «У меня самого добрых дел меньше, чем дурных. Ничем тебе помочь не могу». Тогда человек пошёл к своей матери. «У меня добрых и дурных поступков поровну»,— ответила она. Опечаленный, побрёл он дальше. Долго ли, коротко, навстречу— приятель: «Чем ты так огорчён?» Тот рассказал. «Э, друг, да стоит ли горевать из-за такого пустяка? — воскликнул собеседник.— Будь что будет! Есть у меня одно единственное доброе дело — как раз с просяное зёрнышко. Бери, дарю!» Так человеку удалось попасть в

рай. А через некоторое время он встретил там и своего приятеля. «Да ведь ты говорил, что добрых дел у тебя всего-то с просяное зёрнышко,— удивился он.— Как же ты смог попасть в рай?» «Верно,— ответил тот,— но я отдал эту малость тебе, и это, наверное, очень понравилось аллаху, потому что он простил мне все грехи разом». Так что делай добро без корысти, сынок». Рашиду хотелось удержать образ отца, но это ему не удалось.

Неужели никто не догадается разобрать завал в пещеру?— вывел его из полудрёмы голос Хусейна.

— Потерпи... Придёт весна...— встрепенулся Рашид.

— Ну и что? Сил-то совсем нет. Встану с места — так коленки у меня дрожат,— всхлипнул Хусейн.

— Ребята, надо дать обет, может, тогда судьба смилостивится над нами...

— Не верю я в это,— прервал Самег Рашид.

— Вот и пообещай, что больше не будешь обижать старушку Гуландом,— пробубнил Хусейн.

— Ну, это было давно. Я ещё маленький был...

— Вот и настигли тебя проклятия бедной старушки! — не унимался Хусейн.

— А тебя кто проклял?

— При чем здесь я? Мы ведь из-за тебя в беду попали.

— Вот привязался! — вспылил Самег.— А кто колхоз обворовывает? Сами грешите, а в беду из-за меня попадаете?

Хусейн промолчал. Сил не хватало пререкаться, но и молчать подолгу было невыносимо. Казалось, что именно в минуты молчания начинает подкрадываться смерть.

— Если живым отсюда выберусь, то... Что пообещать?— примирительно начал Хусейн.— Зарежу барашка.

— Да ты уже об этом говорил,— отмахнулся Рашид.— Значит, цена твоей жизни—один барашек! Я думаю, лучше пообещать корову духам этой пещеры. Может, поскорее отпустят. Только что-то я сомневаюсь в их доброте.

— Да этот за корову собственного отца продаст! — съязвил Самег.

— Опять за своё?— рассердился Хусейн.— Да у тебя в доме хоть шаром покати, разве лишь поганая кошка!

— Ха, а таких, как ты, богачей...— Самег выругался.

— Да прекратите вы в конце-то концов! Храбрецы за чужой спиной! Если такие прыткие, приведите того «зверя»! Что — слабо?!— Рашид презрительно сплюнул и замолчал.

Отца Хусейна народ не любит. Рашид в задумчивости застёгивал и расстёгивал молнию на вороте спортивного костюма. Поговаривают, что он оклеветал нескольких человек, назвав их кулаками, и по его навету их сослали... Хусейн стыдится этого, но скрывает. Хотя он и рос на вольных хлебах — беспечно и беззаботно,— но правдив, не врёт, не предаёт. Вот кому трудно верить, так это Самегу. Этот словно идёт по следам отца Хусейна. Ради своей выгоды на любое предательство способен. Вот и сейчас припрятал несколько корешков. Сказал, мол, на чёрный день, не трогайте. Куда уж черней...

— Корешки и травы кончились. Если ещё что попадётся, экономьте,— сухо сказал Рашид и покосился на Самега.

Как, однако, они исхудали, отметил он про себя, глаза ввалились, скулы выпирают. И без того круглая голова Хусейна теперь напоминала ковшик. Он боится смерти больше, чем мы, хотя и не подаёт вида. Раньше был мягким, покладистым, как девушка, а сейчас раздражителен и груб. Ни десятилетка ему не нужна, ни институт, мечтает стать трактористом. Но отца послушаться не смеет. И юмора не понимает...

— И откуда взялась эта пещера, будь она трижды проклята! — заговорил вдруг Самег.— Рашид, ты знаешь, как образуются пещеры?

— Не знаю,— признался Рашид.

— Они возникли сами по себе, Давным-давно, с сотворения мира,— Хусейн не умел долго дуться, и охотно шёл на примирение.

— А почему же в других местах они не возникли?— раздражённо спросил Самег.

— Все здесь просто. Горные породы состоят из извести и других растворимых горных пород. Соль вымывается водой, а в этих местах образуются пустоты,— начал было объяснять Рашид, но тут же сник — ему стало тоскливо и безразлично.— У меня сил нет разговаривать,— устало пробормотал он и повернулся на бок. Веки отяжелели, и он задремал. И перед ним возникла мать. Удивительно добрая и заботливая у меня мама, подумал он с нежностью. Такая ласковая, всегда старается помочь людям, примирить их, зла никогда не помнит. Нас тоже учит прощать ошибки, не ссориться. Очень огорчается, если нам случается обидеть друг друга. «Мир,— говорила она,— это вертящаяся сцена— отчего уходишь, к тому возвращаешься. От добра

— к добру, от зла — к злу». Школьный учитель на это, помнится, усмехнулся: «Конечно, нужно бороться со злом, однако жизнь... Ведь мир—вращающаяся сцена? Любопытно... Но пока эта сцена совершит круг, эх-хе-хе...» А мама тогда ответила: «В прежние времена возмездие настигало человека через сорок лет, а теперь через сорок дней». Молодец!

— Ну что же эта злополучная весна никак не придёт,— заныл Хусейн.

— Нечего торопить аллаха,— вяло отозвался Самег.

Да, вся надежда на весну, подумал Рашид. Придёт вовремя — мы спасены, запоздает... Впрочем, что это мы так боимся смерти? Все умирают в конце концов. Какая разница — когда... Как здорово об этом у Хайяма:

От моего прихода не было пользы небосводу,

И от моего ухода не увеличились ни сан его, ни

блеск...

Нет, нет! Я нужен людям, а они — мне. Выжить, выжить, во что бы то ни стало! Завтра же схожу и узнаю, до чего дотронулся Хусейн. Пойду один, раз они трусят. И то верно, что у страха глаза велики. Всё! Решено!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОТ ТАК СОСЕД! НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ

Вооружившись факелами и палками, ребята двинулись в глубь пещеры. Первым увидел таинственного соседа шагавший впереди Рашид.

— Ба! — воскликнул он в изумлении и, повернувшись к товарищам, прошептал: — Тс-с! Спит...

На подстилке из утрамбованных веток в крепкой зимней спячке свернулся огромный медведь. Ребята на цыпочках отошли назад. Дело принимало иной оборот...

Вначале все трое обрадовались, ещё не отдавая себе отчёта — чему. Потом... Рашид отказался первым от этого намерения. Наточенные серп и короткий меч, конечно, остры, но убивать медведя... Нет, он на это не пойдёт. Спящий зверь вселил в него надежду и словно прибавил сил. Теперь они здесь не одни, с ними ещё и богатырь дядюшка-медведь. А он не потерпит заточения и непременно найдёт выход. Рашид любил животных, понимал их, и они, видимо, это чувствовали — не боялись его. Никого, кроме Рашида и его отца, не подпускал к себе осел-ревун. Отца он побаивался, потому что он временами поучал его халачубом ³⁷. А вот с Рашидом они были друзья — понимали друг друга с полуслова.

— Медведь — спаситель наш,— уверял он товарищей.— Вот увидите, он укажет нам выход из пещеры.

— Эх ты, наивная простота! Вот умрёшь с голоду, кому он будет дорогу тогда указывать? — Возмутился Самег.

— Да ты спятил, Рашид,— поддержал его Хусейн, шмыгая носом.— По-твоему, значит, пусть лучше мы умрём?..

— Поймите же вы, — слабым голосом выкрикнул Рашид.— Одна надежда на него! Или он найдёт другую

---

³⁷ *Халачуб* — заострённая с железным наконечником палка для понукания ослов и волов.

дорогу или сумеет расчистить прежний выход. Убивать медведя — равносильно самоубийству! — Рашид умолк в изнеможении. Сердце бешено колотилось, голова кружилась, на лбу выступила испарина.

Самег сходил к хаузу, попил воды и, обессиленный, повалился наземь. Придя в себя, вновь обратился к Рашиду:

— Это же безрассудство! Может, ты смерти нашей хочешь? Я умру, но знай, сначала убью тебя...— он описал в воздухе петлю.— Ты такой же завистник, как и твой отец.

— Кому же позавидовал мой отец?

— А кто расстроил свадьбу Аманулло? Твой отец!

— Так ведь... Неужели учитель должен был молчать, когда пятнадцатилетнюю девочку выдают за пятидесятилетнего. Он тому человеку тоже разъяснил...

— Ну и сказанул! Да ведь она уже восьмилетку закончила! Зависть! Хотел прославиться, уважение завоевать... Председателя раскритиковал, ослабил! Да возьми, например, отца Хусейна — он хоть и не учёный, но его в сто раз больше уважают! Да и вообще... Дом всегда полон гостей. Ты тоже недалеко ушёл от своего отца, тоже завистник. Учишься, а пользы людям от тебя — никакой. Я хоть машину могу водить...

Конечно, вспомнил Рашид, отца Хусейна считают хлебосолом, сердечным человеком, он принимает только высокопоставленных нужных людей.

— Выходит, отец мой виноват в том, что выучил тебя?

— Я ничему от него не научился. Я бы и без него школу закончил, подумаешь! — отрезал Самег и, обернувшись к

Хусейну, приказал: — Вставай! Пошли медведя убивать! Вставай, говорю!

— Потом... — отвернулся от него Хусейн. Он боялся.

Они молчали около часа. Каждый был сам по себе.

Самег грыз корешки, припрятанные на «чёрный день». Хусейн дремал. Рашид чертил прутиком на земле.

— Председатель со своим семейством разграбил колхоз. Отец об этом сказал на собрании. Значит, в этом вините моего отца? — с обидой спросил вдруг Рашид.

— Да председатель снова у власти, а отец твой — просто плешивый обмывальщик покойников...

— В нашем роду едят хлеб, добытый трудом. Дармоедов не выносят.

— Если бы твой отец мог... Да вот не может! Не по зубам ему.

Рашид промолчал.

— Такие, как ты завистливые отличники, гроша ломаного не стоят. А вот Хусейн выучится, руководителем станет. Понял? — подначил Самег.

— Каждому своё. Я не собираюсь пробиваться в председатели, — отмахнулся Рашид.

— Ой, да хватит вам! — подал голос Хусейн. Самег ласково похлопал его по плечу, давая понять, что теперь держит его сторону.

— И для Хосият-хола твой отец написал заявление, — не успокаивался Самег. — Ну и что из этого вышло? Один шум да суматоха.

— Сыновья ее погибли на войне, она теперь совсем одна... Пенсию не получает, никто ей не помогает. Вот она и попросила написать заявление. Что же, надо было ей

отказать, что ли? — Рашид почувствовал, что начинает оправдываться и разозлился сам на себя.— Эх ты! — твёрдо произнёс он.— Не понимаю, зачем ты живёшь?..

Самег сел рядом с Хусейном и начал что-то нащёптывать на ухо, но тот отрицательно покачал головой.

— Тогда я один убью его, но потом меня не упрекай. Ни кусочка не получишь! С голоду умрёшь. Не буду я Самегом, если обоих не уморю голодом! — он в ярости схватил камень и с силой швырнул в стену. Посыпались искры.

— Да как мы этого медведя убьём? Это ведь не шутка, сам подумай! Я не могу... Кроме того, Рашид говорит, что скоро конец его спячке. Не телёнок же это в конце концов!

— И ты поверил его словам? Вставай!

— Хорошо,— наконец согласился Хусейн.— Я пойду с тобой, но убивать будешь ты один. Я боюсь.

Они двинулись вглубь пещеры. Один с серпом, другой с мечом. Интересно, подумал про себя Рашид, как они намерены убивать в такой темноте?

Не прошло и нескольких минут, как незадачливые охотники вернулись ни с чем.

— Слишком темно, без огня не обойтись,— пробурчал Хусейн.

Самег вынул из золы горячий уголёк, поднёс к нему несколько веточек и принялся раздувать огонь.

...Рашида вновь потянуло ко сну. Он прислонился к каменной глыбе и задремал. Очнулся он от голосов товарищей. Настроение у них, судя по всему, было скверное. Видимо, не удалось убить медведя. Рашид в душе ликовал. Осталась какая-нибудь неделя — кончится спячка, и

медведь укажет нам дорогу. Всего неделя, не больше, утешал он себя.

— Дурак! Ты хуже бабы,— набросился на Хусейна Самег.— Я убью тебя! Хвачу разок по башке — и конец! А людям скажу, что тебя медведь задрал.

Рашиду стало не по себе,— что это он говорит? Мысли его оборвались: сон вновь сморил его.

— У меня ещё есть корешки,— злорадно протянул Самег.— Это вам будет туго. Завтра и встать не сможете. А я, даст бог, выживу и женюсь на Анор,— чувствовалось, что он не отказался от мысли убить медведя и вынуждал к этому товарищей. Никто ему не ответил.

— Сколько дней мы уже здесь? — безразличным тоном спросил Хусейн.

— Восемь,— ответил Рашид.

— А ты откуда знаешь? — удивился Самег.

— Каждое утро я завязывал в платок по одному камешку.

— Ну, хитрец! — Почему-то рассмеялся Самег.— Ох, как я ненавижу тебя. Аллаха лишь страшусь, иначе размозжил бы тебе голову!

Нервы у Самега сдают, настоужился Рашид. Того и гляди с ума сойдёт. А может, сгоряча так говорит, чтобы досадить нам? Как их уговорить пройти в глубь пещеры... Возможно, нашли бы что-нибудь съедобное. Говорят, в первые годы создания колхозов некоторые богачи прятали здесь зерно. А ведь в сухой яме оно может пролежать и пятьдесят и сто лет. Перед войной, скрываясь от наветов и клеветы, здесь в горах жили Мулло Сиродж и Зохидмуаллим. А в военное время люди видели здесь дезертиров.

Однажды ночью двое из них с повязками на лицах встретили на дороге председателя сельсовета. Отобрали у него лошадь, хурджин, деньги. Самого предупредили: если кому-нибудь про это расскажешь, ночью спалим твой дом, а самого, жену и сына убьём. Председатель осмелился поведать об этом лишь после войны. Он того же сорта, что и отец Хусейна. Чиновники... И всю жизнь им везёт, живут в достатке... Почему они не зарабатывают себе на хлеб, как все?.. Кто хоть раз побывал в начальниках, потом всю жизнь сидит на руководящей работе... Странно... Я вроде бы и не голоден вовсе. Да и пещера не так темна, как прежде. Значит, человек привыкает и к голоду, и к плену? Так же, как к вранью, к недобросовестному труду... Мысли Рашида постепенно перешли к училищу, преподавателям, однокашникам. Каникулы кончились... О чем сейчас там говорят? Девочки, наверное, плачут. Когда Азим стукнул меня, какой они подняли крик, как на него набросились! И дома, наверное, и седьмой поминальный день провели... Мысли его прервал сердитый голос Самага.

— Вставай, тебе говорят! Пойдём убивать медведя! — Самаг приближался к нему, вытянув вперёд до блеска отточенный меч.— Пошли!

— Отстань. Делай, что хочешь, а меня оставь в покое. Ты меня знаешь, семь лет учились в одном классе,— сказал Рашид.

— Если мне суждено умереть с голоду, сначала я убью тебя, а потом уже сам...

И тут Рашид не выдержал. Он медленно поднялся и, тяжело ступая, двинулся на Самага. Глаза пылали яростью, на висках вздулись вены. Он пришёл в себя лишь после

того, как увидел в своих руках огромный камень. Самег скорее удивился, чем испугался. Он не ожидал такой вспышки. Пятясь назад, беспомощно бормотал:

— Говорят, голодный даже на льва набрасывается...

— А жаждущий в реку бросается, — продолжал Хусейн, на всякий случай отодвигаясь подальше.

— Но так же говорят: с голодным не шути! — зло добавил Рашид.

Опомнившись, он пытался понять поступок Самега: что это — очередная мальчишеская выходка, или что-то серьёзное? Так или иначе, не нужно обострять отношений.

— Не бойся,— примирительно сказал он Самегу,— ты не умрёшь от голода. Человек может прожить без пищи около двух месяцев. Главное, держать себя в руках...

— Два месяца?! Где это написано?! Ложь!

— Два месяца? — недоверчиво переспросил Хусейн.

— Да, да. Читать надо побольше.— Рашид взял Самега за руку и подвёл к заваленному входу.— Во время голодовки организм живёт за счёт своих жировых запасов. Ну-ка,— он потрогал кожу на руках, лице, шее Самега. — Пока явных признаков дистрофии нет.

— Как бы ни было, а медведя надо зарезать! А свои медицинские познания будешь демонстрировать, когда вернёмся в кишлак.

— Да пойми ты, убить его не так просто. Потерпи... Или вот что,— Рашид сделал вид, что ему в голову пришла блестящая мысль.— Давайте с факелами пойдём вглубь пещеры. Может, там есть другой выход, пусть хоть с дымовое отверстие... Ну что мы сидим, словно привязанные?..

— Опять за своё! Если бы был ещё один ход, люди знали бы о нём,— отмахнулся Самег.

— И свет проникал бы,— вяло добавил Хусейн.

Ребята упорствовали, но Рашид почувствовал, что ему удалось вселить в их души сомнение.

— А как же мы мимо медведя пройдем? Вдруг проснётся?..— нерешительно опросил Хусейн.

— Затолкаем ему в пасть тебя и проскочим,— зло пошутил Самег.

Освещая факелами путь, поджигая по пути паутину, свисавшую с потолка, они медленно продвигались вперёд. Осторожно прошли мимо медведя и тут же, шагах в четырёх, обнаружили... ещё одного. Наваждение какое-то! Рашид тряхнул головой. Дотронулся — так и есть — живой!

— Медвежонок, ещё и года нет,— шепнул он.

— Вот так подарок! — не скрывая радости, засуетился Самег.

Рашид украдкой почесал медвежонок за ухом.

— Ласкаешь, как братишку...

Факелы вскоре погасли, и Самег с Хусейном наотрез отказались идти дальше.

— Теперь мы спасены! — возбуждённо потирая руки, воскликнул Самег.

— Слава тебе, создатель! Увидел наши страдания,— возвышенно произнёс Хусейн.

— Не аллаху — мне спасибо скажите. Если б не притащил вас сюда, так и просидели бы до конца дней своих, ожидая его помощи,— проворчал Рашид. Радость и жалость — не понять чего больше — сплелись в нём воедино...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ. МЕДВЕДЬ ПРОСЫПАЕТСЯ

Возвратившись, ребята бессильно повалились наземь. Бешено колотилось сердце, в голове гудело, словно в ульи, выступил холодный пот. Немного отдышавшись, принялись совещаться. Решили зарезать медвежонка. Самегу не терпелось, хотя и не представлял себе, как осуществить эту недобрую затею.

...От тёплого весеннего дыхания снежно-каменная стена стала подтаивать. На площадке день ото дня становилось светлее, и наши узники смогли разглядеть друг друга. Разглядели и ужаснулись! Одежда висела мешком — кожа да кости, лица — не узнать...

Сухого топлива не осталось, да и спички были на исходе. Поэтому огонь не разжигали, медвежье мясо ели сырым.

Смастерив коптилку, Рашид ещё раз обследовал завал. Эти огромные валуны даже медведь не сможет сдвинуть, понял он. Разгребая щебень, Рашид то и дело прикладывался ухом к стене. Но — ни звука. Да и кому теперь быть в этих пустынных горах?.. Травы ещё нет, чтобы выгонять отары, дорога от пещеры в стороне. Если кто и появится на ней, разве здесь услышишь. А ведь мы чудом уцелели... Природа смилостивилась над нами. Как же после этого не беречь ее?

— Пошли, разбудим медведицу,— вдруг предложил Самег.— Надо же нам выбраться отсюда.

— Пора придёт, сама проснётся,— возразил Рашид.

— Э, если тебя слушать...— нервно передёрнул плечами Самег.— Перестраховщик!

— Думай, что говоришь!

— Это я-то не думаю?! Как дам сейчас!

Рашид окинул его презрительным взглядом и тихо проговорил:

— Никак ты не можешь без фразёрства. Ты хоть помнишь, бахвал, как в тот день, когда мы убили медвежонка, не послушавшись меня, чуть не умер? От жадности... Ведь я спас тебя...

— Ух ты! Посмотрите-ка на него — он меня спас!— наигранно рассмеялся Самег.— Умер бы от куска мяса?! Ай да молодец! Да таких докторов, как ты...

— Эх ты, невежа! — сердито прервал его Рашид.— После долгой голодовки организм слабеет, и желудок не может усвоить много пищи. Нужно есть понемногу.

— Ну, занудил, глаза бы мои на тебя не глядели! Буду умирать — близко ко мне не подходи, слышишь? Глотка воды у тебя не приму. Терпеть не могу докторов. Когда прохожу мимо больницы, чувствую отвращение. Человек в белом халате для меня — что ангел Смерти. Правда, правда...

— Вы бы лучше подумали, что станем делать, когда медведица проснётся,— вмешался Хусейн, стараясь предотвратить ссору.

— Я-то нашёл себе местечко!— объявил Самег.— Возьму меч и заберусь во-он туда,— указал он на расщелину под потолком.— Хусейн, ты себе тоже что-нибудь присмотри.

— Там ты сможешь пробыть час, ну от силы, два, а дальше что? — усмехнулся Рашид.

— А не надо будет долго оставаться. Медведица быстро проложит дорогу.

— А если она увидит нас, что тогда? — забеспокоился Хусейн.

— Меня, во всяком случае, она не достанет. Ведь крыльев у неё нет.

— Медведь, говорят, зверь смыслённый,— рассеянно протянул Хусейн и, повернувшись к Рашиду, спросил: — А ты что будешь делать?

Рашид промолчал.

— Если бы я, убив медвежонка, не обеспечил вас пищей, вы бы уже подошли,— заносчиво произнёс Самег, указывая на мясо, зарытое в снег у входа в пещеру.— Твой отец должен всю жизнь помнить мою доброту,— прозрачно намекнул он Хусейну.— У нас тут всякие разговоры были... Пусть они здесь и останутся.

— Конечно,— сквозь зубы процедил Хусейн.

— Я был голоден. Почти умирал. Не помня себя, набросился на тебя, Хусейн. Не обижайся, не принимай близко к сердцу, друг,— Самег заискивающе заглядывал другу в глаза.— Тем более, мы с тобой родственники: дочь тещи твоего отца, бабушка Халима, жена этого... как его... дяди моего отца. Словом, мы родня. А вот их семья близка к роду Суфи...

Учитель говорил, вспомнил Рашид, что люди невежественные, малообразованные ищут кровное родство среди своих земляков, а культурные и образованные предпочитают духовное родство. И верно, у животных

существует только кровное родство. Этот тоже сразу вспомнил родственные связи. В первые дни Самег пренебрежительно относился к Хусейну, был расположен ко мне. Утолил голод, и появилась надежда на спасение, я оказался третьим лишним. Безумная любовь к Анор, тоже сплошное вранье. Анор совсем некрасивая, и он не любит ее. Самег печётся о собственном благополучии— только и всего. Кем был зять Хусейна раньше? Да обыкновенным счётчиком в бригаде. Но вот женился на старшей сестре Хусейна и стал сначала агентом по налогам, потом потихоньку-полегоньку — председателем сельсовета, завскладом. Самег все видит, не слепой, вот и строит планы на будущее...

— Теперь так заведено: люди с положением или перспективой рождаются только с подобными себе,— заявил Самег, словно подслушав мысли Рашида.— Эх, если бы у меня был какой-нибудь высокопоставленный покровитель! Закончил бы шофёрские курсы, дали бы мне новенькую машину или сделали завгаром... Все бы тогда увидели, на что я способен! Но, к сожалению, нет пока у меня такой мохнатой руки... Небось, твой отец думает выдать Анор за того, как его... ну, сына косоглазого. Или заметил сына председателя. Старшую твою сестру выдал за дальнего родственника и помог ему выбраться в люди.

— Посватался, вот и выдали,— отрезал Хусейн.

— А почему другим сватам отказали? Да рука руку моет! Народ знает, что говорит.

Рашида поражала откровенная наглость Самега. Похоже, размышлял он, Самег вообще ни к кому не привязан и даже мать свою не любит. Оказавшись в пещере, мы с Хусейном

сокрушались о том, какие страдания выпали на долю наших родителей, Самег же вспомнил о матери лишь после нас. Да, для него нет ничего святого. Он думает только о себе...

— Ты, приятель, поскорей заканчивай учёбу и получай высокий чин,— шутливо обратился Самег к Хусейну— А я буду твоим личным шофёром.

— Зря ты учишься на шофёра,— начал загадочно Хусейн.— Тебе следовало бы у «деда Мороза» научиться глумлению над людьми. А потом, подобно ему... Потом ты научишь этому искусству председателя колхоза Хусейнбоя Назирова. Так и добьёшься благополучия.

— Без работы не останусь. Ничего! Вы ещё услышите обо мне...— не понял намёка Самег.

— Я стану агрономом. Как-никак часть колхозных дел будет в моих руках. Не беспокойся и ты, приятель, не пропадём! — сказал уже серьёзно Хусейн.

— Это другой разговор! Заканчивай десятилетку и поступай в институт. Сколько там учиться?

— Четыре года. Пятый—практика в колхозе.

— Четыре годика пролетят незаметно. И председатель колхоза уже к тому времени состарится...

Самег осёкся, снаружи донеслись громовые раскаты. Все трое вскочили и бросились к завалу. Прислушались, затаив дыхание.

— Это гром...— прошептал взволнованно Хусейн.

— Весна...— просиял Рашид.

— Гром! А! Рашид, гром! — повторял радостно Хусейн и вдруг испустил ликующий крик: — Братцы, весна! Весна! Весна!

— Пойду взгляну, как там медведица,— вдруг зашепшил Рашид.

— Мы с тобой разместимся вон там,— указал на расщелину Самег.

— Да там долго не продержишься,— с сомнением заметил Хусейн...

Из темноты появился Рашид и таинственно зашептал:

— Медведица просыпается. Точно... Дышит тяжело, ворочается.— Он подошёл к выходу и прислушался.— Дождь, слышите? Дождь! Он размочит снег!

Вскоре дождь просочился в пещеру. О, сколько радости доставила ребятам эта мутная водичка!

Рашид предложил попытаться раскатать камни, но усилия были напрасны, стена по-прежнему не поддавалась.

— А медведица сможет отвалить камни? — впервые усомнился Самег.

— По-моему, и десять медведей не смогут этого сделать...— удручённо заявил Хусейн.

Рашид молчал, сосредоточенно думал о чем-то. Вскоре его лицо прояснилось.

Хусейн заметил эту перемену и вопросительно посмотрел на него. Рашид отвернулся — прежде надо попробовать...

— Ты сказал: «дышит». Сколько времени она будет так дышать, а, Рашид?— спросил Самег, и сам себе ответил: — Скорее мертвец проснётся... А знаете, кого напоминает мне этот медведь? — усмехнулся он.— Твоего отца, Рашид. Помнишь, однажды во время письменного экзамена по математике — пока ученики корпели над задачей, он уснул за столом?

— Ну, задремал, ну и что?

— Да он даже не заметил, как я вылез в окно и вернулся через дверь! А говоришь, задремал! Стар он уже, пора на пенсию. Надо уступать место молодым.

— Да, в этом году ему будет шестьдесят,— сказал грустно Рашид.

— А можно дать все семьдесят!

— Они одноклассники с моим отцом,— вставил Хусейн.

— Да ну?!— удивился Самет.— А твой отец ему прямо в сыновья годится! Вот это да!— он поцокал языком и сокрушённо покачал головой.

— А от твоего отца есть какие-нибудь вести? Или никак не могут поймать его? — поддел его Хусейн.

— Женился он, зачем ему теперь о нас вспоминать? — отмахнулся Самет и зло добавил: — Ничего! Не умру, пока не отомщу!

— Ты станешь мстить собственному отцу?— не поверил своим ушам Хусейн.— В чем же он виноват?

— Да заткнись ты! — цыкнул Самет.— Не твоего ума дело.

А Рашид думал о родных, о своём доме. Сколько им пришлось пережить! Состарились бедняжки на несколько лет. «Каждый из вас в сердце моем занимает своё место»,— говорила мама. Бедняжка, каково ей сейчас? Пришла весна, опять бригадир появится у ворот: «Все женщины кишлага на работе, а ты что, особенная, что ли? Кто не работает, тот не ест. Не хочешь работать, переезжайте отсюда!» «Да бог с тобой, Чулибой,— отвечала мама.— Много ли мне надо? Лишь бы дети были здоровы. Не могу я их оставить без присмотра». «У моей жены шестеро детей, однако на

работу выходит», — упорствовал бригадир. А то кричал: «Ты о других женщинах помалкивай! Их мужья день и ночь работают в колхозе. Не то, что твой муженёк — проторчит в своей школе четыре часа и отправляется домой, бездельник. Ребятам заморочить голову нетрудно, пусть с народом хоть денёк пообщается». Выйдет мама в поле, а потом неделю мучается. Рашид тряхнул головой, чтобы отвязаться от мрачных мыслей.

Самег и Хусейн спали. Родителям Хусейна тоже сейчас нелегко, подумал он. У них всего два сына... А каково матери Самега — она вообще одна-одинешенька. Муж бросил, не помогает. Одни винят ее, другие — его. В былые времена ее б забросали камнями, никто не стал бы разбираться. С Самегом никто так и не дружит. Избегают его. Не потому ли он так озлоблен и безразличен к матери? Когда в его присутствии заговаривают о родителях, он мрачнеет. Собирается жениться на сестре Хусейна.

Да ее отец скорее голову дочери отрубит, нежели отдаст за него. Незаконнорождённый. А в чем он-то виноват?... Отец считает, что приспособленцы ничего, кроме позора, своему народу не приносят. Самег — приспособленец... Наелся медвежатины, утолил голод и тут же заявил, что и в пещере жить можно... А ведь он не одинок. Всегда находятся готовые за кусок пожирнее славить любую дыру. Достойно ли это?! Рашид не мог разобраться в своих чувствах к Самегу: и жалел его, и осуждал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
**МЕДВЕДЬ ПРОСНУЛСЯ. ДЫМ ЗАМЕТИЛИ.
СХВАТКА**

По подсчётам Рашида шёл девятый день их заточения. Пахло дождём, просыхающей землёй. Ребята верили, что теперь-то они смогут выбраться на волю. Пугала лишь предстоящая встреча с медведицей. Они оказались в положении козлёнка, привязанного к клетке с волком — ни спать не могли спокойно, ни есть.

— Ребята, давайте спрячем мясо получше. Думаю, медведица ему не порадуетя, когда проснётся,— резонно заметил Хусейн.

— Верно,— поддержал Рашид.— Нужно сверху насыпать золы.

Теперь только и разговоров было—о медведях. Вспомнили, чью скотину и когда задрал медведь, в чьих садах, огородах полакомился абрикосами, арбузами или клубникой. Даже во сне он им снился. Самег не расставался с остро отточенным мечом, Хусейн—с кривым серпом.

Рашид решил возвести ограду. Сложил друг на друга камни — получилось что-то вроде узкого коридора. Он назвал его «Слепой кишкой».

— Ты так освоился в этой пещере, что решил построить дворец? — иронизировал Самег, с трудом проглатывая полу прожёванное мясо.

— И вправду, что ты делаешь? — серьёзно спросил Хусейн.

— Так, кое-что,— туманно ответил Рашид.

— Китайскую стену возводит,— усмехнулся Самег.

— А-а! Верно. А ведь там можно спрятаться от медведя,— догадался Хусейн.— А нам будет тесновато вдвоём. Да ещё покато — трудно будет устоять.

— Да брось ты! Сам же говорил, что у медведя прекрасное чутье. Разве эта ограда препятствие для такого зверя? Стоит ему налечь слегка — и тут же развалится. А наше место надёжное! Ты меня держись, дружок,— горячо зашептал он на ухо Хусейна,— со мной не пропадёшь! Я готов броситься в пасть медведя, лишь бы тебя спасти. Ради тебя, дорогой, я на все готов! Хочешь, пойду и убью сейчас эту медведицу? Правда, правда! Только и ты...

— Ну, это лишнее,— досадливо отмахнулся Хусейн.

— Истинную правду говорю, приятель. Хочешь, поклянусь? Только ты не отходи от меня. Ну, хочешь, я вот на этом самом месте побожусь, что...

— Не надо. Мы с тобой и без клятв и лишних слов понимаем друг друга.

— Тебе нужен именно такой друг, как я. Я, дорогой мой, за друга душу отдам. Ты и сам потом это поймёшь.

Рашид молча продолжал трудиться. К полудню «Слепая кишка» выросла до метра. Затем он набрал веток и уложил у входа баррикады.

— Ты что, решил отделиться от коллектива? — упрекнул Самег.— Дом построил, а двери нет? Мол, пусть никто не входит? Неужто и вправду хочешь там спрятаться, а?

— И спрячусь,— обиделся Рашид.— Ты ведь даже не предложил мне места в своём укрытии... Ну, ничего, и без

тебя обойдусь,— зло отрезал он, но тут же осёкся: стоит ли на дурное отвечать дурным. Злом зла не уничтожишь.

— Дело твоё. Только друзей я в беде не бросаю. Пусть сам попаду в когти зверю, а вот Хусейна защищу. Ведь мы с ним не просто друзья, а, даст бог, близкими родственниками станем,— Самег испытующе взглянул на Хусейна.

Хусейн лишь слегка скривил губы в улыбке: поди, разберись — согласен он или нет. Хитрый парень Хусейн, подумал Рашид. Вот уж — себе на уме. Никогда ни на что не решается, дерзких поступков не совершает, всегда в стороне. Знания у него, конечно, слабые, однако никто не посмеет зачислить его в отстающие. Никто ещё не назвал его трусом — боятся. Может быть, он и не причинит никому зла, но и доброго дела от него не дождёшься. Учителям он нравится — удобен. Вот только преподаватель географии его недолюбливал. У всех он получал четвёрки - пятёрки, а у Хамиди — с большой натяжкой тройки. И все прекрасно знали, что учителя завышают ему оценки, но помалкивали, даже в пример его ставили... Самег совсем другой, но как же они похожи в чем-то. В чем? В том, что и у того, и у другого одна цель — собственная выгода. Только идут они к ней по-разному. Людей оба делят на две категории — полезных и бесполезных. Нет, не на таких земля держится, говорил мой отец. Серьёзные дела остаются только после серьёзных людей. А что, например, останется от Самега? Куча денег, тряпки, машина да недобрая память.

Прошёл ещё день.

С утра Рашид принялся колдовать. Разорвал портянку, смочил ее в медвежьем жире и пристроил поверх хвороста. Не забыл умыться, поесть и теперь терпеливо ждал, когда проснутся приятели.

Снаружи грохотал гром и опять в пещеру просочилась вода. Через несколько минут кое-где она крошечными ручейками стала стекать с камней.

— Вот и прекрасно... замечательно...— шептал Рашид, не в силах оторвать взгляда от тоненьких струй.

Вода просочилась в щели, ведь и дым может пробиться наружу, подумал Рашид, зажёг коптилку и пристроил ее меж камней у выхода из пещеры. Чёрный дым пополз вверх по стене, Рашид от радости захлопал в ладоши.

— Ты что? — всполошились спросонок Самег с Хусейном.— Ты, дружище, часом не спятил? В честь чего это такие аплодисменты?

— Поглядите вот сюда! — Рашид указал на дымок.

— Ну и что?

— Да ведь дым сейчас наружу выходит!

Самег только рукой махнул. Хусейн с интересом наблюдал за дымом.

— На днях... после дождя... Придут и извлекут наши трупы. Видите, как дым стелется. Не к добру это...— бормотал он, не в силах побороть суеверный страх.

— Брось ты чепуху городить,— отстранил его Рашид.

— А ты-то сам, зачем дурочку валяешь? Земля сейчас паром исходит, кто отличит этот дым от пара? — высокомерно заявил Самег.

— Увидят!

В последнее время Самег все чаще напоминал Рашиду сытого ленивого сурка. Единственное, на что он был способен—это ворчать, подобно брюзгливым старухам.

— Рашид... Эй, Рашид,— нехотя окликнул он.— Ты бы сходил посмотрел, как там наша медведица. Ступай дружок...

В наступившей тишине послышался шорох. Рашид сделал несколько шагов вглубь пещеры и прислушался. Так и есть — оттуда доносилось прерывистое медвежье сопение. С хрустом ломая под собой сухой хвост, зверь грузно переворачивался с боку на бок. Рашид на цыпочках вернулся назад и оповестил товарищей:

— Медведица проснулась. Занимайте своё купе.

Те, как ошпаренные, кинулись к облюбованному месту, но, заметив, как Рашид неторопливо извлекает из золы уголёк, остановились в нерешительности.

— Ты это видел или только предполагаешь?— сердито буркнул Самег.

— Да как это я мог увидеть?— вспыхнул Рашид.— Пойди да посмотри собственными глазами.

Самег выругался и злобно вытаращил глаза:

— Так зачем же ты нас взбудоражил?!

С трудом сдержался Рашид от грубости. Не время сейчас для эмоций.

— Если бы я вышел из-за угла, медведица могла бы увидеть меня,— стал объяснять Рашид как можно спокойнее.— Думаете, она не поймёт, что это мы убили ее медвежонка?.. Прежде всего, она примется искать своего детёныша по запаху крови... И от нас пахнет медвежьей

кровью. Но если ты такой храбрый, ступай, поздоровайся с ней, поприветствуй, как следует.

Рашид не успел договорить — из глубины пещеры донёлся грозный рёв медведицы. Все трое оцепенели от ужаса. Самега с Хусейном будто ветром сдуло. Вмиг они вскарабкались в укрытие и замерли. Самег занял местечко поудобнее, Хусейн неловко примостился позади, словно ласточка, распластавшаяся по стене. У одного за поясом меч, у другого — серп. Рашид же схоронился в «Слепой кишке», пристроив ещё одну коптилку.

Рёв повторился, но зверь не появился. Ещё немного, и они просто не выдержат этого мучительного ожидания. Наконец терпение лопнуло, и ребята заговорили вполголоса.

— Эй, Юла, ты зачем поставил у входа коптилку?— грубо набросился Самег.— За упокой души, что ли?— Он закусил губу и гневно сжал рукоятку меча.— Медведица молиться возле неё станет, что ли?

— Как только она приблизится, я тут же уберу ее,— спокойно отозвался Рашид.— Пусть пока дым наружу просачивается. Кто-нибудь да увидит. Когда ещё медведица появится!..

Самег выругался.

— Ну, что ты матерись? — поморщился Хусейн, но тут же прикусил язык: сейчас лучше помалкивать. Чего доброго, Самег и шугнуть может, с него станется.

— Ну ладно, Рашид. Не обижайся,— примирительно сказал потом Самег и попросил:— Ты там внизу... Взгляни на зверя. А то нам тут неудобно...

Рашид осторожно вышел из укрытия, сделал несколько шагов и прислушался. Самег подмигнул Хусейну и насмешливо скривил губы.

* * *

...Это походило на галлюцинацию. Вдруг, как по команде, все трое замерли—снаружи доносились голоса! Да, да! Ребята отчётливо слышали удары мотыг и кетней. Они не замечали, как текут слезы, лишь кричали наперебой:

— Мы в пещере-е-е!

— Выход завален!

Их голоса перекрыл медвежий рёв, совсем рядом. Ребята разбежались по своим укрытиям. Напуганная криками бурая медведица в панике бросилась к выходу. Рашид прикрыл коптилку полой пальто и приник к щели между камнями. Такими огромными лапами, подумал он, она раздавит нас, как яйца.

Между тем медведица подошла к завалу и, поднявшись на задние лапы, передними оперлась на огромный валун. Обнюхав камни, она взревела так, что у ребят кровь в жилах застыла. Снаружи прекратили работу — прислушались. Случилось то, чего боялся Рашид: медведицу привели в бешенство остатки мяса, застрявшего между камнями. Она взревела ещё раз, да так, что стены пещеры, казалось, задрожали.

Люди заработали быстрее. Теперь ребята уже отчётливо различали голоса своих родных. Сами помалкивали — боялись медведицы.

И вдруг нога Хусейна слегка скользнула по стене. Медведица подняла голову. Самег угрожающе покрутил

мечом. Хусейн поднял серп. Какое-то мгновение она изумлённо смотрела на них, затем вновь поднялась на задние лапы и неторопливо двинулась к расщелине под потолком. У Рашида замерло сердце. Затравленно озираясь вокруг, он схватил промасленную тряпку и поднёс к пламени коптилки. Тряпка ещё не успела заняться огнём, как ...нога Хусейна вновь соскользнула. Медведица прыгнула!..

Рашид в ужасе зажмурился и громко закричал. Когда открыл глаза, Хусейна на прежнем месте не было. Он схватил горящую тряпку и запустил в зверя. Медведица заревела и отскочила. Забыв о страхе, Рашид принялся яростно забрасывать ее камнями.

Рёв медведицы, грохот камней, огонь, дым, крики — все это очень походило на преисподнюю. Медведица сдалась — убежала вглубь пещеры. Рашид вышел из укрытия, бросился к Хусейну, приподнял ему голову.

— Подай коптилку! — велел он Самегу, который, затаив дыхание, испуганно поглядывал то на вход, то вглубь пещеры.

Снаружи снова «раздались голоса — их звали по именам. Рашид коротко ответил на зов и снова обратился к Самегу:

— Слезай, говорю! Дай огонь! Быстрой!

— А вдруг медведица вернётся. Мне ещё жить не надоело.

— Эх ты! Подлец! — вырвалось у Рашида. Он убрал руку с пульса Хусейна и принялся массировать ему сердце. Минут через пять тот открыл глаза. Рашид разорвал рубашку и перевязал рану, приложив к ней кусочек жжёной

ваты.— Кажется, обошлось,— тихо проговорил он, вглядываясь в бледное лицо Хусейна.— Голову не поднимай и не шевелись, а то много крови потеряешь... Потерпи немного...

Снаружи уже пробивались лучи солнца и можно было ясно различить движущиеся в них тени людей, разобрать слова. Это были родственники Хусейна и Рашида. Услышав голос отца, Рашид заплакал.

— Рашид, эй, Рашид!— взывал сверху Самег,— Медведица не вернётся, как ты думаешь?

— Не трись. Слезай. Ее тошнит от твоего запаха. Рашид бессильно прислонился к валуну рядом с Хусейном. Солнечный луч, словно бритва, резанул по глазам. Рашид зажмурился и, сколько ни старался, не мог разомкнуть ресниц. Хусейн стонал. С трудом приподняв руку, он неуклюже смахнул слезы.

— Эх, выберусь отсюда...— радостно начал Самег, но Рашид тут же перебил его:

— И какое же доброе дело совершишь?

— Помчусь в кишлак!

— Ну-ну, беги беги... Там все глаза проглядели, тебя ожидаючись.

Да, пробежать по этой земле нетрудно, если она безразлична тебе, подумалось Рашиду. Если вода, трава, камни — ничто для тебя, если ты сердцем не привязан к людям... Поэтому и легко. А я выберусь на волю, припаду к земле и буду лежать, прислушиваясь к ее дыханию. Потом перевернусь на спину и буду долго, долго смотреть на ласковое небо. Вот и всё...

Рассказы

МОЛЧАЛЬНИК

День клонился к вечеру, и до захода солнца оставалось часа полтора. Жара спала, тени удлиннились.

На остановке стояли люди. Все они — мужчины и женщины, старые и молодые — с напряжением высматривали последний автобус, который должен был прийти из района. И поэтому, завидев свернувшую с большой дороги машину Абдулло, некоторые невольно подались вперёд. Однако, поняв, что это фургон для перевозки продуктов, разочарованно махнули рукой и вернулись на место. К машине побежали лишь Дехкон и Кубод - муаллим. Они оба проворно забрались в кабину.

Комрон постеснялся подойти к машине своего бывшего одноклассника. Ведь в кабине помещалось только двое. Если бы он подошёл, Абдулло вынужден был бы посадить тех пассажиров.

Основным прозвищем Абдулло было «Молчальник», но некоторые называли его «Тихоней», а были и такие, что, желая задеть побольнее, звали с насмешкой «Хапгир»³⁸. Он и вправду был молчаливым парнем. Рассказывали, как однажды председатель колхоза отправился в кабине его машины в Душанбе. Проехали около двухсот километров, но ни единым словом не перемолвились. Лишь одолев перевал Фахрабад, председатель произнёс: «Вон и Душанбе». Абдулло же в ответ невнятно пробормотал:

---

³⁸ Хапгир — так называют собаку, молча набрасывающуюся на человека.

«Вижу, не слепой». Председатель расхохотался: «Ты что, за деньги, что ли, слова покупаешь? Скажи что-нибудь, а то у меня сердце вот-вот разорвётся!» Абдулло только улыбнулся, что, видимо, означало: «Ты, председатель, тоже, оказывается, любитель поговорить».

К своим одноклассникам Абдулло питал особую любовь. Встречая кого-либо из них, он, видимо, вспомнив детство и школьные годы, долго улыбался. Да, да! На его молчаливом лице появлялась длинная, добрая улыбка. И на все вопросы товарищей он отвечал лишь кивком головы и улыбкой.

Дехкон и Кубод-муаллим едва влезли в кабину, как оба разом скомандовали:

— Давай, гони!

Абдулло устало взглянул на них и молча указал назад, в сторону остановки. Однако его пассажиры, пробежав каких-нибудь двадцать-тридцать шагов, совсем запыхались и, видимо, поэтому не сразу поняли его жеста.

— У меня гость,— проворчал наконец водитель.— Комрон приехал.

— Ну и хорошо! Иди к нему, поздоровайся и быстро назад,— нетерпеливо сказал Дехкон.

Абдулло лишь улыбался, положив голову на баранку. А что он хотел выразить этой улыбкой, не мог бы понять, пожалуй, даже самый проницательный человек.

— Ну, давай же, скоро вечер! — не выдержал и Кубод.

— Хватит тебе скалиться! Скажи, что хочешь? — нервничал Дехкон.— Высадить нас и посадить его, что ли?

— Мы... близкие друзья... К тому же он гость... Вас- то я каждый день вижу,— произнёс Абдулло.

— А какая тебе польза от этой дружбы? Поезжай давай! Недаром ведь говорят: «Лучше воробей в руках, чем журавль в небе!» — стал подгонять Дехкон.

— Если тебе что-либо нужно, то, пожалуйста. Вот он, благодетель,— указал Кубод на Дехкона.— Да и я кое-какое отношение имею к школе. Не сегодня-завтра тоже смогу быть тебе полезным. Вон у тебя сын растёт. Разве не так? — и, как бы ища подтверждения своим словам, Кубод вопросительно посмотрел на Дехкона и рассмеялся, обнажая черные гнилые зубы.

Абдулло продолжал спокойно улыбаться. О том, что он улыбается, можно было узнать по тому, как шевелились его густые усы и блестели правдивые глаза. Наконец Абдулло заглушил мотор, и Дехкон смирился.

— Ладно. Кабина большая, и втроём поместимся,— проговорил он, вылез из кабины и позвал Комрона.

Подойдя к ним, Комрон поздоровался, расспросил Абдулло о жите-бытье и затем с благодарностью отклонил их предложение.

— Втроём не поместимся... Будет тесно и неудобно. Да это и против правил... вы поезжайте... Вот-вот автобус приедет.

Дехкон насильно толкнул его в машину, сам сел с краю и захлопнул дверцу. «С такими упрямыми по - другому нельзя»,— подумал он, проклиная в душе Абдулло и Комрона заодно. Дехкон был раздражён. Перед его глазами все ещё стояла свадьба односельчанина — сына Тохирчи. Приехали артисты из города—на празднике стало ещё веселее. Не жалея двадцатипятирублёвых, Дехкон одну за другой прикрепил под тубетейку красивой танцовщице. Но

тут этот проклятый Абдулло громко, во всеуслышание, заорал: «Ну-ну, выкладывай денежки, которые получил за коров, ставших телятами! Небось, поясицу не надорвал!» Когда выпьет, язык у него—ох-хо-хо! Дехкон сразу понял, о чем речь. Когда он был заведующим фермой, случилась недостача — не досчитались двадцати двух коров. Тогда он купил для колхоза столько же годовалых телок — мол, какая разница, на следующую весну телка станет коровой! Но... на свадьбе тогда он этим многим настроением испортил.

Председатель колхоза нахмурился и ушёл с праздника. А кому только председатель добра не сделал? Да, к примеру, для того же Абдулло дом построил, сколько шифера и досок дал... И что же выкинул однажды этот недотёпа? Оконфузил самого Джабарова! А ведь тот после председателя — второе лицо в колхозе! В такой же летний день остановился его фургон у остановки. И кто осмелится подойти к машине там, где присутствует сам Джабаров?! Ведь руководство надо уважать. А что сделал этот недоумок? Или он не видел, что Джабаров направляется к его фургону, или притворился, что не замечает его — не знаю, но он высунулся из кабины и крикнул собравшимся на остановке людям: «Эй, братцы, могу двоих посадить. Если не возражаете, возьму Насрулло-амака и Ходжи-бобо». Джабаров смутился, покраснел, но виду не подал. «А, Насруллобек, и вы тут? Идите, садитесь, садитесь!» — проговорил он, отступая и пропуская того вперёд. Ну и что, если один инвалид, а другой—старик? Ты инвалид, нет ноги, ну и сиди дома, нечего шататься. Получай, что тебе полагается за потерянную на войне ногу, принимай почёт, но а сейчас скажи: «Тысячу раз спасибо, я человек не

занятый, садитесь вы!»), да и уступи Джабарову. Не-ет, никто словно и не видел его, ослепли все! Да вот и сейчас,— кто я, а кто этот Комрон?! Учёный? Да сейчас кинь палку в собаку, попадешь в учёного! Сколько их развелось! И плешивый, и слепой— все учёные! В кишлаке — не осталось пастухов! И какая польза этому шалопаю от учёности Комрона? Ради него готов был даже меня из машины высадить! Ну, погоди...

— И долго ещё ты будешь в городе торчать?

Этот неожиданный вопрос Кубода прервал мысли Дехкона, он очнулся и стал ждать ответа Комрона.

— Сколько суждено, как говорят старики...— сказал Комрон.

— Да брось ты! Скажи-ка лучше, когда ты народу своему служить будешь? — спросил Дехкан, не скрывая злобы.

Ясно было, что Дехкон искал выход своему раздражению, своей досаде.

Комрон удивлённо взглянул на Дехкона. Вытащив из кармана платок, он протёр солнцезащитные очки и промокнул пот на лбу. Затем посмотрел на Абдулло. Тот, не сводя глаз с дороги, улыбался в усы.

— Странно... А кому же я сейчас-то служу? — резко спросил Комрон.

— Эта твоя работа не в счёт,— пояснил свой вопрос Дехкон.— Ты приезжай сюда и служи народу своего кишлака. А то вижу, какая от тебя польза...

— Да-а, — смущённо улыбнулся Комрон.— Может, и нынешняя моя работа... может, однажды...

— Для нас грош цена твоей работе! — пренебрежительно махнул рукой Дехкон, бесцеремонно перебивая Комрона.— Мы вот не знаем, что ты сделал для этого вот народа, для жителей кишлака Селоба. Кого-нибудь в институт устроил или другую какую помощь оказал?

— Да, да, сейчас время такое...— поддержал его Кубод.

Улыбка исчезла с лица Абдулло. Стиснув зубы и вцепившись сильными пальцами громадных рук и руль, он, словно злясь на дорогу, вдавливался в неё и гнал машину на большой скорости. Машину подкидывало на ухабах, и Комрон то стучался головой о потолок кабины, то ударялся лбом о переднее стекло. Выжимая скорость, Абдулло как бы хотел воспрепятствовать перепалке своих пассажиров.

— Если хорошенько подумать, то и от отца твоего было мало пользы нашему народу,— поддержал Дехкона и Кубод.

«Но ведь, сколько лет отец мой учительствовал в кишлаке!— с обидой подумал Комрон.— Значит, обучение детей грамоте для них не труд?!»

— А ну-ка, скажи, какая польза нашему народу от твоей учёности? Видно, про таких, как ты, сказано: «Бездеятельный учёный все равно, что пчела, не приносящая мёду»,— сказал Дехкон.— Трутни все вы!

— Вы хоть иногда читаете газеты? — внезапно повернулся к Дехкону и Кубоду Абдулло.— А? И знаете ли вы, на что годится гузапоя—стебли хлопчатника? На растопку? Да?— строго спросил он.— А теперь они идут на корм скоту. Так вот, вы со всей своей родней не принесли народу и государству столько пользы, сколько один учёный!

— Вот так мы и тешим себя,— насмешливо проговорил Кубод, вкладывая в слова мысль: и тебя опутал своим пустословием этот Комрон.

— Да брось ты, ни на грош пользы от него нашему народу,— махнул рукой Дехкон.— Одна у него цель — стать учёным, побольше денег загрести...

— Тьфу! — плюнул за окошко Абдулло и прибавил газу.

Перед магазином в соседнем селении Дехкон потребовал остановиться.

— Выходите, ребята! — пригласил он, выпрыгивая из машины.— Быстрой! Пропустим по сто-сто пятьдесят!

— Да, да, надо подзаправиться, — Поддержал его Кубод-муаллим и, спрыгнув на землю, побежал к магазину.

Комрон и Абдулло наотрез отказались от предложения Дехкона.

— С такими нелюдями кашу не сварить...— проворчал Дехкон и, подумав немного, добавил:— Не бойтесь, я угощаю.

Комрон поблагодарил. Абдулло лишь рукой махнул.

Он вышел из машины, зачерпнул старым промасленным ведром воду из арыка, прополоскал, вылил на дорогу и чистой водой залил радиатор. Затем уселся на своё место и долгим взглядом посмотрел на Комрона.

— А ты не обращай на них внимания,— сказал он, наконец со светлой улыбкой.

Очень трудно передать все оттенки его лица, улыбки и интонации. Он в нескольких словах может выразить целый сонм мыслей...

МАЛЬЧИК И КОЗЛЕНОК

Семиклассник Дидор в рот не берет мяса. Мало того, он не ест даже пищи, которая варилась в котле из-под мяса. И товарищи дали ему шутовское прозвище — Ягнёнок.

«Если не станешь, есть мяса — в уме повредишься», — предупреждают его ребята. На это у Дидора есть готовый ответ: «Известный писатель Бернард Шоу тоже не ел мяса, но ведь глупым не был! И прожил долгую жизнь!.. И да будет вам известно, что наисильнейший из всех зверей слон — травоядное животное...»

Если же взрослые привязываются к мальчику, почему он не ест мяса, Дидор отмалчивается или отвечает как-то неопределённо. И поэтому многие думают, что он от рождения питает отвращение к мясу. И мало кто знает, что он белеет, как марля, когда видит сырое мясо или случайно попадают ему в руки старые кости...

Дидор увлекается химией. Начитавшись разных книг и журналов, он такое рассказывает ребятам, что те порой покатываются со смеху. Однажды он объявил им, что мясо и картофель очень близки по структуре. И вся, мол, разница лишь в том, что в картошке меньше лейцина, чем в мясе. «Это вещество и аминокислоты можно получить химическим путём — из разных продуктов, и даже очень дёшево. То есть не составляет никакого труда получить искусственное мясо. К примеру, добавь в картошку необходимое количество лейцина и получишь мясо!» Хотя учитель всякий раз подтверждал справедливость сказанного Дидором, ребята все-таки добавили ещё одно словечко к его

прозвищу. И с тех пор стали его называть «Ягнёнок - фантазёр».

— Хочешь мяса? — насмешливо спрашивали они. — Так ешь. Ты что, поклялся не есть мясо? Подумаешь, искусственное мясо изобретает!

— Не хочу я мяса. Ешьте сами... Вот, например, космонавты едят в космосе искусственное мясо? Едят. Синтетическая пища и практична и дешева...

* * *

Отвращение Дидора к мясу одни считали детским капризом, другие — врождённым свойством; на самом же деле причиной тому послужило одно очень печальное, даже драматическое, событие.

Четыре года назад, Дидор тогда учился в третьем классе, к празднику Навруза³⁹ их коза принесла двух козлят. И для Дидора это стало вторым праздником. Козлята ему очень понравились: один чёрненький и резвый, другой пёстрый и тихоня. Мальчик так привязался к малышам, что и дня не мог провести без них. Он прибегал из школы, бросал портфель, хватал половину большой лепёшки и мчался на луг, где паслись козлята. И они втроём ели эту лепёшку, по очереди: — разок мальчик откусит, разок — козлята отщипнут... Им было весело вместе, они бегали по холмам и пригоркам скакали по камням, перепрыгивая через рвы и овражки. И куда бы ни шёл Дидор после уроков, туда же, вслед за ним, шустрые козлята — Аляк и Сиёхак⁴⁰.

---

³⁹ Н а в р у з — праздник Нового года мусульман, приходится на 21
⁴⁰ А л о я к — Пестренький, С и ё х а к — Черненький.

Однажды в семье Дидора что-то произошло, и отец его, не обращая внимания на мольбы и слезы мальчика, продал козу с одним козлёнком. Второй козлёнок— Сиёхак остался сиротой, и Дидор ещё больше привязался к нему.

Сиёхак был озорным, смелым, умным и сообразительным козлёнком. Если не считать белого, с монету величиной, пятнышка на лбу и едва заметных белых шерстинок возле одного копытца, то козлёнок был черным - пречёрным. Позже у него появились прямые, как гвоздики, рожки. Пятнышко постепенно заросло, и на лбу образовалась круглая чёлочка, как у мальчишек. Сиёхак смотрел на людей независимым, дерзким и даже испытующим взглядом. И взгляд этот — словно он понимал людей, многих просто-напросто смущал. «Этот бедняжка сиротка так смотрит, будто мы ему что-то должны»,— говорили люди, отгоняя козлёнка прутиком. Сиёхак в ответ решительно и устрашающе поднимался на задние ножки и готов был кинуться бодаться.

Козлёнок так привык к Дидору, что ни на минуту не хотел с ним расставаться. Мальчик готовил уроки, а Сиёхак, заглядывая в комнату, нетерпеливо стучал копытцем в подоконник и страшно досаждал бляением. В дом его не пускали. Правда, бедняжка несколько раз все-таки пробирался, но ему здорово влетало от взрослых. Теперь он дальше порога не осмеливался ступить. Он ставил на порог передние копытца и какими-то горловыми звуками, понятными лишь Дидору, звал его гулять. Сиёхак очень скучал без Дидора и в его отсутствии никогда не шёл на луг. Даже когда отводили его туда пастись и привязывали, он умудрялся сорваться и возвратиться домой.

Летом семья спала во дворе, и Сиёхак устраивался на ночь под кроватью Дидора. Пробудившись на заре, козлёнок принимался лизать голову сладко спящего мальчика и ворчать по-своему, что, возможно, значило: вставай, пора, сколько можно спать?..

Тогда мать Дидора прутиком отгоняла козлёнка от постели сына.

* * *

Стояла ранняя осень. Полдневный зной палил нещадно, словно жар танура. Нагретый воздух настолько тих и неподвижен, что лист на придорожных тополях не шелохнётся. Все население кишлака на уборке хлопка, и дома остались лишь старики да маленькие дети.

Дедушка Салим, опираясь на палку, сидел на небольшой суфе 41 у ворот, под густой тенью древнего раскидистого карагача. Старик весь день томился без собеседников. Ведь в самый разгар сбора хлопка в селении нет ни одного незанятого человека, с кем можно было бы поговорить и отвести душу. И поэтому, ещё издали завидев Дидора, старик закричал ему:

— Ну, сынок, какие отметки получил сегодня, а?

— Здравствуйте, дедушка,— поприветствовал старика Дидор и, не останавливаясь, ответил на вопрос старика: — По арифметике — пять, по чтению — четыре, а по остальным предметам не спрашивали.

— Так, так... Молодец!.. Да, кстати, почему ты козлёнка-то продал? А? Ведь он был тебе другом! — с укоризной спросил дед.

— Какого козлёнка? Сиёхака?! — побледнел Дидор.

— Да, того самого Сиёхака... Значит, ты не знаешь, что твой отец продал его Комилу-мяснику. Вот только что он увёз его на осле. Мяса сейчас мало, так он, наверное, зарежет его.

— Не-ет... Может, это другая коза была?

— Может... Только мне показалось, что это твой козлёнок.

Дидор быстрее ветра полетел домой.

Не прошло и пяти минут, как мальчик вернулся — расстроенный, растерянный, заплаканный. Правда слез, смешавшихся с потом, катившим с лица, заметить было трудно. Мимо Салим - бобо он промчался вихрем, даже не слышал, что ему вслед сказал старик. А, может, слышал, но не оглянулся.

* * *

До Тахи Адир он добрался в таком плачевном виде, что напоминал мальчишку-истопника из сказки — потный, грязный. Дорожная пыль, которая была ему по щиколотку, осела на его влажном лице и теле—так что глиняный кувшин, да и только.

Сиёхака Дидор увидел во дворе мясника. Он жалобно блял, рвался с верёвки, которой был привязан за шею. Дидор кинулся к нему, тут же остановился, заметив большую собаку, которая, свернувшись, лежала там же.

Собака лениво взглянула на мальчика и, не поднимая головы, угрожающе зарычала. Дидор отступил на несколько шагов. Во дворе никого не было. Лишь какая-то женщина неподалёку от дома мясника в арыке полоскала тряпки.

— Сиёхак... Сиёхак...— тихо позвал Дидор.

Собака удивлённо приоткрыла глаза, но не шевельнулась. Козлёнок, услышав своё имя, повернулся к хозяину, с минуту молча смотрел на мальчика, потом закричал, как заплакал. И так сильно натянул верёвку, что она сдавила ему горло. Сиёхак захрипел и даже завалился на бок.

Дидор волновался не меньше козлёнка — он в бес- сильном нетерпении ходил перед двором мясника.

Прошло примерно с полчаса, но во дворе никто не показывался. Женщина закончила стирку, и некоторое время с удивлением наблюдала за расстроенным мечущимся Дидором.

— Мальчик, почему ты плачешь?! — крикнула она наконец.— Потерял что-нибудь?

Рыдания помешали ему ответить. Он лишь всхлипывал, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

Женщина подошла и стала расспрашивать мальчика.

— Послушай, чей ты?

Дидор ответил.

— Что ты делаешь здесь? Один приехал или с отцом?

— Не-ет... Сиёхак а привезли...— Дидор кивнул в сторону двора.

— А кто это — Сиёхак?

— Сиёхак... мой козлёнок,— показал он рукой на козлёнка.

— А-а... Мясник привёз? — поняла наконец женщина.

Дидор кивнул.

В это время из дому вышел мясник, зевнул, потягиваясь.

Сиёхак пытался сорваться с верёвки и все время; кричал. Он уже совсем охрип.

— Эй, дядя мясник, вы привезли сюда козлёнка этого парнишки, а он со слезами прибежал вслед,— громко, как-то торжествующе, объявила женщина, словно сообщала какую-то добрую весть этому смуглому и большому, как памятник, человеку. Затем, увидев собаку, она подняла с земли палку:

— Ступай отсюда, Алопар! Ступай!

Собака нехотя поднялась, несколько раз злобно взглянула на женщину и медленно завернула за дом.

Сиёхак все порывался к своему хозяину и отчаянно блеял.

— Кто прибежал, говоришь? — спросил мясник, спускаясь с крыльца.

— Да вот мальчонка прибежал за своим козлёнком...

— Дядя, это... это... мой Сиёхак...— залепетал Дидор, и слезы хлынули ручьём.— Не убивайте... Я заберу его...

— Вот это да! — рассмеялся мясник.— Ведь я его купил у твоего отца! Ку-упил! Понимаешь? — Слезы мальчика не трогали его.— То, что куплено, не возвращается, парень... Не принято это... Такой большой и плачешь о каком-то козлёнке?! Стыдно!.. И ради этого бежал сюда из кишлака? О, господи...

Женщина с жалостью и пониманием взглянула на мальчика, но помочь ему не могла и снова отправилась стирать.

— Дядя, этот Сиёхак мой...

— Да на эти деньги отец купит тебе Сафедак⁴². Какая тебе разница? А Сиёхак уже подросток, мяса нагулял...

— Дядя, этот Сиёхак мой...

— А теперь он мой! Э-э, мальчик, не надоедай!

— Отдайте мне его, дяденька,— умолял Дидор.— Не убивайте... Он... он... проклянёт вас!

— Так ведь отец твой деньги с меня взял! Станный ты какой!

Дидор пошарил в кармане, вытащил рублевку, сложенную вчетверо, разглядел ее и показал мяснику.

— Вот... У меня есть деньги... Ещё принесу...

— Ха-ха-ха,— расхохотался мясник.— А где ты их взял? Говори правду — у отца стащил? А?

— Нет, мне их отец сам дал, чтобы я в школе на переменке пирожки покупал.

Он смотрел в глаза мяснику с мольбой и надеждой, но у того ни одна жилка не дрогнула—лицо было непроницаемым, каменным.

— Я буду траву косить для вашей скотины... Каждый день... Могу и хворост с гор возить... На ослике... Дяденька, не убивайте Сиёхака, отдайте его мне!..

— Послушай-ка,— вдруг мягко сказал мясник. Может, ему жалко стало мальчика.— Козленка твоего мне продали. Понимаешь? Отец твой взял с меня деньги. Много денег. Может, на эти деньги он что-нибудь купит, для тебя же... А козлёнок теперь принадлежит мне.

— Хорошо, дядя. Вы деньги свои возьмите обратно, а Сиёхака верните... Он безобидный и смирный. Здесь он затоскует. Ничего есть не станет... Заболеет...

Разговор затянулся и порядком надоел мяснику. Иди, сказал он Дидору, к отцу, возьми у него деньги и принеси сюда. И только после этого можешь забрать своего козлёнка.

Обнадежённый Дидор поспешил в обратный путь. Его просьба домашних только рассмешила.

На следующий день мальчик снова направился к мяснику. Он хотел с разрешения хозяина накормить Сиёхака любимой травкой — повиликой, молодым клевером, напоить и вернуться. Он шёл пешком по жаре шесть километров, но... Увидев висевшую во дворе шкуру Сиёхака, Дидор пронзительно закричал, словно на него набросилась собака... Горько плача, он побежал обратно.

СТРОГИЙ УЧИТЕЛЬ

Весной того года безводную Яванскую степь засеяли хлопчатником. Он давно уже выбросил по три листочка. Глядя на бескрайнее хлопковое поле, люди беспокоились. Сомневались — действительно ли воды Вахта пройдут сюда сквозь гору.

А потом было открытие туннеля. Состоялся праздник— произносили речи, раздавали награды, были песни, танцы. Люди привыкли нынче к речам — и на свадьбе, и на похоронах без речей по бумажкам не обойтись. И я приехал сюда как раз по этому поводу. Однако когда я увидел Шоди 43, в сердце моем не осталось, как говорится, и следа радости.

Я стоял наверху и увлечённо глядел на туннель. На его арке сияла огромная буква «М» — знак московских метростроевцев. Прорыв туннель под горой протяжённостью в семь с половиной километров, люди вывели воду с той стороны Боботага. Это и впрямь немного походило на сказку.

Работы были завершены, и теперь вывозили оборудование, которое было необходимо при прокладке туннеля. И вода, бежавшая по дну канала, почти покрывала колеса трактора. Но это была ещё не Вахшская вода — она шла откуда-то из глубины горы.

Худощавый парень в рабочем комбинезоне, в высоких резиновых сапогах ловко и проворно подцеплял крючком крана связки досок, куски железа и складывал их на берегу

канала. Движения парня показались мне знакомыми, но разглядеть лицо издали не мог, Сойдя с пригорка, я подошёл ближе. Его простодушный смех, его... Да это же Шоди! Он самый! И куда только не заносит человека ветер судьбы! Кажется, и он узнал меня — внимательно смотрит в мою сторону.

— Шоди! — крикнул я, поднимая руку.

Сначала он застыл от удивления, а потом улыбнулся и тоже поднял руку:

— Здравствуй! — проговорил он.— Заходи после работы, поболтаем.

Друг моего детства отбывал здесь трудовую повинность. Я слышал, что он был осуждён, но не знал, что работает именно здесь. Сказать ему, что я удивлён — он может неправильно понять меня. И потому некоторое время я растерянно молчал, не зная, о чем и говорить. Он — на дне канала, я — на высоком его берегу. Мы оба были смущены, оба молчали.

— Может, тебе чего-нибудь нужно? Скажи! — произнёс я наконец.

— Не беспокойся. Мне ничего не надо. Только... видеть всех вас...

Нет, это был не прежний Шоди. Прежний попросил бы принести и варёную баранью тушу и котёл с пловом (соскучился по плову!)...

Он въехал на своём тракторе в туннель, а я, огорчённый и расстроенный, повернул обратно.

Дома наши стояли по соседству. Мы вместе играли, вместе гонялись за телятами, вместе ходили в школу»

вместе закончили десятилетку. Потом я уехал учиться; в город, он остался в селении.

По-видимому, верно говорят: «Иса на своём месте, Муса—на своём!»

Его озорство и бесшабашное поведение ничуть не заражали меня. Сказались, наверное, какие-то наследственные факторы. Порою я даже стыдился его поступков. И мама часто предупреждала меня, чтобы я не играл с Шоди. Но как это — не играл?

И однажды я был наказан заслушивание. Неподалёку от нашего сада была колхозная бахча. Ее сторож, дедушка Орзумурод, всякий раз, приходя к нам, радовал нас — приносил с собой маленькую душистую дыньку хандалак. В те годы никто не сажал дыни у себя на огороде. Хлеба не хватало. Денег тем более. И поэтому на приусадебном участке сеяли пшеницу или джугару. И колхоз тоже выделял для бахчи совсем небольшой клочок земли. Хватало для потребности начальства. Так вот, в тот злосчастный день мы играли с Шоди у нас в саду. Уж не помню, с чего начался разговор, но Шоди вдруг собрался на колхозную бахчу — воровать дыни. Помятуя о добрых отношениях нашей семьи с Орзумуродом - бобо, я отказался идти с ним. А как только Шоди отправился на бахчу, я, чтобы не участвовать в этом вероломном деле, спрятался в вымоине безводного арыка. И откуда было мне тогда знать, что свидетель предательства и сам считается виновным.

Сижу я в своём укрытии и вдруг слышу шум, крики. Я не выдержал и осторожно выглянул, чтобы посмотреть, что там случилось. То, что увидел, никогда не забудется. Прямо

на меня бежал Шоди с большой дыней в руках, за ним, в сорока-пятидесяти шагах, крича и ругаясь, спешил Орзумурод-бобо.

Увидев это, я тут же снова спрятался, но было уже поздно: Шоди на бегу покати́л дыню в мою сторону. И когда сторож стал над моей головой, мне не оставалось ничего другого, как вылезти из своего убежища. И старик весь свой гнев обрушил на меня. Он ругал меня такими словами, что, как говорится, услышь их змея, и та бы скинула свою кожу от стыда. Действительно: рвать неспелую дыню, все равно, что снять с дехканина голову. Мало того, бобо пожаловался моей маме. Вечером, когда я пригнал во двор скотину — телёнка и трёх козлят, мама сидела у очага. Она схватила палку и так меня отделала, что до сих пор при воспоминании об этих побоях у меня зудит спина. Я тогда очень обиделся на маму за такую несправедливость. Сначала надо было бы расспросить меня, а уж потом наказывать... После этого многие годы я с неприязнью относился к Орзумуроду-бобо.

А вот Шоди совсем не попало. Напротив! Он ещё насмеялся надо мной, копируя мои крики и стенания. Хотя Орзумурод-бобо тоже пожаловался его маме, но Хаят-хола не наказала сына. Она никогда не наказывала его. Странная женщина! Я ни разу не слышал, чтобы она хоть разок прикрикнула бы на Шоди или пригрозила бы ему. Она со всеми была очень ласковой, доброй, мягкосердечной. И мы все, ребята, очень хотели, чтобы и наши матери были бы такими же... А Шоди наглел с каждым годом. «Это не Шоди, это само горе», сетовали люди. Помню, однажды моя мама и Хаят-хола отправились к кому-то из наших

односельчан с соболезнованиями по случаю чьей-то смерти. Мы с Шоди играли у них во дворе. В тени большого балхского тута бабушка его пряла, напевая какую-то печальную песню. По-видимому, старушка вспомнила о своём сыне — отце Шоди, пропавшем без вести. Она то и дело утирала широким рукавом слезы, стекавшие по морщинистому лицу. Неожиданно с улицы донёлся голос уличного лоточника—торговца всякой мелочью: красками, замками, иголками, пуговицами, бусами, рыболовными крючками и тому подобными вещами. И появление продавца на улице селения было для ребят праздником. И каждый старался что-нибудь купить: ребята — глиняные свистульки, игрушечных клоунов; девочки—иголки, булавки, серёжки, сакич 44, женщины брали купорос, краску, тесьму для шаровар...

Вот и в тот раз мы с Шоди поспешили на улицу. Увидев рыболовные крючки, мы загорелись желанием ловить рыбу. Но денег на покупку у нас не было. В те времена деньги не водились не только у ребят, но даже в карманах большинства взрослого населения. Не Шоди не признавал никаких преград. Сказав «сейчас», он помчался домой и через мгновение вынес мужскую рубашку. Продавец осмотрел рубашку со всех сторон, видимо, остался доволен, но, с подозрением взглянув на Шоди, спросил:

- А мать разрешила взять, а?
- Конечно.
- Тогда беги — пусть мама сама придёт.

— Э-э... Что вы за человек... Берите, и все тут... А мама в гости ушла. Она сама говорила, что эту рубашку уже больше никто никогда не наденет.

Как раз в этот момент его сестрёнка Фарагат привела к торговцу бабушку.

— Вот она, папина рубашка, бабушка... Я говорю вам, а вы не верите!

При виде рубашки старушка подняла вопль:

— Ой, горе мне! Горе! Да ведь это рубашка моего сына! Да чтоб тебе не вырасти, злосчастный... Память отца не уважаешь!

Она наговорила с горя ещё много горьких слов, выхватила из рук торговца рубашку и направилась домой. Шоди сначала сконфузился, а потом бессовестным образом набросился на старушку. Он пытался вырвать у неё рубашку, но не смог. Тогда он со злости начал закидывать свой двор камнями. В это время возвратилась его мать. Узнав о причине скандала, Хаят-хола где-то отыскала деньги, купила сыну крючок, и суматоха прекратилась.

Не угомонился Шоди и в школьные годы. Он был способным учеником, но дома и в руки не брал учебников. В его мозгу крепко застревало рассказанное учителем. Учиться он не хотел. А ведь его отец был первым доктором в нашем селении. И Шоди мог бы стать неплохим человеком, если бы... Если бы не был таким легкомысленным...

... От неожиданного автомобильного гудка я отскочил с дороги.

Мимо со страшным грохотом и лязгом проехал «БелАЗ». Шофёр улыбнулся мне, я ответил тем же. Я шёл

безо всякой цели. Опомнившись, я остановился. Постоял немного и направился к перекрёстку, где люди ожидали попутные машины.

Завтра должны были пустить воду в канал. Воду Вахша. И ровная степь пестрела флагами, плакатами, срочно были сооружены столовые, выездные ларьки, подкатали автолавки.

Не помню уж, в каком мы учились классе, вероятнее всего, в седьмом, когда из города в нашу школу приехала новая учительница. Мы никогда не забудем ее — ведь именно она, Солеха Каримова раскрыла нам глаза, мы увидели мир, жизнь вокруг. Каждое ее слово, любое дело служили примером для нас, были образцом, пробуждали интерес к учёбе. Все были очарованы ею — и мальчишки, и девчонки. Учительница была нам другом и товарищем, мы поверяли ей сокровенные тайны. Она была и строгим уважаемым наставником, и просто умным и деликатным человеком.

Шоди же часто обижал ее, и его издевательства над учительницей окончательно настроили класс против него.

Однажды учительница вошла в класс, поздоровалась, села за стол и собралась было начать поверку, как стул под ней затрещал и .... развалился. Учительница упала. То ли от стыда, то ли от боли, стараясь ни на кого не глядеть, она, прихрамывая, вышла из класса. У девчонок глаза наполнились слезами, мальчишки стиснули зубы от злости и возмещения.

— Проклятый... Собака ты, не человек! — закрыв лицо руками, заплакала Махрам.

— Откроет кто-нибудь рот — пусть пеняет на себя!— вскочив с места и сжав кулаки, крикнул Шоди, больше обращаясь к Махрам.— Я голову тебе оторву! Хнычь-похнычь, но помни, и на том свете не будет пощады от меня!

— Думаешь, боюсь тебя? Если я сейчас же не расскажу обо всем директору, то я не человек! Это ведь ты притащил сюда сломанный стул, я знаю... — Махрам поднялась и собиралась выбежать из класса.

— Сядь на место, таппак 45!— преградил ей дорогу Шоди.

Это он дал такое прозвище дочери чабана Базара. Махрам приходила в школу прямо с фермы, и от неё постоянно пахло молоком и простоквашей. Прозвище так и прилипло к ней.

— Ну-ка, повтори ещё раз! — Шоди угрожающе ткнул кулаком девочке в подбородок — Я так пришлѣпну тебя к стенке, что ты и вправду в... кизяк превратишься! — расхохотался он своей грубой шутке, но никто не поддержал его...

Вдруг кто-то окликнул меня. Или мне показалось? Вокруг никого не было. Только по ту сторону будущего канала, водрузив на осликов маленькие и большие кувшины, шли к роднику на склоне горы яванские дети. Сегодня ребята в последний раз идут за водой. Завтра в канале заплещется студѣная вода Вахша.

Снова послышался чей-то голос. На этот раз я отчётливо различил — меня звала женщина. Оглянулся. Шагах в

двадцати-тридцати от меня стояли два самосвала. Я шагнул к одному из них, и тут из кабины показалась смеющаяся Гульсифат. Она была всё такой же худенькой, стройной. Всех удивляло, как это она такая весёлая, жизнерадостная, с широким сердцем, как говорится, беззаботная и умудрилась не нарастить на себе и пайсы⁴⁶ лишнего мяса! И работа у неё хорошая — словом, во всем порядок.

— И вечно ты о чем-то думаешь! Бывают ли моменты, когда ты бываешь беспечным, как другие?

— Да какие там думы... — смутился я.

Мы поздоровались. Начались взаимные расспросы. Гульсифат то и дело перебивала меня. Такая уж у неё привычка – задаст вопрос, но выслушать ответа терпения не хватает. Пока раскроешь рот, она уже о другом спрашивает. Вот и сейчас не успел я договорить, как бывшая одноклассница прервала меня новым вопросом:

— А сюда то зачем приехал?

Я ответил, и сам задал вопрос:

— А как дела у Шоди? Знаешь что-нибудь о нем?

— Ещё бы! Он в тюрьме... Что ты его вспомнил?

— Да так... Постой Гуль... А сама – то зачем здесь?

— А я привезла сюда из района несколько столовых и ларьков. Ведь недаром говорят: «Истинный мусульманин тот, что сыт». И вправду, кто станет слушать речи на голодный желудок? Кому интересно пустое словоблудие, а? Ну, конечно, ты-то уверен, что если не выйдет твоя газета,

---

⁴⁶ П а й с а — старинная единица веса, равнявшаяся примерно пятидесяти граммам.

солнце не взойдёт, хлопок не зацветёт, фрукты не поспеют и молоко не потечёт...

Насмешку ее я принял с улыбкой. Работу газетчиков она считала ненужным «словоблудием». Что же делать, в те годы наши газеты печатали только хвалебные статьи о наших успехах и длинные речи глав нашего государства.

Мы долго говорили о земляках, о наших родственниках, об одноклассниках. И как только речь зашла о школе, перед глазами вновь отчётливо встал образ Солехи Каримовой.

— Гульсифат, а где сейчас наша учительница Каримова?

Она изумлённо посмотрела на меня. Глаза на худощавом лице округлились.

— Да она уже ушла из нашей школы и стала работать в Себзоре. Не поладила там с директором и снова сменила работу. Однажды мы с ней встретились в автобусе, поговорили. Она расспросила меня обо всех нас, поимённо. А когда я стала спрашивать о работе, она только махнула. Мне кажется, она и сама жалеет. Хорошему человеку везде несладко.

— Я помню, как она, бедняжка, каждую субботу ходила из дома в дом, — вставил я. — Моя мама с утра принималась подметать и мыть — ждала её прихода. А ты знаешь, что делали некоторые? Собак отвязывали! Мать Шоди, Хаят-хола, также не любила, когда она к ним заходила. Учительница, правда, не чувствовала этого...

— Как же не чувствовала! — возразила Гульсифат. — Всё она знала, нарочито дурочкой прикидывалась.

— Но почему же она тогда так возилась с Шоди? Домой возила, книжки давала. Благодаря ей Шоди на человека стал похож. Жаль потом снова свихнулся.

— Из-за того, что мать всегда защищала своего сына, бедная учительница и попала в беду, — заметила Гульсифат. — Бывало, Шоди набедокурит, так прибегали к учительнице жаловаться, а не к матери. Да что там говорить, — махнула она рукой.

— А помнишь, как он мучал бедную Махрам, как отвязывал её ослика, на котором она в школу ездила? И приходилось бедной девочке все семь километров до фермы топать пешком...

Гульсифат пыталась перебить меня, но я продолжал:

— Все же стал он человеком, — сказал я, но вдруг все мои доводы в пользу Шоди показались мне ничтожными и безосновательными, и я замолчал. Но потом добавил: — Я только что видел Шоди, он здесь...

Гульсифат, вопреки всем ожиданиям, даже подпрыгнула на месте и как то странно взглянула на меня. Некоторое время разговор продолжали наши глаза. Я убедился, что влюблённость Шоди в Гульсифат в старших классах всё-таки оставила след в её сердце.

— Сам виноват, — проговорила она наконец, подавив волнение. — Никто не сделает его человеком, если сам не захочет.

Не-ет, в этом несчастье, на мой взгляд, виновен не один Шоди. И не только мать его повинна. Да мы все, его односельчане, виноваты. Да, да именно все — от мала до велика. На наших глазах рос грубиян и вор, лентяй и неблагодарный человек, и ему никто, решительно никто не перечил. Ну, ладно, Хаят-хола потакала сыну, но остальные — то что же? Почему она были в стороне?

Всякий раз, когда Хат-хола приходила к нам, моя мама рассказывала ей о виденных ею самой или слышанных от других проступках её сына и советовала: «Образумь его. Пока не поздно», но та отвечала: «Нет, подружка. Он ещё ребёнок. Без отца растёт, сиротой. А тревожить сердце сироты — большой грех, говорят. И моё сердце не позволяет мне разговаривать с ним жестоко. Повзрослеет — сам образумится. Зачастую из озорника вырастает порядочный человек...»

— Он мог стать хорошим человеком,— оказал я. Потом добавил: — Расспрашивал про всех друзей, и про тебя тоже...

Гульсифат удивлённо взглянула на меня.

— Начал бы с этого...— оказала она потухшим голосом.

Вдруг Гульсифат оживилась:

— Когда его дядя с матерью приезжали к нему в место его заключения, Шоди к ним не вышел. «У меня нет матери. Меня вырастила какая-то глупая баба,— сказал он.— Я воровал у соседей куриные яйца, она не мешала, собаке иголку скормил, даже шлепка не получил, и вот теперь...» Вот так! Жизнь, дорогой мой, не Солеха Каримова, жизнь — самый строгий, самый требовательный учитель; она не спрашивает, чей ты сын...

— Может, теперь-то он поумнел, исправился...

— Может,— пожала плечами Гульсифат.

Перед мысленным взором возникла высокая фигура Шоди. Мне показалось даже, что он смотрит нам вслед. Я невольно оглянулся. Кран, словно огромный слон хоботом, нёс целый штабель досок, чтобы опустить его на берегу канала.

БОЙ КУРОПАТОК

Летний полдень. Ни один лист не шелохнётся.

Мы сидим в чайхане, на краю топчана — поближе к фонтану. Пьём чай и завидуем воробьям, которые, спасаясь от невыносимого зноя, время от времени слетают с деревьев вниз и отдыхают, усевшись под самым фонтаном. Впору самим превратиться в воробьёв и наслаждаться этим дождичком.

Чайханщик смочил платок из ткани гарди⁴⁷ в бассейне и накрыл им клетку с куропаткой. Пленённая птица чертила крыльями дно клетки и широко раскрывала клюв.

— Похоже, бой предстоит,— проговорил мой спутник.

Я лишь плечами пожал в ответ. Затем, вспомнив, как месяц назад случайно попал на бой куропаток, сказал:

Я видел бой куропаток, но сфотографировать их мне не позволили. Вытащив фотоаппарат, я едва не попал в беду.

— Каким образом?

— В выходной день. Рано утром я ехал в сторону Варзоба. Ехал нижней дорогой, вдоль реки, и вблизи Ходжа Анбиё, неподалёку от дороги, увидел на свободной площадке какое-то сборище. Человек семьдесят, одни мужчины, несколько легковых машин. Я удивился. Люди сбились в тесную кучу. Видали, как собираются муравьи вокруг капли мёда, случайно упавшей на землю? Оставив машину у дороги, подошёл к толпе. Все они следили за боем куропаток. До сих пор я лишь слышал о подобных

---

47 Гарди — Тонкая набивная хлопчатобумажная ткань.

схватках, а вот видеть не доводилось. Понаблюдав за этим зрелищем помчался к машине за фотоаппаратом. Но фотографировать мне не дали. Оказывается, это были не просто зрители, а игроки. Поначалу они испугались. Потом, уяснив, что я просто случайный прохожий, едва не побили. А куропатки, оказывается, такие драчливые, такие забияки!.. Эти пернатые создания исклевали друг друга до мяса! Мне их стало так жалко!..

— А какие страсти разгораются на этих боях! Болельщики приходят в невероятный азарт! — заметил мой спутник.— Я знаю человека, который за одну бойцовую куропатку выложил семьсот рублей! А не прошло и месяца, как птицу эту вытащила кошка из клетки... И куропатка ни в одном бою не успела побывать... Хозяин так горевал, так плакал...

— Я очень хотел бы сфотографировать бой куропаток... Только вот не знаю, как это сделать?

— А скрытой камерой... Чик-чик — незаметно так....

— Но ведь я просто фотолюбитель... Где же мне достать скрытую камеру? — отвечал я, безнадежно махнув рукой. Затем я снова заговорил о куропатках.— Но как они здорово дрались, а! Прямо без устали! По-моему, их дикие сородичи так не дерутся, а?!

— Конечно.

— Неужто лишь в неволе они такими драчливыми становятся?

— Они драчливые не от того, что в неволе живут, а от того, что им дают хлеб, смоченный в водке....

— Неужели?! Я об этом не знал,— удивился я.

— Вы тоже этим увлекаетесь? — вступил в разговор симпатичный мужчина лет шестидесяти, который сидел по другую сторону топчана. Подвинув к нам поднос с лепёшкой и виноградом, он жестом пригласил отведать угощения.

— Да нет, я не любитель, я просто так.

— Утром состоится бой, приходите,— неожиданно пригласил он.— Должны приехать любители из Ходжента и Ура-Тюбе, из Самарканда и Шахрисабза. Кажется, готовится большое игрище.

— На том же месте? — спросил я.

— Нет. В прошлый раз собрались на холме, возле парка Победы, но милиция не разрешила. На этот раз подальше отъедут. Возможно, в сторону Лучоба. Я так слышал.

— А мы найдём?

— Как бы в милицию не попасть... — будучи человеком осторожным и осмотрительным, предостерёг спутник.

— Э, да что милиции до вас? Вы ведь просто зритель. Не игроки же! — успокоил собеседник. Потом добавил: — Если собираетесь поехать, приходите прямо в эту чайхану, вместе отправимся. Все отсюда едут на такси.

— Я сам с машиной...

— Тем лучше... Приходите завтра к девяти утра. Интересное зрелище предстоит.

Затем, налив в пиалу чаю, он протянул ее мне и, сев поближе, немало порассказал и о боях куропаток, и об игроках, заключающих сделки на этих боях. Между прочим, поведал и о нескольких эпизодах из собственной жизни. Оказалось, что он тридцать семь лет был водителем, шесть лет назад вышел на пенсию, но продолжает работать.

И не знает, что такое отпуск. Отдыхал лишь однажды, когда его машина была в ремонте. И все. Я поинтересовался — отчего так?

— Да все из-за машины,— ответил он немного сконфуженно.— Лет двадцать назад я отправился в отпуск. Тогда водил «Урал-ЗИС». Была такая машина. Я отдыхал, а на машине две недели работал другой водитель. Всего две недели! — подчеркнул он, подняв два пальца правой руки.— Но машину он испоганил вконец! С тех вот пор я и отказ аля от отпусков.

Известно, что любители боя куропаток — азартные игроки, а азарт захватывает человека целиком. Поэтому я не слишком верил этому игроку, особенно его заверениям в приверженности к машинам.

Дядюшка Мухаммадраджаб, так к нему обращались, выглядел моложе своих лет. Выше среднего роста, с прямой, как у всех работающих стариков, спиной. Бодрый, жизнерадостный и степенный.

На следующий день я остановил машину в условленное время у чайханы. Дядюшка Мухаммадраджаб пил чай. Двое мужчин делили с ним кампанию. Он жестом подозвал меня:

— Сейчас поедем... Присаживайтесь. Пиалу чая извольте.

Один из сотрапезников — старик тех же примерно лет, но худощавый и прежде времени сгорбленный, второй — молодой человек, однако сморщенный больше стариков, с острым, как шило, носом. Волосы, спадая на лоб, закрывали правый глаз. На меня эти двое внимания не обратили.

— А теперь разрешите нам...— рассмеялся дядюшка Мухаммадраджаб, обращаясь к собеседникам.— Я поеду на машине вот этого человека, а вы ищите себе такси!

— Э-э, да что же вы раньше-то не сказали? — поднялся молодой человек.

— Может, и мы в вашей машине поместимся?! — согбенный старик заглянул по очереди в наши глаза.

— Вполне,— отвечал я.

А про себя подумал: «Этот Мухаммадраджаб, видимо, игрок, и заядлый игрок. Свидетельство — и манера громко говорить, и пренебрежение к окружающим, и самоуверенность».

Мы поехали. Было очень жарко — словно жаровня в машине.

В последние дни, не знаю почему, вода в радиаторе едва не вскипала. Причины я найти не мог. Когда мы, выбравшись из города, достигли холма Лучоб, вода и впрямь закипела. Я был вынужден остановить машину. Стрелка термометра стояла на сто. Я открыл капот.

— Не должна закипать,— произнёс дядюшка Мухаммадраджаб, осторожно положив руку на радиатор.— Термостат в порядке! Дайте-ка ключ!

Он натянул ремень вентилятора.

Дорога шла вдоль реки Лучоб, по ущелью, которое вполне соответствовало своему названию — было голым и пустым. Миновав селение и обнаружив, на берегу реки, на ровной площадке с некоторыми редколиственными тузовыми деревьями машины и толпу людей, мы остановились. Спутники, встретили здесь знакомых и в пылу разговоров,

расспросов о здоровье, шуток и острот совсем позабыли о моем существовании.

— Так это здесь будет? И кто же отыскал такое место?!— громко вопрошал дядюшка Мухаммадраджаб.

— Э, и не говорите! Прямо настоящий ад! — пожаловался какой-то пожилой человек интеллигентного вида.

— Да ничего... Зато подальше от посторонних глаз... Спокойней,— заметил другой.

По приказанию распорядителей предстоящего зрелища несколько парней принесли из селения лопаты, кирки и под одним относительно тенистым деревом разровняли площадку.

Зной усилился. Со всех ручьями катился пот.

На крайнем дереве висели две закутанные клетки. Наш спутник—остроносый молодой человек—пошептался о чем-то с Мухаммадраджабом и, оглянувшись, сказал:

— Сейчас посмотрю потихоньку.

— Эй, вернись! — с гневом остановил его тот.— Ты в своём уме, приятель?! Оставь, посидим без неприятностей.

— Да я только взгляну... Не съем же!— проворчал остроносый, возвращаясь на место.

— В том-то и все дело — только раз увидеть. Сам знаешь, какой скандал бывает, когда перед боем принимаются спорить: «Сначала ты открой, а потом я...»

Дядюшка Мухаммадраджаб снова заговорил о куропатках. Я отправился к реке — попить. На берегу, на порядочном расстоянии друг от друга, я увидел ещё нескольких человек, перед которыми стояли завешанные клетки.

Когда я вернулся, то увидел, что под тутовником кружком сидели люди — в два, а кое-где и в три ряда.

Поначалу завели спор двое, которых я видел ещё на первом сборище. Поводом, вероятно, послужило какое-то несогласие с результатами прошлой игры. Подробностей я не понял. Один из спорщиков — приземистый человек, по имени Мерган-ака. Его я и раньше встречал в магазине при базаре — видимо, он там работал.

— У меня у самого куропаток нет,— кричал он сейчас, мешая узбекские слова с таджикскими.— Вот они скажут,— показал он рукой на окружающих его людей.— Если ты мужчина — играй. Я не сторонник...

Другой распорядитель — Сайфи, кулябец тридцати пяти—сорока лет, хромой на правую ногу. Перед боем он задумчиво уставился в одну точку, губы сложились в блуждающую улыбку....

Дядюшка Мухаммадраджаб пока не обращал внимания на все эти споры. Вдруг мне в голову пришла мысль: если эти люди увидят меня потом в городе, то, пожалуй, сочтут ещё своим сотоварищем по игре... И я чуть было не сбежал.

Наконец, после долгих препирательств, было принято решение: ставка—175 рублей. Распорядители поднялись и, созвав сторонников, собрали необходимые суммы. Затем сели друг против друга и перед каждым из них поставили по клетке с куропаткой.

— Готово? — спросил Мерган-ака, не спеша развязав клетку и едва приподняв платок, прикрывавший ее.

— Снимай! — воскликнул Сайфи, подвинув свою клетку немного вперёд.

— Вот,— снова приподнял один конец платка Мерган-ака.— Ну, а теперь ты снимай!

После нескольких таких «снимай» да «открывай», пядь за пядью продвигая к друг другу клетки, они одновременно выпустили куропаток.

Выйдя на волю, птицы отряхнулись, потом одна постучала клювом о землю, вторая тихонько подала голос — и бой начался.

— Почему скрывают? А? — спросил я у дядюшки Мухаммадраджаба, сидевшего рядом.

— Смотрите, смотрите,— проговорил он, не отрывая взгляда от куропаток.

Одна из птиц, ухватив клювом другую за шею, перелетела через неё и перекувырнулась. Кожа на шее соперницы скрутилась жгутом, однако птица не выпустила своей жертвы.

— Если игроки заранее увидят куропаток, то никакой игры не получится,— объяснил дядюшка Мухаммадраджаб.— Ведь тот, кто решит, что куропатка соперника вроде бы сильнее, немедля выставит другую птицу.

Куропатки хватали друг друга за голову и шею, выщипывали пух и перья и, одурманенные боем, издавали пронзительные крики. Теперь они нападали друг на друга поочерёдно — одна атакует и чистит клюв, затем — другая.

Постепенно возгласы с обеих сторон нарастали:

— Ставлю десять рублей! Кто желает?.. Кто на десятку?

— Кто ставит ещё десять рублей? Ты? Кидай!

Двое игроков вытаскивают по десятке и складывают их вместе. Деньги до конца боя хранятся у одного из них. Все деньги забирает тот, чья куропатка победила.

Иные игроки поднимали такой гвалт, что распорядители вынуждены были призывать их к порядку.

Прошло примерно четверть часа. Куропатки продолжали безжалостно клевать друг друга. Шея одной из них стала совсем голой, перья и крылья обеих птиц были в крови. Мне пришло в голову, что клювы и ободки вокруг глаз каменных куропаток красны вовсе не от природы — их окрасила кровь.

Дядюшка Мухаммадраджаб молчал, словно не имел отношения ни к деньгам, ни к азартной игре, а просто беспристрастно наблюдал за куропатками, не отрывая от них взгляда. Это почему-то мне было не по душе. Впрочем, я и сам не знал, зачем мне понадобилось его участие в игре. Своим поведением он опрокидывал мои прежние представления о нем. Сердце моё не соглашалось с этим. Человеку свойственно хотеть, чтобы его убеждения оставались постоянными, незыблемыми. Если даже что-либо спутает их, он все равно желает, чтобы все снова стало на своё место.

Мало-помалу куропатка Мергана-ака начала отступать, и зрители, затаив дыхание, ждали конца поединка. Победённая птица, вся окровавленная, обошла круг в поисках лазейки, чтобы удрать, но присутствующие, придвинувшись вплотную друг к другу, не позволили сбежать. И бедняжка вновь была вынуждена драться. Потом снова искать хотя бы щель, чтобы спастись. Я ждал,

когда куропатка подойдёт ко мне, я бы выпустил несчастную птицу. Но куропатка ко мне не подошла...

Куропатка Сайфи непрерывно атаковала, и каждый раз ее соперница лишалась горсти перьев. Сильная птица, почистив клюв, снова устремлялась за соперницей. Некоторые зрители недовольно зашумели, зароптали:

— Да хватит! Прекратите! Так истязать бедную.

— Да она уже давно собиралась сбежать.

Нашлись, правда, и шутники:

— Да не убежать она хотела, у неё просто привычка такая!

— Верно, верно, у неё характер такой....

Наконец Мерган-ака поднялся и прикрыл свою птицу клеткой. Я облегчённо вздохнул.

Несколько минут шли разговоры, споры, деньги переходили из кармана в карман. Потом все снова расселись по своим местам.

Мне хотелось быстренько сфотографировать бой куропаток и покинуть неприятное зрелище.

— Я принесу аппарат из машины, а? — потихоньку спросил я у дядюшки Мухаммадраджаба.

— Нет... Потом...

Вновь принялись спорить о ставке на следующий бой.

— Есть тут одна куропатка, так за неё хозяин четыреста рублей просит,— говорил Сайфи, сузив глаза и с хитровой улыбкой поглядывая на Мергана-ака. Потом прикрыл один глаз.

— А бывают ли куропатки в четыреста рублей? — спросил после Мерган-ака, обращаясь к своим сторонникам.

— Двести... Если согласны, то за двести рублей куропатка найдётся,— проговорил Мерган-ака, снова мешая узбекские слова с таджикскими.

— Двести... — почёсывая лоб и чертя ногтём по земле, проговорил Сайфи. Потом обратился к своим: — Ну, что скажете?

Наконец сошлись на ставке в триста рублей, собрали деньги и выпустили куропаток на «поле боя». Когда открыли клетки, все изумлённо ахнули. В толпе началось перешёптывание, словно ветер зашелестел в камышовых зарослях:

— Э-е! Да одна из них — слон, а другая — мышь!

— Да ведь цыплёнка выпустили!

А в это время здоровенная куропатка и ее маленькая юркая соперница уже вступили в бой. Они безжалостно клевали и щипали друг друга. Тучная, с широкой грудью птица дралась более уверенно и энергично. Но смелость и рвение маленькой куропатки, которая бесстрашно противостояла своей дородной сопернице, завоевали симпатии большинства зрителей. А может, в сердцах этих людей проснулось нормальное человеческое чувство — принимать сторону малых и слабых... Я всем сердцем жаждал победы маленькой куропатки. Каждый удар клювом, достававшийся ей словно ранил мою грудь.

Вдруг птицы с криком отпрянули друг от друга и разбежались в разные стороны. Они с опаской поглядывали на небо.

— Ястреб! Ястреб!

Высоко в небе, прямо над нашими головами, висела тёмная точка. Спустилась пониже, и все увидели: в синеве

кружится большая птица. Тогда двое парней отошли подальше от площадки и принялись кидать вверх камни и громко кричать. В конце концов хищник скрылся.

Нападая друг на друга, куропатки подпрыгивали очень высоко и падали на землю в обморочном состоянии. А люди глядели на птиц с застывшими лицами. На губах Сайфи змеилась улыбка.

Шея куропатки была, сплошь обципана. Надхвостье ее и зоб по бокам — голое мясо.

Если после первой встречи я был только удручён, то этот неравный бой вызвал у меня ярость и отвращение. Какая же жестокость заставлять драться эти два невинных создания, бесстрастно глазеть на то, как они выщипывают друг у друга перья и выклёвывают глаза, да при этом ещё заключать пари!

Я в последний раз с надеждой спросил у дядюшки Мухаммадраджаба:

— Так я принесу фотоаппарат?

— Оставьте, после... Или я как-нибудь приглашу вас к себе домой. У меня есть пара куропаток. Пущу их подраться, вы и сфотографируете. А эти... — закусив нижнюю губу, он покачал головой. Затем, наклонившись ко мне, зашептал в самое ухо: — Сейчас их глаза залиты кровью. Посидите немного, потом вместе пойдём.

Я поверил, что человек этот вовсе не игрок, и некоторое время молчал, опустив голову — совесть не позволяла глядеть ему в лицо.

— Всего хорошего, дядюшка, спасибо,— наконец сказал я, потихоньку поднимаясь.

За что я его поблагодарил? За дружелюбие, общительность, за знакомство, за то, что был моим проводником? Или за то, что так славно в нем ошибся?

Кто знает...

1986.

ВСЕГО-НАВСЕГО ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРИ КОПЕЙКИ

Квартиру в новостройке я получил по соседству с семьёй Бобо Амона. Хотя я живу на восьмом этаже, а он в пятикомнатной квартире на пятом — мы самые близкие соседи. И всегда все знаем друг о друге.

Бобо Амон, как и все старики, немного словоохотлив, однако я терпелив — стиснув зубы, выслушиваю всякие истории из его жизни, даже если он их рассказывает и не впервые.

Правда, в последнее время старик перешёл все границы — мало что зовёт на плов по воскресеньям, но беспокоит и среди недели: несмотря на то, что я нездоров, зовёт к себе, к своим гостям. «На минуточку — только из уважения к гостям», — уговаривает он.

Вот и в тот вечер, едва я отворил свою дверь — больной и раздражительный, как узнал от домашних, что старик опять зовёт, уже дважды присылал за мной.

— Сходи, извинись, — попросил я жену. — Скажи, что совсем занемог.

Скинув ботинки и оставив шапку на вешалке, я уже принялся умываться, как в дверь просунулась голова Максуджона — младшего сына Бобо Амана.

— Здравствуйте, амак... Отец ждёт вас, просит не задерживаться...

Выпалив эти слова, мальчик мгновенно выдернул голову из щели между дверью и косяком и исчез. Я не успел даже рта раскрыть — передать извинения. Делать нечего,

пришлось снова надевать ботинки. Кто не знает, что чувствует человек в таких случаях!

Бобо Амон беседовал за столом с человеком лет тридцати пяти, молодым, но уже с проседью. Оба встали мне навстречу.

— Сидите, сидите... Не беспокойтесь,— кинулся я к ним так, словно оба были сделаны из хрусталя, который того и гляди упадёт и разобьётся.

Сначала я схватил за руку хозяина и поинтересовался его здоровьем, а затем протянул руку гостю. Оглядел его критически. Решил, что это человек умный, воспитанный и добросердечный. По тому, с каким вниманием, хоть и скрытым, он взглянул на шрам у меня на подбородке, я понял, что он доктор. Доктора можно узнать с первого взгляда, как сапожника, который прежде всего обращает внимание на ноги прохожего.

— Дорогой сосед, это доктор и зовут его Абдурашид. А фамилия Саидов, да? — старик с улыбкой повернулся к гостю и, не дожидаясь его ответа, продолжал знакомить меня с ним.— Его отец, покойный Саиджон пекарь был настоящим человеком, праведником... Да будет ему место в раю! Мы выросли с ним в одной махалле... Э, жаль его, жаль, — старик покачал головой.— Все ушли, все... Ох-ох-ох... — он замолчал и задержал взгляд на какой-то невидимой точке. Через мгновение он очнулся и снова обратился к нам: — Ну- ка, за стол. Вот, пожалуйста, чаю, — и старик, плеснув на донышко, протянул мне пиалу.

Я, воспользовавшись паузой, начал было расспрашивать гостя, но старик, как говорится, снова взял поводья беседы в свои руки.

— Домулло, так я ведь уже сказал, что этот человек доктор, а сегодня вот мой дорогой гость... Да продлит аллах его дни! Да не будет у него ни в чем недостатка, и в работе успехи... Пусть дети его будут благополучными! — такие возгласы в беседе — в привычке Бобо Амона.— Да-да, — продолжал он разговор,— ведь я уже рассказывал вам, как случилась у меня на руке болячка, как она меня мучила, как... Э-э, и не спрашивайте — чего только я не перенёс!

Бобо Амон начал развивать повествование, уже не раз слышанное мной и, честно говоря, порядком надоевшее. Ведь старик не упускал даже мельчайших подробностей. А подробности, например, были такими: в каком автобусе он приехал в Яван, как нашёл чайхану, какой с виду была эта чайхана, и как скрипел и шатался топчан для сидения — кат, через сколько минут принесли ему чаю, и каким этот чай был бесцветным, а лепёшка — сухой, и так далее и тому подобное... И кому все это нужно — не знаю!

Короче, суть заключалась в следующем: в прошлом году на руке старика появилась какая-то болячка. Оказав себе: «Не ходи к лекарю, а ступай к опытному человеку», Бобо Амон отправился в чайхану и там, поведав своим сверстникам о беде, попросил совета.

«Лучшее средство — листья подорожника,— посоветовал один.— Помойте их и привяжите к болячке — тут же пройдёт! Только, смотрите, подорожник рвите не здесь, а где-нибудь на чистом лугу...»

Бобо Амон отправился за город. На лугу с отличной, нетронутой скотом травой он набрал мешочек нужных листьев. Целую неделю он прикладывал это снадобье к больной руке, однако не последовало даже малейшего

признака исцеления. За это время старику надавали ещё множество советов. Большинство знакомых предлагало привязать к ране мясо лягушки. Будто бы некоторые уже излечились таким путём. Будто бы мясо лягушки — лекарство для любых ран, однако же городские лягушки, и даже с городских окраин, для этой цели не подходят.

Поэтому-то Бобо Амон с сыном Максуджоном отправился в сторону Найистана.

— С великими мучениями мы разрезали эту тварь пополам, и я крепко привязал ее к больной руке. Но скоро мясо протухло и завоняло, — увлечённо рассказывал старик,— но... толку никакого!.. Тогда усто Камол посоветовал мне... Да, а усто Камол, скажу вам наперед, раньше был искусным плотником и не имел себе равных в резьбе по дереву. А потом, когда начали строить уже многоэтажные дома, его ремесло сошло на нет. Теперь работает в театре — декорации мастерит... Так вот этот самый усто Камол велел мне смешать мёд из Гарма с тмином из Дарвоза, сварить патоку и прикладывать ее к больному месту. Мол, сделаешь так — и сам увидишь, что будет. Только, мол, ни мёд, ни тмин с нашего базар для этого дела непригодны...

В этот момент жена Бобо Амона Хидоят-хола внесла плов.

— Эй, старик, одумайся: ты уже столько рассказывал про это нашему соседу, — прервала она увлечённого рассказом мужа.— Сам уж, можно сказать, у края могилы стоишь, а все ещё толкуешь о добре и зле мирском.

—Э, оставь,—досадливо махнул рукой Бобо Амон.—
Одного места как раз я и не рассказывал ему, вот только

собираюсь... — Потом он повернулся к нам:— А ну-ка, гости дорогие, садитесь поближе к столу.. Приступайте... Ешьте, ешьте, дорогие мои... Да-а, сосед, а ведь наше фаянсовое блюдо упало и разбилось... Вот и приходится теперь подавать на этом глиняном.

— Ничего,— отозвался я,— говорят, что есть из глиняной посуды—дело праведное.

— Верно говоришь, сынок... Верно...

— Конечно, конечно, если нельзя найти фаянсового блюда, есть даже из деревянной посуды — тоже дело праведное,— пошутил гость.— Да, кстати,— подхватил его слова старик,— куда это исчезли деревянные ложки, а? Ни с рук не купишь, ни в магазине не найдёшь...

Я молча пожал плечами.

— Я заказал тому самому усто Камолу. Он обещал выстругать несколько штук. Не могу есть алюминиевой ложкой, хоть убейте... — продолжал старик.

Некоторое время все мы были заняты едой. Вскоре насытились. Старик бросил в рот последнюю горсть плова, поочерёдно взглянул на каждого из нас и продолжил прерванный рассказ о своей болячке, и говорил так, словно читал некое заклинание:

— Так вот, как только я услышал про мёд и тмин, встал в субботу рано утром, позавтракал, оделся потеплее (была уже осень), сказал семье, что...

Если я продолжу рассказ от имени Бобо Амона, боюсь, что нить повествования окажется слишком длинной и наскучит читателям, а это недопустимо!

Короче говоря, в поисках натурального мёда и настоящего тмина старик отправился в Гарм, а затем и в

Дарвоз. Найдя с большим трудом то, что искал, он вернулся домой, сделал снадобье, однако и оно не принесло ему исцеления.

Знакомые старика не уставали давать советы: одни ратовали за мясо крота, как лучшее средство, другие предлагали содрать шкуру с ежа и ещё тёплую приложить к больной руке, третьи... Как наиболее подходящее для исцеления, выбрал верблюжье молоко. Во - первых, этот рецепт ему порекомендовали опытные, выдавшие виды люди, во-вторых, верблюдов в наше время — редкость. Все это убедило старика взять на вооружение верблюжье молоко, и он отправился на его поиски. Рассказ о том, каким путём и на каком транспорте больной отправился в Яван, какие тяготы перенёс в пути, как несколько раз выполнял обязанности верблюжьего погонщика, слишком длинен и утомителен.

Ко всем злоключениям и мучениям старика прибавилось ещё одно. Некий бессовестный погонщик верблюдов уверил его в том, что верблюжья моча — лекарство более полезное, нежели верблюжье молоко. И старик там же, на месте, несколько раз вымыл больную руку верблюжьей мочой, и даже наполнил две бутылки и прихватил с собой.

— Может, для вас — ложь, а перед богом — правда, но я целый год не занимался никакими делами. Если уж что болит, то ничто не мило: ни жизнь, ни дом и ни дела, — заключил старик свой длиннющий рассказ.

— А вы ведь ещё не рассказали, как ели змею, — напомнил я Бобо Аману, хотя знал, что старик никогда не забывает поведать об этом своим слушателям. И на этот раз

он, конечно, ничего не забыл — просто продлевал удовольствие.

— Сейчас расскажу, сейчас,— проговорил Бобо Амон и попытался снова обратить наше внимание на угощение: — Берите, берите, да побольше мяса захватывайте!— затормошил он нас и нарочито громким голосом воскликнул:— Какой же замечательный плов получился!

Видимо, Бобо Амон хотел, чтобы его слова услышала жена, которая была с детьми в соседней комнате.— Пусть никогда не болят твои руки, дорогая жёнушка!..— Старик шёпотом пояснил нам: — Если после еды не похвалишь того, кто готовил, на душе у того муторно становится, неудобно...

Мы спохватились и тоже закричали:

— Хороший плов! — воскликнул гость.

— О, моя соседка — стряпуха знатная! — подхватил я.

Свой рассказ о том, как он ел змеиное мясо, старик продолжил уже за чаем.

— Не ошибусь, если скажу, что не осталось ни одного средства, не испробованного мной,— с упоением говорил старик.— Знаю я одного продавца жевательного табака.— Заметив, что мы с гостем многозначительно переглянулись, старик спросил с улыбкой: — Небось, думаете, что у старика, мол, знакомые — наркоманы всякие? А?! Да нет! — тут же ответил он сам себе.— Этот мой знакомый давным-давно, ещё во время войны занимался этим делом да и после войны немного. Когда-а-а он торговал табаком, а прозвище «табачник» так на всю жизнь и осталось за ним. Ну, как прилипло! Спросишь «Дустали»— никто не знает. А вот Дустали-табачник всем известен. Так однажды этот

самый Дустали и сказал мне, что знает отличное средство, только вот приму ли я его... Я ему в ответ: говори, мол, скорее — и если это даже яд — выпью его, если бритва — зарежусь ею... Сил нет терпеть мученья... «Лекарство от твоей болезни — слепая змея. Отыщи слепую змею и съешь ее!» «Да где же я найду ее?!» «А ты порасспроси дехкан, которые на базар приезжают. Скажи, никаких денег не пожалею, так некоторые не то, что змею, самого дракона притащат...»

Короче, некий торговец виноградом доставил старику змею размером с кетмень и запросил семьдесят пять рублей. Старик только что не кричал от терзавшей его руку боли и потому сварил змеиный суп и съел его. Однако никакого результата! После этого Бобо Амон решил поклониться судьбе, и впредь уже никто не слышал от него рассказа про навязавшуюся болезнь.

Однажды старик отправился в прежний свой квартал, в дом покойного друга. Из-за больной руки Бобо Амон даже не смог как положено поздороваться с присутствующими. Началось перешёптывание, и слух о болячке старика достиг ушей и Абдурашида, тоже бывшего в том доме. А когда они вместе пошли по улице, возвращаясь домой, взгляд доктора как бы случайно упал на больную руку старика. Абдурашид написал на листочке бумаги название нужного лекарства и отдал Бобо Амону.

— Эй, Максуджон, позови-ка мать! — крикнул старик.

А когда Хидоят-хола появилась в дверях, велел ей приготовить все, что необходимо для укола.

Хидоят-хола укоризненно покачала головой:

— Удивляюсь я тебе. Ведь сотню раз говорила: не ешь того, чего нельзя!.. Ведь и доктор не велел!

— Э-э, жёнушка! Человек хоть умирать будет, а от пищи не откажется... И умирая, будет есть! — расхохотался Бобо Амон.— Что же мне делать, если от плова мои кости только крепче становятся! Как это я не стану есть?! Даже в дни войны, я, можно сказать, на куски себя резал — сэкономил половину хлебного пайка, продавал его, но зато раз в месяц наслаждался пловом!..

— А теперь у вас сахарный диабет? — сочувственно спросил доктор.

Старик утвердительно кивнул и добавил:

— После того, как я вылечился благодаря вашему лекарству, моё доверие к врачам очень возросло. Заболел сахарным диабетом — тут же пошёл к врачу, сам научился делать уколы... Да-а, о чем это я рассказывал? А-а, о том, как поправилась моя рука... Эй, жёнушка!

— Все уже готово... Что ещё хочешь? — спросила Хидоят-хола, вновь появляясь в комнате и с прежним укором глядя на мужа.

— Э-э... Как называется то лекарство... За восемьдесят три копейки?

— Какой-то... золон,— на этот раз и Хидоят-хола не смогла припомнить названия лекарства.

— Да, да... Золун, золон...—пробормотал старик.

— Депрозолон,— со смехом поправил их доктор.

Тут и я не удержался от смеха. Старик позабыл, что врач, выписавший ему лекарство, сидит рядом и по привычке спросил у жены название лекарства.

— Вот, вот... Этот самый... золон за восемьдесят три копейки! Восемьдесят три копейки, а? Лишь трижды помазал, а болячки как ни бывало! И всего-навсего восемьдесят три копейки!—воскликнул Бобо Амон.

Затем, словно раскрыв некую тайну, победоносно поглядел на нас. Он немного помолчал и затем тихо, уже совсем другим голосом добавил:

— Конечно, это рука Абдурашиджона оказалась лёгкой.— Старик с благодарностью посмотрел на доктора и похлопал его по плечу.— Пусть руки твои никогда не болят... Чтоб ты ими землю брал, а она бы в золото превращалась....

1979—87.

ГУРАМАРГ 48

У тебя не было сил подняться. Ты метался в постели, задыхался, тебе не хватало воздуха. Я укладывал тебя поудобнее — ведь ничем иным я не мог тебе помочь. В бессильной муке я крепче стискивал зубы и сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладонь. Страдание и боль, поселившиеся в твоих глазах, переливались в моё отцовское сердце.

Помню, однажды после долгих мучений ты наконец заснул. Я накрыл тебя одеялом и на цыпочках вышел из палаты. Дверь оставил открытой, чтобы услышать, если ты проснёшься. Быстро прошёл по коридору и, остановившись у входной двери, закурил. Одну за другой сделал несколько жадных затяжек... Послышался крик, я поспешно вернулся в коридор и заметил, как в дверях твоей палаты мелькнул белый халат медсестры. И сердце сухим комком подкатило к горлу. Не помню, как я добежал до твоей постели. Медсестра уже подняла тебя с пола и укладывала в кровать. Я чуть не сошёл с ума. И я снова, уже в который раз, пошёл к врачу. И вновь умолял сделать что-нибудь, хоть чуть-чуть облегчить свои страдания. Женщина - врач сказала, что необходимо ещё раз сделать пункцию спинного мозга. И хотя я говорил ей, зная, как ты тяжело переносишь эту процедуру, что это ничего кроме мучений не принесёт, ведь сколько раз уже делали, она сумела внушить мне надежду, уговорила-таки.

Расстроенный и растерянный я вернулся к тебе. Что делать, о какую стену биться головой, как облегчить твои страдания? Я все надеялся, что произойдёт какое-то чудо и ты выздоровеешь. Ведь не зря говорят, что безнадёжность — внушение шайтана.

— Илхомджон... Илхомджон...— зашептал я.— Тебе снова сделают пункцию... Совсем недолго... может...

Ты заметался в постели и покачал головой.

— Не-ет... Папочка... Не разрешайте! — слабо произнёс ты, не в силах даже глаза открыть.— Не разрешайте, папочка! Не надо... Не нужно...

— Нужно, сынок. Ты перестанешь мучиться... Выздоровеешь....

— Не надо, папочка... Пусть лучше умру...

Эти слова лезвием полоснули меня по сердцу. И почему я в тот день не внял твоим мольбам?! Лучше бы я ослеп и оглох!.. Раскаяние, досада всю жизнь будут мучить меня. Ведь не жестокая болезнь, а наша чёрствость толкнула тебя, восьмилетнего, в объятие смерти! Почему я не понял этого тогда? Когда уходят от нас пожившие старые люди, это понятно, это неизбежность, но в таком возрасте!.. Даже камень услышал бы твой крик о пощаде, но почему моего сердца он не достиг?! Почему?!

Вот уже двенадцать лет я вспоминаю одно и то же, явственно слышу твою мольбу и вскакиваю по ночам, будто ужаленный змеей, бью себя по лбу, ломаю руки, с укором кричу: «Доктор! Доктор! А как ты спишь по ночам? А, доктор?»

Вот и этой ночью шагаю по комнате, охваченный нестерпимой мукой. Снова перед глазами ты и та равно-

душная и самоуверенная женщина-врач. И я решил, что завтра обязательно разыщу ее и скажу, что... А что я скажу? Что я могу ей сказать? Скорее всего она даже не помнит ни тебя, ни меня... Предположим, выскажу ей все, что терзает душу, но что из этого? Горе - то не убавится... Ой, как поздно умнеет дитя человеческое!

Рассказывают, что однажды знаменитый Хотам из Тая шёл по дороге и увидел скорпиона. Хотам решил проследить за ним. Скорпион ужалил сначала путника, потом, превратившись в змею, убил пастуха. Затем превратился в девушку, подошёл к двум братьям, работавшим на поле, поссорил их, и они убили друг друга. Хотам преградил скорпиону путь и закричал в гневе: «О злосчастный, сколько горя и страданий ты доставил людям!» «Ступай своей дорогой, Хотам, тебе ещё долго жить,— ответил скорпион.— Я—ангел смерти, и делаю своё дело. А чтобы люди не обижались на меня, я принимаю разные обличия...»

Да, смерть никого не минует, но я не могу простить себя. Пусть все знают о допущенных мною ошибках, пусть знают о бессердечии таких, как Рыжий Зиё! Я сам испил яд этого безжалостного скорпиона и не хочу, чтобы это довелось сделать другим...

Нет, сначала я расскажу о тебе. До сих пор вижу, как ты увлечённо возишься со своими игрушками, позабыв обо всем на свете. Как бы я хотел знать, в каких городах и долах ты бывал во время игры со своими машинами. Не было конца твоей любознательности. Ты не успокаивался, пока не разберёшь новую игрушку. Поэтому я, купив тебе машину, сначала разобрал ее сам, а ты внимательно

разглядывал каждый винтик, а потом мы вместе собирали игрушку заново.

Помню, как ты однажды пришёл из садика и, увидев на моем столе календарь, спросил, показывая на фотографию Пушкина: «Папа, кто это?» Я ответил: «Пушкин». «Он из пушки стреляет?» Я улыбнулся: «Да, только из словесной пушки, он стреляет стихами и песнями. Помнишь, я тебе рассказывал сказку о рыбаке и рыбке? Это он ее написал».

Когда тебе исполнилось пять лет, я начал брать тебя с собой в горы. Мы, рука в руке, переходили ручейки, пробирались через густые заросли. Оступаясь и в кровь обдирая руки, спускались в глубокие расщелины, взбирались на высокие скалы. Ты шёл вместе со мной, не зная усталости. Ни разу я не слышал от тебя жалобы. Наоборот, ты уговаривал меня идти дальше и дальше. «Поднимемся вон на тот холм. А что за этой горой?» — допытывался ты.

Мне надоело снимать квартиру, и я купил небольшой, состоящий из комнаты и прихожей, домик. Лучше бы я его совсем не покупал! Он стоял на окраине города, автомобильная дорога, по которой ходил рейсовый автобус, была примерно в полутора километрах, а ближайшая поликлиника и детский сад — в двух с половиной.

Каждое утро мы с тобой торопились в детский сад, а вечером не спеша возвращались домой. Летом, когда и в шесть, и в семь часов жара ещё не спадала, ты бывал весь в поту, но все равно шагал наравне со мной и отказывался, когда я предлагал взять тебя на руки. Ты считал себя уже взрослым и стеснялся сидеть на плечах отца. Однажды, возвращаясь домой, мы увидели, как асфальтируют дорогу

к кишлаку. Ты радостно побежал за машиной, споткнулся и упал на горячий ещё асфальт. Твои ладошки покраснели, на них появились волдыри, но ты не заплакал. Слегка испугавшись, виновато посмотрел мне в глаза и опустил голову, думая, что я буду журить тебя за непослушание.

А я в те дни был безмерно счастлив оттого, что у тебя есть отчий дом, и тебе не придётся скитаться, как мне, по чужим углам. Ты ещё не понимал, какая это радость — отчий дом. Это бесценный дар! В каком бы уголке земли ты ни был, тепло отчего дома станет твоей защитой, он согреет и успокоит тебя. Его низенькая крыша станет путеводным маяком и, словно магнит, будет притягивать к себе. Торопясь к отчему дому, ты одолеешь горы и реки, пересечёшь города и пустыни. Он вернёт тебе силу и мощь, мысли о нем наполнят тебя надеждой и покоем...

Зима в тот год пришла снежная. Снег доходил до колен, но он все шёл и шёл; часто пуржило. Заболел твой двухлетний братишка, и я решил отвести его в больницу. Мама думала остаться там с ним, и поэтому мы отправились в дорогу всей семьёй. Ведь нельзя было оставить дома тебя одного. Очень трудно быть одному, сынок. По заснеженным полям, по бездорожью я шёл впереди с твоим закутанным братом на руках. Вы с мамой—следом. Когда я оступался, ты вскрикивал со страху за меня. Я жалел тебя, а ты — меня... До сих пор моё сердце наполнено жалостью и печалью. До сих пор горит и болит оно...

Братишка твой был слабым и болезненным, а ты рос сильным и здоровым. И откуда только взялась эта губительная и неизлечимая болезнь?! Врачи сказали, что до

сих пор неизвестна причина этого недуга. Но я-то знаю, что ты заболел от страха. Нет, точнее, это случилось от жестокости и бесчеловечности одного подлеца, когда ты разуверился в доброте и людской порядочности.

Была весна, пора Навруза. Тут же за калиткой нашего дома начиналось поле. Ты с твоим дядей, гостившим в то время у нас, играл на полянке за воротами. А Хушьёр, твой любимый пёс, был привязан к дереву. К вам подошёл соседский мальчик, и собака неожиданную рванулась к нему. Хорошо, что Хушьёр был на цепи и не достал его, но мальчик испугался и заплакал. Его отец, Рьжий Зиё, очень жестокий человек, поднял крик. Потом схватил тебя, как вязанку хвороста, и понёс к себе во двор.

Я в то время сидел в комнате и читал. Когда узнал, что случилось, кинулся за ним, но было поздно: мерзавец бросил тебя к своей собаке... Ты был весь в поту от страха и бел, как марля... До сих пор не могу понять, как земля носит таких подлецов?! Конечно, всему в этом мире свой черед — и Зиё когда-нибудь достигнет кара! Обязательно достигнет!

После этого я покинул наш домик, не желая видеть своим соседом подонка. Вскоре ты заболел желтухой. Сейчас уже не поманю, кто из моих друзей сказал, что ребёнок может заболеть этой болезнью от сильного испуга. Хотя бы я не слышал этих слов! Может, это и не так, но эти слова крепко запали в душу и терзают моё сердце. Горе порождает горе, а болезнь — болезни. После желтухи привязалась к тебе эта проклятая хворь, и навсегда покинули тебя здоровье и радостное детство.

В какие только двери я не стучался, в поисках лекарств для тебя! Все меня уговаривали смириться с неизбежным. Мой друг, доктор Аъзам, сразу сказал, чтобы я не мучил тебя,— лейкоз пока неизлечим. Честно говоря, я его тогда почти возненавидел, решил, что нужно бежать от врача, который не верит в спасение больного. Почему я не послушался его совета и мучил тебя, сынок! Не могу простить себе этого! Не могу! Раскаяние денно и нощно терзает меня, болит незаживающая рана в душе.

Ты хотел, чтобы мама всегда была рядом. Никогда не забуду, как ты ждал ее у окна палаты, не сводя глаз с дороги, по которой она приходила. Если я появлялся без неё, ты оторвался, просил, чтобы завтра она пришла пораньше. Бедная мама теперь не может проходить мимо той больницы, где ты лежал. Она хотела сфотографироваться с тобой, когда тебе станет легче. Но это желание так и осталось невыполненным. Теперь она часто видит во сне, как берет тебя за руку и говорит: «Ил-хомджон, пойдём фотографироваться».

Не было конца ее горю, она таяла, как свеча. Лишь в ее объятиях: ты на мгновение успокаивался. Даже в бреду ты звал ее и хотел быть с ней, будто руки матери, ее запах придавали тебе силы. А я не знал, как утешить твою бедную мать.

Одна девочка в больнице, года на два младше тебя, тоже страдала лейкозом. Она была единственным ребёнком, и родители уже были в таком возрасте, когда не могли иметь детей. Успокаивая твою маму, я говорил: «Посмотри на них, им ещё горше. Нужно благодарить всевышнего за остальных детей...»

Ты в наших сердцах, ты живёшь в своих братишках и сестрёнках: в их шалостях, играх, словах, смехе, слезах... И это поддерживает нас.

После твоей смерти я вновь убедился в одной истине: ни одно, даже самое большое, человеческое горе не помешает обычному ходу событий. Колесо жизни постоянно в движении, все течёт и меняется; ничто не вечно в этом подлунном мире, даже горе и печаль. По сравнению с ЖИЗНЬЮ горе человеческое лишь ничтожная песчинка. Мир создан мастерски и на удивление мудро!

1984.

ВОЗМЕЗДИЕ

Теперь, когда в этом ярком солнечном мире меня нет среди людей, все жалеют, скорбят о том, что я так трагично скончалась, укоряют себя за то, что были невнимательны, нечутки. Есть и такие, кто верит наветам «свекрови и другим родственникам мужа, обвиняют меня в неблагодарности. Говорят, что я не любила его, что не могла забыть парня, который нравился мне в школьные годы. А потому не мил мне был и дом — полная чаша. Лицемеры! Негоже лукавить вслед умершим.

Однако верно — ненавидела я этот дом. Через год после свадьбы в моем сердце не осталось и следа от любви к Фармону. Но школьный приятель тут ни при чем. Эх, если бы в самом деле повстречался мне честный благородный человек, не задумываясь, ушла бы с ним, куда глаза глядят из этого проклятого дома. Только не с кем и некуда мне было уходить. Даже у родителей можно было погостить с детьми не больше трёх-четырёх дней.

Человек, продавший душу дьяволу и посвятивший себя деньгам, вещам, карьере, лишён дара любить кого-либо кроме себя. Когда я поняла, что основу и уток твоей жизни составляют обман, подлость и лицемерие, близость с тобой, Фармон, стала для меня невыносимой. Немногие знают о том, как мне было тяжело, поэтому наверняка есть и такие, кто не принял версию о моем самосожжении. Дети бы не соврали. Но ты предусмотрительно закрыл их в коровнике, прежде чем наброситься на меня. До сих пор звучит у меня в ушах их отчаянный плач. «Не бей мамочку!» — умоляли они и тремя парами кулачков колотили в закрытую дверь.

Теперь у тебя нет детей — отец мой забрал их к себе. Душа моя успокоилась. Я отомщу тебе за них. Ты думаешь, мёртвые не умеют мстить?! Ошибаешься! Я сделаю так, чтобы не ты один, а все негодяи убедились — есть в этом мире возмездие.

Фармон, ты помнишь, какой любимой баловницей была я в доме отца? Тогда у нас часто собирались все родственники. Приходил и ты, тихий, задумчивый, замкнутый. Однажды я заметила, как злобно сверкнули твои глаза, когда кто-то сказал тебе об этом. Я насторожилась, но не подала виду. Может быть, в ту минуту ангелы отвернулись от меня? Нет, ты не помнишь... Тогда слушай, сейчас я тебе обо всем напомним. Не сможешь ты, Фармон, забыть меня до конца дней своих!

В те годы каждый, кто хотел стать побогаче, уходил из кишлака осваивать новые земли. Когда ваша семья покинула наши горы, мне шёл двенадцатый год, а ты был пятнадцатилетним парнем. О, аллах, почему вы не исчезли тогда насовсем?! Каждый раз твои родители находили предлог — то поминки, то свадьба, — чтобы погостить у нас несколько дней, всем своим видом давая понять, что теперь они знатнее и богаче нас. Позже я узнала, что все эти визиты преследовали лишь одну цель — сосватать меня за тебя. Вскоре и ты стал наведываться...

Долго мой отец не решался дать своего согласия, словно чувял что-то неладное. Все отшучивался и оттягивал время, на что твой отец каждый раз замечал: «Если продаёшь ковёр, предлагай его своему родственнику, потому что наступит час, когда ты снова будешь сидеть на том ковре». Помню, как в конце концов дядя Хаким, покидая наш дом,

сказал с обидой: «Не нарушай, брат, правил и обычаев нашего народа. Не мне объяснять тебе, что выдавать дочь за другого не имеешь права». Задумался мой отец — не отдавать же меня в чужую семью. В те годы жители кишлака были разобщены, не доверяли друг другу. Возможно, в этом была виновата нищета, что поселилась в каждом доме. Словом, после долгих размышлений родители решились на нашу свадьбу.

Первое время я не могла разобраться, что же ты за человек. Да и не до того было. Рано утром уходили на работу, возвращались поздно вечером. Я — на хлопковом поле, ты — далеко от кишлака на хлопковом пункте. Ни выходных, ни отпусков. Только зимой на месяц освобождалась от работы и спешила проведать своих родителей.

По крайней мере, пока был жив твой отец, в доме царил порядок. Он вёл огромное хозяйство, распоряжался деньгами. Свою зарплату все отдавали только ему. Если кому были необходимы деньги, шли к нему. Он решал, стоит ли тратиться. Продукты покупал тоже он. Без его разрешения никто не имел права что-либо предпринимать. Каждый вечер вся семья собиралась в его комнате за ужином. Невестки и дочери хлопотали по хозяйству, ухаживали за скотом. Мужчины мирно беседовали за чаем. Незаметно время подходило к двенадцати, и мы расходились по своим комнатам. Наши домики были выстроены вдоль забора бок о бок друг к другу.

Если Хаким-амак покупал платки, то всем пятерым — трём невесткам и двум дочерям. Галоши, ичиги он приносил в мешке и сваливал посреди комнаты. Каждый

выбирал себе обувь по размеру. Если какая-то пара не подошла никому, старик отвозил ее обратно в магазин. Единственная покупка, которая предназначалась только для меня,— это пальто и камзол, подаренные к свадьбе. Я надевала их только на торжества и берегла до самой смерти.

Жене Хаким-амак никогда ничего не покупал. За последние десять-пятнадцать лет никто не видел на ней обновки.

Однажды осенью, примерно за два месяца до своей смерти, Хаким-амак, прочитав молитву после ужина, поручил тебе, Фармон, нарезать дыню, а сам внимательно наблюдал за детьми. Обычно в такие минуты лицо его прояснялось, взгляд теплел. Когда мы бранили детей за озорство, он неизменно защищал их. Но на этот раз он вдруг нахмурился и неожиданно вспылил: «Да прекратите же в конце концов!» Стар и млад затаили дыхание...

— Впредь,— обратился он ко всем,— своё хозяйство ведите самостоятельно. Оча⁴⁹, раздели между семьями утварь.

Наступила неловкая тишина. Мы сидели, виновато потупив взгляды, затем украдкой начали переглядываться, пытаюсь понять, всерьёз или сгоряча наговорил такое старик.

— Что случилось, отец? — осторожно спросил старший сын Хурматулло.— Мы чем-то обидели вас? Может, мы что-то не так сделали? — Он извинительно заглядывал в

лицо отца.— Вы ведь сами говорили — где дети, там и базар. Сейчас я их мигом угомоню...

— Не-ет,— неопределённо махнул рукой старик.— Не в этом дело. Постарел я... Что-то неможется. Ничего не хочется,— с болью в голосе произнёс он и как-то необычно изменился в лице. Да, в тот вечер Хаким-амак был явно чем-то подавлен. Таким мы его раньше не видели.

Вскоре твой отец, разделил между детьми домашний скот и скарб. Надо отдать должное, никого при этом не обидел. Он был мрачен и словно чем-то обижен. Видимо, уже тогда болезнь донимала его, но он не жаловался — понимал, что вы ему ничем не сможете помочь. По правде сказать, с того часа никто из вас не проявлял к отцу такого внимания, как прежде. Каждый заботился лишь о том, как бы, не дай бог, кому не досталось больше барахла, чем ему.

Хаким-амак тоже любил вещи, но в отличие от тебя, Фармон, он был трудолюбив и честен. Те, кто в поте лица зарабатывает себе хлеб, умеют ценить плоды своего труда, а потому порой выглядят скаредными и грубоватыми.

Когда Хаким-амак скончался, у нас уже было двое детей. Помнишь, Фармон, какой скандал разразился через четыре месяца после его смерти?! Если бы внезапно не умер один из свидетелей, тебе бы не избежать тюрьмы. А может, он и не умер вовсе, а его, как и меня, несчастную... Тебе тогда пришлось хорошо потрясти мошной, чтобы откупиться. Но с работы тебя все-таки выгнали. Ох, и по жульничал ты на том хлопкозагот-пункте! Тоннами отбирал хлопок у одних и продавал другим, но взвешивал и занижал сортность. И пошёл ты по неверному пути, осквернился несправедным кустам и с тех пор уже не мог

честно трудиться. А то, что ты избежал суда,— это не счастье, а горе твоё... Но тебе этого не понять...

Половину приусадебного участка ты оборудовал под парники для лимонов. Через два года получил первый урожай, и снова у тебя появились деньги. Мне ты не дал ни рубля из всей выручки, ни разу не купил ни метра материи, не принёс в дом ни килограмма сахара. «Хозяйство как-нибудь тащи на своих плечах, а я буду копить деньги на машину. Без машины трудно реализовать лимоны». Позже появилась ещё одна причина: «Я собираю деньги на свадьбу детей. До каких пор нам радоваться только чужому счастью, пора и о своём подумать». Вот так и жили всей семьёй на тридцать — сорок рублей моей колхозной зарплаты. Хорошо хоть овощи и фрукты не нужно было покупать, довольствовались дарами своего небольшого участка. Покупали в колхозе пшеницу за копейки, мололи на мельнице. Сливочное масло взбивали в стиральной машине. Сколько раз просила, чтобы ты купил мне машину для стирки, но ты будто не слышал меня. После работы в поле стирала по ночам вручную, месила тесто, пекла хлеб. С голоду не умирали, но детям хотелось конфет и набота, гранат и хурмы. «Какой вкус у мёда?»— спрашивали они. Однажды дочка прибежала ко мне и с радостью сообщила: «Я попросила у подружки немного кишмиша попробовать, а она принесла мне полсумки. Смотри, мама!» Какой стыд, Фармон! Что мне было делать, если глаза твои ничего не видели, а уши не слышали? С кем поделиться своими горестями, от кого ждать помощи?

Когда я невесткой вошла в ваш дом, отец мой сказал: «Дочь моя, все, что будет происходить здесь, должно быть

скрыто от других. От нас — твоих родителей — тоже». С тех пор я молчала. Лишь однажды не выдержала, пожаловалась твоей матери — нечем кормить детей. На клочке земли у дома, который кормил семью, ты посеял арахис. «Нехорошо вмешиваться в дела мужчин,— ответила мать.— Что бы ни делал Фармон, он старается для твоих же детей».

Осенью ты собрал урожай, скупил по дешёвке арахис у соседей и отправился в сторону Сибири сбывать товар. Вернулся с большими деньгами. Я заметила это по тому, как изменились твои разговоры, манеры, одежда... Теперь ты ходил в дублёнке, в дорогой шапке. Женщины селения останавливали меня на улице и говорили: муж твой торгаш да и только, то и дело в Москву ездит. Небось, и тебе что-нибудь привозит? Я то отмалчивалась, или меняла тему разговора. Говорят же: жаловаться на судьбу, значит, навлечь на себя презрение окружающих.

Однажды зимним вечером, когда ты ушёл дежурить на стройку, пришла учительница детей, и мы поговорили с ней до полуночи. Когда я смазала ей, что по нашим обычаям жена не имеет права уйти от мужа без какой-либо серьёзной причины, она рассмеялась. Откуда ей знать нравы нашего народа — она приезжая. «А что, мужчины имеют право?» — спрашивала она «Мужчина тоже не может так просто развестись с женой»,— ответила я. Некоторые молодые люди, что уехали учиться в город, успели там жениться, развестись и вернуться в кишлак. «Не сошлись характерами»,— так объясняли причину развода. Таких доводов у нас всерьёз не принимают, это — позор. Вряд ли им удастся жениться во второй раз — не отдадут

им в жены своих дочерей. У нас говорят: «Отдай девушку тому, у кого умерла жена, но в того, кто развёлся, брось камень».

Когда я узнала тебя по-настоящему, твой характер, у нас уже было трое детей. Наивная простота, я все ещё надеялась, что ты образумишься. Ждала, что когда-нибудь ты заметишь, что дети твои носят одежду, перешитую из моих старых платьев, мясо едят они два раза в месяц. «В прежние времена,— говорила твоя мать,— "мы лакомились мясом два раза в году. Я чувствовала себя на седьмом небе. Не балуй детей!»

Сам ты, однако, дома почти не питался. На стройке, где ты работал сторожем, у тебя было своё отдельное хозяйство. Когда тебе нужно было уехать, вместо тебя дежурил старик-сменщик, По возвращении ты отработывал пропущенное. Дома тебя видели редко. Приходил и, увидев пустой казан, тут же уходил обедать к матери или к брату. Мы были для тебя обузой и, если бы ты не страшился людей, давно выгнал бы нас из дома. Пристрастие к деньгам напрочь вытеснило из твоего сердца любовь к семье.

Днём и ночью думала я о том, как исцелить тебя от этой болезни, но так и не нашла лекарства. Такой недуг был неведом жителям нашего кишлака. Обречённая на одиночество длинными зимними ночами, я безутешно плакала, убаюкивая маленького ребёнка.

Как-то на глаза мне попала новенькая школьная тетрадь. Я отыскала ручку и записала свои горькие мысли. Выплеснув душевную боль на бумагу, я почувствовала

облегчение. Так я поступала каждый раз, когда нести свой крест становилось невмоготу.

После моей смерти дети нашли эту тетрадь и тайком передали следователю. Ты запретил им давать какие-либо показания, но не смог убить в них веру в то, что их несчастная мать чиста перед аллахом.

Помнишь, Фармон, когда ты снова уехал «по делам», наша корова возвратилась с пастбища больной и едва дотянула до ножа. Половину мяса я продала соседям, остальное завялила с солью. На вырученные деньги купила детям одежду и швейную машину за сорок восемь рублей. К твоему приезду не осталось ни копейки. Как объяснить тебе случившееся — ломала голову в ожидании скандала. Помогли подруги.

Теперь уже не было нужды скрывать от людей свою боль. Все давно поняли, кто ты на самом деле и какие у нас с тобой отношения. Шило в мешке не утаишь. Мне нечего было стыдиться, и я, будучи на сборе хлопка, поведала о своих переживаниях подругам. «А ты, если что, припугни его,— посоветовала одна из них. — Ведь он торгует наркотиками». Тогда я ещё толком не знала, что такое наркотики, поэтому с лёгкостью приняла совет. Думала, что твои махинации с лимонами и арахисом — это и есть наркотики. Заодно, решила, и проверю — так ли это. Когда, разъярённый, ты поднял на меня руку, я решила не отступать. Схватила кочергу и, не помня себя, пошла на тебя: «Не подходи! Хватит! Надоело! Завтра же пойду к прокурору и расскажу, что ты занимаешься наркотиками... Там тебя быстро утихомят!» Словно ушат холодной воды вылила — так резко изменился ты в лице. «Ах, так! —

побелел ты не то от гнева, не то от страха.— Вот ты, значит, какая?!» — и, хлопнув дверью, ушёл к матери.

Через два дня ты вернулся и сделал вид, будто ничего не произошло... А вскоре я поняла, что родственники твои затаили чёрную злобу на меня.

Никогда раньше не слышала я худого слова от брата твоего Хурматулло. Если и приходилось перекинуться парой слов, то разговаривали, как принято, опустив глаза. А тут вдруг наш телёнок забрёл в их садик, и Хурматулло чуть было не убил меня. Со словами: «Будь проклят твой отец, зараза!» — он в исступлении принялся забрасывать наш дом камнями. Не сдержалась я тогда, обида через край хлынула. «Говорите да не заговаривайтесь! — выкрикнула в слезах.— Вы стали позором для моего отца! Я думала, что только брат подлец, но и вы оказывается не лучше».

Эх, Фармон, ничего святого в тебе не осталось! В тот вечер ты пришёл от брата зверь зверем. Детей отправил к матери и, как только закрылась за ними дверь, шакалом набросился на меня. Ни о чем не спросил, не стал ничего выслушивать. Всю ночь избивал жестоко, изощрённо.

Не понятно мне было сердце твоей матери. Какая же польза ей и твоему брату от того, что я стала почти калекой? Женить тебя во второй раз они не могли— для этого нужны были большие деньги. А нам их никогда не хватало.

Под утро тайком забрала детей и ушла из твоего дома к чужим людям. Бабушка Гульзира перевязала раны, успокоила, горько поплакала вместе со мной над нашей бабьей долей.

Утром отправилась в сельсовет. Решила, лучше детям расти без отца, чем сносить такие издевательства. Но, видимо, мужчинам не понять горе женщины. «Послушайте меня, дорогая, — увещевал председатель. — Я гожусь вам в отцы и знаю жизнь лучше вас. Возвращайтесь к мужу. Мы поговорим с ним как следует, накажем, больше этого не повторится. Если же он ещё раз поднимет на вас руку, я сам пойду свидетелем в суд. Вы верите мне? Оставьте самолюбие — подумайте о детях». «Ну что ж, — подумала я, утирая слезы. — Будь что будет», — и втайне пожелала, чтобы ты избил меня ещё раз, и тогда председатель разведёт нас без слов. Но ты на удивление присмирел. После того, как побывал в сельсовете, месяца три-четыре я не слышала оскорблений и угроз. Не успевал опустеть мешок с мукой — ты уже приносил полный. В доме не переводились рис, макароны, сахар. Даже несколько метров материи на курпачи принёс. Купил дочке туфельки. Стал в доме звенеть детский смех, только меня уже ничто не радовало. Словно все это происходило не в моей жизни. Может быть, потому, что чувствовала — перемены ненадолго. Тем более, родственники твои на каждом шагу попрекали меня. «Ишь, говорить научилась, законы вспомнила! Дорогу в сельсовет узнала! Ну, погоди!» Могла ли я без оглядки поверить в твою коварную порядочность?.. Как смотреть в глаза детям, когда, беззастенчиво поковырявшись в моей кося с супом, ты перекладывал кусочек мяса в свою тарелку: «Зимой ты в поле не работаешь, так что нечего и есть наравне со мной».

Нет, не жалобу в сельсовет вы не могли мне простить, а нечто иное. Вам не давали покоя уважение и доверие

односельчан. Не могли вы простить мне того что до конца дней не видать вам, как собственных ушей, признания земляков.

Когда кто-либо в кишлаке резал скотину, меня извещали об этом, предлагали купить мяса, а иногда прямо домой несколько килограммов приносили. Когда у меня не хватало денег, мясник уговаривал: «Не волнуйся, дорогая. Накорми детей как следует, а деньги потом возьму с Фармона». Он всегда был вежлив и бескорыстен со мной. Знаешь ли ты, Фармон, что не стоишь и праха с ног этих людей? Их доброта приводила тебя в бешенство.

Трудно скрыть от людей тёмную душу. Вам казалось, что окружающие даже не подозревают о ваших низких поступках. Вам так этого хотелось!

Фармон, ты убил меня, страшась наказания за свои черные дела... Ничтожное и трусливое животное. Нет- нет, ты не животное. Они на такое не способны. Кто же ты?..

Кто знает, если бы в тот злополучный день не заболел мой милый Шодибек, возможно, я осталась бы жива. Да, видно, не судьба...

Подхватив мальчика на руки, я, как ошпаренная, помчалась к врачу. Шодибек едва дышал, ноги мои подкашивались от страха и отчаяния. Несколько раз я падала с ним в грязь, поднималась и снова бежала, забыв обо всем на свете. «Дифтерия,— определил доктор,— мальчика придётся оставить в больнице. Не волнуйтесь, скоро поправится».

По дороге домой потерянно забрела в магазин. В доме перегорели лампочки, нужно было купить макарон, масла... Возле мясного ларька заметила группу людей и поняла, что

Ораш заколол скотину. Дети месяц не видели мяса,— подумала я. Не сразу сообразила, что дядя Ораш заколол коня. Недолго думая, попросила пару килограммов, а он завернул четыре и, как всегда, сказал: «Деньги возьму с твоего хозяина».

Начала готовить ужин и только тогда вспомнила, что ты не кушаешь конину. Опять скандал будет... Так и вышло. Только теперь я уже не была той овечкой, что когда-то переступила порог вашего дома. Разбудила во мне женскую гордость твоя подлость. Ты — слово, я — два. Не приставай.

Разжигая огонь, не заметила в перебранке, как ты закрыл детей в коровнике. Обернулась и увидела в руке у тебя полено. Злобно оскалившись, начал нещадно избивать меня. Защищаясь щипцами для углей, мне удалось выбежать из комнаты, но вырваться из твоих рук не хватило сил. Ты добивал моё окровавленное, перепачканное землёй тело ногами. Я уже не чувствовала боли, только слышала, как плакали дети в коровнике, стучали кулачками и кричали: «Папочка, не бейте маму!» И этот детский плач удерживал моё сознание...

Подошла твоя мать, приподняла мне голову. Я не в силах даже была открыть глаза.

— Ой, не жить мне на белом свете! Что же ты натворил, Фармон! — вполголоса запричитала она в смертельном страхе.— Куда же ты ее ударил, сумасшедший? Что же мы теперь будем делать?! — хлопала она в отчаянии ладонями по своим острым коленям.— Быстрее вызывай врача. Если она умрёт, грех на тебе будет... На этот раз тюрьмы не

избежишь. Ой, что я буду делать?! Искалечил ты ее! Иди, успокой своих детей!..

Пытаясь привести меня в чувство, она прыснула водой мне в лицо и принялась лихорадочно смывать с меня кровь. Жены и дети твоих братьев молча наблюдали за происходящим, видели, как вы с матерью перетащили меня на веранду, а потом ушли совещаться. Вскоре старушка позвала обоих своих сыновей.

Зимние сумерки торопливо окутали кишлак, как бы спеша скрыть вашу тайну... Вскоре твоя мать отослала сыновей своих по домам, а тебе велела перетащить моё тело на прежнее место.

Я пришла в себя, открыла глаза, но никак не могла поднять голову... «Почему замолчали дети?» — пронеслось в мозгу, но спросить об этом вслух не было сил. Некоторое время я оставалась одна, словно до меня уже никому не было дела. Потом сквозь туман я увидела, как ты обливаешь меня керосином, чиркаешь спичкой...

Когда пламя охватило моё тело, мать с сыновьями, наблюдавшие за тобой издалека, разом бросились ко мне и завопили во весь голос!

— Ой, горит! Убила себя! Спасите! Сожгла себя!

Тем временем твои братья спешно заталкивали в дом своих жён и детей: «Не смотрите, а то завтра в милицию свидетелями потащат!»

* * *

...Вам удалось закрыть рот следователю. Вы купили его. Иначе как объяснить, что он даже не обратил внимания на очевидную нелепицу — тело женщины сгорело на одном месте? Заживо объятая пламенем, я, искалеченная, не могла двигаться. Сжигающие себя мечутся, как бы убегая от нестерпимой боли. Да, бывает и такое. Но я бы никогда не пошла на это, Фармон. Потому что любила своих детей больше, чем себя.

Почему следователь не поговорил с моими детьми? Молча забрал мой дневник и спрятал в сейф... Неужели ты был прав, Фармон, когда говорил: «В тюрьму попадает только неимущий».

Ты, конечно же, считаешь, что богат и тебе нечего бояться в этом мире. Да, денег у тебя много, это верно. Выручки, полученной от лимонов и арахиса, не хватило бы, чтоб подкупить правосудие. Понадобились большие деньги. Грязные деньги, полученные от продажи наркотиков. Бог с ним, со следователем. Он продался, но вы не сможете продать моё доброе имя. Вам не удастся купить искренность людей, их доброту и уважение. Я не позволю вам это сделать. Моя неприкаянная душа будет витать в вашем доме до тех пор, пока вы не исчезнете с лица земли. Так и знай — я не отступлюсь!

Помнишь, недавно, в пятницу вечером, вы собрались у матери смотреть телевизор? Самым последним вышел ты. Переступил порог да не рассчитал — ка-ак стукнешься головой о верхний косяк! Я даже невольно вскрикнула. А ты оцепенел от ужаса... Даже не подмёл оглянуться — боялся, что увидишь меня. Жалкий трус! Тебе показалось, что это я тебя огрела. Нет, это ты сам. Сам стукнулся!

Мамочка сразу тебе холодный компресс на лоб пристроила, окурила рутой, бормоча молитву, подёргала тебя за уши, бубня заклинания, похлопала по спине. Понятно, конечно, ее волнение. Я ведь тоже была матерью — и знаю, как дорого дитя.

После этого ты боялся вечерами выходить на улицу. Когда нужно было идти в ночь на дежурство, брал с собой племянника.

Однажды ты попросил парнишку обойти стройку — все ли в порядке. Когда он отлучился, ты решил набрать дров — погасла печка. В темноте ты вдруг поскользнулся и упал в глубокую яму. Когда ты рассказывал об этом, я не сдержалась — громко рассмеялась.

На следующий день тебя отвезли в больницу. Только не знаю, сможет ли врач исцелить тебя. Ведь от болезни совести у врачей нет лекарства. Не помогут тебе врачи уйти от моего возмездия.

1987.

ГОРЕЧЬ ОДИНОЧЕСТВА

Единственная сестра моя — и та отвернулась от меня. Даже на свадьбу сына не пригласила. А я приготовила столько подарков... Да разве только сестра? Все — и брат, и взрослые дети мои думают только о себе, заботятся только о своём благополучии. Что с того, что я люблю их больше жизни?.. Никто даже не переступил порога моего дома, чтобы поздравить меня с днём рождения. Думала, пройдёт время — все уляжется, успокоится, но они, похоже, окончательно вывернули шубы наизнанку. Все из-за того, что на старости, лет я вышла замуж? Не так ли?

Братик руководил свадьбой. Наверное, и не спросил: «Эй, Ороста, почему сестры нет?» Забыли... и о том, как в детстве, защищая их от мачехи, я брала на себя вину за их проступки. Первой принимала на себя удары судьбы, чтобы не было им так больно, как мне. Не помнят, как опекала их и после моего замужества. Выкрою из семейного бюджета пару рублей или отрез какой появится — всё им: «Возьми, сестра, купи тюбетейку братишке, а себе платье сшей. Мачехе не говори — не стоит гусей дразнить».

Сын мой Шукри с женой, дочь Махтоб с мужем и дети тоже были на свадьбе, но никому из них и в голову не пришло поинтересоваться, где же мама?словно и нет меня в живых... Как жестоко устроен этот мир!

Дети мои, если бы вы могли понять, какие муки довелось мне претерпеть, прежде чем вас сирот вырастить! Нет, нет, я не в обиде на вашего несчастного отца — аллах ему судья. Молод был, сгоряча, не обдумав, женился на мне. Потом, видно, понял, что не любит, и ушёл. Так оно,

конечно, честнее, но почему он ни разу так и не вспомнил о вас, своих детях?! В те времена не было алиментов, да и если бы были, я про то и знать не знала. Чем кормить вас, как одеть, обусть— хоть в петлю лезь. Выстояла!

Двадцать четыре года мне тогда было. Не слепая, не хромая—нашёлся бы и для меня подходящий человек. Только не хотела вас обижать, чужого дядьку в дом приводить. Хватит, сама натерпелась от мачехи.

Один из вас ещё в колыбели лежал, другая едва научилась ходить, оставить не с кем. Сидела дома, как привязанная, шила тюбетейки и халаты. В базарные дни бегала на рынок — продавала. Тем и кормились. Каждый раз по дороге туда и обратно сотни раз умирала и воскресала — как вы там одни, без меня, живы ли, здоровы, не случилась ли беда какая. Дорога от дома до рынка посеребрила мои смоляные пряди. Лишь когда вы пошли в школу, дети мои, я смогла устроиться на фабрику. Утром подметала улицы, днём работала, не жалея себя. Только чтоб были сыты, обуты, одеты не хуже других, чтобы не чувствовали, что у вас нет отца. Согласна — все равно не смогла я вам заменить отца, да и возможно ли это?.. Но что делать, что делать?.. Не была ни уродливой, ни сварливой, но на чужих мужчин не заглядывалась. Он ушёл не от того, что я обидела его. Все подтвердят — осталась без мужа, но перед людьми, родными и близкими я чиста, детям не в чем меня упрекать. Хоть и не улыбнулось мне счастье с самого начала...

Помнишь, сынок, как ты упал с дерева, разбил голову и сломал руку? Как кричала я, не помня себя: «Спасите моего единственного сына! Не дайте ему умереть, доктор!»

Всю больницу на ноги подняла. Не было для меня тогда невозможного. Присоветует кто-нибудь: «Может, апа, такое средство поможет?» — расшибалась в лепёшку, доставала лекарство. Только мы, женщины, умеем так самоотверженно любить своих близких. Но никто этого в нас не ценит.

С какой роскошью, как пышно проходили свадьбы в нашем кишлаке! Дети мои не хуже других и не будут они лишены этой радости, убеждала я себя, отказываясь от самого необходимого. Каждую копейку берегла — копила на свадьбу. Хотела увидеть вас повзрослевшими и счастливыми. Единственная мечта была — дожить до того часа, когда смогу, тихонько сидя в уголке, качать колыбель своего внука да молиться за вас. Но мне, горемычной, оказывается, и это не суждено.

Ладно, грех жаловаться на Махтоб. Девушка, как у вас говорят, что трава у чужого дома — сама себе не хозяйка. Живёт у родителей мужа, дай ей бог счастья. Часто бываю у неё в гостях, и на том спасибо. Если б у меня не было сына, она, конечно, взяла бы меня к себе. Не думаю, что я была бы ей в тягость — хлопотала бы по хозяйству, обшивала семью. Вон уже сколько детей у неё, за ними тоже присмотреть нужно. Но, сынок, я ведь понимаю, не пристало мне жить в доме зятя. По нашим обычаям, место матери в семье сына. Уйди я сейчас к дочери, люди начнут спрашивать: «Почему твоя мать не живёт с сыном?» Как ей отвечать? Не хочу я, чтобы склоняли твоё имя, Шукриджон. Махтоб тоже это понимает, поэтому обе помалкиваем...

Зачем же ты, мальчик мой, ушёл с женой из родного дома? Что с того, что беден он и пуст, хоть шаром покати?!

Было бы счастье, остальное — приложится. Нажил бы добро-то, да и дом можно было поправить. Но ты предпочёл переехать к тестю, дождался, когда на работе предоставят квартиру. Теперь у вас все удобства, дом — полная чаша, да только есть ли в нем счастье?.. Не пусто ли вам вдвоём без детей и родителей? А ведь я ничем бы вас не обременила, переселившись на тот шестой этаж... Догадываюсь, что твоя жена — против. Знаю так же, что и детей заводить она пока не собирается. Хочет сначала выучиться, стать учёной. Может быть, она и права — я ее не осуждаю. Два клада в одном месте не зарыть. У женщины, которая посвящает себя семье, ни на что больше не хватает времени. А если она отважится ещё и на другое большое дело, то, как правило, трудно успеха добиться.

Так вот о доме: это моё наследство тебе и твоей сестре. Пока я жива и коротаю свой век с Абдурахимом, сдайте его какому-нибудь порядочному человеку. Пусть живёт на здоровье, но бережёт его. А когда я умру, продайте дом и поделите деньги поровну. Может, и не стоило мне так беспокоиться, но боюсь, сынок, как бы вы не поссорились с сестрой из-за этого проклятого дома. Таких случаев я много помню. До сих пор люди рассказывают, как передрались дети Юсуфа-мясника, едва закрылись его глаза. Все вверх дном перевернули в доме покойника. Так увлеклись, что даже позабыли подвязать ему челюсть. Дело дошло до кровопролития. Пришлось соседям силой разнимать бесстыжих. Когда уgomонились и опомнились, тело отца уже остыло, и челюсть отвисла. Упаси вас аллах от такого позора, дети мои. Поэтому, когда придёт мой час, не забудьте мою последнюю просьбу — велите, чтоб пронесли

погребальные носилки по нашей улице и на минуту остановились около моего дома. Отсюда выносили тела моих предков... И не страшитесь вы, что придётся побывать в доме Абдурахима. Это не унижит вас: это не вина, а беда моя. Несчастье не унижает человека. Понапрасну вы так терзаете свою бедную мать...

Можно ли понять горечь стариковского одиночества, не испытав ее?! Тебе она неведома, Шукри, и пусть так будет навсегда. Ты просто поверь мне на слово: одиночество — это мучительная боль. Долгими ночами не смыкала я глаз в безлюдном доме. Многое передумала, многое вспомнила. Боялась, не сегодня-завтра умру, а вы и знать не будете, так и будет лежать моё тело в холодной постели. Ты не хуже меня знаешь обычаи нашего народа — до страшного суда не простили бы тебе люди. А нашлись бы и такие, что сказали: «Велик же грех этой женщины, раз не дал ей аллах мужа и в старости так сурово наказал. Даже земля праха ее не принимает». Одинокая вдова слаба и беззащитна, поэтому ей приходится каждое слово, каждый шаг обдумывать.

Жену твою, извини за откровенность, муки совести не очень-то донимают, но ты, знаю, не смог бы ходить с гордо поднятой головой. Да и бедная Махтоб много бы потеряла в глазах родственников мужа. А для меня нет наказания страшнее, нежели позор моих детей.

Если бы ты тогда почаще навещался ко мне, возможно, все обернулось бы иначе. Наступал вечер, и меня охватывал страх. Не в силах справиться с ним, я просила соседку разрешить ее дочке переночевать в моем доме. Чтобы как-то расположить к себе девочку, покупала

шоколад, кишмиш, фрукты, рассказывала ей сказки. Вскоре она привязалась ко мне, но родители внезапно запретили ей бывать у меня. Не знаю, может, приревновали, а может, и из-за суеверия. Чтобы не стала такой же одинокой и несчастной, как я. И все же я не считаю себя несчастной, хоть сестра моя Ороста думает иначе. Ничем я не хуже ее. Слава аллаху, вырастила сына и дочь. Правда, иногда задумываюсь, почему ее дети с ней, а мои забыли обо мне? Наверное, потому, что Ороста богата. Но разве это счастье?! Ведь ее дети любят не Оросту, а деньги, которые она припрятывает от них. Не-ет, смысл жизни не в том, чтобы как можно больше урвать в этом мире. «Что отдал, то — твоё», — вот в чем суть. Главное, чтоб была чиста перед аллахом и людьми, выполнила свой материнский долг. Слава аллаху, вы у меня не воры, кормитесь трудом своим, от людей худого слова про вас не слышала. Тем и горда я.

Недавно, ты, наверное, слышал, в нашем районе убило током Фаридуна. Такой прекрасный был юноша, отзывчивый, трудолюбивый. На похороны приехала из Халкадара его тётя. Как она плакала, рвала на себе волосы! «Лучше бы убило моего сына — мерзавца, а не этого милого, доброго мальчика!» — причитала она. Вот кто несчастная мать, а не я. Неужели Ороста не понимает, что за деньги счастье не купишь? Неужели не задумывается о том, что, если есть нищие, а ты не трудишься, но богат, значит, ешь чужой хлеб?! Честно говоря, после всего пережитого я смотрю на богатых людей с недоверием. В нашей махалле немало сытых и напыщенных, только не завидую я такому счастью. Стучалось оно, шальное, и в мою дверь, не раз и не два. Возможно, ты сейчас осудишь

меня за то, что я тогда не впустила его в дом, растратила жизнь, как ты говоришь, по пустякам. Не такой уж это пустяк, сынок,— верность своему долгу.

Возможно, когда-нибудь вы поймёте, дети мои, как больно ранили вы моё сердце своим высокомерием. Нет, не близорукость брата моего и сестры, а ваше безрассудство и сразило меня. Если бы вы попытались хоть раз поставить себя на место одинокой состарившейся матери, вы не посмели бы осудить меня. Не зря говорят, прежде чем обнажить нож перед другим, ударь им сначала себя — больно или нет? Ах, если бы люди могли понять друг друга, этот мир не был бы так жесток! Все эти годы я не поддавалась его коварству, и вы, наверное, решили, что я каменная?.. Нет, сынок, я тоже живой человек...

А теперь я хочу рассказать вам свою тайну — с Абдурахимом мы познакомились ещё тридцать лет тому назад.

Однажды, спустя два года после того, как ушёл ваш отец, по дороге на базар меня остановил молодой мужчина и сказал, что хотел поговорить со мной. Опустив глаза, я молча поспешила прочь — что подумают люди, когда увидят меня рядом с незнакомым мужчиной? Смутило и то, что он был красив, вежлив, модно одет. Станет ли порядочный человек приставать к женщине на улице? У нас ведь принято обращаться к женщине с опущенной головой, не глядя ей в лицо, чтобы не смущать её. А этот держался свободно и открыто. Подумала: «Наверное, бабник, каких немало в каждом квартале». Из-за таких двух-трёх подлецов женщина не верит и хорошему человеку. Сам посудите, могла ли я, однажды обжѣгшись, поверить в искренность и

благородство его намерений, в то, что он сумеет заменить вам отца?

Не сразу отступился Абдурахим. На следующий день он купил у меня халаты и попросил отойти в сторону, чтоб рассчитаться. Тут-то и признался, что хотел взять меня в жены, рассказал, что разведён, работает плотником. И на этот раз я не поверила ему: «Очень прошу, больше не подходите ко мне»,— и убежала.

Месяца четыре ходил он за мной. Взял в посредницы женщин из нашего квартала. Не скрою, тянулась я к нему, нравился он мне, но я отказала ему. Из-за вас, дети мои. Как-то по телевизору рассказали о том, что в древние времена, когда умирал муж, с ним хоронили жену и богатство. А ведь это не просто так, подумала я. Наверное, тогда понимали, что женщине лучше умереть, чем остаться вдовой в этом страшном мире. Одинокая женщина, сама того не ведая, вносит смятение в души окружающих мужчин, а этого у нас не прощают. Мало того, что она несчастна, так ее считают несчастьем и для окружающих.

Ненамного с тех пор изменился этот мир. Я вот думаю, что, если бы открытия некоторых учёных хоронили вместе с ними после их смерти, наш мир был бы спокойнее. Не сомневаюсь, что человек, придумавший атомную бомбу, был умным и порядочным. Но он ушёл из этого мира, а бомба осталась. Что теперь делается из-за неё! Люди спать спокойно не могут! Поэтому не стоит смеяться над обычаями предков, дети мои. Лучше постарайтесь понять их смысл.

Мать ваша, оставшись без мужа, без помощи и поддержки родных, снесла столько обид и нужды! Но это не

сломило меня. Подломило меня одиночество в старости. Говорят, аллах создал его для себя. Это испытание не для людей.

За тридцать лет Абдурахим женился несколько раз, но так и не смог найти себе подругу жизни. Многим удаётся смириться с судьбой и жить друг с другом без любви. Но Абдурахим не из тех. Так и состарился в одиночестве.

И вот в конце жизни судьба вновь свела нас. Собран урожай с полей, опустели они — оба мы пенсионеры, оба, как вороны, одиноки и никому не нужны. Лишь теперь я поняла, что этот человек достоин уважения и доверия. После долгих раздумий я дала ему своё согласие.

Когда я попыталась объяснить все это Оросте и Махтоб, они назвали меня сумасшедшей: «Не позорь нас на старости лет — люди засмеют. Седовласая невеста! Да где это видано? Как вам людям в глаза смотреть?!» Я уж была готова отказаться от своего запоздалого счастья, но... одиночество. Кому какое дело до моего одиночества?! Кто облегчит мне его? Ведь вы все заняты только собой. Живете в радости и в достатке, почему же не можете видеть крохотное счастье своей старой матери?

Наверное, если бы я вышла за Абдурахима тридцать лет назад, сейчас жила бы в богатом доме, в окружении детей и внуков, всеми уважаемая. Но тогда, в те далёкие годы, мне пришлось бы разделить свою любовь между вами и Абдурахимом. Я отдала своё сердце полностью вам.

Видимо, любовь и преданность как мёд: много съешь — заболеть можно. Все хорошо в меру, дети мои. Только у каждого своя мерка...

СЕЛЕНИЕ БЕЗ ХУРРАМА

Не тепла и не холодна весенняя погода. Солнце то помажется, то спрячется за облаками. То повеет, то стихнет лёгкий ветерок. И только женщины и девушки в ярких платьях, которые тоже казались неременной принадлежностью весеннего пейзажа, в отличие от прочих непостоянных явлений природы делали своё дело дружно и без перебоев. Они окучивали всходы хлопчатника.

Широкое хлопковое поле перерезала дорога, обсаженная кривыми маленькими тузовыми деревцами, с которых ежегодно срезают ветки в пищу шелкопряду. Когда-то дорога была покрыта асфальтом, но сейчас от него остались только твёрдые кочки да выбитые колёсами ямы.

Идти с ношей по такой дороге нелегко. Но Рано, бессознательно пересаживая ребёнка с одной руки на другую, не замечала неудобства пути. Шерстяной цветастый платок соскользнул ей на плечи. Голова обнажилась, но это ее не беспокоило: на безлюдной дороге никто ее не мог увидеть. Мысленно она ссорилась с бригадиром, прекрасно понимая, что завтра утром эту же ссору придётся пережить наяву: бригадир не простит ей того, что она не вышла сегодня на работу, как он велел, а осталась с больным ребёнком.

«Пока ребёнок не поправится, о работе мне не говорите!— негодовала она про себя.— Разве можно больное дитя оставить у беспомощной старушки... Была бы она здорова, но какая нянька из той, что стоит одной нотой в могиле: у ней у самой каждый день новая болезнь. Поправится мальчик — все наверстаю. Сами знаете, работы

я не боюсь. В прошлом году наравне с мужчинами поливала хлопок».

Как хорошо было бы иметь машину,— вдруг подумала она,— муж быстро свозил бы ее сейчас к врачу. Лет через пять-шесть можно было бы купить, конечно, «Москвич» или «Жигулёнок»... Тут же она остановила себя. Нет, ничего не выйдет. Надо копить деньги на празднество — туй в честь обрезания. Сын, правда, совсем ещё мал, но время летит быстро, а затраты на туй растут с каждым годом. Те, кому деньги достаются легко, обставляют обрезание и бракосочетание детей с княжеской роскошью. «А мы, глупые, тоже тянемся за ними, понапрасну терзаем себя. Все равно дети не станут счастливее от этого, что выброшены тысячи напоказ соседям и родственникам»,— думала Рано, сознавая, что и она, несмотря ни на что, будет тоже тянуться и терзать себя и мужа.

Сзади заскрипела галька под колёсами, послышался шум мотора. Рано остановилась, думая, что нагоняет ее кто-то из односельчан. Она подняла было руку, но спохватилась: машина незнакомая. Мимо неё проскочил «Москвич» ярко-красного цвета, чуть ли не по брюхо провалился в выбоину на дороге, рванулся дальше, проехал метров десять и затормозил, подняв облако пыли. Когда пыль улеглась, Рано увидела Хуррама.

Сердце бешено заколотилось, силы покинули ее — руки и ноги ослабели. В уме пронеслось: «Зачем он приехал? Неужели до сих пор не знает, что я замужем?» Она, кажется, хотела что-то сказать, губы ее сами прошептали что-то невнятное, или ей только показалось.

— Здравствуй, Рано,— Хуррам, как и прежде, улыбался чуть смущённой улыбкой. Как и прежде, он слегка сутулился, словно стесняясь своего высокого роста.

От волнения Рано не слышала, что говорит Хуррам, не понимала, что отвечает, да она, наверное, и не отвечала на обычные при встрече вопросы: «Как здоровье?», «Как работа?», «Здоровы ли родители?» — и лишь последние слова вывели ее из оцепенения:

— Это твой ребёнок?

Рано не ответила и, пересадив сына на другую руку, крепко прижала к себе.

— Садись в машину, подвезу,— Хуррам мягко отнял у неё ребёнка и, поцеловав его, спросил: — Как звать-то сына?.. Ну-ка, мужик, скажи, как тебя зовут... Э-э-э, такой большой, а говорить не умеешь.

— Какое нам дело до того, как его зовут! — Рано справилась наконец с волнением и спокойно посмотрела в глаза Хурраму. Тот глаз не отвёл.

— В деревне он займёт место сбежавшего дяди Хуррама,—неслышно, словно про себя, проговорила Рано.

Они стояли уже возле автомобиля. И тут только Рано увидела на переднем сиденье Дильбар. Отступить было невозможно, и Рано, холодно поздоровавшись, села позади неё. Хуррам подал ей ребёнка, и Рано тут же отодвинулась в глубь машины, чтобы быть подальше от самой Дильбар и от приторного запаха ее духов. Она очень жалела, что поддалась минутной слабости и не ушла. «Раз уж сидим в одной машине, то, по крайней мере, все увидят, кто из нас красавица, а кто... просто.... городская модница,— утешала она себя.— Посмотрим, с какими лицами ее примут

родственники Хуррама». Родные Хуррама действительно не слишком одобряли его выбор, но, конечно, они не станут показывать этого его жене — Рано знала это, но по-детски упивалась злорадными мыслями. «Хоть бы никто в деревне не поздоровался с ней...». Ей вдруг и самой стало смешно, и она упрекнула себя в том, что не может видеть спокойно чужого счастья.

Ехали молча. Хуррам машинально вёл свой «Москвич» по выбоинам и кочкам. Его заботило совсем другое. Дильбар всячески препятствовала его поездкам в родные места, пока не узнала о замужестве Рано. Это успокоило ее, и она стала разрешать ему ездить сюда даже одному, без неё... Надо же, сегодня, как назло, эта встреча. До сих пор он ещё не виделся с Рано. О чем думает она? А о чем думает Дильбар? Он попытался разрушить тягостное молчание, заговорил об односельчанах, расспрашивал Рано о новостях, но разговор не клеился. В глубине души каждый из них беседовал сам с собой, и ему не было дела до другого.

«Хуррам любил меня,— думала Рано.— А для меня он был лучше всех парней... Днём и ночью его лицо чудилось мне, оно стояло перед глазами... И как нелепо все вышло! Мечты мои так и не сбылись. А во всем виноваты подружки... От чистого сердца навредили они мне или от зависти? Теперь не поймёшь. «Ах, Рано, ты знаешь, Хуррам опять болтал сегодня с новой медсестрой»,— начинала одна. «А он всегда с ней болтает, с этой Дильбар!»— подхватывала другая... Я приходила в ярость. А когда он прислал к нам сватов, отказала. Сколько раз пытался он уговорить меня, убеждал, умолял и наконец сказал: «Если

ты не согласишься, я уеду из селения...» «Скатертью дорога»,— ответила я и засмеялась. А он действительно уехал.

Как могло это получиться?.. Ведь Хуррам так и не узнал, так и не понял, из-за чего я отказалась выйти за него замуж. Почему же я ни разу не спросила прямо: если он любит меня, то почему любезничает с кокеткой Дильбар? Правду, видно, говорят, что гнев и ревность отнимают у человека рассудок. Или все дело в гордости, в девичьей чести? А может, мне просто захотелось помучить его?.. Ведь я была убеждена, что никого кроме меня он не возьмёт в жены.

Но как он мог на глазах у всех подолгу болтать с другой?! Я сама видела их вместе. И только потом, когда было уже поздно, поняла в чем дело. Салима, которая живет рядом с поликлиникой, рассказала мне, что Дильбар целыми днями сидела у окна и смотрела на дорогу. Завидит Хуррам а и в белом своём халатике, в туфельках на высоких острых, как кинжалы, каблуках выбегает то на крыльцо, то на обочину, как бы ненароком окликнет его... И тут уж Хурраму не отвяжаться, скоро не уйти. Как знать, может, ему и приятно было поболтать с городской девушкой, да ещё и образованной... Вот уж, вправду, честь для кишлачного парня.

Нет, нет, я несправедлива. Хуррам замечательный парень, и не только я одна так считаю, но и все, кто его знают. Вот как-то недавно сломался трактор в поле. Человек семь вокруг него собралось лучших мастеров — механики, механизаторы — поделывать ничего не могут. Кто-то вздохнул: «Эх, будь сейчас здесь Хуррам, уж он бы не стоял бы здесь с открытым ртом и глупым видом...» «Да,

этот бы разобрался». Я слышала эти слова, и боролась во мне горечь и гордость. И в самом деле, мог починить любую машину. Говорят, что по гулу двигателя мог определить неисправность. А где была его чуткость, когда дело дошло до самого главного? Как он не слышал стук моего сердца!

Дильбар уехала из селения, и я решила, что все недоразумения позади. Но наши девушки донесли мне, что Хуррам получает от неё письма. Могла ли я согласиться стать его женой, зная, что он переписывается с другой?.. А кто сказал, что «переписывается»? Это она ему писала! А я так и не могла пересилить себя и поговорить с ним. «У меня тоже есть своя гордость»,— подбадривала я себя, но, наверное, боялась насмешек подруг. Никто из них не сказал бы мне слова в лицо, но что они станут говорить между собой? И он уехал...»

Хуррам тем временем смотрел с грустью на открывавшиеся перед ним родные места и думал, что он никуда бы не уехал отсюда, если бы Рано стала его женой. Эх, как бы жили они тогда! Мысленно он сравнивал обеих женщин и чувствовал, что спокойствие и благополучие нынешней его жизни не могут заменить ему любви Рано. Он подавил тяжёлый вздох.

«Пусть хоть озолотит меня Дильбар, пусть хоть алмазный венец на меня наденет, все равно Рано она заменить не сможет,— думалось ему.— А Рано мне не забыть. Так я ей и сказал после того, как приехал из города, послал к Дильбар сватов и назначил день свадьбы. С Рано мы встретились у лепёшечной. «Разве для тебя не нашлось в селении подходящей девушки, что ты помчался в город за

этой вертихвосткой?» — насмешливо спросила она меня. Я ответил: «Девушек много, но что поделаешь, если Рано — одна. Будь бы ещё одна Рано...» Мог бы я ей сказать: «А тебе-то что, на ком я женюсь? Ты же отказала мне, несмотря на все мои уговоры?» Но ничего не сказал, к чему слова, когда все уже решено. Дильбар поставила условие: «Останешься в городе — будем вместе», но я не уехал бы из селения, если бы не директор. Ведь из-за него пришлось мне уехать... Да что уж там, из-за Рано я уехал. Эх, Рано, Рано! Никогда я не смогу до конца простить тебе этого: если бы ты не лишила меня последней надежды, я никогда бы не покинул селения. И с директором бы ещё поборолся...»

Случилось это в начале весны. Хуррама, лучшего тракториста в совхозе, не нуждавшегося в механике, оставили, как правило, в ночную смену на вспашке богарных земель. Даже сейчас радостно вспомнить, как хорошо работалось тогда, как ревел двигатель, как приятно пахло в кабине горючим и смазкой, как фары трактора вспарывали темноту, подобно тому, как плуг вспахивает землю. Раньше поле, где работал Хуррам, было засеяно пшеницей, и здесь водилось множество крыс, питавшихся зерном. Плуг разрушал крысиные норы, и их обитатели в переполохе разбегались вокруг. Хуррам и не заметил, как появились лисы. Они следовали за трактором и ловили разбежавшихся крыс. Хуррам включил неяркие задние фары, чтобы помочь охоте, и радовался, глядя на ловких, красивых зверей. Лисы совсем не опасались Хуррама и его машины.

В кишлаке рассказу о лисах вначале не поверили. Многие приходили посмотреть и потом рассказывали о странной доверчивости животных, которых в народе считают осторожными, подозрительными и хитрыми. Почему-то лисы не приближались к тракторам, на которых работали друзья Хуррама. Вокруг крыс было не меньше. Деревенские старики объясняли это тем, что животные — и домашние, и дикие — чувствуют добрых людей.

Слух дошёл и до директора совхоза. Он подкатил к полю, где работал Хуррам, и долго расспрашивал парня. «Очень интересно! Вечером приеду сам посмотреть». В ту же ночь он приехал. Примостившись сзади на плуге, он накрылся от пыли брезентовой накидкой. В руках у него было ружье.

— Лис хотите стрелять? — вопрос был лишним, но Хуррам никак не мог придумать, как бы помешать директору.

— Как видишь! Один товарищ просил...

— Не к лицу вам это, уважаемому директору,— сказал Хуррам, даже не надеясь, что удастся отвлечь «охотника» от жестокой затеи.

— Ты, сынок, меня уму не учи. Заводи трактор, — насмешливо сказал директор.— И мой тебе совет: не лезь с советами, когда не просят. Сам же себя ставишь в дурацкое положение.

— Говорят, одна крыса за год уничтожает четыреста килограммов зерна,— начал было тракторист, но директор засмеялся и, отвернувшись, махнул ему рукой, трогай, мол.

Что было делать? Поневоле взялся Хуррам за рычаги трактора. Ему казалось, что он предаёт доверившихся ему

животных. «Хоть бы что-нибудь отказало в тракторе! — лихорадочно размышлял он. — Первый раз обрадовался бы поломке... Что делать?.. Может быть, сломать трактор?» Трактор тем временем прошёл уже два круга. Появились лисы. «Будь что будет! — решил Хуррам. — Остановлю трактор и скажу, что сломался...»

В это время прогремел выстрел. Хуррам увидел в свете фар, как директор бросился к подбитой лисице. Хуррам остановил трактор, выпрыгнул из кабины и, сунув руку в двигатель, рванул трубку к плунжерному насосу. Мотор прерывисто затарахтел...

— Ты что?! За дурака меня считаешь? Нет, я вижу — ты сам дурак! — закричал директор, когда трактор, не осилив тяжести плуга, заглох. — Чтоб через пять минут все работало!

В ярости он спрыгнул с плуга и за шиворот вытащил Хуррама из кабины. Он еле помнил себя от злости. Хуррам высвободился.

— Помогать вам не стану. Хотите бить лис — чините трактор сами, — взяв свой чапан⁵⁰, он зашагал прочь. Директор попытался остановить его, силой вернуть к трактору, но не тут-то было: силком Хуррама работать не заставишь.

После этого случая трактор у Хуррама отняли. Рычаг современного мощного механизма он сменил на ручку кетменя. Ну что ж, и такая работа нужна, и такой работы он не чуждался. Но по своему трактору скучал. Ведь он, можно сказать, был влюблён в свою работу.

---

50 Ч а п а н — ватный халат.

Трактор, который Хуррам чинил и налаживал всю зиму, целые три месяца, отдали Самандару, по прозвищу «Балбес». Через три недели машину нельзя было узнать. А вскоре Балбес, напившись пьяным, на большой скорости влетел в овраг, покалечился сам и трактор угробил. Но и тогда Хуррама не вернули на прежнее место, и он понял — не останься в совхозе ни одного пригодного к работе трактора, ни одного тракториста, то и тогда директор не допустит его к любимому делу. «Ему-то что? Трактор не его — государственный,— думал о директоре Хуррам.— У него за машину и сердце не болит, и платить за ремонт не жалко. Не из своего кармана». Но и сам Хуррам к тому времени как-то охладел и к своему селению, и к своему трактору. В городе, думалось ему, человек не зависит в такой мере от кого-то, как здесь. Да и вообще, в городе людей, подобных директору, не ставят руководить людьми. Ну, а если что не по душе, то всегда можно сменить работу: мест в городе много. Достаточно с одной стороны улицы перейти на другую — вот ты и на новом заводе. А работать можно и на кране, и на бульдозере, и механиком в мастерских. Хороший заработок, два выходных дня в неделю...

Целых четыре месяца Хуррам разгуливал по селению без работы. Стал частенько наведываться в город к Дильбар, по ее приглашению. И наконец попался в ее сети. Вначале он надеялся, что, женившись на Дильбар, поработает какое-то время в городе, а потом... Потом директор сменит гнев на милость или его переведут на другую работу, вот тогда-то Хуррам вернётся домой. Но все это были пустые мечты. Он

понял это после свадьбы, когда оказалось, что о селении Дильбар даже и слышать не хочет.

«Спасибо! Хватит с меня этой грязи,— восклицала она.— Полгода непролазная слякоть, полгода — пыль и мухи... Как вспомню мычание коров — дрожь пробирает. Ну где ты найдёшь остолопа, который бросил бы город ради этой неустроенности? А мы чем хуже других? Слава богу, у нас у обоих и профессии хорошие, и квартира в городе. А ведь сколько людей просто мечтают об этом. Эй, Хуррамбой, добиться городской прописки и квартиры — нелёгкое дело. И не думай оставить все это!» Так кончались все попытки Хуррама поделиться с женой своим желанием переехать в родные места.

...А родные места тем временем бежали навстречу ему за ветровым стеклом автомобиля. Машина, миновав деревянный мост через большой арык, катила по деревенской улице. Всё знакомо здесь с раннего детства: и каждый куст, и каждое дерево на обочине, и каждый камень, и каждая стена соседского дома. И каждый встречный знакам, если, конечно, встречный уже вырос из детской рубашонки. Хуррам всегда волновался, приезжая сюда. Ему казалось, что сердце в нем бьется по-иному, словно он прибыл сюда о другой планеты. Он гладил по головам ребятишек, касался рукой знакомых стен, вдыхал знакомый запах и этим как будто хотел утолить какую-то жажду. И сейчас он, пытаясь успокоиться, говорил тебе: «Ну что ж, ты променял острую мучительную боль на лёгкое страдание... Пусть ты несчастлив, но ты и не живёшь в убожестве, у тебя красивая жена, в доме твоём достаток. Чего ещё желать? Директор хотел сломить тебя, рассчиты-

вал, что ты унизишься перед ним, будешь просить прощения. Но ты пошёл своим путём и...»

Мысли его прервал голос Рано:

— Остановите, пожалуйста, здесь.

Он остановил машину и взглянул на неё. Рано улыбалась таинственно и нежно: ему почудилось, что она прочитала его мысли. Легко выскочив из машины, он открыл дверцу и принял из ее рук ребёнка.

— Как зовут тебя, богатырь?

Рано поправила соскользнувший с головы платок и, глядя ему в глаза, ответила:

— Назвали Хуррамом. Я не хотела, чтоб деревня оставалась без Хуррама.

Она взяла мальчика. На какое-то мгновение руки Рано и Хуррама соприкоснулись, но они даже не взглянули друг на друга и не сказали ни слова. Разве словами можно было выразить то, что чувствовали они в это мгновение? Нет слов, чтобы передать звучащую в этот миг невыразимую мелодию нежности, горечи и сознания, что ничего уже нельзя изменить.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Опоздав на автобус, я вышел на окраину райцентра, решив добираться на попутных.

Кому из газетчиков не привычно это долгое ожидание на обочинах районных и сельских дорог, «голосование» перед каждой проезжающей машиной, пробежки вслед за останавливающимся грузовиком и медленное возвращение на прежнее место, когда выясняется, что шофёру не по пути... Но на этот раз мне повезло довольно быстро. Грузовик, насквозь пропахший не столько бензином, сколько навозом, сеном и ещё чем-то неуловимо деревенским, ехал в Яккатут.

— На рыбалку? — с любопытством спросил шофёр, совсем ещё молодой парень, трогая машину с места.

— А что, у вас рыба водится? — ответил я вопросом на вопрос. Мне не хотелось объяснять ему цель моей поездки. Дело в том, что ехал в Яккатут по заданию редакции, проверить письмо с жалобой на председателя колхоза. «Отдалённый кишлак, живописные окрестности, хороший климат и хорошая земля, но колхоз почему-то топчется на месте,—сказали мне в райкоме партии.— А остановился, кажется, из-за того, что движению препятствует прежний авторитет председателя...» Объяснение показалось мне странным: опыт и авторитет руководителя должны помогать, а не мешать работе. Мне захотелось поскорее узнать самому, в чем тут дело.

— Рыбы-то? Раньше много было, — говорил между тем шофёр.— Теперь мало осталось. Сетями ловили. А недавно

в озеро спустили воду с хлопковых полей, рыба и вовсе исчезла...

Мы помолчали.

— А гостиница у вас есть? — меня не столько волновал будущий ночлег, сколько хотелось узнать, насколько богат и благоустроен колхоз.

— Э-э-э-э, не беспокойтесь,— понял по-своему шофёр.— Человек, приехавший по делу, на улице не останется. Гостем будете, А спят у нас приезжие в чайхане. Да, у нас и чайхана, и клуб...

— Значит, кишлак благоустроен?

— Не хуже других! Видите, дорога асфальтированная — это что-то значит... Правда, от нас и до района, и до города далековато. Зато воздух у нас чистый,— сказал парень с гордостью.

— Теперь, когда столько машин, отдалённость становится не недостатком, а достоинством,— поддержал я его.— Ну, а как у вас со школой?

— Школа хорошая... Отличное здание.

— А детский сад? — спрашивал я неспроста, именно детский сад интересовал меня больше всего: письмо в редакцию пришло от бывшей заведующей детским садом.

— Есть детский сад. Только сейчас он закрыт.

— Как это так?!

— На время полевых работ откроют...

— Непонятно! Разве не удобнее было бы для родителей, чтобы садик в кишлаке работал бы круглый год?

— Председателю виднее,— уклончиво ответил мой собеседник.

— А он тут при чем?

Парень только рукой махнул. Видимо, он считал, что на эту тему лучше не распространяться, но, увидев мой интерес, не выдержал.

— Детский садик председатель закрыл. Разозлился и закрыл. Говорят, что заведующая с ним не поладила. Непонятно, чего это ради так волноваться из-за чужих детей. Своих-то у неё нет, хотя и замужем. Она совсем ещё молодая, но начальство не уважает... То одно требовала у раиса, то другое... Машину просила, председатель не дал. Пришлось ей из других колхозов овощи возить.

— Но ведь это для детей, не для себя,— вставил я.

Шофёр пожал плечами.

— С председателем разве поспоришь? Его все в республике знают и уважают, тридцать лет как раисам работает! На всех собраниях в районе он всегда в президиуме сидит... А эта бабёнка решила ему поперёк дороги встать... Уволил ее раис, а на ее место назначил одну девушку, окончившую десятилетку. Прежняя-то заведующая училище закончила, диплом имеет, а у этой ни образования специального, ни опыта. Не справилась она. Люди перестали водить детей в садик. Председатель рассердился и закрыл его.

В общих чертах история эта была мне известна, а что касается до оценки ее, то, по всей видимости, парень выразал точку зрения большинства односельчан Шукуфы, так звали молодую женщину, «вставшую поперёк дороги» раису. Вскоре познакомился я, и с Шукуфой.

Дом ее стоял на окраине кишлака. Некрашенная свежая древесина оконных рам и дверей, наполовину оштукатуренные стены показывали, что у поселившихся

здесь молодожёнов не было ни времени закончить отделку дома, ни родственник он, которые могли бы им помочь.

— Ой, это ради меня пришлось вам беспокоиться,— проговорила, покраснев от смущения Шукуфа, узнав, кто я и зачем приехал. Она действительно была очень молода, почти девочка, худенькая, бледная.

— Не верили, что кто-нибудь откликнется на Ваше письмо?

— Трудно сказать,— задумчиво улыбнулась она.— Не знаю... Да что же мы стоим?! Входите, пожалуйста... Или, быть может, Вам не стоит входить в дом? Как вы думаете? Ведь могут сказать, что я угощала вас...

Мне понравилось, что она безо всяких уловок или околичностей говорит то, что думает.

— А где ваш муж?

— Он в школе. Скоро должен прийти.

— Знаете что, давайте посидим на айване⁵¹,— предложил я. В самом деле, войти в дом, где нет мужчины означало бы дать повод для разговоров в кишлаке.

Шукуфа принесла чай. Пиалу чая даже самый придирчивый обвинитель не смог бы признать за «угощение» с целью подкупа.

— Так, как это получилось, что вы не поладили с раисом? — спросил я без предисловий.

— Не знаю,— задумчиво оказала она.

— Не знаете?!

---

⁵¹ А й в а н — открытая веранда.

— Вы не удивляйтесь, но я теперь часто повторяю эти слова. Наверное, есть в том, что случилось, и моя вина... Но ведь я хотела как лучше... Одного не пойму: у раиса, человека пожилого, за плечами делая жизнь, а ведь недаром говорят, что с годами приходят мудрость, понимание, терпимость к людям. Как же случилось, что в ответ на мою заботу о детях он обрушил на меня столько злобы, раздражения, столько мелкой мстительности. Теперь он решил выжить нас отсюда. Хочет, чтобы мы переехали куда-нибудь в другое место...

Шукуфа умолкла, словно забыв обо мне. Молчал и я, не желая перебивать ход ее нелёгких мыслей.

— Никуда отсюда я не уеду! — внезапно решительно воскликнула Шукуфа.— Как они не могут этого понять?!

— Кто это они?

— Да они все...

Речь шла об односельчанах. По словам Шукуфы, никто в этом кишлаке ни разу не сказал председателю «нет». Конечно, это не значит, что выполняются все его распоряжения. Сказать «хорошо, раис-бобо, все будет сделано, как вы сказали» и исполнить приказание — это совсем не одно и то же. Делают часто по-своему, как сами считают лучше. Но ссориться с начальством, перечить ему считается невежеством, неразумной дерзостью...

— А я именно спорила с раисом. «До каких пор ребята будут спать на полу, а не на кроватях?» «Почему нет игрушек?» «Когда, наконец, выделите деньги на книги и наглядные пособия?» А из-за горячей пищи для детишек у нас с раисом была целая война. Ну как это так можно, детский сад оставлять без продуктов, без топлива!

— Одним словом, закончилось тем, что раис вас уволил?

— До сих пор не могу себе простить малодушия. Устала я... Муж ворчит, стыдится моей «настырности». Люди вокруг считают «жалобщицей». Мне все это надоело, и когда одна из воспитательниц садика перешла на другую работу, я подала заявление, чтобы меня освободили от должности заведующей и назначили воспитательницей на освободившееся место.

— Но раис не дал вам работать и на новом месте?..

— Вот именно — не дал! Пришла на моё место девушка, передала я ей дела... А воспитательницей меня так и не назначили. Пожаловалась я председателю сельсовета, но он не осмелился вмешаться. Пошла я по районным инстанциям. Как говорит муж, всю обувь истоптала... Ответ всюду один: «Мы не можем не принимать во внимание мнение председателя колхоза. Советуем вам перейти в другой колхоз, такие специалисты, как вы, нужны всюду...» Заведующий районо предложил даже работу в школе: «Будете трудиться вместе с мужем».

— И вы согласились?

— Но ведь я окончила всего лишь дошкольное училище,— с недоумением посмотрела на меня Шукуфа.— У меня знаний не хватит работать в школе...

Этот разговор я часто вспоминал, беседуя с жителями Яккатута. Вернее, даже не сам разговор, а серьёзность, искренность, которые звучали в каждом слове молодой женщины, что резко отличало разговор с Шукуфой от бесед с ее односельчанами. Принято считать что облик кишлака отражает внутренний облик живущих в нем людей. Про

Яккатут этого не скажешь. Отличные дома, пышные сады, живописную природу вокруг можно было бы сравнить с прекрасным сосудом, в который по ошибке влили мутную застоявшуюся воду. Мне не хочется быть несправедливым, но трудно подыскать другое сравнение для равнодушия к окружающему, недоброжелательности и заискивания перед вышестоящими, с которыми мне пришлось столкнуться здесь.

Чувствовал я, однако, что меня словно окружает какая-то пустота. Люди неохотно говорили со мной. А если и вступали в беседу, то о чем угодно — крестьяне о полевых работах, животноводы о скоте и пастбищах, учителя о школе — о чем угодно, только не о случае с Шукуфой. Как-то в магазине донёсся до меня голос, нарочито громкий, чтобы я услышал:

— Ну-у-у, этот пошумит и уедет! А нам расхлёбывай из-за него с начальством... Мы-то останемся, нам здесь жить. Как он этого понять не может?! А ещё корреспондент!

— А ведь вы правы! — тут же обернулся я к говорившему. Он с недоумением уставился на меня.

— Вы правы: вам тут жить,— продолжал я.—Но до каких пор вы будете так жить? По-моему, человеку кроме хлеба и соли нужен ещё один необходимый для жизни «витамин»... Не правда ли?

— Скажите на милость! Это вы нам говорите? — иронически удивился тот, к кому я обращался.— Извините, у нас тут свой разговор...

В другой раз обратился ко мне в чайхане какой-то полный усач:

— Из-за каких-то бабьих сплетен прошёл такой далёкий путь? — с сожалением покачал он головой. — Да кто такая эта баба, и что стоят ее слова? Что за человек председатель, ты спроси у нас, мы-то знаем. Его и в центре все знают. Шутка ли, тридцать лет председателем. Был бы на его месте председатель соседнего колхоза, он бы давно уже погрузил бы все вещи этой женщины в машину, вывез бы за пределы колхоза и сказал: «Скатертью дорожка». Э-э, браток, этот народ сам же почитает «угнетателей» и ни в грош не ставит добреньких. Чей колхоз тридцать лет передовой? Его! Ну, ладно, последние три-четыре года не везёт. Ну, хоть сейчас и не передовой, но мы довольны. Не так ли? — усач посмотрел на своих двух спутников, ища у них поддержки.

Они молча кивнули головами. На мой взгляд, кивки их были неопределёнными и не выражали ни согласия, ни отрицания.

— Ну, человек он старый, мириться надо,— проговорил один, по виду учитель-пенсионер.

Мириться, однако, было трудно, в чем я вскоре убедился. Выйдя из чайханы, я направился в сторону правления. Около склада стояли несколько человек, на которых вначале я не обратил внимания.

— Эй, брат! Идите-ка сюда! — крикнул издали мне один из них.

Я подошёл и понял, что это и есть сам раис. И внешность, и одежда его, и густые поседевшие усы были точь-в-точь такими, какими совсем ещё недавно изображали их в кино, и на сцене. Смотрел он на меня величаво и важно.

— Кто вы такой и что в колхозе делаете? Кто вам разрешил? — он говорил спокойно и тихо, но так, словно я забрался в его отсутствие в его дом.

На мгновение я растерялся, но быстро овладел собой. С таким обращением мне уже приходилось сталкиваться. Я представился.

— Не имеете права без разрешения расспрашивать колхозников. Поняли?— сказал он все ещё спокойно, равнодушно и как-то наставительно. То, что я сотрудник газеты и прибыл сюда по заданию редакции, ничуть его не смутило.— В колхозе есть хозяин. Если каждый будет приезжать и самовольно вмешиваться в работу, толку не будет.— Немного смягчив тон, он прибавил: — Приехав в колхоз, сначала следует повидаться с председателем.

Я попытался объяснить этому человеку, что жалоба имеет отношение именно к нему и что в этом случае он не может быть арбитром.

— Вы не имеете права писать что-либо без моего согласия! — прервал меня председатель.— Все дела здесь в моих руках. Я отвечаю за колхоз!

— За колхоз вы, может быть, и отвечаете... Но редакция нашей газеты пока ещё не в вашем ведении.

— Не имеете права, сынок,— упрямо повторил он.— Стоит мне сказать несколько слов по телефону, и за это самовольство вы и ваш редактор будете наказаны.

Честно говоря, я на мгновение растерялся, не зная, как пробиться сквозь эту броню упрямства, самоуверенности.

— Ну что же, каждый из нас остаётся при своих убеждениях, — сказал я.— Но это не значит, что нам не о

чем говорить. Я как раз хотел бы узнать ваше мнение по некоторым вопросам.

И мы отправились в правление колхоза.

— Гордячка, не знающая уважения, всезнайка, своенравная! — посыпалось, как из ведра, едва лишь зашла речь о Шукуфе.— Говорят, подняла работу в садике на должный уровень... Чепуха! Что это за «должный уровень»?! Разве раньше был он плох? Взгляните, какое здание выстроили... Да и вообще, почему это без конца должен я слышать: «садик», «садик», «садик»?! Разве для того, чтобы обслуживать только садик создан колхоз! У нас свои обязательства, от нас требуют и хлопок, и коконы, и мясо, и молоко... А вот такие, как она, мешают нашей работе!

— Но ведь если дети ухожены и под присмотром, то и люди будут лучше работать, спокойнее...

Но раис не слушал меня.

— Нам такие не нужны. Наш народ не любит жалобщиков. Скажу честно, для такого человека, как она, в нашем колхозе нет ни места, ни работы!

Как ни странно, но он, кажется, и вправду не видел никакой связи между заботой о детях, отданных в колхозный садик, и между работой их родителей на колхозных полях. В сочетании «колхоз», состоящем из двух слов — «коллективное хозяйство», его интересовало лишь хозяйство и совсем не волновал коллектив, люди. Хлопнув ладонью по столу, показывая, что беседа о Шукуфе окончена, он заключил:

— Есть и другие колхозы, богатые и благоустроенные. А там есть как раз такие садики, которые ей нужны: с

огородами, кроватями, горячей пищей... Вот пусть туда и едет!

Мне оставалось лишь развести руками и насмешливо прибавить:

— Если там не окажется начальника вроде вас...

Под хмурым тяжёлым взглядом, которым уставился он мне в лицо, припомнилось то, что слышал я от людей — «старый он человек». Да не в том смысле, что сам он стар, дело в том, что стиль его работы давно устарел. Как сказал о нем секретарь райкома: «Да, ценим его заслуги, его прежний авторитет. Но и так дело оставлять нельзя... Хорошие, знающие своё дело специалисты бегут из его колхоза».

И вдруг дверь открылась и в кабинет вошел... сам секретарь райкома, которого я только что вспоминал. Я не поверил своим глазам и решил было, что это очень похожий на него человек. Прочитай я о таком совпадении в каком-нибудь рассказе, я подумал бы, что автор сделал сильную натяжку. Но жизнь в натяжке не обвинишь. Это был действительно секретарь.

— Не уходите,— обратился он ко мне, когда после взаимных приветствий я поднялся, чтобы не мешать их беседе.— Расскажите лучше, удалось вам добиться успеха? Помирили их?

— Нет, не удалось,.. Раис не согласен.

Секретарь помолчал, барабаня пальцами по столу.

— Я подыскал для Шукуфы подходящую работу.

Назначим ее председателем сельсовета. Женщина молодая, энергичная... Работяга, чистосердечная, честная. Что скажете на это, раис?

Председатель сидел, склонив голову, Медленно пожав плечами, сказал:

— С этой женщиной я общий язык не найду.

— Лучшего агронома района послал вам, чтоб восстановить былую славу, но и с ним вы не нашли общего языка, председатель. Что случилось с вами? Устали, быть может?

Некоторое время царила тишина. Председатель тяжело покачал головой:

— Что хотите сказать? На пенсию?.. Спасибо... Но... сначала я должен посоветоваться с теми, кто в своё время... доверили мне этот колхоз...

— Зря вы... Просто пришло время, когда мы должны! пересмотреть своё отношение к жизни, должны поставить дело по-другому. Уверен, что у вас хватит сил, чтобы перешагнуть барьер и начать работать по-новому. Не вы первый, не вы последний, кто сталкивается с этим барьером...

Многое говорил ещё секретарь о том, что время идёт вперёд, что руководители должны смотреть по-иному на окружающих их людей, что следует оставить зазнайство и чванство, что следует внимательнее прислушиваться к мнению простых тружеников, чаще советоваться с ними, привлекать их к управлению хозяйством...

Председатель слушал молча, но мне почему-то казалось, что в голове его происходит какая-то работа. «Быть может, не так уж он безнадёжен»,— подумалось мне.

* * *

Назавтра я уезжал. Зашёл в райком попрощаться. Секретарь казался рассеянным и озабоченным.

— Председателя ночью в больницу увезли. Инфаркт.

— Но он же вчера ещё был здоров, как бык!

— Эх, брат, мало вы ещё, значит, повидали. Я-то всякого насмотрелся... Одно скажу: только самые сильные и умные могут перешагнуть через барьеры, которые жизнь ставит. Одни топчутся перед новым, другие прыгают и расшибаются. Вчера мне казалось, что раис что-то понял, что-то сумеет переломить в себе... Не вышло! Эх, как люди привязываются к должностям!

— Когда у человека нет других привязанностей...— начал я тихо и не окончил.

Секретарь внимательно посмотрел на меня и ничего не ответил.

Бахром Фируз

БЫЛА БЫ ОНА МУЖЧИНОЙ

(повести и рассказы)

Художник *В. Манин*

Художественный редактор *У. Аиуоров*

Технический редактор *М. Саидова*

Корректор *Л. Самарина*

ИБ № 509

Сдано в набор 27. 02. 90. Подписано в печать 02. 10. 90.
Формат 84X108V32. Бумага № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл.-печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,676. Уч.-
изд. л. 24,290. Тираж 12000. Заказ 3751. Цена I р. 70 коп.

Издательство «Адиб», 7340(03, Душанбе, ул. Рудаки, 33.

Душанбинский полиграфкомбинат Государственного
комитета Таджикской ССР по печати.

734063, Душанбе ул. Айни, 126.

